

Том 16, № 4. 2024
(октябрь — декабрь)
Сквозной номер выпуска 72
16+

ISSN 2077-3579 (Print)

Vol. 16, No. 4. 2024
(October — December)
Continuous issue 72

**ВЕСТНИК
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**BULLETIN
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE HUMANITIES
BY THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научно-исследо-
вательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005 Российская Федерация
Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, д. 3
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Издается с 2006 года
Периодичность издания — 4 раза в год

Подписной индекс П5572

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution
“The Research Institute
of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia”

EDITORIAL OFFICE:

3 L. Tolstogo Str., Saransk,
Republic of Mordovia 430005,
Russian Federation
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Published since 2006
Periodicity: Quarterly

Subscription index П5572

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru
<http://vestnikniign.ru>

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
допускается только по согласованию с редакцией

© НИИГН, 2024

Научный журнал «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**» является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале, и рубрики, согласно которым осуществляется прием статей: **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС77-39951 от 21.05.2010 г.

Распространение — Россия.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций.

«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
 - 5.6.3. Археология (исторические науки);
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The scholarly journal “**Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia**” is a scientific periodical issued by NIIGN in order to inform the scientific community about the results of studies and to introduce materials of the regional humanitarian sciences into circulation. In this regard, the subjects covered in the journal and the sections to accept articles were determined: ECONOMIC SCIENCES, HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY, PHILOLOGICAL SCIENCES.

All materials submitted to the editorial office of the journal are peer reviewed.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with the international practice of editing, peer reviewing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Registry entry PI No. FS77-39951 dated May 21, 2010.

Distribution — Russia.

The journal provides open access to the full texts of publications.

“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia” is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties and related branches of science should be published:

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences)

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.3. Archaeology (historical sciences)

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)

5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation
(philological sciences)

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia
(philological sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куршева Галина Александровна — главный редактор, директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Чернов Алексей Викторович — заместитель главного редактора, заместитель директора по научной работе НИИГН, кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Зарубина Ольга Владимировна — ответственный секретарь, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Акимова Татьяна Ивановна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Саранск, Россия)

Андреев Валерий Витальевич — главный научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@rus.su (Чебоксары, Россия)

Арискина Ольга Леонидовна — профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Саранск, Россия)

Байнев Валерий Федорович — заведующий научно-исследовательской лабораторией «Комплексные исследования проблем социально-экономического развития» Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Минск, Республика Беларусь)

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Пенза, Россия)

Бельский Алесь Иванович — профессор кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, a_belsky@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Бикейкин Евгений Николаевич — заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Саранск, Россия)

Бурибаева Майнура Абильтяевна — Член Правления — Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Кызылорда, Республика Казахстан)

Бурланков Степан Петрович — профессор кафедры пищевых технологий и биоинженерии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Москва, Россия)

Водясова Любовь Петровна — профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Саранск, Россия)

Володин Виктор Михайлович — профессор кафедры «Социология, экономическая теория и международные процессы» Пензенского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Пенза, Россия)

Гераськина Инна Николаевна — профессор кафедры менеджмента в строительстве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Гусева Татьяна Михайловна — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Загребин Алексей Егорович — исполняющий обязанности директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Москва, Россия)

Зайцева Татьяна Ивановна — заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Ижевск, Россия)

Зеленев Юрий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zeleneev@mail.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Идиатуллин Азат Корбангалиевич — профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ульяновск, Россия)

Ильина Ирина Евгеньевна — директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Москва, Россия)

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Кечемайкин Владимир Николаевич — директор Рузаевского института машиностроения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Саранск, Россия)

Куканова Виктория Васильевна — директор Калмыцкого научного центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Элиста, Россия)

Липатова Людмила Николаевна — профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук,

профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Мосина Наталья Михайловна — профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Саранск, Россия)

Никитина Татьяна Багишевна — главный научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, доктор исторических наук, tshikaeva@yandex.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Никонова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Романов Валерий Васильевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Ставицкий Владимир Вячеславович — профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Пенза, Россия)

Сысова Евгения Александровна — заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Саранск, Россия)

Таймасов Леонид Александрович — профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Тарандо Елена Евгеньевна — профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, кандидат исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Алматы, Республика Казахстан)

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор, 777nursulu@mail.ru (Алматы, Республика Казахстан)

Юрчёнкова Нина Георгиевна — профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Саранск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Galina A. Kursheva — Editor-in-Chief, Director, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey V. Chernov — Deputy Editor-in-Chief, Deputy Director for Scientific Work, NIIGN, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga V. Zarubina — Executive Editor, Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support of Researches, NIIGN, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Tatyana I. Akimova — Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Andreev — Principal Researcher, Professor of Department of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.ru (Cheboksary, Russia)

Olga L. Ariskina — Professor of Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Saransk, Russia)

Valery F. Baynev — Head of Research Laboratory “Complex Studies of Problems of Social and Economic Development”, Belarusian State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Minsk, Republic of Belarus)

Sergey V. Belousov — Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Penza, Russia)

Ales I. Belski — Professor of Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, a_belsky@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Evgeny N. Bikeykin — Deputy Director — Academic Secretary, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga I. Biryukova — Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbiryukova@rambler.ru (Saransk, Russia)

Mainura A. Buribayeva — Member of the Board — Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt Ata Kyzylorda University, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan)

Stepan P. Burlankov — Professor of Department of Food Technologies and Bioengineering, Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, sburl@mail.ru (Moscow, Russia)

Lyubov P. Vodyasova — Professor of Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktor M. Volodin — Professor of Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Penza, Russia)

Inna N. Geraskina — Professor of Department of Management in Construction, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Tatyana M. Guseva — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Dr. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey E. Zagrebina — Acting Director, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Izhevsk, Russia)

Tatyana I. Zaytseva — Head of Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Izhevsk, Russia)

Yury A. Zelenev — Head of Department of General History, Mari State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zelenev@mail.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Azat K. Idiatullov — Professor of Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education, Dr. Sc. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ulyanovsk, Russia)

Irina E. Ilyina — Director, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Moscow, Russia)

Aleksandra M. Katorova — Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Pedagogics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Vladimir N. Kechemaykin — Director of Ruzaevsky Machine Building Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktoriya V. Kukanova — Director, Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Elista, Russia)

Lyudmila N. Lipatova — Professor of Department of Economics, North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Elena K. Mineeva — Professor of Department of National History named after A. V. Arsentieva, I. N. Ulianov Chuvash State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Natalya M. Mosina — Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Saransk, Russia)

Tatyana B. Nikitina — Principal Researcher of Archeology direction, V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Dr. Sc. (History), tshikaeva@yandex.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Lyudmila I. Nikonova — Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Romanov — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ulyanovsk, Russia)

Vladimir V. Stavitskiy — Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Penza, Russia)

Evgeniya A. Sysoeva — Head of Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Saransk, Russia)

Leonid A. Taymasov — Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulianov Chuvash State University. Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Elena E. Tarando — Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Saint Petersburg, Russian Federation)

Mendyganym D. Shaimerdenova — Professor of Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Cand. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nursulu Zh. Shaimerdenova — Executive Director of Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Professor of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, 777nursulu@mail.ru (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nina G. Yurchenkova — Professor of Department of Humanitarian and Special Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Иванов А. А., Федяева Т. П. Источники по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг.	12
Гусева Т. М., Задкова Т. Ю., Першин С. В., Михайлова Е. М. Становление советского здравоохранения (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии)	26
Суханова Н. И. Ленинская идея самоуправляющегося государства трудящихся: теория и практика	38
Зверков Е. А. Советский милиционер в социокультурном пространстве: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья)	48
Учватов П. С., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М. Повседневная работа правительств автономных республик Поволжья в 1937 — 1953 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	61
Лазарева Л. Н. Ленинские «лекала» сталинского этапа догоняющей модернизации	75
Горлов В. Н. Советское телевидение в 1950 — 1970-х гг.: идеологический аспект	86
Гусева Т. М., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Учватов П. С. Динамика культурно-просветительных учреждений Мордовии в 1950 — 1980 гг.	99
Маслов Д. В. Личность и деятельность В. И. Ленина как предмет научного изучения	111
Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Першин С. В., Учватов П. С. Театр в системе культуры и общественной жизни Мордовии (середина 1980-х — 1990-е гг.): тенденции и динамика	120
Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В., Шкердина Н. О., Щукин Д. С. Отражение региональной культурной политики в СМИ Республики Мордовия: диалог власти и общества (по итогам 2023 г.)	134
Куршинова Л. Н., Рункова Е. С. Социальное самочувствие армянской диаспоры, проживающей в Республике Мордовия	148
Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Балтийский след в формировании населения Мещёры	163

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каторова А. М. Пушкинское слово на мордовских языках: история публикаций, переводчики, варианты переводов	181
Левин Н. В., Антонова В. И., Мамаева Ю. А. Структурно-содержательное своеобразие творческого наследия В. И. Дёмина	201
Шеянова С. В. Мотивно-образный кластер «времена года» в эрзянской женской лирике	213

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Сморodin К. В., Лаптева И. В., Дадаева Т. М., Червячкова Т. Н. Круглый стол «Русский язык в поликультурном пространстве»	226
Учватов П. С., Зоркова Н. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.»	235
Охотина Т. Н. Меты в материальной культуре мордовского народа	238
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в 2024 г.	246

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Ivanov A. A., Fedyaeva T. P. Sources on the History of the Peasant Movement on the Mari Territory in 1917 — 1921	12
Guseva T. M., Zadkova T. Yu., Pershin S. V., Mikhailova E. M. The Formation of Soviet Healthcare (On the Example of Temnikovsky District of Tambov Province)	26
Sukhanova N. I. Lenin's Idea of a Self-Governing Workers' State: Theory and Practice	38
Zverkov E. A. The Soviet Policeman in the Socio-Cultural Space: 1920 — 1941 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region)	48
Uchvatov P. S., Kursheva G. A., Bikeikin E. N., Guseva T. M. The Daily Work of the Governments of the Autonomous Republics of the Volga Region in 1937 — 1953 (Based on the Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR)	61
Lazareva L. N. Lenin's "Patterns" of the Stalinist Stage of Catching up Modernization	75
Gorlov V. N. Soviet Television in the 1950 — 1970s: an Ideological Aspect	86
Guseva T. M., Kursheva G. A., Bikeikin E. N., Uchvatov P. S. Dynamics of Cultural and Educational Institutions of Mordovia in 1950 — 1980	99
Maslov D. V. Personality and Activity of V. I. Lenin as a Subject of Scientific Study	111
Kursheva G. A., Bikeikin E. N., Pershin S. V., Uchvatov P. S. Theater in the System of Culture and Public Life of Mordovia (Mid 1980s — 1990s): Trends and Dynamics	120
Pivtsaikina O. A., Sulдина L. V., Shkerdina N. O., Shchukin D. S. Reflection of Regional Cultural Policy in the Media of the Republic of Mordovia: Dialogue of Authority and Society (Based on the Results of 2023)	134
Kuryshova L. N., Runkova E. S. Social Well-being of the Armenian Diaspora Living in the Republic of Mordovia	148
Gavrilov A. P., Semenov A. S. The Baltic Trail in the Formation of the Population of Meshchera	163

PHILOLOGICAL SCIENCES

Katorova A. M. Pushkin's Word in the Mordovian Languages: Publication History, Translators, Translation Options	181
Levin N. V., Antonova V. I., Mamaeva Yu. A. Structural and Substantive Originality of V. I. Demin's Creative Heritage	201
Sheyanova S. V. The Motive-Shaped Cluster "Seasons" in the Erzya Women's Lyrics	213

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Smorodin K. V., Lapteva I. V., Dadaeva T. M., Chervyachkova T. N. Round Table "Russian Language in the Multicultural Space"	226
Uchvatov P. S., Zorkova N. N. All-Russian Scientific and Practical Conference "The Great War and the Russian Province. 1914 — 1918"	235
Okhotina T. N. Dreams in the Material Culture of the Mordovian People	238
Alphabetical Index of Materials, Published in 2024	246

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 94(47)084.3(003)
EDN VKIJRV

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАРИЙСКОМ КРАЕ В 1917 — 1921 гг.

А. А. Иванов¹, Т. П. Федяева²✉

¹ Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия

² Отдел по делам архивов (муниципальный архив) Администрации Надымского района,
г. Надым, Россия

✉ do_fedyeva@mail.ru

Аннотация

Введение. Социально-экономические и общественно-политические изменения 1917 г. и первых лет советской власти изменили облик Российского государства. На фоне нововведений в области земельной и продовольственной политики в стране развернулось масштабное крестьянское движение. В советский период российской истории вопросы выступления хлебопашцев в научной литературе почти не затрагивались. После распада СССР, снятия идеологических рамок данная проблема оформилась в самостоятельную тему для исследований, что стало возможным благодаря открытию архивов, выявлению и публикации архивных документов, раскрывающих истинные причины, ход и последствия выступлений земледельцев. Активное изучение в настоящее время проблемы крестьянского движения в Марийском крае требует систематизации выявленных материалов.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах историзма и объективности. Применены историко-сравнительный, историко-типологический, проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье дан обзор опубликованных и неопубликованных источников по истории крестьянского движения в крае в 1917 — 1921 гг. Кроме того, проанализированы материалы периодических изданий и мемуарная литература.

Заключение. Архивные материалы представлены документами органов власти и коммунистической партии государственных архивов республик Марий Эл и Татарстан, Центрального государственного архива Кировской области. Наиболее содержательными являются аналитические сводки, собранные по линиям информационно-инструкторских подотделов, политпросветов, чрезвычайных комиссий, материалы следственных действий силовых структур. В многочисленных сборниках были опубликованы ранее неизвестные документы о крестьянском сопротивлении политике большевиков в деревне, о развитии земельных отношений в первые

© Иванов А. А., Федяева Т. П., 2024

годы советской власти. В газетах Марийского края и Вятской губернии 1917 — 1921 гг. нашли отражение некоторые сюжеты о реализации политики «военного коммунизма».

Ключевые слова: крестьянство, крестьянское движение, политика «военного коммунизма», крестьянские волнения, источники, архивные документы, документальные публикации, периодическая печать, мемуары

Для цитирования: Иванов А. А., Федяева Т. П. Источники по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 12 — 25. EDN VKIJRV

Original article

SOURCES ON THE HISTORY OF THE PEASANT MOVEMENT ON THE MARI TERRITORY IN 1917 — 1921

A. A. Ivanov¹, T. P. Fedyaeva²✉

¹ Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

² Department of Archives (Municipal Archive) of the Administration
of the Nadymsky district,
Nadym, Russia

✉do_fedyaeva@mail.ru

Abstract

Introduction. The socio-economic and socio-political changes of 1917 and the first years of Soviet power changed the face of the Russian state. Against the background of innovations in the field of land and food policy, a large-scale peasant movement has unfolded in the country. In the Soviet period of Russian history, the performance of farmers became quite an important issue. After the collapse of the USSR, the removal of the ideological framework, this problem took shape into an independent topic for research, which became possible thanks to the opening of archives, the identification and publication of archival documents revealing the true causes, course and consequences of farmers' speeches. The active study of the problem of the peasant movement in the Mari Region currently requires the systematization of the identified materials.

Materials and methods. The research is based on the principles of historicism and objectivity. Historical-comparative, historical-typological, problem-chronological methods are applied in the article.

Results and discussion. The article provides an overview of published and unpublished sources on the history of the peasant movement in the region during 1917 — 1921. The materials of archival documents of periodicals and memoir literature are analyzed.

Conclusion. Archival materials are presented by documents of the authorities and the Communist Party of the State Archives of the Republics of Mari El and Tatarstan, the Central State Archive of the Kirov region. The most informative are analytical reports collected along the lines of information and instructional sub-departments, political circles, emergency commissions, materials of investigative actions of law enforcement agencies. Previously unknown documents on peasant resistance to Bolshevik policies in the countryside and on the development of land relations in the early years of Soviet power were published in numerous collections. In the newspapers of the Mari Territory and Vyatka province in 1917 — 1921, some stories about the implementation of the policy of “war communism” were reflected.

Keywords: peasantry, peasant movement, the policy of “war communism”, peasant unrest, sources, archival documents, documentary publications, periodicals, memoirs

For citation: Ivanov AA, Fedyayeva TP. Sources on the History of the Peasant Movement on the Mari Territory in 1917 — 1921. Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2024;16(4):12—25. EDN VKIJRV

Введение

1917 г. стал переломным в истории Российского государства. С февраля страна встала на путь трансформации социально-экономического и общественно-политического устройства. Началась борьба за власть между прежде оппозиционными политическими силами, каждая из которых имела программу действий и свое видение развития страны. Изменение государственного строя и формирование Временного правительства не смогли стабилизировать политическую ситуацию. Общество ждало радикальных перемен, сельское население как основную его часть особо беспокоило решение вопросов о земле и продовольствии («хлебе»).

После февральского этапа революции крестьянство приступило к активным действиям по исполнению своей давней мечты — «свободного труда на свободной земле» [4, с. 31]. С марта хлебопашцы по всей стране начали захватывать земли и вводить их в сельскохозяйственный оборот. Принятие Декрета о земле в октябре 1917 г. и Основного закона о социализации земли в январе 1918 г. лишь укрепило в сознании крестьян их исконное право на землю. К моменту подтверждения советской властью хлебной монополии в мае 1918 г. земледелец чувствовал себя полноценным хозяином деревни. После того как власть заявила право на конечный продукт его труда, крестьянство стало сопротивляться грабительской политике большевиков на селе. Это вылилось как в открытые столкновения между крестьянами и властью, так и в различные варианты пассивного сопротивления распоряжениям новой власти. В отечественной историографии на протяжении длительного времени выступления сельского населения назывались контрреволюционными, а их причины рассматривались исключительно в рамках классовой борьбы. Истинных причин волнений, лежавших в экономико-социальной плоскости, никто не называл. Такое положение дел длилось до начала 1990-х гг., пока проблема крестьянского движения в России в годы революции и Гражданской войны не стала самостоятельной темой исследований [1; 17; 20; 21; 24; 26; 33].

Материалы и методы

Материалами для исследования выступили опубликованные и неопубликованные источники по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг. Неопубликованные источники представлены архивными документами государственных архивов Республики Марий Эл и Республики Татарстан, Центрального государственного архива Кировской области.

Работа базируется на принципах историзма и достоверности, критическом подходе к отбору материалов для исследования. Проблемно-хронологический метод способствовал определению закономерности между развитием историографических (концептуальных) традиций по проблеме крестьянского движения в России и интенсивностью выявления различного вида источников по указанной проблеме. Историко-сравнительный и историко-типологический методы позволили сгруппировать и проанализировать источники с точки зрения их информационного наполнения и векторов изучения крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг.

Обзор литературы

Изучение источников по истории крестьянского движения в годы революции и Гражданской войны в основном проводилось по двум направлениям: проблема отбора и публикации материалов, обзор и анализ выявленных источников. Оба эти направления являлись предметом исследования историка-аграрника В. П. Данилова. Результаты его научных изысканий представлены рядом материалов [3], включая обширные вводные статьи, подготовленные при участии В. В. Кондрашина, к сборникам документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы»¹ и «Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922. Документы и материалы»². Информационная составляющая источников рассматривалась в работах В. В. Кабанова [16] и Д. А. Сафонова [25].

А. А. Иванов, изучая источники по истории крестьянства Среднего Поволжья первой четверти XX в. [5; 8; 10], уделил особое внимание Марийскому краю [7], отдельно рассмотрев (совместно с С. В. Стариковым) документальные публикации о деятельности органов крестьянского представительства в 1917 — 1918 гг. [11] как важнейших элементов крестьянского движения периода революции. Д. С. Сайсанов проанализировал документы о выступлениях хлебопашцев, выявленные в государственных архивах Республики Марий Эл, Чувашской Республики и Кировской области [22; 23]. Вопросы археографии по теме крестьянского движения частично затронули А. А. Иванов и Т. П. Федяева [14]. Несмотря на достигнутые результаты, активное изучение в последние десятилетия проблемы крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг. требует обобщения вновь выявленных материалов.

Результаты исследования и их обсуждение

Источники по изучению крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг. достаточно обширны и включают в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, материалы периодических изданий и мемуары. Архивные документы по обозначенной теме представлены материалами делопроизводства органов власти, включая губернские, областные, уездные, волостные и сельские Советы и их исполнительные комитеты, информационно-аналитические, финансово-экономические, военные и правоохранительные структуры, партийные и общественные объединения. Особо ценными являются сохранившиеся крестьянские наказания и приговоры, которые принимались хлебопашцами в ходе сельских сходов и собраний с целью быть услышанными действующей властью. Например, доклад депутата Моркинской волости Царевококшайского уезда И. Н. Коведяева на заседании крестьянской секции Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Казанской губернии в мае 1917 г., составленный на основе решений сельских сходов, описывает быт малоземельных крестьян, предложения по использованию частновладельческих земель, улучшению жизни крестьян — смолокурян,

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 — 1939: Док. и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918 — 1922. М.: РОССПЭН, 1998. С. 7 — 58.

² Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922: Док. и материалы / под. ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5 — 32.

включая бесплатную рыбную ловлю и охоту в казенных лесах³. Доклады представителей марийских волостей Уржумского уезда на VII съезде Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов в июле 1920 г. предают огласке проблемы деревни, накопившиеся и нерешенные за годы политики «военного коммунизма»⁴.

Организационно-распорядительные документы губернских, областных, уездных, волостных, сельских Советов и исполкомов, их структурных подразделений большей частью транслируют внутреннее положение деревни с некоторыми вкраплениями сюжетов о крестьянских волнениях. Так, доклад Вараксинского волостного совета весной 1919 г. констатировал противоречия, заложенные в законе о социализации земли, и незавершенность решения аграрного вопроса в условиях малоземелья, что способствовало разрухе в деревне⁵. Телеграммы Козьмодемьянского уездного исполкома в Казанский губсовдеп и Казанского губернского информационно-инструкторского подотдела в НКВД в январе — феврале 1919 г. фиксировали «брожение» населения Сундырской, Янгильдинской и Мало-Карачкинской волостей, выразившееся в отказе от выполнения военных и продовольственных нарядов⁶.

Высокой степенью содержательности отличаются информационно-аналитические сводки и отчеты инструкторов-агитаторов информационно-инструкторских подотделов при отделах управления исполкомов. Указанные документы включают сведения о настроении населения, формировании новых общественных реалий, непосредственном участии агитаторов в реализации советских законов. Через информационно-инструкторский подотдел была доведена информация до Царевококшайского уездного исполкома о тревожном политическом положении в Кулле-Киминской волости на почве отсутствия хлеба⁷. Отчет инструктора-агитатора Полевщикова описывает в малейших подробностях начало Сотнурского восстания в октябре 1919 г.⁸

Похожие информационные сводки о политической жизни в деревне собирались по линии политико-просветительских отделов. Выявленные заполненные анкеты волполитпросветов Краснококшайского кантона за март — июль 1921 г. повествуют о недовольстве советской властью на фоне острого продовольственного кризиса, распространении слухов об объявлении Японией войны Советской России и скорой мобилизации населения в возрасте 17 — 30 лет, а также об обвинении коммунистов в установившейся засухе в Марийском крае, ввиду их антирелигиозности⁹.

³ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 — 4.

⁴ ЦГА КО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-3454. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 4 об., 5, 6.

⁵ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 140 б. Л. 24, 24 об., 25.

⁶ ГА РТ. Ф. Р-116. Оп. 19. Д. 1. Л. 26, 46.

⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 5. Д. 6. Л. 42, 42 об.

⁸ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 17. Л. 6, 7.

⁹ Там же. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 — 23 об.

Архивные документы военных и правоохранительных структур дают более подробные сведения о крестьянских выступлениях. Особенно четко воспроизводят причины и ход волнения материалы дознаний участников и очевидцев событий, полученные в ходе следственных действий. В фонде Краснококшайского уездного революционного трибунала отдела юстиции исполкома сохранились документы о перераспределении земли весной 1918 г., череде погромов хлебных амбаров весной — летом 1921 г. в Себе-Усадской, Кумужьяльской, Моркинской волостях¹⁰. В фондах Краснококшайской кантонной уголовно-следственной комиссии¹¹ и отдела юстиции исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Марийской автономной области¹² имеются свидетельства о восстании хлебопашцев в Сотнурской волости в октябре 1919 г. О действиях «банд» в Козьмодемьянском кантоне в 1921 г. рассказывают документы Козьмодемьянского взвода частей особого назначения¹³. Информационные сводки Вятской губернской чрезвычайной комиссии весны — лета 1919 г. повествуют о волнениях сельского населения в с. Параньга и д. Читово, поддержке населением Токтай-Белякской, Новоторьяльской, Ирмучашской, Сернурской волостей Уржумского уезда дезертиров, скрывавшихся в местных лесах, раскрытии заговора «зажиточного» населения Конганурской волости¹⁴.

Организационно-распорядительная и отчетная документация партийных органов содержит данные о выступлениях сельского населения в Кшкловской волости в марте 1919 г., Сотнурской волости в октябре 1919 г.¹⁵, Кадамской волости в январе 1920 г.¹⁶, Косолаповской волости в мае 1921 г.¹⁷, осажении хлебопашцами Токтай-Белякского волостного продовольственного отдела в мае 1920 г.¹⁸ Помимо информации о волнениях в них приводятся детали партийной работы в деревне, оценки деятельности исполкомов, предложения по урегулированию продовольственного вопроса в Марийской автономной области¹⁹. Фонды по истории коммунистической партии повествуют о революционной борьбе населения, «черном переделе» земли, организации комитетов бедноты на территории Марийского края осенью 1918 г., взимании революционного налога с жителей края, действии комитета общественного спасения в Моркинской волости в 1918 г., «Степановском» мятеже летом 1918 г., восстании в деревне Княжна в сентябре 1918 г.²⁰, рекомендациях по решению вопроса о земле,

¹⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об, 2; Д. 2. Л. 3, 4; Д. 9. Л. 4, 11, 17, 17 об., 18, 18 об., 28, 29.

¹¹ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 17. Л. 6, 6 об., 9, 9 об., 10 об., 11, 11 об., 12, 14, 15, 26, 26 об., 27, 27 об., 28, 28 об.

¹² Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 4. Л. 25, 34, 95, 97, 97 об., 161, 161 об., 179.

¹³ Там же. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 40, 42; Д. 5. Л. 4 об.

¹⁴ ЦГА КО. Ф. Р-876. Оп. 2. Д. 29. Л. 39 об., 40, 104, 121, 149.

¹⁵ ГА РМЭ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 9. Л. 15, 43.

¹⁶ ЦГА КО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

¹⁷ ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 30, 35, 36.

¹⁸ ЦГА КО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 104. Л. 57.

¹⁹ ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 23, 24, 35, 36; Д. 37. Л. 38; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 11 — 14; Ф. П-4. Оп. 1. Д. 7. Л. 55, 56; ЦГА КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 72. Л. 54; Д. 251. Л. 75; Д. 429. Л. 47.

²⁰ Там же. Ф. П-95. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; Д. 8. Л. 1, 80 — 82, 84; Д. 9. Л. 38, 49, 224, 225; Д. 15. Л. 18, 19; Д. 28. Л. 15; Д. 34. Л. 64, 65, 68, 69.

оценке морального облика местных ячеек коммунистов, деятельности партии в деревне²¹. В материалах истпарта Вятского губернского комитета партии представлены уникальные картограммы политического настроения населения ряда уездов и волостей Вятской губернии зимой — весной 1919 г.²²

Архивные документы в значительной степени дополняются опубликованными документальными материалами. В советский период массово издавались сборники документов, посвященные революционной борьбе 1917 г. и установлению советской власти на местах. В 1927 г. под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева вышел первый из них — «Крестьянское движение в 1917 году», в который вошли сведения по регионам страны о происшествиях, правонарушениях и об общем положении дел на местах, поступивших в Главное управление по делам милиции за июль — октябрь 1917 г. В сборнике отражены факты о сопротивлении населения Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов, с. Параньга Уржумского уезда хлебной монополии, в том числе об упразднении продовольственных и земельных комитетов, захвате земли, лугов, инвентаря и расхищении леса²³.

В опубликованных материалах по установлению советской власти в Вятской губернии приведены документы о разгроме Конганурской волостной продовольственной управы в ноябре 1917 г., хлебозаготовках в Уржумском уезде в первой половине 1918 г., работе продотрядов в этом же уезде летом 1918 г., в том числе доклад инструктора-практиканта Наркомпрода о несоблюдении жителями с. Параньга хлебной монополии²⁴. В аналогичном сборнике по Марийскому краю обнародованы данные о выступлении крестьян Петриковской волости Царевококшайского уезда в июне 1918 г. и дублируется вышеуказанный доклад инструктора-практиканта Наркомпрода²⁵.

В 1990-е гг. окончательно оформилась теория крестьянской революции в России. Крестьянское движение перестало трактоваться исключительно как контрреволюционное и начинает рассматриваться как комплексное явление, в основе которого лежали социально-экономические и общественно-политические изменения, происходившие с начала пореформенного периода и особенно в 1917 — 1921 гг. Выявление и публикация источников начали проводиться по нескольким направлениям.

Первое направление — публикация архивных документов, непосредственно раскрывающих хронику и содержание выступлений сельского населения Марийского края в годы революции и Гражданской войны. Так, в свет вышли материалы о восстаниях селян в Емангашской волости в ноябре 1918 г. [2], Шиньшинской волости в сентябре 1919 г. [13] и Сотнурской волости в октябре 1919 г. [29]. Имеются публикации об участии марийских волостей в крестьянском восстании 1921 г. в

²¹ ЦГА КО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 109. Л. 5; Д. 110. Л. 26; Д. 121. Л. 4; Д. 145. Л. 27, 32.

²² Там же. Д. 178. Л. 1, 2, 5.

²³ Крестьянское движение в 1917 году: сб. док. / под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М., 1927. С. 157 — 158, 220 — 222, 251, 278, 279, 332 — 333.

²⁴ Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: сб. док. Киров, 1957. С. 223, 518 — 520, 530, 535.

²⁵ Установление Советской власти в Марийском крае: сб. док. / под ред. А. В. Хлебникова. Йошкар-Ола, 1970. С. 137, 146.

Чувашии²⁶ и в «Степановском мятеже» на территории Вятской губернии²⁷. В ходе работы над научно-исследовательским проектом «Крестьянская революция в России. 1902 — 1922 гг.» вышли в свет несколько сборников документов и материалов по крестьянским восстаниям в России под редакцией историков-аграрников В. П. Данилова и Т. Шанина. В сборнике документов «Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922» опубликованы сведения о восстании крестьян Помарской волости в октябре 1919 г.²⁸ Книга «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы» содержит информационные материалы о положении в деревне, поступившие с мест по линии ВЧК–НКВД. В них отражены сведения о введении военного положения в Новоторъяльской волости Уржумского уезда в марте 1919 г.²⁹ Информационные сводки не только дают представление о волнениях хлебопашцев, но и характеризуют их причины, социально-экономическое и политическое положение населения. На региональном уровне опубликован ряд подобных материалов по линии чрезвычайкома и политпросветов, раскрывающие положение Марийской автономной области после перехода к НЭПу [9; 12].

В рамках второго направления введены в научный оборот источники, характеризующие внутреннее состояние крестьянской среды и ее восприимчивость к общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям советской власти. Весьма показательными в этом отношении являются документы по земельному вопросу, которые демонстрируют реализацию на практике Декрета о земле и Основного закона о социализации земли через призму общинного права и трансформацию общинных устоев, противостоявших искусственному расслоению крестьянства, спускаемому сверху³⁰. Опубликованные материалы съездов крестьянских депутатов характеризуют ожидание хлебопашцев от вновь образованных советских органов управления и реальность, с которой им пришлось столкнуться при работе в них, органично дополняют мировоззренческую картину бытия сельского населения³¹ [6].

В документальных публикациях, посвященных деятельности революционного комитета Марийской автономной области³² и голоду 1921 — 1922 гг.³³, наглядно

²⁶ Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. док. / сост. Е. В. Касимов. Чебоксары, 2009. 416 с.

²⁷ Степановский мятеж в документах и воспоминаниях: сб. док. и воспоминаний / сост. Д. Козак. Киров, 2018. 504 с.

²⁸ Крестьянское движение в Поволжье... С. 306 — 307.

²⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 124.

³⁰ Община в аграрной революции: документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918 — 1922 гг.) / сост. А. А. Иванов. Йошкар-Ола, 2005. 372 с.; Первая советская весна в деревне. Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 году: док. и материалы / сост. А. А. Иванов. Йошкар-Ола, 2002. 410 с.

³¹ Революция 1917 — 1918 гг. в Марийском крае (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 1: Царевококшайский уезд / отв. ред.: А. А. Иванов, С. В. Стариков; сост. А. А. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. 232 с.; Революция 1917 — 1918 гг. в Марийском крае (по материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 2: Козьмодемьянский уезд / отв. ред. А. А. Иванов, С. В. Стариков; сост. А. А. Иванов. Йошкар-Ола, 2007. 148 с.

³² Революционный комитет Марийской автономной области, 1920 — 1921 гг.: сб. док. Йошкар-Ола, 2020. 416 с.

³³ Голод в Марийской автономной области в первой половине 1920-х гг.: док. и материалы. Йошкар-Ола, 2020. 542 с.

представлена картина последствий политики «военного коммунизма» и аппаратной борьбы за продовольствие, которая показала несовершенство заготовительно-распределительной системы первых лет советской власти, в том числе определения размеров разверсток по территориям.

Из источников мемуарного характера необходимо выделить воспоминания участников и очевидцев революции и Гражданской войны. В сборнике воспоминаний «За власть Советов», посвященном 40-летию данных событий, упоминается сопротивление хлебопашцев Петриковской волости хлебной монополии³⁴. В более поздних воспоминаниях и историко-документальных очерках фигурирует лишь восстание в д. Княжна (сентябрь 1918 г.) как наиболее яркий и трагический сюжет самоотверженной борьбы за советскую власть³⁵.

Следующая группа источников — материалы периодической печати. Период 1917 — 1921 гг., применительно к территории Марийского края, представлен губернскими и уездными казанскими, вятскими, нижегородскими изданиями, выпускавшимися различными общественными, партийными и государственными структурами. Информация о крестьянских выступлениях по материалам периодики, как правило, скупая и односторонняя. Однако при этом именно из них мы узнаем о волнении в с. Еласы Козьмодемьянского уезда в мае 1918 г.³⁶, Емангашском восстании в ноябре 1918 г.³⁷, выступлении крестьян Кадамской волости в январе 1920 г.³⁸ Более содержательны материалы при показе повседневной жизни сельского социума. Например, газета «Известия Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» от октября — ноября 1918 г. содержит в себе информацию о многообразных сторонах жизни пореволюционной деревни (деятельности советов и комитетов деревенской бедноты, налогах, земельных отношениях, кооперации и т. д.). В газете «Вятская правда» приводятся факты о «Степановском мятеже» в 1918 г.³⁹, в «Уржумской крестьянской газете» — крестьянских волнениях в с. Косолапово и с. Параньга Уржумского уезда⁴⁰, в «Голосе трудового народа» — перевыборах в волостные и сельские советы⁴¹, в газетах «Известия Вятского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» и «Крестьянин-коммунист» дается информация об отношении населения к фискальной политике большевиков⁴².

³⁴ За власть Советов: сб. воспоминаний / под ред. А. Н. Грачева. Йошкар-Ола, 1957. С. 23.

³⁵ За власть Советов: сб. воспоминаний участников Великой Окт. соц. революции и гражд. войны 1918 — 1920 гг. / под ред. В. Ф. Пашукова. Йошкар-Ола, 1978. С. 87 — 88; Народ их помнит: док. очерки / сост.: М. И. Исиметов, М. Т. Сергеев. Йошкар-Ола, 1982. С. 166 — 171; Савинов С. С. Мужество: ист.-док. очерк. Йошкар-Ола, 1983. С. 152 — 210.

³⁶ Марийская правда. 1957. 21 мая.

³⁷ Ленин корны. 1992. 25 февр.; Марийская правда. 1963. 3 нояб.

³⁸ Марийская правда. 1967. 10 июня.

³⁹ Вятская правда. 1920. 7 нояб.

⁴⁰ Уржумская крестьянская газета. 1917. 12 июля, 26 авг.

⁴¹ Голос трудового народа. 1919. 22 янв., 2 февр.

⁴² Известия Вятского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 авг.; 1919. 8 марта; Крестьянин-коммунист. 1919. 21 марта, 28 марта.

Заключение

Интенсивность выявления, изучения и публикации источников по проблеме крестьянского движения в России в годы революции и Гражданской войны неразрывно связана с развитием историографических традиций. В советский период упор делался на эволюцию классово-борьбы в деревне, а крестьянское движение как комплексное явление рассматривалось лишь в период подготовки и проведения Великой российской революции. Многие материалы, касающиеся выступлений сельского населения, были недоступны для исследователей. На современном, российском, этапе становления историографии в связи со снятием идеологических рамок и изменениями в архивном законодательстве исследователи получили неограниченный доступ в архивы, что вызвало резкий рост интереса к непосредственным историческим свидетельствам («архивная революция»), который позволил значительно увеличить количество археографических и источниковедческих изысканий по проблеме крестьянского движения в России в 1917 — 1921 гг., в том числе по отдельным ее регионам. Опубликовано большое количество неизвестных ранее документов, многие находятся в процессе ввода в научный оборот. Это обстоятельство позволяет не только расширить круг доступных исторических свидетельств, но и стать залогом продолжающегося роста конкретно-исторических исследований [15; 18; 19; 24; 27; 28; 30; 31; 34].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабашкин В. В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 84 — 94.
2. Беляков А., Дегтева О., Сенюткина О., Смирнов С. Политические репрессии в Нижегородской области. Нижний Новгород; М.: Изд-во МНЭПУ, 2017. 560 с.
3. Данилов В. П. Проблемы отбора и публикации рассекреченных документов по истории советского крестьянства // *Проблемы публикации документов по истории России XX века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. науч. и арх. работников (1 — 2 июня 1999 г., Москва)*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 63 — 70.
4. Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.): материалы Междунар. конф. (14 — 15 июня 1994 г., Москва)*. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22 — 39.
5. Иванов А. А. Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов: источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010. 288 с.
6. Иванов А. А. «В некоторых селениях есть по два комитета, т. е. селенный и бедноты...» (Новый документ по истории аграрной революции в Марийском крае) // *Марийский архивный ежегодник*. 2004. С. 200 — 206.
7. Иванов А. А. Документальные публикации по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1918 — 1921 годах // *Марийский археографический вестник*. 2011. № 21. С. 248 — 255.
8. Иванов А. А. Источники по истории крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья конца XIX — первой трети XX века: в 2 ч. Ч. 1: Исследования. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2017. 532 с.
9. Иванов А. А. Марийская автономная область после перехода к НЭПу (по материалам информационных сводок областной чрезвычайной комиссии) // *Марийский археографический вестник*. 2012. № 22. С. 193 — 211.

10. Иванов А. А. Царевококшайск и Царевококшайский уезд в Российской революции 1917 — 1918 гг.: (обзор док. публикаций) // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 201 — 207.

11. Иванов А. А., Стариков С. В. Документальные публикации по истории органов крестьянского представительства в Марийском крае в 1917 — 1918 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 39 — 47.

12. Иванов А. А., Федяева Т. П. Анкеты волполитпросветов о политическом положении в деревне Марийской автономной области в 1921 г. // Марийский археографический вестник. 2014. № 24. С. 187 — 197.

13. Иванов А. А., Федяева Т. П. Крестьянское восстание в Шиньшинской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии в сентябре 1919 года // Марийский археографический вестник. 2021. № 31. С. 159 — 174.

14. Иванов А. А., Федяева Т. П. Крестьянское движение в Марийском крае в период гражданской войны 1918 — 1921 годов (проблемы историографии и археографии) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 14 — 22.

15. Иванов А. А., Федяева Т. П. Крестьянство на пороге перемен: февраль 1917 — июнь 1918 гг. (по материалам Марийского края) // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2021. № 1. С. 9 — 21.

16. Кабанов В. В. Документальные публикации по аграрной истории советского общества (1917 — 1922 гг.) // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 8 — 22.

17. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1921 гг. глазами повстанцев // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (28 — 29 марта 2001 г., Оренбург): в 3 ч. Оренбург: ОГПУ, 2001. Ч. 2. С. 60 — 67.

18. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / под ред. В. В. Кондрашина, В. А. Юрчёнкова. М.; Саранск: НИИГН, 2017. 1048 с.

19. Николашин В. П. Тамбовская деревня 1917 — 1918 годах: между реформой и восстанием // История: факты и символы. 2017. № 3. С. 160 — 167.

20. Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства: сб. ст. М.: РГГУ, 1996. С. 90 — 161.

21. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество — История, 1997. 270 с.

22. Сайсанов Д. С. Источники по истории крестьянских восстаний в Марийском крае в период «военного коммунизма» (1918 — 1921 гг.) // Источники и проблемы источниковедения истории Марий Эл: материалы докл. и сообщений респ. науч. конф. (27 нояб. 1996 г. Йошкар-Ола). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1997. С. 64 — 66.

23. Сайсанов Д. С. Период «военного коммунизма» в документах Государственного архива Республики Марий Эл // Историческая наука и архивы: материалы науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: ГА РМЭ, 1997. С. 36 — 38.

24. Сайсанов Д. С., Шингарев Б. Ш. Крестьянские восстания в южных уездах Вятской губернии в 1918 году // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 119 — 136.

25. Сафонов Д. А. К проблеме информационных уровней в источниках, «исходящих от властей», по крестьянскому повстанчеству начала 1920-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 154 — 164.

26. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855 — 1922 гг. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 308 с.

27. Соколов К. И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 254 с.

28. Сухова О. А. Эволюция бунта: массовые формы протеста в российской деревне в период революции 1917 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 46 — 54. URL: <https://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf>

29. Федяева Т. П. Крестьянское восстание в Сотнурской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии в октябре 1919 г. // *Марийский археографический вестник*. 2023. № 33. С. 152 — 164.

30. Федяева Т. П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1920 — 1921 гг. // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 1. С. 69 — 79. URL: <https://vestnikniign.ru/V-1-2022-st09>

31. Цысь В. В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса. Нижневартовск: НВГУ, 2018. 285 с.

32. Юрчёнков В. А. Крестьянство и власть (1917 — весна 1918 г.): уровень волости // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2015. № 3. С. 55 — 77. URL: <https://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf>

33. Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918 — 1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб: Дмитрий Буланин, 1999. 168 с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

Информация об авторах:

Алексей Ананьевич Иванов, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7521-8157>, ivanov.al.1974@bk.ru

Татьяна Павловна Федяева, начальник отдела по делам архивов (муниципальный архив) Администрации Надымского района (629736, Россия, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Надым, п. Лесной, 20), кандидат исторических наук, do_fedyaeva@mail.ru

Вклад авторов:

Иванов А. А. — критический анализ, научное редактирование текста;

Федяева Т. П. — разработка концепции, сбор и анализ материалов, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Babashkin VV. The Peasant Revolution in Russia and the Concepts of Agrarian Development. *Social sciences and modernity*. 1998;(2):84—94. (In Russ.)

2. Belyakov A, Degteva O, Senyutkina O, Smirnov S. Political Repressions in the Nizhny Novgorod Region. Moscow;Nizhny Novgorod;2017. (In Russ.)

3. Danilov VP. Problems of Selection and Publication of Declassified Documents on the History of the Soviet Peasantry. *Problems of Publication of Documents on the History of Russia of the XX Century*. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Scientific and Archival Workers. Moscow;2001:63—70. (In Russ.)

4. Danilov VP, Danilova LV. Peasant Mentality and Community. *Mentality and Agrarian Development of Russia (XIX — XX Centuries)*. Moscow;1996:22—39. (In Russ.)

5. Ivanov AA. Agrarian Transformations in Russia in 1917 — Early 1920s: Source Studies (Based on Materials from the Middle Volga Region and the Urals). Yoshkar-Ola;2010. (In Russ.)

6. Ivanov AA. "In Some Villages there are Two Committees, i. e. the Village and the Poor ..." (A New Document on the History of the Agrarian Revolution in the Mary Territory). *Mary Archival Yearbook*. 2004:200—206. (In Russ.)
7. Ivanov AA. Documentary Publications on the History of the Peasant Movement in the Mary Territory in 1918 — 1921. *Mary Archeographic Bulletin*. 2011;(21):248—255. (In Russ.)
8. Ivanov AA. Sources on the History of the Peasantry of the Middle Volga Region and the Urals at the End of the XIX — First Third of the XX Century. Part I. Researches. Yoshkar-Ola;2017. (In Russ.)
9. Ivanov AA. Mary Autonomous Region After the Transition to the NEP (Based on the Materials of Information Reports of the Regional Emergency Commission). *Mary Archeographic Bulletin*. 2012;(22):193—211. (In Russ.)
10. Ivanov AA. Tsarevokokshaysk and Tsarevokokshaysky Uyezd in the Russian Revolution of 1917 — 1918 (Review of Documentary Publications). *Mary Archeographic Bulletin*. 2006;(16):201—207. (In Russ.)
11. Ivanov AA., Starikov SV. Documentary Publications on the History of Peasant Representation Bodies in the Mary Territory in 1917 — 1918. *Domestic Archives*. 2008;(5):39—47. (In Russ.)
12. Ivanov AA., Fedyayeva TP. Questionnaires of Volpolitics About the Political Situation in the Village of the Mari Autonomous Region in 1921. *Mary Archeographic Bulletin*. 2014;(24):187—197. (In Russ.)
13. Ivanov AA., Fedyayeva TP. Peasant Uprising in the Shinshinsky Volost of Krasnokokshaysky District of Kazan Province in September 1919. *Mary Archeographic Bulletin*. 2021;(31):159—174. (In Russ.)
14. Ivanov AA., Fedyayeva TP. The Peasant Movement in the Mari Territory During the Civil War of 1918 — 1921 (Problems of Historiography and Archeography). *Bulletin of the Chuvash University*. 2014;(3):14—22. (In Russ.)
15. Ivanov AA., Fedyayeva TP. The Peasantry on the Threshold of Change: February 1917 — June 1918 (Based on the Materials of the Mari Territory). *Bulletin of the Mary State University*. The Series "Historical Sciences. Legal Sciences". 2021;(1):9—21. (In Russ.)
16. Kabanov VV. Documentary Publications on the Agrarian History of Soviet Society (1917 — 1922). *Archeographic Yearbook for 1973*. Moscow;1974:8—22. (In Russ.)
17. Kondrashin VV. Peasant Movement in the Volga Region in 1918 — 1921 Through the Eyes of the Rebels. *History of the Fatherland at the Turn of the Century: Experience, Problems, Solutions. Part 2*. Orenburg;2001:60—67. (In Russ.)
18. The Peasantry and Cossacks of Russia in the Conditions of the 1917 Revolution and the Civil War: the National and Regional Aspect / Edited by V. V. Kondrashin, V. A. Yurchenkov. Moscow;Sarsansk;2017. (In Russ.)
19. Nikolashin VP. Tambov Village in 1917 — 1918: Between the Reform and the Uprising. *History: facts and symbols*. 2017;(3):160—167. (In Russ.)
20. Osipova TV. The Peasant Front in the Civil War. *The Fate of the Russian Peasantry*. Moscow;1996:90—161. (In Russ.)
21. Pavlyuchenkov SA. Military Communism in Russia: Power and the Masses. Moscow;1997. (In Russ.)
22. Saisanov DS. Sources on the History of Peasant Uprisings in the Mary Territory During the Period of "War Communism" (1918 — 1921). *Sources and Problems of Source Studies of the History of Mary El*. Proceedings of Reports and Communications of the Republican Scientific Conference. Yoshkar-Ola;1997:64—66. (In Russ.)
23. Saisanov DS. The period of "war Communism" in the Documents of the State Archive of the Republic of Mary El. *Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Historical Science and Archives"*. Yoshkar-Ola;1997:36—38. (In Russ.)
24. Saisanov DS., Shingareev BS. Peasant Uprisings in the Southern Counties of Vyatka Province in 1918. *Mary Archeographic Bulletin*. 1998;(8):119—136. (In Russ.)
25. Safonov DA. On the Problem of Information Levels in Sources "Coming from the Authorities" on Peasant Insurgency in the Early 1920s. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. 2020;(2):154—164. (In Russ.)

26. Safonov DA. Peasant Movement in the Southern Urals. 1855 — 1922. Chronicle and Historiography. Orenburg;1999. (In Russ.)

27. Sokolov KI. Flame Over the Volga. Peasant Uprisings and Demonstrations in the Tver Province at the End of 1917 — 1922. Moscow;2017. (In Russ.)

28. Sukhova OA. The Evolution of Rebellion: Mass Forms of Protest in the Russian Countryside During the Revolution of 1917. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2015;(3):46—54. URL: <https://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf> (In Russ.)

29. Fedyayeva TP. Peasant Uprising in Sotnursky Volost of Krasnokokshaysky District of Kazan Province in October 1919. *Mary Archeographic Bulletin*. 2023;(33):152—164. (In Russ.)

30. Fedyayeva TP. The Peasant Movement in the Mari Territory in 1920 — 1921. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(1):69—79. URL: <https://vestnikniign.ru/V-1-2022-st09> (In Russ.)

31. Tsys VV. The West Siberian Peasant Uprising of 1921 in the Tobolsk North: Problems of Interaction Between Government and Society in a Political Crisis. Nizhnevartovsk;2018. (In Russ.)

32. Yurchenkov VA. Peasantry and Power (1917 — Spring 1918): the Level of the Parish. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2015;(3):55—77. URL: <https://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf> (In Russ.)

33. Yarov SV. The peasant As a Politician: The Peasantry of the North-West of Russia in 1918 — 1919: Political Thinking and Mass Protest. St. Petersburg;1999. (In Russ.)

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Information about the authors:

Alexey A. Ivanov, Professor of the Department of National History of the Mari State University (30 Pushkin Str., Republic of Mari El, Yoshkar-Ola 424000, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7521-8157> , ivanov.al.1974@bk.ru

Tatyana P. Fedyayeva, Head of the Department of Archives (Municipal Archive) of the Administration of the Nadymsky District (20 Lesnoy Village, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Nadym 629736, Russia), Candidate of Historical Sciences, do_fedyayeva@mail.ru

Contribution of the authors:

Ivanov A. A. — critical analysis, scientific text editing;

Fedyayeva T. P. — concept development, collection and analysis of materials, writing the initial version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 614.2+94(470.345)
EDN VWCJBO<https://vestnikniign.ru>*Научная статья*

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии)

Т. М. Гусева¹✉, Т. Ю. Задкова¹, С. В. Першин¹, Е. М. Михайлова²¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия² Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
г. Чебоксары, Россия
✉tatiana.guseva@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье исследуются некоторые аспекты развития здравоохранения Темниковского уезда Тамбовской губернии в первые послереволюционные годы, анализируется борьба с эпидемическими заболеваниями, рассматриваются вопросы финансирования медицинских учреждений.

Материалы и методы. Основными источниками для написания статьи послужили документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия. В ходе работы были использованы принципы научной объективности и историзма, а также системный, ретроспективный и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Становление советской системы здравоохранения в уездах и уездных городах проходило в сложных социально-экономических условиях Гражданской войны. Уровень санитарного состояния был крайне низким, во многих регионах России свирепствовали эпидемии тифа и «испанки». Ситуация в здравоохранении осложнялась недостатком медицинских работников, больниц и аптек, отсутствием медикаментов. Для того, чтобы изменить ситуацию, необходимо было создать новую, единую систему здравоохранения.

Заключение. В годы Гражданской войны было положено начало единой государственной, централизованной системе здравоохранения, обеспечившей население необходимой медицинской помощью. Работа в сфере здравоохранения, проведенная в первые годы советской власти в Темниковском уезде Тамбовской губернии, имела главный положительный результат: несмотря на низкое финансирование и недостаток квалифицированных медицинских кадров, удалось справиться со свирепствовавшими эпидемиями инфекционных заболеваний.

Ключевые слова: Темниковский уезд, здравоохранение, эпидемия, больница, амбулатория, фельдшерский пункт

Для цитирования: Гусева Т. М., Задкова Т. Ю., Першин С. В., Михайлова Е. М. Становление советского здравоохранения (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 26 — 37. EDN VWCJBO

Original article

THE FORMATION OF SOVIET HEALTHCARE (On the Example of Temnikovsky District of Tambov Province)

T. M. Guseva¹✉, T. Yu. Zadkova¹, S. V. Pershin¹, E. M. Mikhailova²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary, Russia

✉tatiana.guseva@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines some aspects of the development of healthcare in the Temnikovsky district of Tambov province in the first post-revolutionary years, analyzes the fight against epidemic diseases, and examines the financing of medical institutions.

Materials and methods. The main materials for writing the article were documents extracted from the funds of the Central State Archive of the Republic of Mordovia. In the course of the work, the principles of scientific objectivity and historicism were used, as well as systematic, retrospective and problem-chronological methods.

Results and discussion. The formation of the Soviet health care system in counties and county towns took place in difficult socio-economic conditions of the Civil War. The level of sanitary conditions was extremely low, and epidemics of typhus and “Spanish flu” were rampant in many regions of Russia. The situation in healthcare was complicated by the fact that there were not enough medical workers, hospitals, medicines were missing, pharmacies were closed. In order to change the situation, it was necessary to establish a new, unified healthcare system.

Conclusion. During the Civil War, the beginning of a unified state, centralized health care system was laid, which provided the population with the necessary medical care. The work in the field of healthcare carried out in the early years of Soviet power in Temnikovsky district of Tambov province had the main positive result: despite low funding and lack of qualified medical personnel, it was possible to cope with the raging epidemics of infectious diseases.

Keywords: Temnikovsky district, healthcare, epidemic, hospital, outpatient clinic, paramedic station

For citation: Guseva TM, Zadkova TYu, Pershin SV, Mikhailova EM. The Formation of Soviet Healthcare (On the Example of Temnikovsky District of Tambov Province). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):26—37. EDN VWCJBO

Введение

В дореволюционной России медицинская помощь строилась по отраслевому принципу: ведомственная медицина (при крупных ведомствах), земская, городская государственная, фабрично-заводская и др. Каждая из них имела свой штат, больницы и амбулатории. После Февральской революции Временное правительство попыталось создать единый орган здравоохранения, однако попытка успеха не имела.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики организовали при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Медико-санитарный отдел. 24 января 1918 г. он был ликвидирован, вместо него был образован Совет врачебных коллегий. 11 июля 1918 г. был создан Наркомат здравоохранения РСФСР. При уездных исполнительных комитетах Советов были организованы уездные отделы здравоохранения. В их подчинение перешли все больницы, амбулатории, фельдшерские пункты и аптеки.

Обзор литературы

Основы изучения советского здравоохранения в отечественной историографии были заложены в 20-е гг. XX в., когда публиковались обзорные журнальные статьи, составившие впоследствии сборники по данной теме. Систематическая работа в области истории медицины началась в 1930-е гг. В данный период формировались методологические основы истории медицины, определялась необходимость ее изучения с позиций марксизма-ленинизма. Исследователи доказывали преимущества советской медицины [8]. Наиболее известными являются работы Г. А. Баткиса, одного из организаторов советского здравоохранения, автора целого ряда учебников для медицинских высших учебных заведений, переиздававшихся в 1950-е — 1960-е гг.¹ Н. А. Виноградов, исследовавший развитие медицины от Великой Октябрьской революции до социалистической индустриализации, отмечал положительную динамику, происходившую в системе здравоохранения².

Во второй половине 1950-х гг. возрос интерес исследователей к историографии рассматриваемой проблемы, что обусловило появление работы Д. М. Российского, в которой представлена полная библиография трудов отечественных авторов и важных документов по истории здравоохранения³. Для отечественной историографии 1960-х — 1980-х гг. характерно появление комплексных исследований по данной проблематике [7].

В начале 90-х гг. XX в. исследователи отходят от марксистско-ленинской идеологии, но новые методологические позиции в вопросах истории советского здравоохранения сформировались только в начале 2000-х гг. М. Б. Мирский, используя новые методологические подходы, не только выделил достижения отечественной медицины в советский период, но и обозначил проблемы, которые существовали в системе здравоохранения [5]. На современном этапе вопросы здравоохранения также вызывают интерес исследователей [2]. Региональная историография представлена незначительным количеством работ по данной проблеме. Специальных работ, посвященных сложному периоду становления советского здравоохранения на территории современной Мордовии, мало. Среди них можно выделить статью «Развитие здравоохранения в Мордовии за 30 лет» Ю. И. Юшкина [9]. Некоторые вопросы становления и развития системы здравоохранения в Мордовии затрагивались в книгах, посвященных определенным районам⁴. Таким образом, исследователи рассматривали лишь отдельные аспекты изучаемой проблемы [1; 3; 4; 6].

¹ Баткис Г. А. Социальная гигиена: учеб. М.; Л., 1940. 328 с.; Его же. Организация здравоохранения: учеб. М., 1948. 567 с.; Баткис Г. А., Лекарев Л. Г. Теория и организация советского здравоохранения: учеб. М., 1961. 351 с.; Их же. Социальная гигиена и организация здравоохранения: учеб. М., 1969. 599 с.

² Виноградов Н. А. Теоретические основы советского здравоохранения. Лекция 6: Здравоохранение в годы иностранной интервенции и гражданской войны. (1918 — 1920 гг.). М., 1954. 28 с.

³ Российский Д. М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения: Библиогр. М., 1956. 938 с.

⁴ Красная Слобода / В. А. Юрчёнков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008. 464 с.

Материалы и методы

При изучении региональной истории развития советского здравоохранения использовались принципы научной объективности и историзма, благодаря которым данная система исследована в тесной взаимосвязи с государственной политикой, проводимой советской властью, систематизированы извлеченные из архива исторические факты, выделены из них наиболее существенные, выявлены типичные и нетипичные признаки развития медицины.

Системный метод позволил рассмотреть становление здравоохранения в зависимости от социально-экономических факторов, ретроспективный метод — проследить кардинальные изменения, происходившие в медицине в первые годы советской власти, отношение населения к данным преобразованиям. Проблемно-хронологический метод способствовал выявлению проблем, требующих серьезной разработки. Статистический метод помог рассмотреть количественные изменения в развитии материально-технической базы здравоохранения.

Результаты исследования и их обсуждение

В начале своей деятельности Темниковский уездный отдел здравоохранения (его первым комиссаром был назначен В. И. Киреев) столкнулся с большими трудностями: полученные в наследство от земства больницы и фельдшерские пункты не на что было содержать, помещения медицинских учреждений нуждались в ремонте, больницы не имели ни медикаментов, ни топлива, ни белья. Эти трудности в значительной степени усугублялись послевоенной разрухой и голодом, а также свирепствовавшими эпидемиями сыпного тифа, «испанки», оспы и дизентерии.

29 июня 1919 г. Темниковский уездный отдел здравоохранения, обсудив вопрос о платных рецептах, постановил: «Ввиду финансового кризиса, как временная мера, брать плату за медикаменты. Без нее отпускать только беднейшему населению и по рецептам по борьбе с эпидемиями, а в остальных случаях по частной продаже взимать по существующей таксе амбулатории при средней цене смотря какой рецепт»⁵. Тогда же с целью экономии медицинских сил, медикаментов и использования инвентаря во вновь открывавшихся лечебных учреждениях было решено закрыть амбулатории в Темникове и Кадоме, а также закрыть амбулаторию при больнице в Белой Слободе и последнюю иметь в г. Кадоме⁶.

27 декабря 1919 г. в Темникове состоялось заседание санитарного совещания уезда, в котором приняли участие представители уездного отдела, Семейно-медицинского участка, медицинских участков, уездного комитета партии и т. д. На повестке дня стоял вопрос о борьбе с эпидемией сыпного тифа, принявшей, по словам А. И. Рудявского, угрожающий характер. Была создана комиссия по борьбе с тифом, в которую вошел А. И. Рудявский. В Темникове и Ермиши были открыты заразные бараки, причем в Темникове уже второй. Не хватало медицинского персонала, поэтому было принято решение ходатайствовать об отзыве с военной службы врачей: Криушинского участка Федосеева, Кадомского — В. А. Тильша, Новочадовского — Малинина и приглашении 5 фельдшеров. Продовольственные органы должны были

⁵ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 13.

обеспечить больных нормальным питанием, а медицинский персонал — продовольственным пайком наравне с красноармейцами, а также одеждой и обувью для разъездов по участку. Следовало открыть больше заразных бараков. Здания многих медицинских учреждений нуждались в капитальном ремонте. Количество штатных коек в больницах было установлено в следующем объеме: Темниковская больница — 47 (из них 30 общих, 15 заразных и 2 психиатрические), Кадомская — 30 (15 общих и 15 заразных), Ермишинская — 12, Новочадовская — 10, Вознесенская — 10⁷. Распространению сыпного тифа способствовали плохие санитарные условия. При осмотре помещений, занимаемых красноармейскими частями, выяснилось, что прибывавшие из командировок лица помещались в карантин, не меняя белье и одежду, не вымывшись предварительно в бане. Кроме того, нарушались положенные для карантина сроки. В приюте при женском монастыре были обнаружены антисанитарные условия, в помещении для арестованных при милиции — грязь⁸. С грязью пытались бороться путем открытия общественных бань. Они действовали при аптеке, бывшем Саровском училище и бывшей тюрьме. Посещение бань было платным (10 руб. с чел.). Многие жаловались на высокий уровень цен. В распоряжение уздравотдела поступило 80 пудов мыла для раздачи населению тех пунктов, где наблюдалось много случаев заболевания сыпным тифом⁹. Между тем в январе 1920 г. в уезде заболело сыпным тифом около 500 чел., в том числе в Темникове 76 чел.¹⁰ Из 100 больных, лечившихся в январе в Темниковской больнице, 70 болели тифом.

Больных было много, медицинского персонала не хватало. 24 февраля 1920 г. Коллегия Темниковского уездного отдела здравоохранения приняла решение привлечь к трудовой повинности, в случае необходимости для обслуживания нужд при больницах и заразных бараках, монахинь из женских монастырей¹¹.

К маю 1920 г. эпидемия сыпного тифа начала стихать. К тому времени заразные бараки были открыты в Ермиши, Криушах, Кадоме и 2 в Темникове. В Темникове в качестве сиделок были приглашены 5 монахинь из женского монастыря¹². В мае того же года было принято решение об открытии фельдшерских пунктов в Кушках, Жегалове, Чермных¹³, в сентябре — приемного покоя на 5 коек и изолятора для инфекционных больных в Сарове¹⁴.

С первых дней существования советская власть заботилась о детях и больных. 3 января 1920 г. Межведомственная комиссия при уздравотделе обсуждала вопрос о снабжении молоком детей и больницы. Отдел местного хозяйства при исполнении должен был предоставить список всех владельцев коров, точный адрес их местожительства и семейный состав. На каждого члена семьи следовало оставлять по од-

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.

⁸ Там же. Л. 63, 66.

⁹ Там же. Л. 66 — 66 об.

¹⁰ Там же. Л. 68.

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Там же. Л. 82.

¹³ Там же. Л. 87.

¹⁴ Там же. Л. 88.

ной бутылке молока, детям до 8 лет — по две бутылки. Остальное молоко использовалось для нужд учреждений. От сдачи молока никто не мог отказаться. Прием молока был платным¹⁵.

В 1921 г. население Темниковского уезда (около 200 тыс. чел.) обслуживали 6 уездных (Темниковский, Криушинский, Кадомский, Ермишинский, Новочадовский, Вознесенский) и 2 городских медицинских участка (Темников и Кадом), 7 фельдшерских пунктов (Саровский, Шалинский, Кондровский, Веденяпинский, Кушкинский, Черменский, Жегаловский). Медицинский персонал состоял из 6 врачей, 5 школьных и 18 ротных фельдшеров, 8 фельдшерниц-акушеров, 5 акушеров, 7 сестер милосердия и 4 оспопрививателей. В каждом медицинском участке, кроме городских, имелись больница и амбулатория, в Саровском пункте — приемный покой, в Темникове и Кадоме и остальных фельдшерских пунктах только амбулатории. Количество штатных коек по всем лечебным учреждениям насчитывалось 144, из них в Темниковской больнице — 47, в Криушинской — 30, Беловской — 30, Ермишинской — 12, Новочадовской и Вознесенской — по 10 и Саровском приемном покое — 5 коек. Из числа всех коек 45 приходились на заразные бараки — Темниковский, Криушинский и Беловский — по 15 коек в каждом. Кроме трех постоянных барakov был открыт четвертый — Ермишинский — временный барак на 15 коек, вследствие распространения там эпидемии сыпного тифа. Из указанных лечебных учреждений в 1921 г. вновь были открыты Вознесенская больница и Саровский приемный покой. Последний перешел в ведение уездного отдела от Саровского совхоза. Все лечебные учреждения, кроме фельдшерских пунктов, помещались в специализированных зданиях. Из них вполне оборудованными считались Темниковская и Криушинская больницы, удовлетворительно — Ермишинская, Новочадовская, Вознесенская и плохо — Беловская. Главное здание последней больницы не было достроено, его сооружение начало земство, которое успело возвести только стены, с того времени здание стояло без крыши и постепенно разрушалось от снега и дождя. Все ходатайства об ассигновании средств на достройку оставались без результата. Временно Беловская больница помещалась в здании, предназначенном для родильного отделения. Помещения остальных больниц требовали большого ремонта. Фельдшерские пункты размещались в наемных домах, крайне неудобных и непригодных для лечебных целей.

Предметы медицинского и хозяйственного назначения, медикаменты, средства ухода за больными, инструменты, белье получались из губздравотдела по разверстке, которая не удовлетворяла всех нужд лечебных учреждений. Пищевые продукты для больных отпускались упродкомом, затем заготконторой в недостаточном количестве. Во всех больницах в 1921 г. коечным лечением пользовались 4 443 чел., которые провели в больницах 75 801 день. В Темниковской, Криушинской и Новочадовской больницах занятых коек было больше штатных (в первой было занято в среднем 64 койки при 47 штатных, во второй — 68 при 30, в третьей — 16 при 10). Новочадовская больница располагалась на пути от ст. Торбеево, и все заболевшие красноармейцы и беженцы из других губерний оставались на излечение

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

в ней. В других больницах наблюдалась обратная ситуация: в Ермишинской была занята в среднем 21 койка при 27 по штату вместе с заразным баракком, Беловской — из 26 при 30; Вознесенской — 9 при 10, Саровском приемном покое — 3 при 5 койках по штату. По роду болезней больные делились на: заразных — 1 529 чел., сифилитиков и венериков — 116, глазных — 164, гинекологических — 268, после родов — 184 и прочих — 2 143. Из всех стационарных больных умерли 274 чел., или 6 %.

Хирургические операции в основном проводились в Темниковской больнице (279), Криушинской (170) и Беловской (84).

Многие лечились амбулаторно и дома. Всего в 1921 г. амбулатории посетили 71 667 чел., они сделали 128 183 посещения. Среди амбулаторных больных было 8 842 заразных, 8 628 — паразитических, 3 789 — нервных, 1 067 — сифилитических, 11 210 — с болезнями пищевых органов, 6 408 — с заболеваниями органов дыхания. Акушерская помощь амбулаторно и на дому была оказана в 394 случаях. Из эпидемических заболеваний 1 894 случая приходилось на долю сыпного тифа, 456 — брюшного, 1 178 — дизентерии, 78 — скарлатины, 109 — оспы. Наибольшее число заболевших было в Темниковском, Криушинском, Ермишинском, Вознесенском участках и Кадоме. Для профилактики оспы применялось оспопрививание (в течение года были первично привиты 7 293 чел. и ревакцинированы 1 581 чел.), тифа — изоляция больных в заразные бараки. Больных, разумеется, было больше, так как многие оставались незарегистрированными из-за того, что у медицинского персонала не было лошадей для разъездов по участкам и посещения всех больных¹⁶.

На начало 1922 г. в Темниковском уезде насчитывалось 6 врачебных участков, в том числе 6 больничных, в 3 участках не было врача, 6 самостоятельных фельдшерских пунктов, 2 амбулатории в городах и 1 зубоврачебный кабинет, 1 городская больница на 57 коек и 5 сельских на 97 коек. К середине года число фельдшерских пунктов сократилось до 3, сельских больниц — до 4, количество коек в них — до 149¹⁷. На 1 марта 1922 г. в уезде имелось 6 врачей, 5 фельдшерниц-акушерок, 3 акушерки, 19 фельдшеров, 4 сестры милосердия, 1 зубной врач, 3 заведующих хозяйством, 2 кастелянши, 63 служителя, 1 оспопрививатель. Наблюдались трудности со снабжением топливом, продовольствием, медикаментами, а также с выплатой заработной платы медперсоналу. До перехода на местное финансирование лечение как больничное, так и амбулаторное было бесплатным. С 1 мая 1920 г. Темниковский и Кадомский (Беловский) участки, с 1 марта 1921 г. и все остальные были переведены на местное финансирование. Здравоохранение уезда оказалось в катастрофическом положении, у уисполкома не было денег. В сложившейся ситуации по указанию губздравотдела и с разрешения уисполкома уздравотдел решил просить помощи у населения, чтобы не закрывать лечебные учреждения. Во все волости были направлены уполномоченные для заключения договоров с населением по содержанию медицинских заведений. Население, хотя и не заключало формальных

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 1. Л. 108 — 109.

¹⁷ Там же. Л. 236.

договоров, согласилось внести на содержание лечебных заведений по 1 фунту с едока. Население уезда составляло приблизительно 200 тыс. чел., в среднем должны были получить 5 000 пудов хлеба, что позволило бы с трудом дотянуть до нового урожая. Однако к 25 октября 1922 г. население внесло 1 040 пудов хлеба, причем одни селения и волости сдали полностью или частично, другие — ничего. Такого количества было явно недостаточно, поэтому уездравотдел с разрешения уисполкома распорядился брать с состоятельных граждан за коечное лечение по 1 пуду хлебных продуктов и 1 мере картофеля за каждые проведенные 10 дней. Всего таким путем было получено 370 пудов 14 фунтов. Положение продолжало оставаться крайне тяжелым, медикаментов не хватало. В связи с этим уездравотдел с разрешения уисполкома отдал распоряжение о взимании платы за лечебные средства со всех граждан, исключая самых бедных. Тем волостям и селениям, которые внесли полностью или частично по договорам хлеб, оказывалась скидка как при покупке медикаментов, так и при коечном лечении. Зубоврачебный кабинет стал брать плату за пломбирочный материал в размере 30 руб. Была установлена плата за перевязки в амбулаториях, причем если больной привозил свой перевязочный материал, то перевязка делалась бесплатно.

Большую помощь оказало и государство, выделив средства на выплату заработной платы и приобретение топлива. Благодаря этому заработная плата персоналу была выплачена по 1 ноября 1922 г., за исключением работников Криушинского, Ермишинского и Новочадовского участков, которым не оплатили октябрь. Помогли улучшить ситуацию полученные из АРА¹⁸ медикаменты. Однако уездравотделу пришлось закрыть все фельдшерские пункты, кроме Саровского и Кондровского, больницу в Вознесенске, сделать врачебно-больничным участок фельдшерским пунктом и временно закрыть прием в больницу в Новочадове. Ликвидировали заразный барак в пос. Ермишь. Количество больничных коек в уезде урезали до 136. Пришлось сократить и медицинский персонал. В уезде насчитывалось 5 врачей, 5 фельдшерниц-акушерок, 2 акушерки, 13 фельдшеров, 3 сестры милосердия, 1 зубной врач, 2 заведующих хозяйством, 1 кастелянша, 39 «служителей», всего 71 чел. Из-за введения платы за медикаменты и коечное лечение население стало в 2 раза реже обращаться в лечебные учреждения. Спасало то, что значительных эпидемий в уезде не было: в месяц фиксировалось не более 40 заболеваний сыпным тифом и 87 брюшным.

До перехода на местное финансирование медицинские учреждения уезда существовали за счет средств, получаемых в виде дотации из центра, уисполкома; по договорам с населением; за лечение, медикаменты, перевязки и зубной материал. За 8 месяцев из центра было получено 1 227 828 руб., из уисполкома — 196 593 руб., по договорам — 1 040,5 пудов хлебных продуктов, от больных — 370 пудов 14 фунтов хлебных продуктов и 5 750 руб. Предоставление дотации из центра было прекращено, выделяемых исполкомом средств было недостаточно. Для оказания бес-

¹⁸ АРА (Американская ассоциация помощи) — формально негосударственная организация в США, существовавшая с 1919 г. до конца 1930-х гг., наиболее известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921 — 1923 гг.

платной амбулаторной помощи с выдачей медикаментов и бесплатного коечного лечения оставался один выход — обложить население по 6 фунтов с едока. Такие договоры начали заключаться, но из центра поступило распоряжение прекратить их заключение¹⁹. Лечебные учреждения вновь оказались в трудном и неопределенном положении.

С августа 1922 г. в медицинских учреждениях Темниковского уезда постановлением коллегии уездного здравоохранения от 3 апреля 1922, утвержденном уисполкомом, для всех групп населения была введена плата за оказание медицинской помощи: больничной и зубоврачебной. Плата вносилась как в натуральном, так и в денежном эквиваленте. Она взималась за медикаменты, за небольшую перевязку платили 300 тыс. руб., большую — 500 тыс., зубоврачебный совет — 200 тыс., пломбирочный материал 300 тыс. руб., за больничное лечение — 1 пуд хлеба за 10 дней. В качестве налога, согласно договорам с населением, была введена плата с населения на медицинское дело по 1 фунту с человека. За медикаменты, в том числе полученные в кредит, по зубной амбулатории было получено 820 пудов хлебных продуктов и 383 пуда картофеля²⁰.

Положение с продовольствием было настолько сложным, что 27 февраля 1922 г. уездный врач предложил заведующим больницами полученное с больных продовольствие на свое питание неукоснительно записывать в книгу на приход под расписку больного. Остальных регистрировать с распиской о том, что положенного продовольствия не представили. Кроме того, другие продукты (фураж и т. д.), поступающие в ведение больниц, точно проводить по книгам с соблюдением существующих правил.

Деньги в это сложное время не имели большой цены. Так, 5 июля 1922 г. заведующий уездным здравоохранением обратился в уисполком с жалобой на то, что дворники и рабочие-мужчины Темниковской больницы отказываются хоронить умерших за деньги — 1 млн руб., требуя взамен полпуда хлеба²¹.

На 1 марта 1922 г. в Темниковском уезде функционировали Темниковская, Криушинская, Ермишинская, Кадомская (Беловская), Новочадовская, Вознесенская больницы (последние три были без врача), Саровский приемный покой (без врача), фельдшерские пункты (Жегалово, Веденяпино, Кушки, Чермень, Кондровка), Кадомская городская амбулатория, Темниковская зубная амбулатория, Дом матери и ребенка, Темниковская консультация, Темниковские и Кадомские ясли, Темниковская и Кадомская аптеки. На 1 января 1923 г. действовали Темниковская, Кадомская (Беловская), Ермишинская, Криушинская, Новочадовская больницы, Темниковская зубная амбулатория, Кадомская амбулатория, Темниковские и Кадомские ясли, Темниковская консультация, Дом матери и ребенка, Темниковская и Кадомская аптеки, Вознесенский и Кондровский фельдшерские пункты. В январе того же года Криушинская, Вознесенская, Ермишинская, Кадомская больницы и Кадомская амбулатория отошли из Темниковского уезда.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 283 — 284 об.

²⁰ Там же. Л. 238 — 238 об.

²¹ Там же. Л. 195.

Заключение

Первые годы советской власти были тяжелыми для здравоохранения Темниковского уезда: недоставало квалифицированных медицинских кадров, лечебных учреждений, медикаментов и топлива. Медицинское дело не имело достаточного финансирования. Значительной проблемой являлись свирепствовавшие в то время эпидемии сыпного и брюшного тифа, холеры и других инфекционных заболеваний. Тем не менее в рассматриваемое время была ликвидирована ведомственная раздробленность, создана единая государственная система здравоохранения, успешно велась борьба с инфекционными заболеваниями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аширов Р. С., Фролов А. Ф. Здравоохранение и показатели здоровья населения Мордовии. Саранск: [Б. и.], 1995. 183 с.
2. Гибадуллина А. Д. Медицинское обслуживание семьи в Башкирии в середине 1980-х — начале 1990 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 4. С. 123 — 136. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2023-st10.pdf>
3. Гусева Т. М., Задкова Т. Ю. «Нерв жизни темниковцев главный...»: О жизни и деятельности известного врача-хирурга А. И. Рудявского // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 4. С. 93 — 101. URL: <https://centrniign.ru/gallery/C-4-2023-st11.pdf>
4. Лукьянова Т. В., Семелева Е. В. Роль первого профессорского коллектива медицинского факультета МГУ им. Н. П. Огарёва в подготовке кадров научной и практической медицины Мордовии // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 3. С. 111 — 118. URL: <https://centrniign.ru/gallery/C-3-2023-st12.pdf>
5. Мирский М. Б. Медицина России X — XX веков: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005. 631 с.
6. Назаркин Н. Я. Народнонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 263 с.
7. Петров Б. Д. Очерки истории советской медицины. М.: Медгиз, 1962. 303 с.
8. Соловьев З. П. Строительство советского здравоохранения. М.: Медгиз, 1932. 333 с.
9. Юшкин Ю. И. Развитие здравоохранения в Мордовии за 30 лет (1917 — 1947 гг.) // Сборник научных трудов врачей Мордовской АССР: к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 3 — 34.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 07.11.2024.

Информация об авторах:

Татьяна Михайловна Гусева, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Татьяна Юрьевна Задкова, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1420-3661>, tatyana.25.01@mail.ru

Сергей Викторович Першин, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры экономической истории и информа-

ционных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, Pers99@inbox.ru

Елизавета Михайловна Михайлова, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Чебоксарского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации (428025, Россия, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 24), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>, lizamem@yandex.ru

Вклад авторов:

Гусева Т. М. — разработка концепции, развитие методологии и анализ литературы;

Задкова Т. Ю. — сбор материала, написание первоначального варианта статьи;

Першин С. В. — критический анализ и научное редактирование текста;

Михайлова Е. М. — научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ashirov RS, Frolov AF. Healthcare and Health Indicators of the Population of Mordovia. Saransk;1995. (In Russ.)
2. Gibadullina AD. Medical Care of the Family in Bashkiria in the Mid-1980s — Early 1990s *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;(4):123—136. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2023-st10.pdf> (In Russ.)
3. Guseva TM, Zadkova TYu. “The Nerve of Temnikovtsev’s Life is the Main...”: About the Life and Work of the Famous Surgeon A. I. Rudyavsky. *Center and Periphery*. 2023;(4):93—101. URL: <https://centrniign.ru/gallery/C-4-2023-st11.pdf> (In Russ.)
4. Lukyanova TV, Semeleva EV. The Role of the First Professorial Staff of the Medical Faculty of Moscow State University named after N. P. Ogarev in the Training of Personnel for Scientific and Practical Medicine of Mordovia. *Center and Periphery*. 2023;(3):111—118. URL: <https://centrniign.ru/gallery/C-3-2023-st12.pdf> (In Russ.)
5. Mirsky MB. *Medicine of Russia of the X — XX Centuries: Essays on History*. Moscow;2005. (In Russ.)
6. Nazarkin NYa. *Population and Health Protection in Mordovia*. Saransk;1973. (In Russ.)
7. Petrov BD. *Essays on the History of Soviet Medicine*. Moscow;1962. (In Russ.)
8. Solovyov ZP. *The Construction of Soviet Healthcare*. Moscow;1932. (In Russ.)
9. Yushkin YuI. The Development of Healthcare in Mordovia for 30 Years (1917 — 1947). *Collection of Scientific Works of Doctors of the Mordovian ASSR: to the 30th Anniversary of the Great October Socialist Revolution*. Saransk;1948:3—34. (In Russ.)

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 07.11.2024.

Information about the authors:

Tatyana M. Guseva, Chief Researcher — Head of the Department of History of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Tatiana Yu. Zadkova, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1420-3661>, tatyana.25.01@mail.ru

Sergey V. Pershin, Leading Researcher of Department of History of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, Pers99@inbox.ru

Elizaveta M. Mikhailova, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation (24 M. Gorky Ave., Cheboksary 428025, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6035-9571>, lizamem@yandex.ru

Contribution of the authors:

Guseva T. M. — concept development, methodology development and literature analysis;

Zadkova T. Y. — collection of materials, writing the initial version of the article;

Pershin S. V. — critical analysis and scientific editing of the text;

Mikhailova E. M. — scientific text editing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

ЛЕНИНСКАЯ ИДЕЯ САМОУПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА ТРУДЯЩИХСЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Н. И. Суханова

Государственный университет просвещения,
г. Москва, Россия
Sukhanovani@rambler.ru

Аннотация

Введение. Эволюция системы государственного устройства России в XX в. стала объектом активных поисков идеологов и политиков. Идеологические новации в формировании новой государственности, отрицавшие прежние подходы к форме государственного устройства, нередко воспроизводили на практике черты традиционных методов формирования и удержания власти. В этом плане интересным представляется анализ взглядов В. И. Ленина на форму государственного устройства молодого советского государства на начальном этапе его существования и их практическая реализация. По мнению лидера большевиков, переходный период от революции в России к мировой пролетарской революции будет связан с формированием системы государственного устройства в виде государства-коммуны.

Материалы и методы. Материалами анализа стали работы В. И. Ленина, посвященные проблемам устройства и функционирования государства. Опора на возможности методологического плюрализма содействовала многомерному научному анализу заявленной проблемы. Использование проблемно-хронологического метода способствовало выявлению и раскрытию истоков, содержания и практической реализации указанной концепции.

Результаты исследования и их обсуждение. Возродившееся внимание к ленинскому наследию, ставшему основой формирования советской государственности, снова привлекает внимание исследователей. Между тем проблема государства-коммуны остается за рамками исследовательских исканий. Ее важность обусловлена попыткой использования традиционной российской идеи общинности и соборности в попытках формирования общенародного государства. В статье проанализированы причины практической безуспешности идеи государства-коммуны.

Заключение. В идее государства-коммуны проявился идеализм и прагматизм большевистского лидера. Потребность завоевания и удержания власти в крестьянской стране выдвинула эту идею на первый план. Результатом стала активная поддержка значительной частью трудящегося населения позиций большевиков. Однако по мере формирования новой советской государственности все более очевидным становился лишь тактический характер идеи государства-коммуны. В СССР победила система централизованной власти, что соответствовало давним цивилизационным особенностям российской государственности.

Ключевые слова: В. И. Ленин, К. Маркс, пролетарская революция, диктатура пролетариата, мировая революция, государство-коммуна, Советы

Для цитирования: Суханова Н. И. Ленинская идея самоуправляющегося государства трудящихся: теория и практика // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 38 — 47. EDN VXVEWO

Original article

LENIN'S IDEA OF A SELF-GOVERNING WORKERS' STATE: THEORY AND PRACTICE

N. I. Sukhanova

State University of Education,
Moscow, Russia
Sukhanovani@rambler.ru

Abstract

Introduction. The evolution of the Russian system of government in the twentieth century became the object of active searches by ideologists and politicians. Ideological innovations in the formation of a new statehood, which denied previous approaches to the form of government, often reproduced in practice many features of traditional methods of forming and retaining power. In this regard, it is interesting to analyze V. I. Lenin's views on the form of the state structure of the young Soviet state at the initial stage of its existence and their practical implementation. According to the Bolshevik leader, the transition period from the revolution in Russia to the world proletarian revolution will be associated with the formation of a system of government in the form of a commune state.

Materials and methods. The materials of the analysis were the works of V. I. Lenin devoted to the problems of the structure and functioning of the state. Reliance on the possibilities of methodological pluralism contributed to a multidimensional scientific analysis of the stated problem. The use of the problem-chronological method contributed to the identification and disclosure of the origins, content and practical implementation of this concept.

Results and discussion. The renewed attention to Lenin's legacy, which became the basis for the formation of Soviet statehood, again attracts the attention of researchers. Meanwhile, the problem of the commune State remains beyond the scope of research. Its importance is due to the attempt to use the traditional Russian idea of communality and conciliarity in attempts to form a nationwide state. The article analyzes the reasons for the practical failure of the idea of a commune state.

Conclusion. The idealism and pragmatism of the Bolshevik leader manifested itself in the idea of the commune state. The need to conquer and retain power in a peasant country put this idea in the order of the day. The result was the active support of a significant part of the working population for the positions of the Bolsheviks. But as the new Soviet statehood was being formed, only the tactical nature of the idea of a commune state became more and more obvious. In the USSR, the system of centralized power prevailed, which corresponded to the long-standing civilizational features of Russian statehood.

Keywords: Lenin, Marx, proletarian revolution, dictatorship of the proletariat, world revolution, commune state, Soviets

For citation: Sukhanova NI. Lenin's Idea of a Self-Governing Workers' State: Theory and Practice. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16;(4):38—47. EDN VVVEWO

Введение

В условиях цивилизационного своеобразия становления и развития Российской государственности очевидным оставался приоритет государственных ценностей. В связи с этим на протяжении разных эпох шел поиск оптимальных форм государственного устройства, отвечавшего потребностям удержания власти и организации жизни общества на значительной территории с огромным количеством полиэтничного и поликонфессионального состава населения. Повторяющимся алгоритмом оставалась высокая степень централизации власти, попытки ее модификации с сохранением этой основополагающей константы. В XX в. идея преемственности

власти сменилась устремленностью к идейному отрицанию прежней системы. Между тем снова происходил возврат к необходимости сохранения для России традиционализма в виде высокой степени централизации, но в несколько иных, обновленных формах. Новым шагом в проектировании российской государственности стала идея государства-коммуны, разработанная В. И. Лениным и предложенная раннесоветскому обществу. Ее задача заключалась в обеспечении нового государственного политического устройства, основанного на подлинном народовластии и рассчитанного на переходный период от Советов к бесклассовому обществу и естественному отмиранию государства как института. Однако реальная практика жизни достаточно быстро показала утопичность ленинского проекта.

Обзор литературы

Идея государства-коммуны, выдвинутая В. И. Лениным в качестве формы государственного устройства на начальном этапе существования советской власти, не была объектом отдельного историографического рассмотрения и в советский, и в постсоветский периоды. Вероятно, это связано с тем, что она не получила практической реализации, к тому же находилась в явном противоречии с централистскими тенденциями советской государственной системы. Между тем о государстве-коммуне как ленинской идее можно встретить косвенные упоминания в монографиях, исследовавших формирование советского государственного аппарата на раннем этапе его становления [5; 7; 9].

Материалы и методы

Рассмотрение проблемы государства-коммуны следует начать с истоков возникновения социал-демократической идеологии, что ярко прослеживается в партийных документах и работах В. И. Ленина, которые стали главным объектом и источником анализа заявленной темы. Проблемы социального переустройства общества большевики начали формулировать с постановки задач пролетарской политической партии. Она была призвана выработать идейно-теоретические основы революционной борьбы и внести их в рабочее общественное сознание. В системе актуальных, по мнению В. И. Ленина, задач вопрос о форме государственного устройства России после удачного завершения революционного процесса не рассматривался.

В таком подходе лидер большевиков проявился, в первую очередь, как тактик, четко понимавший последовательность в их решении. В написанном в 1899 г. «Протесте российских социал-демократов» он впервые озвучил задачу организации социалистического общества после захвата политической власти пролетариатом¹. В 1901 г. в резолюции конференции заграничных социал-демократических организаций были определены перспективные задачи русской социал-демократии поэтапно — сначала демократическая республика, потом социалистический строй². Эта мысль была уточнена в первой Программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на II съезде РСДРП. Необходимым условием успешности перехода к социалистическому обществу была названа диктатура пролетариата.

¹ Ленин В. И. Протест российских социал-демократов // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 168.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1988): в 16 т. Т. 1: 1898 — 1917. М., 1983. С. 35.

Однако еще на этапе реализации демократических задач было заявлено о необходимости «широкого местного самоуправления, замены постоянного войска всеобщим вооружением народа»³.

В 1905 г. инициативой русских рабочих были созданы Советы как орган руководства стачкой. «Органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхленной политической стачкой» — писал В. И. Ленин в 1905 г.⁴ Они представляли собой продукт проявления революционной самодеятельности народа, эволюционировали, приобретая новые функции, цели и задачи, что отражало классовый инстинкт рабочих. Вождь считал Советы зачатками не ограниченной никаким старым законом диктатуры революционных элементов народа, опирающимися не на силу штыка, денег или государственных учреждений, а на силу доверия широчайшей массы трудящихся⁵. Для анализа эволюции взглядов В. И. Ленина на идею государства-коммуны следует опираться на принцип диалектического противоречия, являющегося двигателем всего социального процесса. Анализу содействует принцип детерминации социальных противоречий законами общественного развития. Меняющаяся реальность диктовала определенные выводы о перспективах развития российского общества, поэтому дореволюционные взгляды Ленина резко разнятся с послереволюционными.

Результаты исследования и их обсуждение

А. В. Луначарский вспоминал, как В. И. Ленин в 1905 г. говорил о том, что Петроградский Совет в идее есть воскрешение лучших традиций Парижской коммуны, что «фактически покрыть всю Россию Советами рабочих, а потом рабочих и крестьянских депутатов, это значит осуществить лучшую часть политических планов Коммуны», заслуживших одобрение Маркса [6, с. 388]. Уже в 1905 г. на заводах и фабриках в разных районах страны появились депутатские собрания, что было более высоким типом пролетарской организации, чем стачечные комитеты. После стачки в силу близости предприятий к рабочим поселкам собрания рабочих депутатов и Советы уполномоченных нередко становились настоящими хозяевами на предприятиях и в поселках.

Установление Третьеиюньской монархии сократило возможности функционирования Советов. Возврат к проблеме формирования раннесоветской государственности произошел еще до приезда В. И. Ленина в Россию. Осенью 1915 г. в статье «Несколько тезисов» он писал: «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти»⁶.

В марте 1917 г. по дороге из Швейцарии в Россию В. И. Ленин написал работу «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы). В ней лидер большевиков акцентировал внимание на необходимости переходного периода к новому государству. Переходные шаги должны быть реализованы во всех сферах

³ Коммунистическая партия Советского Союза... С. 61 — 62.

⁴ Ленин В. И. Умиравшее самодержавие и новые органы народной власти // Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 126.

⁵ Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 318.

⁶ Ленин В. И. Несколько тезисов // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 27. С. 49.

жизни государства и общества не срочным введением, а постепенным обучением трудящихся этим нормам. На этом этапе Советы призваны заложить основы самоуправления в новой России. На VII Апрельской партийной конференции он подчеркнул, что самоуправление должно быть представлено в виде государства-коммуны, где не будет разделения ветвей власти⁷.

На этой конференции столкнулись позиции Л. Б. Каменева и В. И. Ленина. Первый считал, что буржуазная революция еще не завершена, поскольку не избрано Учредительное собрание. Его оппонент утверждал, что приход буржуазии к власти означал завершение буржуазной революции. Представляется, что В. И. Ленин опережал события, не желая упускать возможность опоры в будущей пролетарской революции на Советы, ставшие достаточно авторитетным общественным органом. Лидер большевиков говорил: «Совет рабочих и солдатских депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян»; «диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии»; «Дальнейшая ступень — диктатура пролетариата, но он еще не достаточно организован и просвещен, его надо просветить»⁸. В этой мысли читается стремление главы партии большевиков не допустить включения Советов в систему буржуазно-демократической власти, которая могла повернуть их на свою сторону. Советы, по мнению В. И. Ленина, должны были стать основой для формирования государства-коммуны.

Эту идею он продолжил развивать в работе «Государство и революция». Отвечая на вопрос — какую по типу государственную машину на переходном этапе надо создать — Ленин подчеркивал отсутствие в ней бюрократии, постоянной армии, полиции. Он предостерегал: если реальная власть будет принадлежать аппарату управления, он станет бюрократией с привилегиями. Задачей социалистического этапа революции должна была стать ликвидация постоянного аппарата управления, что сделает невозможным существование привилегий чиновничества.

Идея государства-коммуны не была только заимствованием у Парижской коммуны и К. Маркса, который видел в ней идейное сообщество, политическую форму. Более того, благодаря такой организации общества возможны были перемены в формах труда в сторону коммунальных⁹. Идеи коммунального коммунизма высказывали М. И. Туган-Барановский и ряд «легальных марксистов»¹⁰. Некоторые представители интеллигенции видели признаки коммуны в крестьянской общине. Во второй половине XIX в. поиски идеала справедливости, альтернативного государству, привлекали многих, в том числе и как пропагандистский призыв.

Проектирование «идеального общества» большевики тоже начали с идеи государства-коммуны. «Коммуна — писал Ленин — „открытая наконец“ пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобож-

⁷ Ленин В. И. Петроградская общегородская конференция РСДРП (б) 14 — 22 апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31. С. 248.

⁸ Там же. С. 10 — 13.

⁹ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 346.

¹⁰ Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 328.

дение труда. Коммуна — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и „открытая наконец“ политическая форма, которою можно и должно заменить разбитое. Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 гг., в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса»¹¹.

В. И. Ленин видел задачу коммуны в разрушении буржуазной государственной машины. Однако на начальном этапе он предполагал сохранение «узкого горизонта буржуазного права» для принуждения к соблюдению норм права. При сохранении этих очевидных признаков государства В. И. Ленин утверждал, что вместо особой силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Из этого факта лидер большевиков делал вывод о том, что коммуна перестает быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров). Чем больше система управления носит всенародный характер, тем не нужней становится функция государственной власти. Государство начнет отмирать¹². Конечно, эти строки В. И. Ленина весьма привлекательны для народа, желавшего «сбросить оковы», но с точки зрения реальной практики управления и исторической перспективы — это или популизм, или очевидное заблуждение [3]. Возможно предположить использование лозунга идеи-коммуны в целях расширения политической армии пролетарской революции. Утопизм нередко бывал спутником даже явных прагматиков. В данном случае вопрос упирается не только в возможности государства-коммуны, но и в слишком быстро ожидаемый эффект от коммунаской формы организации местных органов власти, которые должны дать в сумме подлинное народовластие в России.

Идея переходных задач государства-коммуны состояла в разрушении старого государства. По мнению К. Маркса, коммуна приводила к развитию самоуправления как альтернативы государству. При этом классики не отрицали централизованности власти в реализации необходимых хозяйственно-политических задач. Эту централизацию В. И. Ленин видел в том, что коммуны своей деятельностью будут противостоять капиталистам, а железные дороги, фабрики, земля и прочее принадлежать всей нации, обществу. Однако управление ими вначале должно быть централизованным, в интересах всего народа. Этим В. И. Ленин стремился убедить читателя, что централизм не отменяет демократии, поскольку считал, что добровольность деятельности коммунаров устраняет бюрократию¹³.

Тактическая необходимость в этом вопросе у большевиков сочеталась с привлекательностью, характерной для русского сознания тяги к коллективизму. Это причудливое сочетание утилитарных целей с традиционным русским стремлением к коллективизму в большой степени определили облик раннесоветского самостоятельного коммунарства как в городской, так и в сельской его разновидностях [10].

¹¹ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 33. С. 56.

¹² Там же. С. 98 — 99, 42 — 43.

¹³ Там же. С. 53.

Отсутствие опасности централизации они видели в том, что власть будет рабоче-крестьянской, т. е. народной, на начальном этапе в условиях диктатуры пролетариата эта централизация будет только в интересах трудящихся масс. На практике все происходило иначе. Сама структура партии большевиков, ее уставные нормы, система жесткой централизации, иерархизации и дисциплины в ней с самого начала, а также положение в стране после октября 1917 г. вели к росту бюрократизации в системе государственного устройства и внутри партии большевиков. Следует признать, что большевики не собирались выпускать власть из рук не только в октябре 1917 г. Основываясь на ранних стратегических и тактических установках программы, В. И. Ленин прекрасно понимал, что необходимым признаком любого права является принуждение. Содействовала завоеванию масс и большевистская пропаганда. Хорошо представляя социальный фон революции, когда в стране было слишком много революционных настроений и организаций, В. И. Ленин отдавал должное силе и массовости пропаганды. Привлечение масс было для большевиков гарантией успеха [8, с. 216 — 217]. Понимая высокую степень адаптивности русского общества, большевики «не стеснялись в фантазиях на контрреволюционную тему», нагнетая степень опасности небольшевистского пути, что являлось другой стороной пропаганды в пользу «народного» государства-коммуны [11, с. 386].

Переход от апреля к сентябрю 1917 г. выявил очевидные тенденции в сторону проявления активности социал-демократии в лице эсеров и меньшевиков и поддержки их со стороны значительного количества населения. Будучи крайними революционерами и утопистами-реформаторами большевики опасались влияния на пролетариат со стороны свергнутых классов, поэтому, придя к власти, они покончили с легальной деятельностью иных партий и газет. В начале 1918 г. у большинства рабочих исчезли конституционные иллюзии, были разгромлены альтернативные советам рабочие конференции и совещания. Важную роль в этом играла идейная, пропагандистская монополия большевистской партии [1, с. 349]. В связи с этим в написанной за несколько недель до Октября работе «Государство и революция» вопрос организации власти после вооруженного восстания в виде жесткой вертикали был сформулирован однозначно. Задача слома прежнего государственного аппарата обозначена в работе как одна из важных. Ленин понимал, что необходимым инструментом для удержания власти и реализации политических задач является партия большевиков. Его политическое предвидение позволило успешно воспользоваться моментом, который большевикам предоставила история: официально произошел возврат к лозунгу «Вся власть Советам» после его тактического временного снятия летом 1917 г., все еще сохранялась идея государства-коммуны как знамени, которое должно было привлечь рабоче-крестьянские массы на сторону большевиков. Для того чтобы реализовать задуманное, нужна была власть. По словам В. И. Ленина, «политической власти у нас сколько угодно», главное, чтобы на первое место вышла идеология. Именно она была подтверждена успехом большевиков в политике. Центром всех решений оставалась партия большевиков. Однако пролетарский характер партии был в разрыве с реальностью рабочего класса, поэтому идеология должна быть неразрывна с властью [2, с. 275].

Активное использование лозунга государства-коммуны вначале позитивно влияло на рабоче-крестьянское общественное сознание и привлекало его на сторо-

ну большевиков. При этом опора на коммунарскую идею, идущую от марксизма, делала русских революционеров преемниками европейской революционной традиции и подтверждала «верность теории марксизма» и очевидность исторической закономерности. 1920-е гг. стали для СССР временем, когда идеи коммун в разных сферах общественной и хозяйственной жизни страны по-разному реализовывались на практике. Даже программа партии, принятая в 1919 г., включала в себя упоминания о разных формах коммун: для освобождения женщин от задач домашнего быта, для кооперативов, пролетариев и полупролетариев по производству необходимого потребительского товара¹⁴. Однако система власти эволюционировала в сторону от подлинного народовластия. Ситуация усугублялась тем, что в начале 1920-х гг. численное сокращение пролетариата, безработица, низкая зарплата привели к росту забастовок. Теперь классовое насилие стало оборачиваться против так называемой пролетарской власти. События начала 1920-х гг. показали высокую степень активности рабочего класса. В ходе массовых забастовок и выступлений проявлялось недовольство реальным положением трудящихся.

Притягательность идеологического конструкта большевиков в виде диктатуры пролетариата постепенно подменялась усилением диктатуры правящей партии. Идея пролетарского государства рушилась на глазах [4, с. 215].

Заключение

Работа «Государство и революция» ярко отражает противоречивую суть эпохи и понимание этой противоречивости и сложности большевиками. В условиях двоевластия весны — лета 1917 г., отразившего кризисность ситуации, ставка на проявление силы в ходе революции, жестко свергавшей старый режим, и установление диктатуры пролетариата была для большевиков единственно верным шагом в достижении поставленной цели. Крайне незрелое российское общество в состоянии системного кризиса «ухватилось за большевистский проект, как за якорь спасения» [12, с. 15]. Между тем заявление об отмирании государства, опора в переходный период на идею государства-коммуны, всеобщее вооружение народа как гарантию настоящего народовластия, формирование на основе этого добровольной армии и народной милиции, всенародные выборы органов системы управления и строгая отчетность ее перед народом, т. е. самоуправление народа — эти лозунги явно противоречили природе большевистской идеологии и организации. Чего в идее государства-коммуны было больше — популизма, утопизма, искренней веры в такую возможность? Вероятно, сумма всего перечисленного и, в первую очередь, миссионерская методология, преобладание в мировоззрении большевиков роли субъективного фактора проявились в использовании лозунга государства-коммуны в самый важный для большевиков период — завоевание власти и удержание ее на первых порах. Перемены последовали вскоре после октябрьских событий в виде первых декретов и практических действий новой власти. Весной 1918 г. стала очевидной утопичность большевистских обещаний. Партия большевиков стала стержнем политической системы. ВЦИК и Совнарком возглавлялись большевистскими лидерами. Декреты Совнаркома проводили в жизнь политику

¹⁴ Программа Российской коммунистической партии (большевики) // Восьмой съезд РКП (б), март 1919 г.: протоколы. М., 1959. С. 397.

партии большевиков [9, с. 131]. Разнообразие Советов на местах (социальное, классовое, партийное) было заменено большевизацией Советов. Начавшаяся социализация земли временно нейтрализовала крестьянство, давая большевикам временный политический выигрыш, но вскоре деревня ощутила жесткую руку новой власти. В промышленности начал действовать Декрет ВЦИК «О рабочем контроле», имевший крайне противоречивые последствия. В соответствии с ним решения рабочего контроля были обязательны для руководства предприятия, в том числе и технологического. Имели место случаи перехода рабочего контроля в рабочее самоуправление. Отраслями начали командовать профсоюзы в режиме «красногвардейской атаки». Начался процесс сращивания государства и профсоюзов. В 1921 г. профсоюзы были отстранены от управления отраслями производства. В русле централизующей тенденции в марте 1923 г. вышел Декрет «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности». Согласно ему руководство отраслью, которое раньше формировали профсоюзы, теперь назначалось. Командная система стала подменять провозглашенные выборные начала¹⁵. При этом следует отметить, что в центральных и региональных партийных и государственных органах «назначенчество» всегда было нормой. Наступающая сталинская эпоха была однозначна в утверждении централизации всех сфер жизни и деятельности молодого советского общества. Лозунг государства-коммуны ушел в прошлое и был заменен лозунгом единственного в мире государства рабочих и крестьян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксютин Ю. В. Послеоктябрьское похмелье гегемона: рабочий класс и политические партии России в первый год советской власти (ноябрь 1917 — конец 1918 гг.). М.: ИИУ МГОУ, 2013. 408 с.
2. Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М.: МИК, 1998. 304 с.
3. Березко В. Э. Ленинское понимание проблем государства и права // История государства и права. 2008. № 9. С. 34 — 36.
4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 — 1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
5. Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917 — 1918. М.: Наука, 1987. 350 с.
6. Исторический опыт трех российских революций: в 3 кн. М.: Политиздат, 1985. Кн. 1. 575 с.
7. Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 320 с.
8. Краус Тамаш. Ленин: социально-теоретическая реконструкция. М.: Наука, 2011. 395 с.
9. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917 — 1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
10. Раннесоветское общество как социальный проект. 1917 — 1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 1: Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 468 с.
11. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 2. 591 с.
12. Социокультурные основания и смысл большевизма / А. С. Ахиезер [и др.]. Новосибирск, 2002. 607 с.

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 2: (17 марта — 10 июля 1918 г.). М.: Политиздат, 1959. С. 5.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

Информация об авторе:

Наталья Ивановна Суханова, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения (141014, Россия, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24), доктор исторических наук, Sukhanovani@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aksyutin YuV. The post-October Hangover of the Hegemon: the Working Class and Political Parties of Russia in the First Year of Soviet Power (November 1917 — the End of 1918). Moscow;2013. (In Russ.)
2. Bezanson A. The Intellectual Origins of Leninism. Moscow;1998. (In Russ.)
3. Berezko VE. Lenin's Understanding of the Problems of State and Law. *History of State and Law*. 2008;(9):34—36. (In Russ.)
4. Buldakov VP. Utopia, Aggression, Power: Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time. Russia, 1920 — 1930. Moscow;2012. (In Russ.)
5. Gorodetsky EN. The Birth of the Soviet State. 1917 — 1918. Moscow;1987. (In Russ.)
6. The Historical Experience of Three Russian Revolutions. Moscow;1985;1. (In Russ.)
7. Kalashnikov VV. The Russian Revolution: Key Decisions. History and Historiography. St. Petersburg; 2021. (In Russ.)
8. Kraus Tamas. Lenin: Socio-Theoretical Reconstruction. Moscow;2011. (In Russ.)
9. Leonov SV. The Birth of the Soviet Empire: the State and Ideology. 1917 — 1922. Moscow;1997. (In Russ.)
10. Early Soviet Society As a Social Project. 1917 — 1930s. Ekaterinburg;2018;1. (In Russ.)
11. The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture. Moscow;2017;2. (In Russ.)
12. Sociocultural Foundations and the Meaning of Bolshevism. Novosibirsk;2002. (In Russ.)

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Information about the author:

Natalya I. Sukhanova, Professor of the Department of Russian History at the State University of Education (24 Vera Voloshinoy Str., Mytishchi 141014, Russia), Doctor of Historical Sciences, Sukhanovani@rambler.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 351.741:“1920-1941”
EDN WMVHOI<https://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СОВЕТСКИЙ МИЛИЦИОНЕР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья)

Е. А. ЗверковВоронежский институт МВД России,
г. Воронеж, Россия
zverkovphd@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Органы внутренних дел Советской России имели специфичный, пограничный статус правоохранительной, но в то же время военизированной и вспомогательной по отношению к местным исполнительным органам власти структуры. Широкий перечень полномочий требовал значительного финансирования и строгого кадрового отбора. От этого зависели эффективность работы и статус милиционера. Исследователи уже обращали внимание на сложившееся противоречие, однако требуется дополнительное изучение положения советского милиционера в обществе, его повседневной жизни и отношений с населением, взаимосвязи государственной политики в отношении органов внутренних дел с их мотивацией к службе, уровнем дисциплины и способностью противостоять преступности.

Материалы и методы. Статья базируется на анализе документов, извлеченных из фондов федерального и региональных архивов. Исследование проведено на основе принципов историзма и научной объективности с использованием методов системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Экономические сложности в Советской России и недостаточное внимание государства к правоохранительной системе, отказ от организационного и культурного опыта царской полиции затрудняли формирование собственной корпоративной культуры и этики милиционера. В статье проанализированы особенности положения милиции в обществе, престижа службы в ней.

Заключение. На милицейское строительство отрицательно повлияли низкий уровень жалования и общая материально-техническая малообеспеченность, определенный риск жизни и здоровью в условиях высокого уровня преступности. Милиционеры регулярно жаловались на чрезмерную загруженность отчетной документацией и всевозможной общественной нагрузкой, в результате чего сложилось их специфичное отношение к себе и службе. Общий перелом в настроении милиции произошел с началом Великой Отечественной войны, когда личные сложности отошли на второй план.

Ключевые слова: органы внутренних дел, милиция, преступность, РСФСР, Центральное Черноземье

Для цитирования: Зверков Е. А. Советский милиционер в социокультурном пространстве: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 48 — 60. EDN WMVHOI

Original article

THE SOVIET POLICEMAN IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE: 1920 — 1941 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region)

E. A. Zverkov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Voronezh, Russia
zverkovphd@yandex.ru

Abstract

Introduction. The internal affairs bodies of Soviet Russia had a specific, borderline status of a law enforcement, but at the same time a paramilitary and auxiliary structure in relation to local executive authorities. A wide range of authorities required significant funding and strict personnel selection. The efficiency of the work and the status of the policeman depended on it. Researchers have already drawn attention to the existing contradiction, but additional study of the position of the Soviet policeman in society, the daily life and relations with the population, the relationship of state policy towards internal affairs bodies with their motivation to serve, the level of discipline and the ability to resist crime is required.

Materials and methods. The article is based on the analysis of documents extracted from the funds of the federal and regional archives. The research was conducted on the basis of the principles of historicism and scientific objectivity connected with system analysis methods.

Results and discussion. The economic difficulties in Soviet Russia and the insufficient attention of the state to the law enforcement system, the rejection of the organizational and cultural experience of the tsarist police made it difficult to form their own corporate culture and ethics of a policeman. The article analyzes the peculiarities of the position of the police in society, the prestige of service in it.

Conclusion. The police construction was negatively affected by the low level of wages and general material and technical poverty, a certain risk to life and health in conditions of a high crime rate. The policemen regularly complained about excessive workload with accounting documentation and all kinds of social workload, as a result of which their specific attitude towards themselves and the service developed. The general change in the mood of the police occurred with the beginning of the Great Patriotic War, when personal difficulties faded into the background.

Keywords: internal affairs bodies, police, crime, RSFSR, Central Chernozem region

For citation: Zverkov EA. The Soviet Policeman in the Socio-Cultural Space: 1920 — 1941 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):48—60. EDN WMVHOI

Введение

Получение советской милицией наименования «рабоче-крестьянской» и «народной» не повлияло на изменение задач правоохранительных органов. Реальная природа советской милиции, как и дореволюционной, была охрана общественного порядка. В рамках системы двойного подчинения советские органы самостоятельно осуществляли все значительные кадровые назначения. Большевики постоянно противопоставляли милицию дореволюционной полиции, которую В. И. Ленин в «Письмах из далека» определил как «особую, отделенную от народа и противо-

поставленную ему организацию вооруженных людей»¹. Ленинский курс нашел свое выражение в подчинении милиции Советам, отождествленных с «народом», а равно — в кадровом подборе. В долгосрочной перспективе эта концепция привела к неоднозначным последствиям.

Материалы и методы

При подготовке исследования использованы архивные материалы, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также государственных архивов Воронежа, Курска, Липецка и Тамбова. Ряд документов впервые вводится в научный оборот. При написании статьи применены принципы историзма и научной объективности, использованы методы системного анализа.

Обзор литературы

Особенностью советского этапа изучения органов внутренних дел и истоков преступности историки справедливо выделяют высокую степень предвзятости в изложении материала — достаточно вспомнить двухтомник «История советской милиции», вышедший в свет в 1977 г. под редакцией министра внутренних дел СССР Н. А. Щёлокова. Концепция истории правоохранительной системы выстраивалась через доминанту партийных решений и политических курсов. Реальные проблемы общества и милиции игнорировались исследователями, фокусируя внимание на успехах милиции, ее поступательном развитии.

Более взвешенно к истории отечественных органов внутренних дел подошли современные историки. Вопросы социального положения рассматривались по отдельности — с точки зрения материальной обеспеченности, социальных гарантий и уровня образования. Так, В. М. Петрожицкий и В. А. Фурсов доказали, что государственное обеспечение и льготы работников милиции вводились со значительным отставанием, носили бессистемный характер и были существенно ниже тех, которые имели военнослужащие Красной армии [5; 12]. О социальной политике в отношении милиционеров и кадровой практике писала С. Н. Токарева, отметив и особенности социальной поддержки милиционеров государством, и привлечение на службу военнослужащих царской армии [8; 9]. Особенности психологической эволюции работников правоохранительных ведомств изучила А. А. Сёмик [6], вопросы формирования и становления органов советской милиции, а также их региональные особенности рассмотрели Д. В. Тумаков, М. С. Чудакова [11], М. В. Чигрин [13].

Результаты исследования и их обсуждение

Рабоче-крестьянский кадр милиции должен был сделать ее уважаемой. Для этого требовался комплекс мер формального и символического свойства. Создание корпоративной милицейской культуры натолкнулось на многочисленные сложности. Ведомственная этика в немалой степени основывается на традициях. Даже Красная армия (благодаря «военспецам») в немалой степени унаследовала кадры и самовосприятие царского времени. Милиции, в свою очередь, пришлось полностью отказаться от всех традиций, связанных с дореволюционным периодом. Внешняя символика милиции наталкивалась на дефицит формы. В лучшем случае

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 31. С. 41.

использовали армейское обмундирование [10, с. 11]. Начальник Орловской уездной милиции Соколов в мае 1920 г. жаловался, что «зачастую милиционера можно видеть в босом и оборванном виде, что, несомненно, уродует по существу вид милиционера» [14, с. 167]. Вопрос форменной одежды был решен только после Гражданской войны.

Культурно-просветительская работа в органах внутренних дел (далее — ОВД) носила эпизодический характер. Системность в данном вопросе была исключена в связи с чрезмерной загруженностью сотрудников. Неразумно широкие полномочия, предоставленные партийным органам, позволяли им действовать с позиции силы. Они предписывали милиции выполнить ту или иную работу, открыто препятствовали милиционерам в правовом контроле над членами партии. В частности, в 1921 г. заведующий политбюро Воронежского уезда обвинил начальника уездной милиции в фиксировании партийных работников, злоупотребляющих алкоголем [1, с. 20]. По мнению начальника Курского губрозьиска, высказанному в 1923 г., среди населения высоким авторитетом обладали работники розьиска². Милиции было сложнее сохранять статус. В период Гражданской войны в ОВД попали случайные люди, которых начали увольнять по мере стабилизации положения.

Популяризацию милиции пытались осуществить дешевыми проектами. Например, в 1924 г. «Воронежская коммуна» сообщала о введении в южных уездах губернии делопроизводства на украинском языке. В рамках программы «украинизации» милиции, инициированной центром, губернский отдел образования предложил заставить милиционеров пройти десятидневные курсы. В 1926 г. был составлен список из 101 милиционера Богучарского, Россошанского, Валуйского, Острогожского, Бобровского и Новохоперского уездов Воронежской губернии, знающих украинский язык³. Кампания проходила в рамках плана «украинизации» низового советского аппарата на 1926 – 1927 гг., в соответствии с которым, делопроизводство в некоторых сельских Советах Богучарского, Россошанского, Острогожского и Валуйского уездов переводилось на украинский язык. Кроме того, за указанные годы предполагалось «украинизировать» в вышеназванных уездах «аппарат милиции по 2 района на каждый уезд»⁴. Несмотря на хронический недостаток средств на реальную работу, для проведения курсов по подготовке работников для «украинизированного» советского аппарата и покупку учебников по украинскому языку планировалось выделить 8 тыс. руб.⁵

О необходимости сближения населения с милицией в апреле 1928 г. говорилось на Втором Всероссийском съезде административных работников [4, с. 49]. В циркуляре от 4 октября 1928 г. призывалось популяризировать работу уголовного розьиска путем помещения в газетах статей о состоянии преступности и проделанной уголовным розьиском работе, об отдельных тяжких преступлениях и способах их раскрытия. Работникам уголовного розьиска предписывалось периодически

² ГА КО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 105. Л. 139.

³ ГА ВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 123. Л. 163 — 164 об.

⁴ ГА ВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1620. Л. 15 об.

⁵ Там же. Л. 18.

выступать с отчетами на собраниях перед рабочими и на крестьянских сходах. Нередко на таких встречах, начало которым было положено еще в 1925 г., атмосфера была напряженной. Крестьяне получали возможность открыто высказать милиции свое недовольство. Милиционерам приходилось принимать удар за всю государственную политику в сфере противодействия преступности. Так, начальник милиции Воронежского уезда докладывал начальнику губернской милиции Плаксину о недовольстве крестьян работой милиции, так как из-за «мизерного штата некому было даже выезжать на происшествие»⁶. Народ не желал вникать в существующие трудности и требовал немедленного, видимого улучшения криминогенной ситуации. Милиционер снова стал символом всех существовавших в государстве проблем, так как в сельской местности, где нередко отсутствовали дороги и связь, на милицию фактически ложилась нагрузка по проведению в жизнь официальных решений власти. Начальник Валуйской милиции Мягков в 1926 г. свидетельствовал, что крестьяне, выпив, начинали «задирать милиционера как представителя власти»⁷. И это несмотря на то, что значительная часть милиционеров была выходцами из крестьян и продолжала иметь тесные связи с жителями деревни⁸. Однако следует отметить, что определенная доля населения к милиции относилась с пониманием⁹.

Милиционеры не чувствовали себя защищенными и независимыми. В 1922 — 1923 гг. их содержание было передано на местный бюджет. С того времени незавидное положение органов милиции в подавляющем большинстве регионов ухудшилось. В журнале «За власть Советов», официальном органе НКВД РСФСР, было отмечено: «Полураздетый, полуразутый, малограмотный и необученный своему делу милиционер оказался расхлябанным и, в конечном итоге, деморализованным»¹⁰. В Воронежской губернии затруднения с обмундированием (обеспечение милиционеров теплыми чулками, полушубками, шапками, варежками и др.) губисполком частично пытался решить за счет давления на разные организации¹¹.

Профессия милиционера оставалась одной из самых опасных. Они регулярно погибали в перестрелках во время арестов, многие становились жертвами покушений. Их график работы был ненормированным, приходилось выполнять срочные задания после дежурства¹². Следует отметить, что нелегкий труд милиционера по достоинству оценивался редко. Так, в 1922 г. начальник Воронежской губернской милиции Плаксин ходатайствовал перед губотделом управления о награждении бракованной лошадей бывшего помощника начальника Четверикова, прослужившего в розыске 5 лет и потерявшего здоровье после удара током (через телефон), но получил отказ¹³. Однако некоторые прошения удовлетворялись: в 1921 г. за храб-

⁶ ГА ВО. Ф. Р-38. Оп. 3. Д. 85. Л. 6 об.

⁷ ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 45.

⁸ ГА ЛО (Государственный архив Липецкой области). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁹ ГАСПИ ТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-840. Д. 2236. Л. 19

¹⁰ За власть Советов. 1922. № 1 — 2. С. 49.

¹¹ ГА ВО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 421. Л. 56, 164.

¹² ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 510. Л. 97.

¹³ Там же. Д. 406. Л. 67, 102.

рость в борьбе с преступностью были награждены обмундированием агент уголовного розыска и милиционер Рыльского уезда¹⁴; за высокий профессионализм при поимке бандитов денежной суммой в 1 тыс. руб. поощрены агенты Суджанского уголовного розыска¹⁵; в 1925 г. были награждены почетным оружием начальник Тамбовской губернской милиции Е. В. Знаменский и начальник Орловской губернской милиции А. И. Мазуров¹⁶; в декабре того же года, по случаю 8-й годовщины милиции, за отличную работу в борьбе с бандитизмом отрезом на брюки Новохоперский уисполком наградил 7 работников милиции и уголовного розыска¹⁷.

О трудностях непростой работы милиционеров писали местные газеты. Например, в «Курской правде» действовала колонка «Среди милиционеров», в которых были представлены статьи как об их успехах, так и о совершенных ими преступлениях. Кроме того, печатались сюжеты из повседневной жизни представителей данной профессии¹⁸.

Следует отметить участие милиционеров и в различных видах общественной деятельности. Например, в 1923 г. в рамках проведения «Двухнедельника помощи школе» высоко оценена помощь тамбовской милиции детскому дому № 8, где жили 78 девочек: «Люди, живущие впроголодь, целыми днями стоящие на постах в заношенных шинелишках, бродящие по ночам в облавах на жуликов и бандитов, задыхающиеся в промозглых, холодных канцеляриях — вот наша милиция. И, несмотря на эти тяжелые материальные условия, она творит великое будущее Революции»¹⁹. Милиционеры взяли шефство над детским домом. На их деньги покупались еда и дрова.

Штат уездной милиции в значительной степени состоял из демобилизованных красноармейцев и молодых людей после службы в армии, поэтому их возраст в основном был от 18 до 30 лет. Так, в Елецком уголовном розыске на 1920 г. абсолютное большинство работников составляли мужчины до 30 лет²⁰. В 1924 г. на службу в уголовный розыск Воронежской области пришел 24-летний Т. Петров, имевший два класса высшего начального училища, годом ранее демобилизовавшийся из армии²¹. Начальнику уголовного розыска Курской губернии Разумовскому в 1920 г. исполнилось 26 лет, его помощнику — 27²². Судя по анкете Курского губернского отделения уголовного розыска, средний возраст его служащих составлял менее 25 лет²³.

С началом коллективизации советские органы остро нуждались в силовом сопровождении своей политики. В ведомственной печати развернулась идейная

¹⁴ ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. Л. 251.

¹⁵ Там же. Д. 105. Л. 304 об.

¹⁶ Кого и за что награждает советская власть // Административный вестник. 1925. № 11.

¹⁷ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 169. Л. 3.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 510. Л. 168.

¹⁹ Там же. Д. 531. Л. 70.

²⁰ ГА ЛО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 76. Л. 38, 47.

²¹ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 121. Л. 48.

²² ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. Л. 121.

²³ Там же. Л. 122.

поддержка по вовлечению милиции в политические кампании. Прозвучал призыв отказаться от «узкомиллицейского» характера административных органов²⁴. Милиционеры выезжали в села в качестве дополнительных сил ОГПУ, помогали бригадам по раскулачиванию (в связи с чем происходили столкновения с крестьянами), поддерживали общественный порядок при насильственной коллективизации. О. Н. Мигущенко отметил, что крестьяне воспринимали действия милиции как несправедливые. Это затрудняло работу со свидетелями, осложняло выполнение служебных обязанностей [2, с. 218]. В 1928 г. стали неоднократно фиксироваться случаи нападений на милиционеров по политическим мотивам. Известны неоднократные факты их избиения в ходе кампаний по изъятию крестьянского имущества. В 1929 — 1932 гг. милиция оказывала помощь органам ОГПУ в арестах противников мероприятий советской власти, участников беспорядков и антиколхозного движения. Они привлекались для умирения населения, разбиравшего по домам «обобществленный скот», контроля принудительного выхода на работу в колхоз, сопровождения работников сельских советов во время налоговых кампаний.

Специфичное отношение к службе отразилось в самовосприятии²⁵. Воронежские милиционеры часто игнорировали ношение форменной одежды или сочетали форменную фуражку с гражданской одеждой. Начальники, недовольные небрежностью внешнего вида подчиненных, наказывали арестами и внеочередными дежурствами и милиционеров, и их непосредственных руководителей²⁶. В декабре 1926 г. ЦАУ в циркуляре выразило начальникам административных отделов недовольство несоблюдением правил ношения форменной одежды работниками милиции и уголовного розыска во время несения службы²⁷.

Трудности возникали и с обращением крестьян в милицию. Например, в Новохоперском уезде Воронежской губернии крестьянам для этой цели приходилось проделывать 10 — 15 верст. Каждый милиционер обслуживал по 2 — 3 сельских Совета, находившихся друг от друга в 30 верстах, или до 20 поселков (в 5 верстах и более). Три агента уголовного розыска, оставшиеся на указанный уезд, не справлялись с работой, вследствие чего им в помощь подключилась волостная милиция. В 1925 г. 5 уголовно-розыскным столам Тамбовской губернии приходилось обслуживать 2 500 млн сельского населения. По словам крестьянина Батракова, в результате необдуманных сокращений штатов агенты уголовного розыска потеряли возможность оперативной работы и «засели за бумагами в кабинетах»²⁸. Уездным начальникам милиции необходимо было присутствовать на заседаниях и пленумах уездных комитетов партии, разумеется, без решающего голоса.

Отчетность «перед массами» усугубляла и без того сложное положение милиционеров. В рамках общественной работы в мае 1931 г. милицией Центрально-Черноземной области были сделаны доклады о работе и реорганизации органов ми-

²⁴ Лазарев С. Итоги совещания начальников областных адм.отделов // Административный вестник. 1929. № 6 — 7. С. 12.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 21. Л. 1 об.

²⁶ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 21. Л. 75 — 78.

²⁷ ГА ЛО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 253. Л. 26.

²⁸ О штатах Милиции и Уголовного розыска // Административный вестник. 1925. № 11. С. 80.

лиции (в партийных и государственных органах — 596, перед «трудящимися» — 664)²⁹. В среднем на одно управление милиции приходилось до 10 — 12 докладов в месяц. В апреле 1932 г. милиция и уголовный розыск области совокупно провели 388 выступлений перед колхозниками, 368 — на бедняцких собраниях, 431 — общих собраниях, 32 — рабочих, 94 — «на прочих собраниях». Итого — 1 303, не считая 721 выступление перед советскими и партийными органами. Однако данные показатели партийное руководство считало неудовлетворительными. Доклады делали в основном начальствующий и оперативный состав уголовного розыска³⁰. Кроме того, милиционеров заставляли быть членами сельских и городских Советов, районных исполкомов, общественных организаций, таких как МОПР и ОСОАВИАХИМ³¹.

Органы милиции активно взаимодействовали с региональной прессой. В 1929 г., согласно данным прокурора Центрально-Черноземной области Нелидова, «по газетным заметкам было возбуждено 795 уголовных дел, 235 дисциплинарных»³². Губернская прокуратура направляла запросы в милицию на проверку сведений, опубликованных в газете. Для этого существовал специальный бланк, в который от руки вносились сведения о дате и номере выпуска, заголовке статьи³³.

20 марта 1925 г. начальник милиции Острогжского уезда Мязин в связи с большим количеством заявлений о должностных преступлениях в газете «Наша жизнь» циркулярно приказал начальникам волостных милиций и начальнику уголовного розыска уезда немедленно принять меры дознания по всем поступающим заявлениям. Они преимущественно исходили от крестьян. О каждом из них следовало незамедлительно сообщать помощнику губернского прокурора³⁴. Гражданам, подавшим заявление о происшествии, выдавались «квитанции».

В качестве дополнительной нагрузки милиционеров заставляли брать шефство над колхозами и сельскими Советами. Оно выражалось в сборе средств на подарки, участия в культурной жизни деревни, открытии библиотек, праздновании памятных дат (8 марта, День Парижской коммуны, день «низвержения самодержавия» и др.). В рамках празднований милиционеров отправляли на помощь колхозам, вносили деньги на МОПР и т. д. Для милиции особо болезненным во всех отношениях было участие в сборе средств в пользу колхозов, весенней посевной кампании и коллективизации, пресечения «хищнического убоя скота», заготовке сена и леса. В связи с этим ежегодно проводилось более тысячи всевозможных собраний. В марте 1931 г. из аппарата милиции для решения этих задач выехали 1 148 сотрудников, затрачено 6 985 человекодней³⁵.

Работники розыска постоянно перерабатывали, почти не имели льгот. Очевидное недовольство агентов Курского уголовного розыска вызывал дефицит трамвай-

²⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1481. Л. 16.

³⁰ Там же. Д. 1460. Л. 119.

³¹ Там же. Л. 119 об.

³² Коммуна. 1929. № 25 (2764). 1 фев. С. 3.

³³ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

³⁴ Там же. Д. 17. Л. 3.

³⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 121 об.

ных билетов. В силу специфики службы ездить приходилось часто. Билеты оплачивались из личных средств. В результате долгих переговоров с соответствующими службами было признано «возможным допущение проезда на передней площадке трамвая в штатском платье работникам Милиции и Угрозыска по служебным удостоверениям»³⁶.

В начале 1930-х гг. была предпринята попытка организации ведомственного спорта и спортивной журналистики. Возможно, участие в «динамовских» мероприятиях стало для сотрудников еще одним обременительным обязательством. Только этим можно объяснить недисциплинированность и низкие результаты при сдаче норм ГТО³⁷. В Липецке в 1931 г. началось устройство спортивных секций и игровых площадок, на которых сотрудники тренировались после службы. Была организована работа с ведомственными милиционерами при предприятиях. Созданы 6 коллективов общей численностью 200 чел. Оборудована водная станция³⁸. В Воронеже в 1937 г. функционировала «динамовская» организация в дивизионе особого назначения. Сотрудники активно занимались спортом, осуществляли зимние пробеги на лыжах, имели хорошие спортивные показатели — из 49 участников организации 37 имели значок ГТО 1-й степени³⁹. В 1939 г. «динамовское» движение получило новый импульс. Был утвержден Устав спортивного общества, определен состав его участников, сформировано общество «Юный Динамовец»⁴⁰, члены которого получали право бесплатно пользоваться спортивными сооружениями и инвентарем; посещать школы, курсы и семинары, организуемые обществом; носить форму и значок общества⁴¹. Однако данная деятельность имела неустойчивый характер, действуя эпизодично, в основном в форме проведения соревнований и сдачи норм ГТО [7, с. 172].

В 1931 г. общее количество сотрудников милиции Центрально-Черноземной области составляло 8 287 чел. Из них только 1 848 (многие формально) были охвачены школами и кружками. Политработа велась несогласованно вследствие разброшенности милицейских участков и частых привлечений инспекторов к политическим и экономическим кампаниям⁴². Занятия по повышению квалификации работников проводились начальниками и помощниками районных управлений милиции, в отдельных районах — прокурорами и следователями. Учитывая то, что они сами регулярно находились в командировках, не приходится сомневаться: реального эффекта такие занятия не имели. На бумаге дела обстояли более оптимистично — милиционеры посещали совпартшколы, кружки политической грамоты и самообразования, драматические кружки (2 кружка с 18 посетителями), кружки милицейских корреспондентов (93 чел.)⁴³ и др. В 1931 г. в Черноземье действовали 74 «ленинских

³⁶ ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 218. Л. 20.

³⁷ Васильев. Итоги внутридинамовской спартакиады // Динамовец ЦЧО. 1932. № 2-3. С. 6.

³⁸ Фокин. Как мы работали // Динамовец ЦЧО. 1932. № 5. С. 18.

³⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 сч. Д. 51. Л. 21, 21 об.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1479. Л. 101.

⁴³ Там же. Д. 1481. Л. 11.

уголка» (15 формально), 42 библиотеки (только половина была обеспечена книгами)⁴⁴. Из сводки об общественно-политической, воспитательной работе и материально-бытовых условиях органов милиции Центрально-Черноземной области за июнь 1931 г. вырисовывается противоречивая ситуация. По причине массового участия милиции в посевной и прополочной кампаниях, а также в мероприятиях по «сплошной коллективизации» культурно-просветительская работа почти не велась. В области функционировали только 5 милицейских клубов — в Тамбове, Орле, Россоши, Богучаре и Алексеевке⁴⁵.

Милиции приходилось ежемесячно предоставлять сведения о проделанной работе вышестоящему руководству, партийным организациям, райисполкомам и т. п. По требованию НКВД готовились ежемесячные, квартальные, полугодовые и годовые отчеты. Темп жизни сотрудника неоправданно ускорялся, а эффективность работы падала. Значительная часть предпринятых мер командного состава уходила на поддержание приемлемого уровня сотрудников с партийными билетами. В 1932 г. из 2 309 представителей старшего начальствующего состава милиции, служивших в Центрально-Черноземной области, 39,9 % имели партийные билеты, 2,2 % — комсомольские. В ведомственной милиции, насчитывавшей 161 человек, аналогичные показатели составляли 52,0 и 4,8 %; в младшем и рядовом составе (численность 970 чел.) — 19,8 и 3,7 % соответственно. Среди рядового состава ведомственной (4 847 чел.) показатели оказались еще ниже — 13,0 и 3,2 %. Таким образом, из общего числа милиционеров (8 287 чел.) членов партии насчитывалось 19,0 %, комсомольцев — 2,8 %⁴⁶.

Значительное влияние на укрепление авторитета милиционера сыграла Великая Отечественная война. Многие сотрудники милиции добровольцами ушли на фронт. Начало войны укрепило чувство служебной дисциплины и ответственности. Факты грубых нарушений законности со стороны милиционеров носили единичный характер. Милиция приняла деятельное участие в помощи фронту. Например, за 1941 г. ведомственной милицией Кагановичского района Воронежа были собраны 3 тыс. руб. на строительство танков, 1 740 руб. — покупку теплых вещей для бойцов Красной армии, 490 руб. — приобретение новогодних подарков⁴⁷. Кроме того, в апреле 1942 г. сотрудники ведомственной милиции Воронежа полностью отдали зарплату на Государственный военный займ⁴⁸.

В годы Великой Отечественной войны велась работа по развитию милиционерами подсобного хозяйства. В Воронежской области 61 райотдел НКВД был охвачен коллективным огородничеством — были засеяны 52 га проса, 17 га разного зерна, 102 га овса, 42 га ячменя, по 5 га яровой пшеницы и овощей — всего 223 га⁴⁹. Помимо этого, милиционеры имели небольшие огороды (0,15 га), где сажали картофель, помидоры, капусту для личных нужд и общественной столовой⁵⁰. Семьям сотруд-

⁴⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 122.

⁴⁵ Там же. Д. 1482. Л. 55.

⁴⁶ Там же. Д. 1952. Л. 78.

⁴⁷ Там же. 550. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4583. Л. 182.

⁵⁰ Там же. Д. 4585. Л. 71 — 71 об.

ников, ушедших на фронт, оказывалась помощь в подвозе дров, предоставлении тягловой силы для работы на огороде, в уборке урожая, ремонте домов и квартир.

Трудности военного времени не смогли сломить дух милиционера. Однако были единичные случаи, когда обстоятельства вынуждали человека на крайние меры. Так, 4 декабря 1942 г. покончил с собой милиционер воронежского веддзвода Е. Денякин, служивший в органах с 1932 г. Причиной послужили сильные душевные переживания — семья милиционера не смогла эвакуироваться с шиловской дачи⁵¹.

Заключение

Для государственной власти рассматриваемого периода милиция представлялась как орган, выполняющий в первую очередь задачи политического характера. Исходя из этой доктрины выстраивалась кадровая политика и система приоритетов деятельности. Милиция попала в противоречивое положение, принимая участие в различных общественных и политических кампаниях, которое усложнялось финансовой зависимостью от местных органов власти [3, с. 108 — 109].

Складывание корпоративной культуры упиралось в отсутствие традиций, связи поколений, неровный характер развития милиции, текучесть кадров. Предпринимаемые меры по культурному воспитанию милиционера получили незначительный эффект в силу чрезмерной перегруженности работников и по причине скудных материальных средств, выделяемых на создание благоприятной культурной среды. Тем не менее милиционеры, как и весь советский народ, отбросили в сторону все личные трудности и показали исключительную самоотверженность и дисциплинированность в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексанян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917 — 1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61): в 3 ч. Ч. 2. С. 16 — 27.
2. Мигушенко О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области). М.: Юрист, 2008. 247 с.
3. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов: история НКВД — МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова, 1917 — 1982. М.: Весты, 1995. 412 с.
4. Павлов А. Н. Взаимодействие органов милиции и общественных организаций по охране правопорядка в период новой экономической политики (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 47 — 53.
5. Петрожицкий В. М. Организационно-правовые основы социальной и правовой защиты сотрудников милиции РСФСР (1917 — 1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 221 с.
6. Сёмик А. А. Социально-психологический облик российского полицейского и советского милиционера: сравнительно-историческое исследование (конец XIX — XX вв.): дис. ... д-ра. ист. наук. Краснодар, 2003. 514 с.
7. Смирных В. Люди тревожного времени. Очерки истории Воронежской милиции 20 — 30-х гг. 20 в. Воронеж: Воронеж. обл. тип. — изд-во им. Е. А. Болховитинова. 2010. 190 с.

⁵¹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584. Л. 312 об.

8. Токарева С. Н. Милиция Черноземного центра России в начале 1920-х годов: характеристика кадрового состава // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 198 — 205.

9. Токарева С. Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920 — 1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 109 — 116.

10. Токарь Л. Н. Советская милиция. СПб.: Эксклюзив, 1995. 160 с.

11. Тумаков Д. В., Чудакова М. С. Правопорядок и госбезопасность Советской России (1917 — 1918 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 82 — 93 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf>

12. Фурсов В. А. Правовые и организационные основы государственной службы: (1917 — 1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 171 с.

13. Чигрин М. В. Формирование и становление органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917 — 1922 гг.: на материалах Симбирской, Самарской, Пензенской губерний и Чувашской автономной области // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 94 — 104 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-11.pdf>

14. Щендригин Е. Н. Орловская милиция (1917 — 1928 гг.). Орел: Труд, 2003. 198 с.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

Информация об авторе:

Евгений Андреевич Зверков, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России (394065, Россия, г. Воронеж, Проспект Патриотов, 53), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>, zverkovphd@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleksanyan NA. The Formation and Activity of the Soviet Militia of the Voronezh Province During the Civil War (1917 — 1922). *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2015;(11);2:16—27. (In Russ.)

2. Migushchenko ON. The Influence of the Socio-Economic Policy of the State on the Formation of the Legal Consciousness of the Rural Population (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). Moscow;2008. (In Russ.)

3. Nekrasov VF. Thirteen “Iron” Commissars: the History of the NKVD-Interior Ministry from A. I. Rykov to N. A. Shchelokov, 1917 — 1982. Moscow;1995. (In Russ.)

4. Pavlov AN. Interaction of Police and Public Organizations for the Protection of Law and Order During the Period of the New Economic Policy (Historical and Legal Aspect). *Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*. 2006;(3):47—53. (In Russ.)

5. Petrozhitsky VM. Organizational and Legal Foundations of Social and Legal Protection of Police Officers of the RSFSR (1917 — 1941). Abstract dis. ... Cand. of Law. Sci. Moscow;1997. (In Russ.)

6. Semik AA. The Socio-Psychological Appearance of the Russian Policeman and the Soviet Policeman: a Comparative Historical Study (Late XIX — XX Centuries). Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Krasnodar;2003. (In Russ.)

7. Smirnykh V. People of an Anxious Time. Essays on the History of the Voronezh Militia of the 20 — 30s of the 20th Century. Voronezh;2010. (In Russ.)
8. Tokareva SN. Militia of the Chernozem Center of Russia in the Early 1920s: Characteristics of the Personnel. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2013;(2):198—205. (In Russ.)
9. Tokareva SN. Social Policy Towards Police Officers in the 1920s — 1930s. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;(2):109—116. (In Russ.)
10. Tokar LN. The Soviet Militia. St. Petersburg;1995. (In Russ.)
11. Tumakov DV, Chudakova MS. Law and Order and State Security of Soviet Russia (1917 — 1918). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):82—93. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf> (In Russ.)
12. Fursov VA. Legal and Organizational Foundations of Public Service: (1917 — 1941). Dis. ... Cand. of Law. Sci. Moscow, 2002. (In Russ.)
13. Chigrin MV. Formation and Formation of the Soviet Militia in the Middle Volga Region in 1917 — 1922: Based on the Materials of the Simbirsk, Samara, Penza Provinces and the Chuvash Autonomous Region. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):94 — 104 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-11.pdf> (In Russ.)
14. Shchendrigin EN. Oryol Militia (1917 — 1928). Orel;2003. (In Russ.)

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Information about the author:

Evgeniy A. Zverkov, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (53 Prospect Patriotov, Voronezh, 394065, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>, zverkovphd@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.34).084:353
EDN WOFQYB

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ПОВСЕДНЕВНАЯ РАБОТА ПРАВИТЕЛЬСТВ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ В 1937 — 1953 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)

П. С. Учватов✉, Г. А. Куршева, Е. Н. Бикейкин, Т. М. Гусева

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

✉ uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время вопросы повседневной работы советских органов власти и управления на региональном уровне относятся к числу малоизученных. Рассмотренная в статье проблематика приобретает особую актуальность в свете постоянного реформирования государственной системы современной России, при осуществлении которого целесообразно учитывать опыт относительно недавнего советского прошлого.

Материалы и методы. Основой статьи послужили документы из фондов региональных архивов республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии. При обработке материалов использовались базовые принципы историзма и объективности, а также сравнительно-исторический, системный, проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе проведенного анализа документов рассмотрен ряд аспектов повседневной деятельности правительств — Совнаркомов (с 1946 г. — Советов Министров) Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1937 — 1953 гг. Уделено внимание условиям труда членов правительств и сотрудников аппарата, проблемам, с которыми сталкивались региональные органы власти в указанный период. Затронуты некоторые стороны образа жизни и привилегий республиканской советской номенклатуры.

Заключение. В изучаемый период в повседневной деятельности правительств автономных республик сталкивались с рядом проблем, в числе которых — чрезмерная загруженность, формализм, плохие условия труда, нехватка помещений и т. д. Попытки их решения со стороны руководства Советов министров оказывались недостаточно эффективными, а широко распространенная критика отдельных сторон функционирования органов власти не вызвала реальные изменения в работе регионального аппарата управления.

Ключевые слова: региональные органы власти и управления, СНК АССР, Совет Министров АССР, повседневность в работе советских органов, Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР

Для цитирования: Учватов П. С., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М. Повседневная работа правительств автономных республик Поволжья в 1937 — 1953 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 61 — 74. EDN WOFQYB

© Учватов П. С., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М., 2024

Original article

**THE DAILY WORK OF THE GOVERNMENTS
OF THE AUTONOMOUS REPUBLICS
OF THE VOLGA REGION IN 1937 — 1953
(based on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR)**

P. S. Uchvatov✉, **G. A. Kursheva**, **E. N. Bikeykin**, **T. M. Guseva**

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract

Introduction. Currently, the issues of the daily work of Soviet authorities and management at the regional level are among the little-studied elements. The problems considered in the article are of a particular relevance in the light of the constant reform of the state system of modern Russia, in the implementation of which it is advisable to take into account the experience of the relatively recent Soviet past.

Materials and methods. The article is based on documents from the funds of the regional archives of the republics of Mari El, Mordovia and Chuvashia. The basic principles of historicism and objectivity, as well as comparative historical, systemic, problem-chronological methods were used in the processing of materials.

Results and discussion. Based on the analysis of the documents, a number of aspects of the daily activities of governments — Sovnarkoms (since 1946 — Councils of Ministers) are considered Mari, Mordovian and Chuvash ASSR in 1937 — 1953. Attention is paid to the working conditions of government members and staff, the problems faced by regional authorities during this period. Some aspects of the lifestyle and privileges of the republican Soviet nomenclature are touched upon.

Conclusion. During the period under study, the governments of the autonomous republics faced a number of problems in their daily activities, including excessive workload, formalism, poor working conditions, lack of premises, etc. Attempts to solve them by the leadership of the Councils of Ministers turned out to be insufficiently effective, and widespread criticism of certain aspects of the functioning of the authorities did not cause real changes in the work of the regional units.

Keywords: regional authorities and management, the Council of Ministers of the ASSR, the Council of Ministers of the ASSR, everyday life in the work of Soviet bodies, Mari ASSR, Mordovian ASSR, Chuvash ASSR

For citation: Uchvatov PS, Kursheva GA, Bikeykin EN, Guseva TM. The Daily Work of the Governments of the Autonomous Republics of the Volga Region in 1937 — 1953 (Based on the Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):61—74. EDN WOFQYB

Введение

В 1930-е гг. советская общественно-политическая система оформилась в виде особой жизненной среды, характеризовавшейся такими чертами, как тотальное господство коммунистической партии, проникновение идеологии во все сферы жизни, вождизм, рост бюрократического аппарата, всеобщий контроль государства, репрессии по классовому признаку и т. д. [21, с. 10]. Данной системе свойственна сверхцентрализованная модель управления, основанная на жесткой иерархичности органов власти и широком применении в их работе мобилизационных, «чрезвычайных»

методов. Постоянно меняющиеся условия окружающей действительности и угроза наступления репрессий вынуждали советских людей, включая служащих советско-партийных органов, искать способы приспособления. В связи с этим повышалось значение выработывавшихся в системе управления неформальных практик, действовавших наряду с официально закрепленными нормами, а иногда и выходявших за их рамки.

В центре внимания данной статьи находятся Советы народных комиссаров (СНК; с 1946 г. переименованы в Советы министров) трех аналогичных по своему историческому и социально-экономическому развитию республик Поволжья — Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. На примере органов их власти, а также подчиненных им республиканских наркоматов (министерств) нами предпринята попытка выявить ряд особенностей в повседневной деятельности и условиях труда региональных советских служащих. В качестве нижней хронологической рамки выбран 1937 г. — год принятия конституций Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, в соответствии с которыми формально были образованы СНК этих республик. Верхняя временная граница — 1953 г. — соответствует времени смерти И. В. Сталина, после которой началась трансформация созданной им системы.

Материалы и методы

Работа основана на документах, извлеченных из фондов региональных архивов — Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Центрального государственного архива Республики Мордовия. При подготовке статьи мы опирались на базовые принципы историзма и объективности. Были использованы сравнительно-исторический, системный и проблемно-хронологический методы исследования.

Обзор литературы

При характеристике историографии темы приходится констатировать, что вопросы повседневной работы советско-партийных органов регионального, городского и районного уровней, как правило, оказываются на периферии научных исследований. Если авторы так или иначе обращаются к «обыденным», «будничным» сторонам деятельности властных структур, то редко ставят анализ именно этого аспекта в качестве своей основной задачи. Тем не менее к настоящему времени накоплена специальная литература, благодаря которой мы имеем возможность получить определенное представление об особенностях повседневной деятельности властных структур в различных регионах советской России. Так, в рамках изучения политических практик региональной номенклатуры к истории повседневности обратился В. П. Мохов [10; 11; 12]. Отдельные аспекты контроля за исполнением принятых решений, состояния кадров, социальной самоидентификации советских служащих в Ленинграде рассматриваются в работах К. А. Болдовского [1; 2] и Е. Д. Твердюковой [16; 17; 18]. Стиль работы органов власти, личностные качества руководителей и некоторые другие аспекты повседневной деятельности советско-партийных структур областей Урала рассмотрел А. Н. Федоров [19; 20]. Повседневным практикам региональной номенклатурной системы регионов Сибири посвящен ряд научных работ А. Б. Коновалова [5; 6; 7]. Устройство региональной власти, образы поведения советско-партийных руководителей, неформальные свя-

зи в номенклатурной среде затрагиваются также в трудах некоторых западных исследователей [3; 21].

В Марийской, Мордовской и Чувашской республиках комплексных исследований, посвященных повседневной деятельности, «обыденным» проблемам и условиям труда региональных советских служащих не проводилось. В опубликованных монографиях и статьях региональных ученых рассматриваются органы власти в целом либо основные направления их деятельности, без акцента на «обыденные» стороны работы [8; 9; 13]. Можно выделить лишь отдельные научные статьи, авторы которых обращают внимание именно на историю повседневности, затрагивая при этом советских служащих, органы власти и управления [4; 14; 15].

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях сталинской сверхцентрализованной системы управления, действовавшей к началу рассматриваемого периода, работа региональных органов власти и, в частности, СНК и наркоматов автономных республик Поволжья приобрела выраженную специфику. Характеризуя особенности повседневной деятельности и условий труда советских служащих, можно выделить несколько основных моментов.

Одними из распространенных проблем, с которыми сталкивались органы управления Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в конце 1930-х — 1940-е гг., были бюрократизм, загруженность канцелярской работой, низкое качество кадров, плохая организация делопроизводства и, как следствие — слабая эффективность контроля над принятыми решениями. Это признавалось, в том числе, руководством высших органов государственного управления республик. Например, в июне 1940 г. заместитель Председателя СНК Чувашской АССР Ф. А. Артемьев, характеризуя исполнение бюджета республики, подчеркивал, что Совнаркому необходимо повысить требовательность к работе наркоматов, рай(гор)исполкомов и хозяйственных учреждений¹. Однако подобные высказывания чаще всего оставались лишь призывами, реальное исполнение которых наталкивалось на объективные трудности. При том, что проходивший через канцелярии правительств АССР документооборот был велик, у их сотрудников часто не оставалось возможности ни рассмотреть (даже поверхностно) все входящие документы, ни проконтролировать исполнение в нижестоящих структурах каждого постановления, распоряжения и директивы. Особенно запущенной работа с документами была в период Великой Отечественной войны. Из практики СНК Мордовской АССР видно, что в 1943 г. в числе поступивших в его аппарат 390 протоколов заседаний райисполкомов, которые должны были анализироваться для последующего принятия мер, 224 остались даже не просмотренными. Сами протоколы, кое-как оформленные и изобиловавшие разнообразными ошибками, подшивались к делам только для вида. В ряде случаев это делалось настолько небрежно, что в одной папке оказывались документы из различных районов, причем поступившие в СНК республики в разные годы. Оправдываясь за состояние делопроизводства, заместитель председателя правительства И. А. Бобков объяснял: «В Совнаркоме никакой контрольной группы нет, поступа-

¹ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 273. Л. 198.

ют эти протоколы или к Сердцеву² или в общий отдел. В лучшем случае Сердцев пишет, ознакомить таких-то людей по народному образованию района или по сельскому хозяйству... А какие там нарушения, никто не смотрел, и протокол кладут в подшивку. Специального человека, ответственного за это дело, у нас нет»³.

Кроме того, нередки были непродуманные и просто незаконные действия отдельных руководителей региональных правительств, определявшиеся как «перегибы». Например, по протесту прокуратуры Мордовской АССР было отменено как противоречившее требованиям закона распоряжение заместителя Председателя СНК И. М. Дорофеева от 12 октября 1942 г. об организованном наборе рабочей силы на Саранскую ТЭЦ⁴. Отчасти наличие подобных случаев можно объяснить малообразованностью, грубостью руководителей, привыкших действовать методами «штурмовщины», а также отсутствием в аппарате правительства юрисконсульта, который мог бы предварительно проверять проекты готовившихся распоряжений на соответствие советским законам⁵.

Совнаркомы, а затем Советы Министров автономий пытались принимать меры по недопущению ситуаций, схожих с указанным примером. Однако попытки улучшить работу аппарата, наладить систему делопроизводства, устранить излишний бумажный поток не приносили ожидаемого результата. По-видимому, наиболее основательно к устранению недостатков в повседневной работе республиканских советских органов в послевоенные годы подходили в Совете Министров Марийской АССР. Его председатель Г. И. Кондратьев деятельно взялся за наведение порядка в управленческом аппарате. По его инициативе регулярно созывались производственные совещания сотрудников аппарата, на которых рассматривались и обсуждались текущие задачи, состояние исполнения бумаг и поручений руководства правительства, вопросы внутриведомственного контроля в республике и т. д. В 1947 г. под руководством Г. И. Кондратьева состоялось 9 таких совещаний, каждое из которых посвящалось определенной теме⁶. Дело, однако, встречало на своем пути множество препятствий. Например, 26 сентября 1947 г., а затем повторно — 9 октября, в аппарате Совета Министров республики были проведены проверки исполнения распоряжений руководства, в результате которых констатировалось значительное снижение государственной дисциплины. 10 октября по этому вопросу было созвано совещание и намечены пути устранения выявленных недостатков. Тем не менее проведенная в конце года проверка показала, что систематический контроль над реализацией принятых решений в министерствах, управлениях, исполкомах райсоветов не только не был усилен, но даже снизился. Совет Министров АССР вместо налаживания контроля за исполнением ранее изданных поручений, продолжал издавать документы по одному и тому же вопросу с установлением новых сроков исполнения. В результате его авторитет как органа власти снижался⁷.

² С. Н. Сердцев занимал пост управляющего делами СНК Мордовской АССР.

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 463. Л. 65.

⁴ Там же. Д. 278. Л. 156.

⁵ Там же. Д. 463. Л. 65.

⁶ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 493. Л. 1 — 26.

⁷ Там же. Л. 69.

Повсеместным и в какой-то степени общепринятым явлением была критика органов власти, отдельно взятых руководителей и их стиля работы. Негативные стороны работы аппарата обычно связывались не с недостатками системы как таковой, а с последствиями действий разоблаченных «врагов народа», «вредителей» и просто снятых с должности и переведенных на менее ответственную работу руководителей. Например, в 1938 г. при обсуждении составов СНК АССР депутаты Верховных Советов республик высказывали резкие замечания в адрес отдельных отраслевых органов управления⁸. Особенно ярко это проявилось в Чувашии, где критика звучала не только в отношении конкретных наркомов и ведомств, но и правительства в целом. Плохие показатели выполнения государственного плана развития народного хозяйства Чувашской АССР и недостатки в управлении рассматривались как следствие слишком медленной ликвидации последствий «вредительства». Председатель СНК Л. С. Спасов, хотя и не попал под репрессии, был с понижением снят с должности и подвергнут беспощадной критике как руководитель, не обеспечивший оперативного управления и проявивший «беззаботность» при очищении аппарата от «обюрократившихся элементов»⁹.

«Канцелярско-бюрократические» методы управления и другие пороки системы регулярно подвергались публичному осуждению на протяжении всего изучаемого периода. Например, на XX пленуме Обкома партии Марийской АССР в сентябре 1944 г. СНК республики был обвинен в слабом руководстве исполкомами райсоветов и отраслевыми ведомствами, недостаточном контроле над выполнением собственных решений. Нарекания высказывались также в отношении уполнаркомзага по Марийской АССР и Наркомата земледелия республики, не наведших порядка в работе МТС, в учете и хранении государственного хлеба¹⁰. В июне 1949 г. на заседании Верховного Совета Мордовской АССР широкой критике подвергся стиль работы Совета Министров автономии, «поверхностно» руководившего министерствами, управлениями и рай(гор)исполкомами¹¹.

С высказанными публично замечаниями было принято соглашаться. «Критику недостатков работы наркоматов Совнарком рассматривает... как помощь и поддержку в его работе», — говорил Председатель СНК Мордовской АССР В. В. Верендякин¹². Однако это не означало принятия реальных мер, направленных на устранение выявленных недостатков. Так, в июле 1938 г. была подвергнута резкой критике работа Управления по делам искусств при СНК Марийской АССР, но спустя полгода после этого практически ничего не изменилось¹³. Перестроить работу аппарата, часто недоукомплектованного, постоянно действующего в «авральном режиме», оказывалось крайне сложно.

⁸ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва, первая сессия (25 — 27 июня 1938 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1938. С. 42 — 44, 46 — 49; Речь депутата М. А. Ончукова // Марийская правда. 1938. 29 июля; Речь депутата А. Я. Мосоловой // Там же. 30 июля.

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 35. Л. 68 — 69.

¹⁰ XX пленум Марийского обкома ВКП(б) // Марийская правда. 1944. 27 сент.

¹¹ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва, пятая сессия (3 — 4 июня 1949 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1949. С. 17.

¹² Заседания Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва... С. 57.

¹³ Яналов А. Я., Георгиевский И. Г. Стиль руководства Управления по делам искусств // Марийская правда. 1939. 27 февр.

Чрезмерная загруженность, невозможность одинаково эффективно решать все возникавшие вопросы заставляли руководителей республиканских органов управления выстраивать приоритеты в работе. Например, если приглашение в обком партии или в органы власти федерального либо советского уровня проигнорировать было нельзя, то к заседаниям высших советских органов власти АССР наркомы/министры автономий относились с меньшей ответственностью. Так, в июне 1938 г. нарком просвещения Мордовской АССР И. Т. Сайгушев, исполняющий обязанности наркома здравоохранения Ю. И. Юшкин и управляющий Госбанка Шалаев без уважительной причины не посетили IX сессию ЦИК Мордовской АССР. По поручению ЦИК СНК республики рассмотрел этот случай и указал провинившимся на их недисциплинированность. Поведение руководящих работников тогда вызвало настолько резкую реакцию, что ЦИК даже распорядился опубликовать в печати решение СНК по поводу «пренебрежительного отношения» к обязанностям советских служащих¹⁴.

В предвоенные годы в Мордовии наркомы иногда не готовились должным образом к заседаниям Президиума Верховного Совета либо присылали вместо себя сотрудников аппарата. Это вызывало гнев со стороны функционеров президиума, стремившихся повысить его значение. Секретарь президиума Н. И. Юрков подчеркивал, что Верховный Совет республики имеет дело только с наркомами, и категорически выступал против сложившейся практики, когда некоторые руководители направляли на заседания своих заместителей и заведующих отделами¹⁵. Интересный случай произошел в 1942 г. в Чувашской АССР, когда председатель Президиума Верховного Совета З. А. Андреева — формально высшее должностное лицо республики — жаловалась на Управление связи Чувашии, начальник которого отказывался провести телефонную связь в квартиры сотрудников аппарата Президиума Верховного Совета и не обеспечивал его руководству телефонные переговоры с районами в любое время. При этом СНК Чувашской АССР такое право предоставлялось, что красноречиво свидетельствовало о реальной значимости указанных советских органов¹⁶.

В предвоенные и военные годы члены правительств АССР жили относительно скромно, хотя руководители и обладали повышенными заработными платами (оклад наркома во второй половине 1930-х гг. составлял 800 руб. в месяц)¹⁷. В целом невысокому благосостоянию служащих советского аппарата способствовали действия самих правительств автономных республик, следивших за тем, чтобы в условиях строгой экономии бюджетных средств работникам под разными предлогами не начислялись премии и другие выплаты. Так, 3 декабря 1940 г. СНК Марийской АССР запретил руководителям органов власти, учреждений и предприятий выдавать за составление годовых отчетов дополнительные вознаграждения, которые могли производиться только за счет установленных правительством республики источников премирования¹⁸.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 535. Л. 294, 297.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 20. Л. 31.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 49. Л. 241.

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 524. Л. 2.

¹⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 1. Д. 191. Л. 29.

Однако помимо заработной платы члены правительств АССР довольствовались рядом льгот и привилегий. Одной из наиболее важных с точки зрения благосостояния и комфорта являлось предоставление жилья. Например, руководители Чувашской республики на рубеже 1930 — 1940-х гг. получали «элитные» квартиры в домах, возведенных в прошлом десятилетии. В отличие от подавляющего большинства остального жилья того периода в этих квартирах с улучшенной планировкой имелись некоторые удобства, а с середины 1930-х гг. к ним был проведен водопровод¹⁹. Для большинства советских граждан, ютившихся в землянках, бараках и коммунальных комнатах, это был недостижимый уровень. В распоряжении республиканских руководителей также имелись особые закрытые столовые, избавлявшие их от унизительной необходимости стоять в очереди²⁰. Председатели СНК и ключевые члены правительств пользовались спецсвязью²¹ и редким в автономных республиках автомобильным транспортом²².

Из одежды многие руководители предпочитали носить не традиционные костюмы с ботинками, а гимнастерки с сапогами: видимо, так пытались и «подражать» И. В. Сталину, и показывать близость к народу. К тому же найти что-то необходимое, в том числе из одежды, было не просто даже для ответственных работников аппарата. Марийский советско-партийный руководитель П. А. Алмакаев вспоминал, как сотрудники партийных и государственных органов совершали поездки в Казань, чтобы купить там одежду или другие вещи, поскольку в магазинах Йошкар-Олы достать что-нибудь удавалось не всегда²³.

В послевоенные годы уровень жизни региональной номенклатуры начал повышаться. Росла и заработная плата: например, в месяц председатель Совета министров АССР получал 1 600, его заместители — 1 300, руководители рангом ниже — около 1 000 руб. (у рядовых сотрудников аппарата должностной оклад был в 2 — 3 раза меньше)²⁴. Но более широкие возможности для повышения имущественного положения у советской элиты имелись «неофициально», чему способствовала складывавшаяся в национальных автономиях система подбора кадров, при которой многие руководители на местах получали назначения по принципу личной преданности. Иногда злоупотребления принимали широкий для того времени размах. Например, один из членов Совета Министров Марийской республики организовал строительство своего дома за государственные средства, а затем, уезжая из региона, продал его, выручив таким способом 70 тыс. руб. В начале 1950-х гг. за вскрывшиеся нарушения он был исключен из партии²⁵.

Наиболее яркие факты из жизни региональной элиты озвучивались на X Мордовской областной партийной конференции в начале 1950 г. после отставки пред-

¹⁹ Терентьев А. И. Чебоксары и чебоксарцы: записки краеведа. 3-е изд., доп. и перераб. Чебоксары, 2001. С. 152 — 153.

²⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1073. Л. 23, 26.

²¹ Там же. Д. 537. Л. 281.

²² Там же. Д. 514. Л. 33.

²³ Алмакаев П. А. Годы и люди: воспоминания, размышления / под общ. ред. Н. И. Сазонова. Йошкар-Ола, 1998. С. 127.

²⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 405. Л. 2 — 3.

²⁵ ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 253. Л. 213.

седателя Совета министров Мордовии Н. Я. Тингаева. Приведем здесь некоторые из них для получения некоторого представления о нравах республиканской советско-партийной номенклатуры. Так, мордовский скульптор М. И. Нефедов по специальному заказу изваял скульптуры руководителя правительства, а также членов его семьи. Не привыкшие отказывать себе в комфорте, Н. Я. Тингаев и его жена имели несколько десятков костюмов и пальто для разных случаев. При этом супругу Н. Я. Тингаева обслуживали две машины Совета министров, а когда однажды ей понадобилось новое оригинальное платье, для этого собрали совещание портних Саранского драматического театра. В Сталинградской области, откуда Н. Я. Тингаев приехал в Мордовию и где остались его родственники, он построил дом, для чего с помощью одного из заместителей переправил туда три вагона леса. Помимо этого бывшему председателю Совета министров приписывался ряд разных незаконных действий, направленных на личное обогащение и связанных со злоупотреблением служебным положением²⁶.

Остановимся также на условиях труда работников советского аппарата, которые в рассматриваемый период в большинстве случаев признавались неудовлетворительными. На рубеже 1930 — 1940-х гг. Правительства АССР переезжали в строящиеся Дома Советов, не только служившие административными зданиями, но и игравшие важную символическую роль как центры новой, советской власти. В то же время многие наркоматы и другие республиканские органы управления продолжали довольствоваться помещениями, «разбросанными» по разным зданиям, непригодным для этих целей. Например, Наркомат коммунального хозяйства Мордовской АССР во второй половине 1930-х гг. размещался в жилом доме, рядом с уже заселенными квартирами²⁷. Об условиях, в которых приходилось трудиться сотрудникам государственного аппарата, красноречиво говорят результаты проведенных обследований. Так, в 1940 г. Наркомат просвещения Чувашской АССР работал в крайней тесноте: в одной комнате, где стояли девять столов, находились одиннадцать служащих, некоторые из них работали вдвоем за одним столом. В канцелярии были антисанитария и беспорядок, на полу разбросаны бумаги, верхнюю одежду сотрудники оставляли «где попало», поскольку вешалки отсутствовали²⁸.

При этом режим дня в советских органах и учреждениях не был упорядочен. Сложившаяся система управления с широко распространенными методами «штурмовщины» предполагала, что члены правительств АССР могли быть вызваны на работу в любое время, а их рабочий день иногда заканчивался глубокой ночью. Соответствующие требования они предъявляли и к сотрудникам аппарата. Попытки регламентировать рабочее время были предприняты только в 1950-е гг., уже после смерти И. В. Сталина²⁹.

Дефицит административных зданий естественным образом порождал жесткую конкуренцию между властными структурами. Как правило, в лучшем положении

²⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 5. Д. 224. Л. 49, 54, 77, 105.

²⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 436. Л. 13.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 114. Л. 22 об.

²⁹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 586. Л. 272 — 273; ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1520. Л. 148 — 149.

оказывались ведомства с ярко выраженным двойным подчинением, которые могли обращаться за поддержкой к вышестоящим органам. В 1937 г. в Мордовии возник конфликт между народными комиссариатами юстиции и внутренних дел из-за здания, занимаемого клубом НКВД. Обращение наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко в Президиум ВЦИК должно было воздействовать на региональные органы власти, однако роль и значение НКВД в это время сильно выросли. Нарком внутренних дел Мордовской АССР С. М. Вейзагер проявил политическую подкованность: приводя аргументы за то, чтобы оставить здание за своим ведомством, он свел все к тому, что его передача Наркомосту станет политически неправильной³⁰. В результате было принято решение сохранить клуб за НКВД. В 1939 г. НКВД Мордовской АССР также было передано здание, занимаемое Саранским горсоветом, а последнему отдали старое здание Наркомата внутренних дел³¹. Наиболее влиятельные властные структуры фактически улучшали положение сотрудников за счет тех, кто, обладая меньшим весом, не мог отстоять собственные позиции.

Примечательно, что проблемы с административной площадью отчасти сохранялись и в послевоенные годы. Например, в 1947 г. один из сотрудников аппарата Совета Министров Марийской АССР отмечал, что ему приходится работать в комнате, где постоянно находились еще пять человек. При этом сильный шум создавали постоянно «осаждавшие» кабинет посетители³². До конца периода вопрос с нехваткой помещений так и не был решен.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в целом условия работы советских органов власти приволжских автономных республик были сложными, что особенно проявлялось в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Аппарат правительств и других органов государственного управления АССР, часто недоукомплектованный, испытывавший нехватку грамотных кадров, не справлялся с многочисленными обязанностями и обеспечением контроля над исполнением принятых решений. У членов Совнаркомов / Советов Министров АССР имелся ряд льгот и привилегий, однако в то же время ответственные советские работники сталкивались с плохими условиями труда и существенными недостатками в организации повседневной деятельности органов власти. Безусловно, это не могло положительно отразиться на эффективности работы регионального государственного аппарата, выступавшего проводником спускаемых «сверху» решений. Однако попытки исправить ситуацию в существовавших условиях наталкивались на множество трудностей и вряд ли могли привести к реальному результату без реформирования самой системы управления. Раздававшаяся критика имевшихся недостатков обычно затрагивала отдельные ведомства и их должностных лиц, но не систему и не приводила к реальному улучшению работы органов власти, имея в определенной степени ритуальный характер. Призывы республиканских руководителей устранять выявляемые недостатки оставались декларативными, а принимавшиеся правительствами АССР меры, как правило, не приводили к должным результатам.

³⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 445. Л. 101.

³¹ Там же. Д. 614. Л. 2.

³² ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 493. Л. 3.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат блокадного Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.
2. Болдовский К. А. Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 840 — 852.
3. Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / [пер. с англ. Т. Н. Саранцевой]. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
4. Кадерова Т. Н. Повседневная жизнь в годы Великой Отечественной войны: трудности и проблемы // Общество и власть. XX век / отв. ред. и сост. В. А. Юрчёнков. Саранск: НИИГН, 2006. С. 58 — 71. (Тр. / НИИГН; Т. 5 (122)). URL: <https://www.niign.ru/arhivnii/obshhestvo-i-vlast-20-vek-trudyi-tom-5.pdf>
5. Коновалов А. Б. Идеи региональных лидеров КПСС по совершенствованию системы управления экономикой во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. (на материалах Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4 (76). С. 47 — 57.
6. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945 — 1991): [моногр.]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 636 с.
7. Коновалов А. Б. Повседневные управленческие практики городских и районных номенклатурных кадров Западной Сибири в период «позднего сталинизма» // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2018. С. 471 — 492.
8. Матвеев А. П. Организация управлений промышленностью строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР (1939 — 1950 гг.) // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 36 — 38.
9. Морозова Ю. М. Верховный Совет Мордовии (1938 — 1994 гг.): моногр. Саранск: НИИГН, 2014. 164 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/morozova-yu.-m.-verhovnyij-sovet-mordovii.-1938-1994-gg.pdf>
10. Мохов В. П. Номенклатурный иммунитет // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 44 — 49.
11. Мохов В. П. Повседневность советской номенклатуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11—1 (37). С. 124 — 127.
12. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945 — 1991 гг.): моногр. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.
13. Муравьева И. В. Верховный Совет Чувашии (1938 — 1994). Формирование, состав, основные направления деятельности. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2018. 184 с.
14. Солдаткин А. П. Ротация кадров чиновничества Мордовии в период сталинизма (1928 — 1953 гг.) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. № 4 (40). С. 30 — 42.
15. Солдаткин А. П. Условия службы чиновников в Мордовии в конце 1920-х — 1930-е годы // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 22 — 30.
16. Твердюкова Е. Д. Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941 — 1944) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 177 — 188.
17. Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. № 21. С. 254 — 271.
18. Твердюкова Е. Д. Социальная самоидентификация руководителей блокадного Ленинграда (по их автобиографиям и анкетам) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Витебск: Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова, 2021. С. 327 — 329.

19. Федоров А. Н. И. М. Зальцман и Челябинский обком ВКП(б): взаимоотношения местных партийных и хозяйственных органов в первые послевоенные годы // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 65 — 73.

20. Федоров А. Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945 — 1953 гг. (на примере политической биографии А. Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 65 — 74.

21. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

Информация об авторах:

Павел Сергеевич Учватов, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Галина Александровна Куршева, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Евгений Николаевич Бикейкин, заместитель директора — ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Татьяна Михайловна Гусева, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Вклад авторов:

Учватов П. С. — разработка концепции, написание первоначального варианта статьи, сбор материалов и анализ литературы;

Куршева Г. А. — разработка концепции, научное редактирование статьи;

Бикейкин Е. Н. — разработка концепции, научное редактирование статьи;

Гусева Т. М. — разработка концепции, сбор материалов и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Boldovskiy KA. The Fall of the “Blockade Secretaries”. The Party Apparatus of the Besieged Leningrad Before and After the “Leningrad Affair”. St. Petersburg;2018. (In Russ.)

2. Boldovskiy KA. The Leading cadres of Besieged Leningrad in the Nomenclature of the Central Committee of the CPSU(b). *Modern History of Russia*. 2022;12(4):840—852. (In Russ.)

3. Ister JM. Soviet state Construction. The System of Personal Connections and Self-Identification of the Elite in Soviet Russia / [trans. from the english T. N. Sarantseva]. Moscow;2010. (In Russ.)

4. Kaderova TN. Everyday Life During the Great Patriotic War: Difficulties and Problems. *Society and Power. XX Century*. Saransk;2006;5:58—71. URL: <https://www.niign.ru/arhivnii/obshhestvo-i-vlast-20-vek-trudyi-tom-5.pdf> (In Russ.)
5. Konovalov AB. Ideas of Regional Leaders of the CPSU on Improving the Economic Management System in the Second Half of the 1960s — mid-1980s (based on materials from Siberia). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018;(4):47—57. (In Russ.)
6. Konovalov AB. The Party Nomenclature of Siberia in the System of Regional Power (1945 — 1991). Monograph. Kemerovo;2006. (In Russ.)
7. Konovalov AB. Daily Managerial Practices of Urban and District Nomenclature Personnel of Western Siberia During the Period of „Late Stalinism“. *Personality, Society and Power in the History of Russia. Collection of Scientific Articles*. Novosibirsk;2018:471—492. (In Russ.)
8. Matveev AP. Organization of Management of the Construction Materials Industry in the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR (1939 — 1950). *Social and Political Science*. 2012;(1):36—38. (In Russ.)
9. Morozova YuM. The Supreme Council of Mordovia (1938 — 1994). Monograph. Saransk;2014. URL: <http://www.niign.ru/knigi/morozova-yu.-m.-verxovnyij-sovet-mordovii.-1938-1994-gg.pdf> (In Russ.)
10. Mohov VP. Nomenclature Immunity. *Bulletin of the Eastern Economics and Law Academy of Humanities*. 2013;(1):44—49. (In Russ.)
11. Mohov VP. Everyday Life of the Soviet Nomenclature. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2013;(11—1):124—127. (In Russ.)
12. Mohov VP. The Regional Political Elite of Russia (1945 — 1991). Perm;2003. (In Russ.)
13. Muravyova IV. Supreme Council of Chuvashia (1938 — 1994). Formation, Composition, and Main Areas of Activity. Cheboksary;2018. (In Russ.)
14. Soldatkin AP. Rotation of Personnel of the Mordovian Bureaucracy in the Period of Stalinism (1928 — 1953). *Humanities: Current Problems of Humanities and Education*. 2017;(4):30—42. (In Russ.)
15. Soldatkin AP. Conditions of Service of Officials in Mordovia in the Late 1920s — 1930s. *Economic History*. 2013;(3):22—30. (In Russ.)
16. Tverdyukova ED. Control Over the Execution of Decisions in the Executive Power System of Leningrad During the Years of the Blockade (1941 — 1944). *Saint Petersburg Historical Journal*. 2020;(3):177—188. (In Russ.)
17. Tverdyukova ED. “Immediately Abolish all Illegal forms of Supply”: Providing the Soviet Regional Nomenclature With Consumer Goods. *Proceedings of the Faculty of History of Saint Petersburg State University*. 2015;(21):254—271. (In Russ.)
18. Tverdyukova ED. Social Self-Identification of the Leaders of Besieged Leningrad (According to their Autobiographies and Questionnaires). *Current Problems of Source Study*. Proceedings. Vitebsk;2021:327—329. (In Russ.)
19. Fedorov AN. I. M. Saltzman and the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU(b): the Relationship of Local Party and Economic Bodies in the First Post-War Years. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2016;(3):65—73. (In Russ.)
20. Fedorov AN. Factors of Career Growth of Regional Leaders in 1945 — 1953 (on the Example of the Political Biography of A. B. Aristov). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020;(66):65—74. (In Russ.)
21. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. The Social history of Soviet Russia in the 30s: the City. Moscow;2008. (In Russ.)

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 29.10.2024.

Information about the authors:

Pavel S. Uchvatov, Leading Researcher at the Department of History of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3, L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Galina A. Kursheva, Director of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director — Scientific Secretary of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Tatyana M. Guseva, Chief Researcher — Head of the Department of History of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatyana.guseva@mail.ru

Contribution of the authors:

Uchvatov P. S. — development of the concept, writing the initial version of the article, collection of materials and literature analysis;

Kursheva G. A. — concept development, scientific editing of the article;

Bikeykin E. N. — concept development, scientific editing of the article;

Guseva T. M. — concept development, collection of materials and literature analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 93/94
EDN WQZWCT

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ЛЕНИНСКИЕ «ЛЕКАЛА» СТАЛИНСКОГО ЭТАПА ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л. Н. Лазарева

Государственный университет просвещения,
г. Москва, Россия
laz_dom@mail.ru

Аннотация

Введение. 100-летие со дня смерти В. И. Ленина стало катализатором дискуссий в научном сообществе по поводу оценок как деятельности этого ключевого политика XX в., так и значения его теоретического наследия. В данном контексте, учитывая значимость проблемы для рефлексии опыта отечественной догоняющей модернизации, представляется важным сопоставление ленинской стратегии с представлениями о развитии страны лидерами партии на этапе позднего «сталинизма». Исследователь получает возможность ответить на актуальный в современной историографии вопрос: была ли «извращена» программа строительства первого в мире социалистического государства последователями В. И. Ленина на властном Олимпе.

Материалы и методы. Материалами для анализа послужили работы В. И. Ленина, И. В. Сталина, их ближайших соратников, посвященные стратегии модернизационного рывка, а также тексты рабочих групп и итоговый вариант проекта программы ВКП(б) 1947 г. Методология исследования опиралась на принципы объективности и историзма, были использованы такие специальные методы исследования, как историко-генетический, хронологический, сравнительный и др.

Результаты исследования и их обсуждение. На основании проведенного сравнительного анализа мы пришли к выводу, что особенности «сталинского» этапа модернизации во многом стали воплощением и закономерным итогом ленинской стратегии.

Заключение. Перспективы исследования связаны с углублением анализа ленинского теоретического наследия в контексте субъективных и объективных факторов, формировавших траекторию развития страны в XX в.

Ключевые слова: ленинская стратегия, догоняющая модернизация, проект программы ВКП(б), поздний сталинизм

Для цитирования: Лазарева Л. Н. Ленинские «лекала» сталинского этапа догоняющей модернизации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 75 — 85. EDN WQZWCT

© Лазарева Л. Н., 2024

Original article

LENIN'S "PATTERNS" OF THE STALINIST STAGE OF CATCHING UP MODERNIZATION

L. N. LazarevaState University of Education,
Moscow, Russia
Laz_dom@mail.ru*Abstract*

Introduction. The 100th anniversary of Lenin's death has become a catalyst for discussions in the scientific community about the assessments of both the activities of this key politician of the 20th century and the significance of his theoretical legacy. In this context, given the importance of the problem for reflecting on the experience of national catch-up modernization, it seems important to compare Lenin's strategy with the ideas of the country's development by the party leaders at the stage of late "Stalinism". The researcher gets the opportunity to answer an urgent question in modern historiography: was the program of building the world's first socialist state "perverted" by the followers of V. I. Lenin on the imperious Olympus.

Materials and methods. The materials for the analysis were the works of V. I. Lenin, I. V. Stalin, and their closest associates on the strategy of the modernization breakthrough, as well as the texts of the working groups and the final version of the draft program of the CPSU(b) in 1947. The research methodology was based on the principles of objectivity and historicism, such special research methods as historical-genetic, chronological, comparative, etc. are used.

Results and discussion. Based on the comparative analysis, we came to the conclusion that the features of the "Stalinist" stage of modernization in many ways became the embodiment and natural outcome of Lenin's strategy.

Conclusion. The prospects of the research are related to the deepening of the analysis of Lenin's theoretical heritage in the context of subjective and objective factors that shaped the track of the country's development in the 20th century.

Keywords: Lenin's strategy, catching up modernization, draft program of the CPSU(b), late Stalinism

For citation: Lazareva LN. Lenin's "Patterns" of the Stalinist Stage of Catching up Modernization. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):75—85. EDN WQZWCT

Введение

Для того чтобы разобраться в вопросе — была ли скроена по «лекалам» В. И. Ленина «сталинская» социально-экономическая модель, достигшая наиболее полного развития к концу 1940-х — началу 1950-х гг., — мы сравним замыслы теоретика, а затем практикующего политика с концепцией созидания коммунистического общества, изложенной в проекте программы ВКП(б) 1947 г.

Сравнительный анализ стратегий отечественной модернизации, безусловно, требует учета контекста эпохи: на преобразование теории в практику оказали влияние и Гражданская война, и приход к власти фашистов, и Вторая мировая война, а затем — стремительно развернувшаяся «холодная война». Затухание у лидеров большевиков надежды на «пожар» мировой революции и осознание — совершая рывок «через тернии к звездам», СССР придется рассчитывать только на себя — стало важным фактором, формировавшим выбор современников.

Обзор литературы

Анализ современной историографии выявляет исследовательскую позицию, базирующуюся на обвинениях лидера большевиков в том, что октябрьский этап российской революции не имел освободительного потенциала для пролетариата, а заданная им траектория развития страны создавала рабочим худшие условия труда и жизни, чем при капитализме, и вела к формированию тоталитарного государства¹. При подготовке данной статьи мы опирались на материалы посвященных 100-летию со дня смерти В. И. Ленина международных конференций, в которых отчетливо отражены тенденции научного поиска последних лет².

Материалы и методы

Для решения поставленной задачи воспользуемся методологическим арсеналом концепции догоняющей модернизации — он позволяет преодолеть разрыв исторического пути страны на обособленные отрезки (имперский, советский, современный), представляя его подчиненным общей миссии освоения мирового опыта, отождествляемого с социальным прогрессом [2; 3, с. 20].

Так же будем руководствоваться объяснительной концепцией противоречивости отечественной модернизации доктора исторических наук профессора В. В. Журавлёва. Дефиниция «модернизация» используется историком в значении: «... активный, действенный поиск наиболее подходящей для данного социума модели органического развития на пути от его традиционного к современному состоянию, а также концентрация сил и средств государства и общества на воплощение этой модели в жизнь» [3, с. 33]. Под «органическим развитием» Валерий Васильевич подразумевает «тип развития, наиболее соответствующий взятым в диалектическом единстве потребностям, возможностям социума, а также господствующим в нем массовым ментальным представлениям об общественном прогрессе и социальном благе» [3, с. 34]. Причина «лихорадочного пульса» отечественной истории — преобладание догоняющего развития (всегда ориентированного на определенную модель модернизации) над органическим [8, с. 9 — 10].

Результаты исследования и их обсуждение

В сентябре 1917 г. В. И. Ленин написал две важные работы, где изложил свой антикризисный план, для реализации которого большевикам требовалась политическая власть. Речь идет о книге «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (главы из нее были опубликованы в партийной газете РСДРП(б) 1 октября 1917 г., а в конце октября вышли отдельной брошюрой) и статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (увидела свет в единственном за 1917 г. номере журнала «Просвещение», № 1 — 2)³.

Владимир Ильич четко сформулировал установку на догоняющее развитие: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть,

¹ Anderson V. C. *Zombie Lenin* // National Review. 2017. 2 Oct. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2017/10/02/slavoj-zizek-lenin-2017/> (дата обращения: 10.09.2024).

² Альтернативы. 2024. № 1. С. 6 — 178.

³ Ленин В. И. *Грозящая катастрофа и как с ней бороться* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 151 — 199; Его же. *Удержат ли большевики государственную власть?* // Там же. С. 287 — 339. Также см.: *Революция 1917 года глазами современников: в 3 т.* М., 2017. С. 64, 73.

либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически (здесь и далее в цитатах курсив в источнике. — Л. Л.)»⁴.

Антикризисные меры В. И. Ленина нацелены на осуществление государственного контроля за производством и распределением⁵. Решение данной задачи ему виделось через национализацию банков и синдикатов, отмену коммерческой тайны, объединение в союзы промышленников, торговцев, крупных собственников, а населения — в потребительные общества. Так как речь не шла о конфискации имущества (Ленин неоднократно подчеркивал — «...ни одной копейки ни у одного „собственника“...»⁶), вождь большевиков был уверен, что реализовать намечаемые им меры будет не трудно — достаточно лишь пригрозить тюрьмой за саботаж теряющей сверхдоходы верхушке и подключить контроль самих же работников⁷. При этом Владимир Ильич утверждал — изложенный им план выхода из кризиса не тождествен введению «...социализма теперь, непосредственно, с сегодня на завтра...»⁸, это лишь то, что «...сколько-нибудь последовательная демократия должна бы немедленно осуществить у нас для борьбы с грозящей и неминуемой катастрофой...»⁹. Но в перспективе (так как «...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа...»¹⁰), заданная траектория развития выведет страну на новую ступень общественного прогресса.

Если в «Грозящей катастрофе...» была изложена экономическая составляющая ленинского плана, то уверенность лидера партии в способности большевиков продержаться до победы всемирной социалистической революции обосновывалась в работе с говорящим названием «Удержат ли большевики государственную власть?». Кадровый резерв для нового государственного аппарата политик видел в трудящихся массах: «...мы ...требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники»¹¹.

Ленинский антикризисный план, накладываясь на российскую реальность, рождал противоречивые тенденции, ставшие базой и для «красногвардейской атаки на капитал», и для попыток найти баланс постепенного перехода к социализму от государственного капитализма¹². Тем не менее до лета — осени 1918 г. еще существовала перспектива сохранения элементов частнохозяйственных отношений, контролируемых государством¹³.

Расплатой за утопичность представлений Владимира Ильича о легкости реализации намеченного им алгоритма предотвращения катастрофы стало «...разру-

⁴ Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. С. 198.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ Там же. С. 192.

¹¹ Там же. С. 315.

¹² Альтернативы.

¹³ Экономическая история России / Н. В. Мурашкин [и др.]; под ред. Н. В. Мурашкина, Э. М. Гусейнова. СПб., 2010. С. 850.

шение плюралистической структуры общественных сил как главного источника социального самовыдвижения...»¹⁴, необходимой для развития модернизационных процессов по органическому типу, базирующемуся на диалоге власти и гражданского общества.

Парадоксально, но при этом догоняющий тип модернизации «по-советски» черпал свой созидательный заряд в «живом творчестве масс»: заложенные в ленинской стратегии механизмы рабочего контроля и госуправления выдвигали лидеров из народа, требовали от них умения самостоятельно принимать эффективные решения, мотивировали учиться. Автор статьи согласен с выводом доктора философских наук Л. А. Булавка-Бузгалиной: «...революционные массы, меняя сами основы общественной системы в русле социалистической перспективы, объективно несли и утверждали идею субъектного бытия как новый онтологический принцип...» [1, с. 111].

«Энергия мечты», трансформируясь в энтузиазм и социальный оптимизм, придавала эффективность прыжку от сохи к космическим кораблям (в 1913 г. Российская империя производила 5,3 % мировой промышленной продукции, по показателю производства на душу населения отставала от развитых стран и находилась на уровне Японии, Италии, Испании)¹⁵.

Как мы помним, модернизационные процессы затрагивают не только политику и экономику — не менее важны позитивные сдвиги в культурной и социальной сферах. В ленинской стратегии образование, просвещение, культура включались в решение задачи формирования социума, объединенного общими мировоззренческими ценностями. Свою позицию Владимир Ильич предельно четко изложил в статье «Партийная организация и партийная литература» в ноябре 1905 г.: «Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»¹⁶.

Роль «замкового камня» (того, который у древних строителей держал свод) в «ленинской» догоняющей модернизации, круто «замешанной» на идеологии, играла партия большевиков. На нее возлагались руководство (и соответственно контроль) «разворота» к социализму во всех сферах общественного бытия.

Гражданская война, трансформировав первоначальный ленинский антикризисный план, не заставила вождя большевиков отказаться от продуманной им стратегии догоняющей модернизации (конечно, с поправками на изменившиеся условия). Уже в 1921 г. Владимир Ильич убеждает соратников в необходимости постепенного перехода от государственного капитализма к социализму, обеспечивая интенсивный рост производительных сил¹⁷. В одной из последних своих работ Владимир Ильич наметил траекторию движения: «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией...»¹⁸.

¹⁴ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. С. 315.

¹⁵ Экономическая история России. С. 26.

¹⁶ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1960. Т. 12. С. 101.

¹⁷ Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // В. И. Ленин. Избр. произв.: в 3 т. М., 1969. Т. 3. С. 719.

¹⁸ Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Избр. произв. Т. 3. С. 714.

Не поменялись в стратегии вождя и цели культурной политики: «...помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс...»¹⁹. В январе 1923 г. в статье «Странички из дневника» В. И. Ленин подчеркивает необходимость сделать народных учителей опорой советского строя, «...чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом»²⁰, в статье «О кооперации» — пишет о значении культурной революции для формирования социалистического общества²¹.

Итак, резюмируем: ленинские «лекала» догоняющей модернизации намечали как баланс государственного регулирования и элементов «рынка» в народном хозяйстве, так и подчинение гуманитарной сферы (в том числе «культурной» работы) — задаче воспитания Homo Sovieticus. Стремление реализовать свое видение «прекрасного далека» в аграрной стране формировало ограничения партийного контроля, не оставляя шансов для развития модернизации по органическому типу. Тем не менее, знаменитый английский экономист Джон Мейнард Кейнс, посетивший СССР в 1925 г., написал: «...именно здесь — несмотря на бедность, глупость и притеснения — Лаборатория Жизни...»²².

В историографии продолжаются споры о том, был ли полностью использован потенциал новой экономической политики (тем более учитывая социальную цену, заплаченную советским народом за форсированную индустриализацию), но в рамках данной статьи мы сможем лишь констатировать наличие разных точек зрения, не имея возможности углубиться в аргументацию оппонентов.

Противоречие новой экономической политики, не преодоленное современниками, было емко охарактеризовано А. И. Рыковым еще при жизни Владимира Ильича, в ноябре 1923 г.: «...Нам нужен или гигантский приток иностранного капитала, на что мы рассчитывать не можем, или программу накопления средств нужно урезать...»²³. Рецепт руководителя ВСНХ (а после смерти В. И. Ленина — и правительства) имел изъян — от модернизации промышленности зависела обороноспособность страны. Угроза суверенитету (историки спорят — реальной ли она была в конце 1920-х гг., но даже если правы те, кто ее отрицает, то принимавшие решения политические лидеры исходили из возможности агрессии против СССР) стала доводом, перевесившим остальные. Отказ от ленинской стратегии требовал новой.

И. В. Сталин 4 февраля 1931 г. в выступлении на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности заявил: «...Задержать

¹⁹ Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. 3 ноября 1920 г. // В. И. Ленин. Избр. произв. Т. 3. С. 428.

²⁰ Ленин В. И. Странички из дневника // В. И. Ленин. Избр. произв. Т. 3. С. 708.

²¹ Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Избр. произв. Т. 3. С. 716.

²² Кейнс Д. М. Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой. М., 2015. С. 74.

²³ Рыков А. И. Кризис и очередные хозяйственные задачи: Речь на собрании красных директоров Моск. губернии 18 ноября 1923 // А. И. Рыков. Избр. произв. М., 1990. С. 259.

темпы — значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!»²⁴. Ленинская установка на догоняющую модернизацию была подхвачена его преемниками.

Форсированная индустриализация формировала мобилизационную экономику: приоритет сектора «А» (производство средств производства), донорство аграрного сектора, второстепенность сектора «Б» (производство средств потребления). Благодаря директивному планированию Центр распределял ресурсы согласно намеченной иерархии целей, предприятия выступали в роли «цехов» единого народнохозяйственного комплекса страны. Плановый показатель «Снижение себестоимости», подкрепленный ценовой, кредитной, налоговой политикой, стимулировал бороться с бесхозяйственностью, а трудовые коллективы мотивировались делать много, качественно, дешево. Жесткая система директивных заданий дополнялась косвенными мерами экономического воздействия, но «рыночные» рычаги были подчинены плановому началу. На партийные и профсоюзные организации возлагалась задача соединить директивное планирование с «живым творчеством масс» [7, с. 35 — 87].

Культурная составляющая советской стратегии модернизации оставалась в ленинской парадигме: объективное требование образованных кадров, необходимых для индустриальной экономики, сочеталось с классовым подходом и задачами коммунистического воспитания.

Принципиальным и опасным для советского проекта отличием от ленинского этапа модернизации стало затухание дискуссий внутри большевистского руководства по важным вопросам теории, политики и практики социалистического строительства — они стали опасными для их участников (после ареста и суда над 15 видными учеными-аграрниками в 1930 г. «...борьба мнений в общественной науке начала возводиться в ранг классовой борьбы в теории» [5, с. 266]). Если В. И. Ленин настаивал на том, что «...социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс...» [3, с. 268], то в 1930-е гг. советская общественная мысль (и гуманитарное знание в целом) — догматизировались [5, с. 272].

Тем не менее СССР вошел в число развитых индустриальных стран мира и смог отстоять суверенитет страны в испытаниях Великой Отечественной войны. По мнению ряда экономистов и историков, в 1950-е гг. советская модернизация демонстрировала наиболее впечатляющую динамику, которая стала затухать в связи с деформацией сталинской социально-экономической модели новым руководством страны [6; 9; 10]. В связи с этим представляется важным рассмотреть проект программы партии 1947 г. как квинтэссенцию представлений послевоенного партийного руководства о перспективах развития через призму ленинских «лекал» стратегии догоняющей модернизации.

Основной экономической задачей (как и в ленинской стратегии начала XX в.) осталось догнать передовые капиталистические страны²⁵.

Рост качества жизни в СССР (послевоенным партийным вождям коммунизм представлялся обществом изобилия) связывался с научно-техническим прогрессом:

²⁴ Сталин И. В. О задачах хозяйственников // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 361.

²⁵ Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947 — 1953 гг.: док. и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2017. С. 177.

новые технологии, обеспечив значительный рост производительности труда, позволят, «...сохраняя ведущую роль отраслей, производящих средства производства, резко увеличить объем и повысить удельный вес в народном хозяйстве отраслей промышленности, производящих предметы потребления»²⁶. Отметим связь с ленинскими «лекалами»: как и в сентябре 1917 г., речь шла об обеспечении условий для роста производительных сил и постепенном переходе к следующей стадии развития общества — теперь уже к коммунизму²⁷.

В тактике модернизации вместо поиска эффективного баланса государственного регулирования и элементов рыночной экономики (по Ленину) намечалось укреплять и развивать директивное планирование (хотя используя при этом для повышения результативности такие инструменты, как хозяйственный расчет, деньги, кредит, цены, прибыль и т. п.)²⁸.

Вместе с тем позволим себе предположить, что так же, как и в первые месяцы большевистского этапа революции, в послевоенной стратегии развития СССР присутствовала вариативность: например, советские послевоенные управленцы были готовы прагматично переложить на плечи частных долю заботы об обеспечении граждан товарами широкого потребления²⁹. Проведенная министром Государственного контроля СССР Л. З. Мехлисом проверка, установила: Минфином было организовано широкое обсуждение смягчения запретов частникам заниматься изготовлением из покупных материалов и сырья изделий для свободной продажи на рынке. Более того — готовился проект постановления правительства по этому вопросу, а финансовые органы (не дожидаясь юридического оформления!) уже получили инструкции по налогообложению запрещенных промыслов!³⁰ Представляется, что причиной ужесточения экономической политики был не догматизм, а стремительно разворачивающаяся «холодная война», вновь расставившая приоритеты в пользу обеспечения «военного заказа».

Культурная политика в «сталинской» стратегии оставалась важной составляющей догоняющей модернизации «по-советски». В формулировке ее целей в проекте программы ВКП(б) 1947 г. ощущаются ленинские «лекала»: «...сделать всех рабочих и всех крестьян людьми культурными и образованными»³¹ и воспитывать в духе коммунистической идеологии. Никуда не делись и жесткие рамки, в которые была поставлена гуманитарная сфера еще Владимиром Ильичом (вспомним о философских пароходах и поездах и не только о них). В варианте проекта программы ВКП(б) авторской группы П. Н. Поспелова, М. Т. Иовчука, Д. Т. Шепилова было сформулировано задание общественным наукам: работать над совершенствованием планирования, искать возможности интенсификации экономического роста, а также

²⁶ Сталинское экономическое наследство... С. 178.

²⁷ Там же. С. 180.

²⁸ Там же. С. 181.

²⁹ Докладная записка Л. З. Мехлиса И. В. Сталину о крупных извращениях в отношении частного, допущенных Министерством финансов СССР // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947 — 1953 гг.: док. и материалы / сост.: В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020. С. 577 — 588.

³⁰ Там же. С. 587.

³¹ Сталинское экономическое наследство... С. 181.

на «...разоблачение реакционных социально-экономических и философских теорий современной буржуазии»³². От литературы и искусства (в этом же варианте проекта) требовалось наряду с отражением созидания и развития советского общества в «идейных и высокохудожественных произведениях» показать «...закат буржуазного общества, гниение и распад его культуры и морали...»³³. Справедливости ради надо отметить, что в итоговом варианте проекта программы ВКП(б) оценки смягчены, но суть их остается прежней.

«Замковый камень» партийного механизма ленинской стратегии в проекте 1947 г. характеризуется как ведущая сила советского народа, подчеркивается его возрастающая роль в период перехода к коммунизму³⁴. От профсоюзов требовалось обеспечивать связь между ВКП(б) и широкими массами трудящихся³⁵.

Заключение

Итак, в «сталинском» варианте модернизации просматривается «генетическая» связь с ленинскими «лекалами»:

— идея баланса государственного регулирования и элементов рыночной экономики в условиях «несвоевременности» революции и борьбы за сохранение государственного суверенитета трансформировалась в директивное руководство экономикой;

— повышение образовательного и культурного уровня, как и воспитание трудящихся в духе коммунистической идеологии, оставались приоритетами и в «сталинской» стратегии;

— незыблемой была и руководящая роль партии большевиков в попытке на практике реализовать лишь теоретически обоснованный путь в светлое коммунистическое будущее.

Проведенный сравнительный анализ выявил следующее: особенности «сталинского» этапа модернизации во многом стали результатом воплощения ленинской стратегии. На наш взгляд, самым опасным в ней оказался контроль гуманитарной сферы (ужесточившийся с нарастанием внутренних и внешних вызовов). Одержавшее победу в самой страшной войне человечества и прошедшее через трансформации в индустриальное и постиндустриальное общество формировало запрос на широкий поиск новых смыслов, на открытый диалог с властью — большевики, ограничив право на истину и догматизировав марксизм, не смогли перейти к развитию модернизации по органическому типу.

При этом ставка В. И. Ленина на «энергию мечты», на созидательный труд «живого творчества масс», на обретенную с помощью его стратегии этими массами субъектность — себя оправдала. Представляется репрезентативной оценка доктора исторических наук В. Н. Земскова: «Советская цивилизация, несмотря на наличие всякого рода недостатков, издержек и негативных явлений, в тот период еще являлась молодым организмом, достаточно жизнеспособным и имевшим потенции для дальнейшего поступательного развития» [4, с. 113]. Вопрос о том, был ли СССР

³² Сталинское экономическое наследство... С. 103.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 184.

³⁵ Там же.

(даже сталинского периода) тоталитарным государством, сегодня остается крайне дискуссионным, но утверждение, что рабочий класс не получил никаких выгод от октябрьского этапа революции – не соответствует исторической правде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булавка Л. А. P. S. Советская культура как идеальное СССР // СССР: Оптимистическая трагедия. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 100 — 136. (Размышляя о марксизме, № 152; Библиотека журнала «Альтернативы», № 60).
2. Журавлев В. В. Декреты советской власти 1917 — 1920 гг. как исторический источник: законодат. акты в сфере обобществления капиталист. собственности. М.: Наука, 1979. 400 с.
3. Журавлев В. В. Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации // Россия: трансформации, реформы, пути развития (2000 — 2010). М.: Научный эксперт, 2010. С. 31 — 47.
4. Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Родина, 2021. 240 с.
5. Зигзаги и тупики российской модернизации (кон. XIX — нач. XX в.): коллектив. моногр. в честь 85-летия д-ра ист. наук, проф., лауреата Гос. премии РФ в области науки и техники Валерия Васильевича Журавлева / отв. ред.: Д. В. Маслов, Л. Н. Лазарева. М.: БукЭксперт, 2023. 384 с.
6. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 416 с. (Исследования русской цивилизации).
7. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги: моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 310 с. (История и политология).
8. Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: в 3 т. Т. 3: Социалистические партии / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Полит. энцикл., 2022. 902 с.
9. Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953 — 1964 годах. М.: Концептуал, 2019. 592 с.
10. Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль — XXI. 2002. № 5. С. 72 — 94.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 22.08.2024.

Информация об авторе:

Любовь Николаевна Лазарева, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения (141014, Россия, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24), доктор исторических наук, laz_dom@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bulavka LA. P. S. Soviet Culture as an Ideal USSR. *USSR: An Optimistic tragedy*. Moscow;2018:100—136. (In Russ.)
2. Zhuravlev VV. Decrees of Soviet Power 1917 — 1920 as a Historical Source: Legislator. Acts in the Field of Socialization of the Capitalist. Property. Moscow;1979. (In Russ.)
3. Zhuravlev VV. Russia of the XX Century: Type, Stages and Mechanisms of Modernization. *Russia: Transformations, Reforms, Ways of Development (2000 — 2010)*. Moscow;2010:31—47. (In Russ.)

4. Zemskov VN. Stalin and the People. Why There Was no Uprising. Moscow;2021. (In Russ.)
5. Zigzags and Dead Ends of Russian Modernization (Late XIX — Early XX Century). Moscow;2023. (In Russ.)
6. Katasonov VYu. The Economics of Stalin. Moscow;2014. (In Russ.)
7. Lazareva LN. Economic Reform of 1965: Prerequisites, Progress, Results. Monograph. Moscow;2021. (In Russ.)
8. Political Parties of Russia. The End of the XIX — Beginning of the XX Century. Moscow;2022;3. (In Russ.)
9. Spitsyn EYu. Khrushchev's Slush. The Soviet Power in 1953 — 1964. Moscow;2019. (In Russ.)
10. Khanin GI. The Decade of the Triumph of the Soviet Economy. The Fifties. *Free Thought — XXI*. 2002;(5):72—94. (In Russ.)

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 22.08.2024.

Information about the authors:

Lyubov N. Lazareva, Professor of the Department of Russian History at the State University of Education (24 Vera Voloshina Str., Mytishchi 141014, Russia), Doctor of Historical Sciences, laz_dom@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(970)
EDN WTUEKD<https://vestnikniign.ru>*Научная статья*

СОВЕТСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В 1950 — 1970-х гг.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. Н. ГорловМосковский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия
gorlov812@mail.ru*Аннотация*

Введение. Статья посвящена рассмотрению проблем становления советского телевидения. Внимание акцентируется на его большом социальном значении. С конца 1950-х — начала 1960-х гг. в отечественном телевидении выдвинулось могучее средство информации и пропаганды. Все более широкий и интенсивный охват аудитории средствами массовой информации способствовал усилению их пропагандистского влияния. Государственная позиция и идеологический аспект преобладали над фактами.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе документов, связанных с советским и партийным делопроизводством, — решения партийных съездов, пленумов, постановления ЦК КПСС. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

Результаты исследования и их обсуждение. Быстрое превращение телевидения в общедоступное средство информации стало одной из характерных черт развития советского общества. Данная тенденция увеличивала роль телевидения как инструмента социально-политического управления обществом: каждый канал выполнял пропагандистские функции в соответствии со своей спецификой.

Заключение. По мере развития технических возможностей телевидения СССР значительно усилилось внимание к нему со стороны КПСС и Советского правительства как к важному средству в осуществлении идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы среди советских граждан. Распространение информации стало средством пропаганды советской идеологии. Работники телевидения были обязаны проводить политику государства, так как телевидение являлось инструментом государственной информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, советское телевидение, пропагандистские функции, идеология

Для цитирования: Горлов В. Н. Советское телевидение в 1950 — 1970-х гг.: идеологический аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 86 — 98. EDN WTUEKD

Original article

SOVIET TELEVISION IN THE 1950 — 1970s: AN IDEOLOGICAL ASPECT

V. N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the problems of the formation of Soviet television. Attention is focused on its great social significance. Since the late 1950s and early 1960s, domestic television has been seen as a powerful means of information and propaganda. The increasing and intensive coverage of the audience by the mass media contributed to the strengthening of their propaganda influence. The state position and the ideological aspect prevailed over the facts.

Materials and methods. The research is based on the analysis of documents related to Soviet and party records management — decisions of party congresses, plenums, resolutions of the Central Committee of the CPSU. The methodological basis of the research is a complex of general scientific and special historical methods. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time.

Results and discussion. The rapid transformation of television into a publicly available medium became one of the characteristic features of the development of Soviet society. This trend increased the role of television as an instrument of socio-political management of society: each channel performed propaganda functions in accordance with its specifics.

Conclusion. With the development of the technical capabilities of the USSR television, the attention to it from the CPSU and the Soviet government is significantly increasing as an important tool in carrying out ideological, educational and cultural-educational work among Soviet citizens. The dissemination of information became a means of propaganda of Soviet ideology. Television workers were obliged to pursue state policy, since television was an instrument of state information.

Keywords: mass media, Soviet television, propaganda functions, ideology

For citation: Gorlov VN. Soviet Television in the 1950 — 1970s: an Ideological Aspect. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):86—98. EDN WTUEKD

Введение

Общество всегда располагало теми или иными средствами для передачи информации. Однако лишь со второй половины XX в. ее массовое распространение стало использоваться в качестве одного из главных способов социального управления.

Телевидение функционировало во взаимосвязи с жизнью советского общества. Все политические, социальные и другие государственные задачи определяли характер и тематику телепередач советского телевидения: оно было обязано пропагандировать советскую идеологию и выполнять указания и директивы коммунистической партии. Постановления ЦК КПСС по идеологическим проблемам СССР не могли не ставить соответствующие задачи перед советским телевидением. Иными словами, развитие советского телевидения было непосредственно связано с методами и формами партийной пропаганды, с работой партийной печати и партийного просвещения. И телевизионная публицистика не могла не воспринимать традиции и опыт партийной печати и особенности партийной пропаганды.

Материалы и методы

В статье приводится краткий историографический обзор рассматриваемой проблемы. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

Обзор литературы

Телевидение развивалось бурными темпами, привлекая к себе внимание многих исследователей. В начале 1960-х гг. появились статьи театрального критика В. С. Саппака «Телевидение, 1960» и «Искусство, которое рождается»¹. Впоследствии В. М. Вильчек в книге «Контуры. Наблюдения о природе телеискусства» развил концепцию природы телевидения, наиболее конструктивную для творческих экспериментов и поисков новых средств выразительности на телеэкране [4]. Вышли в свет работы А. М. Юровского «Специфика телевидения»² и А. М. Рохлина и В. В. Шастина «Телевидение как искусство» [9]. Все издания касались эстетического своеобразия телевидения. В статьях дебатировались следующие вопросы: телевидение — искусство или нет; о специфике телевизионных выразительных средств.

Следует отметить книгу Р. А. Борецкого «Информационные жанры телевидения»³, где описываются жанры и формы документально-хроникального (общественно-политического) телевидения, и книгу В. С. Саппака «Телевидение и мы. Четыре беседы»⁴, в которой телевидение противопоставляется кинематографу. Критик указывает на своеобразие телевидения, которое обозначает тремя словами: документальность, импровизационность, интимность.

Совместными усилиями А. М. Юровского и Р. А. Борецкого была написана книга «Основы телевизионной журналистики», где авторы наряду с вопросами специфики жанровой природы телевидения рассмотрели сами жанры⁵. В коллективной работе Э. Г. Багирова, Р. А. Борецкого, Л. Д. Глуховской, Н. Н. Григорянц, И. Г. Кацева «Жанры телевидения» была сделана попытка систематизировать накопленные сведения по изучению жанров и дать им единую классификацию⁶. Также вышли книги Р. А. Борецкого «Телевизионная программа» [3], Э. Г. Багирова и И. Г. Кацева «Телевидение, XX век» [1]. Значительный вклад в развитие теории телевидения внесли работы ученого и критика И. Л. Андроникова⁷.

Из числа других работ, рассматривающих проблемы телевидения с позиций искусствоведения, можно назвать книги С. А. Муратова «ТВ — эволюция нетерпимости

¹ Саппак В. С. Телевидение, 1960 // Новый мир. 1960. № 10. С. 177 — 203; Его же. Искусство, которое рождается // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 43 — 66.

² Юровский А. Я. Специфика телевидения. М., 1960. 32 с. (Библиотека работника радиовещания и телевидения).

³ Борецкий Р. А. Информационные жанры телевидения. М., 1961. 76 с.

⁴ Саппак В. С. Телевидение и мы. Четыре беседы. М., 1963. 182 с.

⁵ Юровский А. Я., Борецкий Р. А. Основы телевизионной журналистики: [учеб. пособие для ун-тов]. М., 1966. 338 с.

⁶ Жанры телевидения: метод. пособие для работников телевидения / Э. Г. Багиров, Р. А. Борецкий, Л. Д. Глуховская [и др.]; под общ. ред. Э. Г. Багирова. М., 1967. 251 с.

⁷ Андроников И. Л. Избранные произведения: в 2 т. М., 1975. Т. 1. 396 с.

(история и конфликты этических представлений)⁸, Р. Н. Ильина «Телевизионное изображение»⁹, Л. Д. Глуховской «Театр для миллионов» [5], В. Н. Козловского «Телевидение. Взгляд изнутри. 1957 — 1996 годы»¹⁰. Мемуары В. Н. Козловского объемно и живо рассказывают читателю о рождении советского телевидения, его расцвете в 1960 — 1970-е гг. Особо следует отметить мемуары В. В. Егорова «Телевидение: страницы истории»¹¹. Л. А. Золотаревский в книге «Телевидение — любовь моя» касается проблем, возникающих в процессе создания телепередач¹². В книге Д. Сергеева «Они в эфире. Как делается телевидение» рассказывается о том, как телевидение изменило жизнь самих телевизионщиков¹³. Книга В. С. Визильтера «Телевидение: закадровые нескладушки» охватывает практически весь период времени существования ТВ в нашей стране¹⁴. В книге Р. А. Борецкого «Беседы об истории телевидения» характеризуется роль электронных средств массовой информации (СМИ) как феномена культуры и канала информации¹⁵. В книге Ф. И. Раззакова «Гибель советского ТВ: тайны телевидения: от Сталина до Горбачева, 1930 — 1991» анализируется взаимодействие телевидения с разными ветвями власти¹⁶. Ю. А. Богомолов в книге «Хроника пикирующего телевидения, 2000 — 2002» изучает процессы, происходившие на телевидении в начале XXI в. [2]. В. Л. Цвик в книге «Телевизионная журналистика» рассказывает о современном состоянии и практических проблемах телевидения в новых социально-политических условиях России¹⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

29 апреля 1931 г. в Советском Союзе впервые состоялась телевизионная передача. Этим днем в справочниках датируется начало регулярных опытных телепередач в СССР¹⁸. До постройки в 1967 г. Останкинской телебашни Шуховская башня на Шабаловке была самым высоким сооружением в стране [7, с. 114].

Однако аудитория телезрителей была ничтожно мала. Дальнейшее развитие советского телевидения определялось решениями XVIII съезда ВКП(б), принятыми в марте 1939 г. В резолюции съезда по третьему пятилетнему плану было сказано: «Построить в ряде крупных городов телевизионные центры, построить новые специализированные цехи по производству оборудования для телецентров»¹⁹. Однако

⁸ Муратов С. А. ТВэволюция нетерпимости (История и конфликты эthic. представлений). М., 2001. 238 с.

⁹ Ильин Р. Н. Телевизионное изображение. М., 1964. 152 с.

¹⁰ Козловский В. Н. Телевидение. Взгляд изнутри. 1957 — 1966 годы. М., 2002. 76 с.

¹¹ Егоров В. В. Телевидение: страницы истории. М., 2004. 202 с.

¹² Золотаревский Л. А. Телевидение — любовь моя. М., 2010. 200 с.

¹³ Сергеев Д. Они в эфире. Как делается телевидение. М., 2008. 320 с.

¹⁴ Визильтер В. С. Телевидение закадровые нескладушки. М., 2008. 176 с.

¹⁵ Борецкий Р. А. Беседы об истории телевидения: лекции, прочит. на факультете журналистики МГУ в феврале – мае 2010 г. М., 2011. 178 с.

¹⁶ Раззаков Ф. И. Гибель советского ТВ: тайны телевидения: от Сталина до Горбачева, 1930 — 1991. М., 2009. 524 с.

¹⁷ Цвик В. А. Телевизионная журналистика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика». М., 2017. 496 с.

¹⁸ Рохлин А. М. История отечественного телевидения: [учебное пособие]. М., 2008. С. 11.

¹⁹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б). 10 — 21 марта 1939 г.: стеногр. отчет. М., 1939. С. 718.

этим работам не суждено было начаться, Великая Отечественная война прервала процесс становления телевидения.

Массовое распространение телевидение получило в послевоенный период. За два дня до победы над нацистской Германией, 7 мая 1945 г., в Москве после четырехгодичного перерыва состоялась телевизионная передача. Московский телецентр первым в Европе возобновил свою работу после войны²⁰. В принятом 18 марта 1946 г. Верховным Советом СССР «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 — 1950 гг.» говорилось о необходимости построить новые телецентры в Ленинграде, Киеве и Свердловске²¹. Опираясь на более совершенную техническую базу, телевидение активно развивалось.

В эпоху «оттепели» телевидение в СССР стало неотъемлемой частью жизни советских граждан. В середине 1950-х гг., когда большинство советских людей проживало в коммуналках, комната счастливых обладателей телевизора оказывалась центром жизни всей квартиры. К 1975 г. телевизионное вещание охватило территорию, на которой проживало 74 % населения страны. Число телевизоров к 1975 г. достигло 55 млн. На каждые 100 семей в зоне уверенного приема передач приходилось в среднем 98 телевизоров²². К концу 1970-х гг. телевизоры стали предметом интерьера практически в каждой семье. Быстрое превращение телевидения в общедоступное средство информации — одна из характерных черт развития советского общества.

В Директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956 — 1960 гг. была выдвинута задача совершенствования техники с дальнейшим развитием телевизионных программ²³. В Центральной студии телевидения в 1958 г. было отмечено, что в программах передач еще недостаточно освещались трудовые свершения советского народа. Собрание студии постановило: подготовить ряд передач о советских людях, тружениках производства, регулярно проводить репортажи с заводов и фабрик [1, с. 167].

С конца 1950-х — начала 1960-х гг. в отечественном телевидении виделось уже могучее средство информации и пропаганды. Все более широкий и интенсивный охват аудитории средствами массовой информации способствовал усилению их пропагандистского влияния. Естественно, что каждый канал телевидения выполнял пропагандистские функции в соответствии со своей спецификой, развивая присущие ему особенности подачи материала.

В резолюции внеочередного XXI съезда КПСС по докладу «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 гг.» подчеркивалась роль радио и телевидения в идеологической работе партии²⁴. В постановлении июнь-

²⁰ Козловский В. Н. Указ. соч. С. 39.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 125.

²² Ежегодник БСЭ. М., 1975. С. 101.

²³ Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956 — 1960 годы. М., 1956. 64 с.

²⁴ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчет. М., 1959. Т. 2. С. 442.

ского 1959 г. пленума ЦК КПСС перед телевидением ставилась задача «глубоко разъяснять трудящимся огромное значение технического прогресса в коммунистическом строительстве, развернуть пропаганду достижений науки и техники»²⁵. Задача воспитания советского человека, гармонически развитой личности, поставленная XXI съездом КПСС, имела особое значение для телевидения, обладавшего сильными средствами эмоционального воздействия на зрителей.

Телевидение тотчас ответило на этот призыв партии новыми передачами. В 1959 г. на центральном телевидении выходит телепередача «Шаги семилетки». Одновременно в 1959 г. открылся телевизионный народный университет, в работе которого принимали участие видные советские ученые. Участие в передачах авторитетных людей, специалистов, значимость вопросов, в обсуждении которых были задействованы зрители, — все это делало телевидение всенародной трибуной, форумом миллионов.

В 1960 г. вышло несколько постановлений ЦК КПСС, в которых ставился вопрос о характере и содержании телевизионного вещания. В постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» говорилось о том, что необходимо «всемерно совершенствовать и сделать по-настоящему массовыми такие формы и средства пропаганды, как радио и телевидение»²⁶.

В специальном постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения» от 29 января 1960 г. отмечалось, что телевидение «призвано играть важную роль в воспитании советских людей в духе коммунистической идейности и морали». ЦК КПСС был обеспокоен, что телевидение пока крайне недостаточно используется для пропаганды достижений советского народа, для показа советского человека — строителя коммунизма. ЦК КПСС указал, что «главной задачей телевидения является пропаганда решений съездов партии и Пленумов ЦК КПСС». Телевидению рекомендовалось «широко практиковать создание телевизионных фильмов и других передач, посвященных трудовой деятельности и жизни передовых советских людей...» [8, с. 64]. Постановление ЦК КПСС от 29 января 1960 г. начертало перед советским телевидением конкретную программу деятельности на много лет вперед.

В июне 1962 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения»²⁷. ЦК КПСС отметил, что многие передачи не носят активного, боевого характера, они однообразны, составлены по стандарту, недостаточно содействуют распространению хороших эстетических вкусов. Телевидение должно было последовательно воспитывать коммунистическое отношение к труду, добиваться правильной ориентации в вопросах внутренней и внешней политики партии и государства.

²⁵ О работе партийных и советских организаций и Советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве: Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 29 июня 1959 г. М., 1959. С. 48.

²⁶ О задачах партийной пропаганды в современных условиях: постановление ЦК КПСС. М., 1960. С. 24.

²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 10. С. 263 — 269.

В середине 1950-х — начале 1960-х гг. советское телевидение не отличалось разнообразием телепередач, в программе преобладали художественные фильмы и информационная программа «Эстафета новостей». Проблема заключалась в повышении художественного уровня телепрограмм. В связи с этим ярким событием стало появление на государственном телевидении первого выпуска «Клуба веселых и находчивых» (КВН) в 1961 г. Телепередача способствовала эффекту сопричастности, ощущению общности как надежное место, где ослаблен контроль официальных органов, где многое позволено из-за «несерьезности жанра», где игра и нет рамок и предзаданности. Число поклонников телепередачи переходило все границы.

Телепередача «Голубой огонек», выходящая с 1962 г., была популярной на советском телевидении и относилась к категории «семейных», т. е. тех передач, которые смотрят всей семьей. Здесь надо поздравить авторов передачи, сумевших соединить и идеологический аспект, и эстрадное шоу. Передача, приуроченная к какому-либо празднику, представляла собой театральное зрелище, поскольку гостями были и космонавт, и знатная ткачиха, и известный актер, и видный военный деятель. Передача «Голубой огонек» стала одной из самых долговечных передач на советском телевидении, что для развлекательных телепередач было удивительно. Это был один из немногих по-настоящему успехов на заидеологизированном государственном телевидении.

Одной из главных проблем советского телевидения была проблема сближения зрителей и участников телепередач. Забота об этом становится настоящей задачей и в других, причем далеко не всегда развлекательных программах. В этом важной была роль телевизионного ведущего, который уже не только подавал текст, но как бы авторизовал его, т. е. исполнял и одновременно как бы сочинял роль. Всеобщую популярность завоевал в 1961 г. Ю. В. Фокин, который комментировал информационно-аналитическую передачу «Эстафета новостей», помогая телезрителю разбираться в событиях. Данная передача была примером соединения событийной и интерпретирующей информации, примером персонификации новостей, и аудитория имела возможность почувствовать разницу между дикторской и журналистской подачей материала.

В 1960-е гг. появились ведущие без явно заученных текстов, а потому представлялись телезрителю раскованными, что способствовало появлению на экране сверхпопулярных телепрограмм: «Клуб кинопутешественников», «В мире животных», «Кинопанорама», «Музыкальный киоск». Яркий пример тому — практика И. Л. Кириллова, В. М. Леонтьевой, А. Н. Шиловой, С. М. Моргуновой, С. А. Жильцовой, А. М. Вовк и др. Телеведущие по популярности встали в один ряд с известными певцами и актерами.

Об успехе или неудаче той или иной передачи помогали судить письма зрителей. Популярность телевизионных циклов была обусловлена не только появлением на экране человека, хорошо знающего предмет разговора, «болеющего» темой, человека, которому есть чем поделиться со зрителем. Удача передачи была в тесной связи с жизнью и в том, что в ней поднимались проблемы, волновавшие всех.

В прекрасном цикле «От всей души» постоянная ведущая В. М. Леонтьева открывала красоту живущих рядом со всеми людей. В этой телепередаче было

много важных вопросов, в разговор по поводу которых втягивалась с помощью телевидения молодежь страны.

В середине 1960-х гг. на центральном телевидении начал выходить телеальманах «Подвиг», который вел С. С. Смирнов. Поиск неизвестных героев был основной темой. Передача призывала советскую молодежь к сохранению исторической памяти, к ответственности за будущее, чтобы дорожили памятью дедов и отцов. Эта передача вызвала на телевидении колоссальное количество откликов и приобрела большой общественный резонанс.

В передаче «Человек и закон» телеведущий А. А. Безуглов нацеливал внимание зрителей на вопросы морали и нравственности. Телепередача воспитывала у советских граждан внутренние духовные качества — порядочность в отношениях, уважение к собственным принципам и чувствам, а также к принципам и чувствам других, призывала бороться за честные и чистые отношения между советскими людьми, причем бороться и на работе, и в семье.

Советское телевидение придавало большое значение культурному воспитанию молодежи. В середине 1960-х гг. помимо самостоятельного учебного канала появился образовательный канал. Тогда существовали регулярные передачи, в которых руководители телестудий беседовали со зрителями о содержании программ, отвечали на письма. В качестве ведущих и участников культурно-просветительных программ, передач для школьников, студентов, родителей приглашались знаменитые режиссеры, театроведы, музыкальные критики, ученые, писатели, деятели искусства, лучшие педагоги. Такие передачи требовали большой и серьезной продуманности. Учебные передачи снимали с учетом советов психологов, методистов и учителей.

Телевидение должно было последовательно воспитывать коммунистическое отношение к труду, добиваться правильной ориентации в вопросах внутренней и внешней политики государства, стремиться, чтобы в жизнь советских граждан вошло искусство. В 1967 г. вся страна готовилась отметить 50-летие Октябрьской социалистической революции. В связи с этим вырастали требования к идейному содержанию и художественной форме телевизионных передач.

Телевидение становится трибуной для выступления передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства, ученых, показывает самоотверженный труд советских людей, способствует популяризации лучшего опыта работы и организации производства, достижений науки и техники. Важная роль отводилась дружбе народов СССР, воспитанию советских людей в духе патриотизма и интернационализма, в духе коммунистической морали, коллективизма и трудолюбия.

4 января 1967 г. ЦК КПСС принял еще одно постановление, в котором определялись задачи СМИ современного этапа. «В печати, по радио и телевидению, — говорилось в нем, — необходимо отображать славную революционную деятельность нашей партии, достижения советского государственного и общественного строя»²⁸.

Изучение места роли радио и телевидения в жизни советского общества привлекло внимание Академии общественных наук при ЦК КПСС, которая изначально

²⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет. Т. 6. 1966 — январь — июнь 1968 г. М., 1968. С. 308 — 324.

в 1946 г. была создана в г. Москве как высшее учебное заведение для подготовки руководителей КПСС: секретарей райкомов, обкомов и т. п.²⁹ В короткий срок при АОН были созданы курсы для подготовки большого числа работников для Останкинского телецентра.

В обстановке резкого обострения идеологической борьбы и необходимости решительного наступления по всему идейно-теоретическому фронту, исключительное значение приобретал строго научный подход к любому акту пропагандистского воздействия. Не только содержательность, но и максимальная оперативность должны были отличать работу телевидения. И это было совершенно естественно: советский человек, хозяин своей страны, чувствовал себя полноправным участником событий, ответственным за судьбы Родины. Он внимательно следил за всеми проявлениями жизни, как подчеркивалось с трибуны XXIII съезда партии: «...то, что произошло сегодня, он хочет знать немедленно. Вчерашняя новость никому не нужна: она уже перестает быть новостью»³⁰.

Вот почему так важно было стремиться к максимальной оперативности и полноте в пропаганде. Следовательно, в условиях «холодной войны» сущность оперативности пропаганды заключалась прежде всего в обеспечении таких условий, когда информация советского телевидения доходила до аудитории раньше, чем она поступала из любого другого источника. Оперативность становилась совершенно необходимым и обязательным условием успеха в идеологическом наступлении.

Если согласиться с тем, что телевидение складывается как эстетизированный канал массовой информации, то нельзя не отвести особую роль пропаганде в форме художественной публицистики. Прежде всего это относилось к документальным и научно-популярным лентам. Полувековой юбилей советской страны телевидение встретило серьезной работой «Летопись полувека». Это было первое крупное полотно, которое выпустил новый «цех по производству фильмов» на Центральном телевидении — творческое объединение «Экран». «Летопись полувека» представляла собой документальный 50-серийный фильм: о каждом годе жизни Страны Советов — специальная серия. В период подготовки к 50-летию образования СССР цикл «Киноискусство Страны Советов» последовательно рассказал в художественной форме об этапах развития Советского государства, о советском образе жизни. По первой программе Центрального телевидения стали демонстрироваться главным образом новые значительные по проблематике и творческому уровню кинопроизведения на современную тему. Это был важный компонент пропагандистской работы телевидения.

Телевидение значительно расширило возможности получения советскими людьми разнообразной информации. По данным опросов, от 30 до 50 % свободного времени, или 7 — 15 часов в неделю, люди проводили за телевизором [8, с. 64]. Телевидение оказалось мощным конкурентом учреждениям культуры. Снизилась

²⁹ Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 327.

³⁰ История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов. М., 2013. С. 524.

посещаемость учреждений культуры: горожане в 1980 г. затрачивали на их посещение 4,2 % свободного времени [6], все чаще проводя время дома.

Передачи Центрального телевидения были всесоюзным монополистом и достигали любой точки в необъятной стране. Местные областные или краевые телестудии не решались проявлять инициативу и демонстрировать что-нибудь оригинальное и специфическое, характерное для данного региона. Обычно это были парадные рапорты о проделанной работе, чтобы соблюдать установленную субординацию по отношению к Центральному телевидению. Некоторые передачи, посвященные союзным республикам, задумывались и осуществлялись в Москве.

Работники телевидения были обязаны проводить политику государства, поскольку телевидение было инструментом государственной информации. Это способствовало тому, что телевидение в СССР не было независимо от общества и ответственности телевидения перед обществом не могло существовать. Главный редактор главной редакции пропаганды ЦТ В. В. Егоров в воспоминаниях был вынужден признать: «Председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров СССР Лапин С. Г. добился от секретариата ЦК КПСС, чтобы все аналитические (читай — критические) материалы по проблемам телевидения, которые готовились в центральной печати, перед опубликованием передавались бы ему для „предварительного анализа“. Со временем читатели с удивлением обнаружили полное отсутствие критических материалов о телевидении. Как только творческие замыслы и планы выходили за рамки идеологических устоев, они тут же на корню пресекались. Каждую инициативу по созданию новых передач, циклов и серий программ мне приходилось докладывать лично председателю»³¹.

Апофеоз идеологизированного телевидения наступил в 1970-е гг. Телевидение стало одним из важнейших государственных институтов, которое обязывало ведущего телепередачи говорить только заготовленную информацию. Сам принцип персонификации ведущих публицистических передач, обязанных иметь и отстаивать собственное мнение, пришел в противоречие с принципом партийности, который был основополагающим принципом журналистики и журналистской деятельности³².

Наступила тотальная регламентация советского телевидения. Развитие техники телевидения привело в начале 1970-х гг. к сокращению, а затем и почти полному исчезновению нефиксированных телевизионных программ. Не следует забывать, что все телепередачи в 1970-е гг. шли в записи и подвергались идеологической цензуре. «Живыми» остались лишь прямые репортажи общественно-политических событий или спортивных соревнований. Одна из причин почти полного исчезновения «живых» художественных передач — стремление избежать различных неточностей, которые оказывались все более нежелательными по мере увеличения телеаудитории и силы воздействия телевидения. Прямые трансляции становились атавистическим пережитком.

³¹ Егоров В. В. Указ. соч. С. 65 — 68.

³² Принцип партийности — поведение людей, направленность политической и идеологической деятельности в соответствии с принятыми в партии положениями, установками и рекомендациями.

Советское телевидение с 1970-х гг. все больше становилось орудием пропаганды за счет сокращения развлекательных программ. Попытки дискуссий, нетривиальные идеи безжалостно удалялись с экрана и расценивались как покушение на устои, как идеологические диверсии. Даже всенародно любимый КВН стал неуютен с его незапланированным юмором. Юмор не мог терпеть каких-то ограничений и запрограммированности. В силу этого телепередача оказалась не приспособленной к жизни и в начале 1970-х гг. исчезла с телеэкранов. Приблизительно такая же причина была в прекращении очень популярной телепередачи «Кабачок 13 стульев». Передача С. С. Смирнова «Подвиг» с ее многотысячными откликами также закрылась. С запросами аудитории не считались.

Служба научного прогнозирования после попытки сформулировать принципы дифференциации четырех каналов была расформирована. Речь идет не о журналистской некомпетентности, а о том, что журналисты выполняли навязанную им социальную пропагандистскую роль, исключаящую всякую степень риска и импровизации. Документалисты, которые пытались снимать незарегламентированную действительность, к телеэкрану не допускались. Торжествовала заданность результата с «паркетным», «протокольным» поведением перед камерой телеведущего. И хотя иногда в газетах появлялись критические рецензии на ту или иную телепередачу, они сути дела не меняли и никак не влияли на экранную постановочную практику, которая советским зрителем считалась единственно верной, так как сравнивать было не с чем. Официозные, цензурированные телепередачи наилучшим образом отражали вещательную политику телевидения.

Факты, которые подавались в ежедневной телевизионной программе «Время», впервые вышедшей в эфир 1 января 1968 г., не могли быть без идеологического заранее заготовленного шаблона. Наша страна, трудовые подвиги советских людей, мир с его проблемами представляли ежевечерне на телеэкране. Диктор, сообщающий факты, не мог иметь своего мнения, ничего не мог сказать от себя, вынужден был скрывать свои убеждения, так как он был рупором советской идеологии, рупором Гостелевидения. С появлением официозной информационной программы «Время» с экрана удалили еженедельную «Эстафету новостей». Фигура комментатора в этой передаче стала, по существу, лишней. Возобладала тенденция к «уплотнению» информации, которая нашла воплощение в программе «Время». Что хорошо для событийной информации, оказалось пагубным для интерпретирующей. Действительность должна была отвечать типовым канонам. Тенденциозность программы «Время» не удивляла, поскольку голос диктора был голосом государства. В программе «Время» государственная позиция, идеологический аспект преобладали над фактами, персонализация новостей вернулась к дикторскому ведению, к официальным комментариям.

В 1960 — 1970-е гг. наблюдалось удивительное сочетание на телеэкране прямой, без ухищрений пропаганды, очевидной идеологии и просветительских программ с показом мировой классики. Но этого и следовало ожидать, так как государственное телевидение финансировалось не за счет доходов от рекламы, а полностью из государственного бюджета. Идеология включала в себя пропаганду искусства, в силу этого экранизация классики на советском телевидении занимала достойное место в числе других телепрограмм. Редакции останкинских телеканалов подчинялись

единому высшему руководству Гостелерадио. Диктатура идеологии подразумевала безусловную централизацию. Неудобную телепередачу руководство государственного телевидения могло без зазрения совести снять с эфира по идеологическим причинам, даже если она пользовалась у советских граждан большим успехом. Это означало: кто несет за что-либо расходы, тот имеет преимущество этим управлять. Таким образом, показатель и степень популярности явно уступали власти идеологии, системе полной централизации с единым бюджетом. Главный редактор главной редакции пропаганды ЦТ В. В. Егоров отмечал: «Работать постоянно приходилось в строгих идеологических рамках, если не с партийной петлей на шее, то уж постоянно с путами на руках. Ведь передачи редакции посвящались самым актуальным пропагандистским кампаниям и находились под постоянным контролем ЦК КПСС и руководства Гостелерадио, особенно его председателя»³³.

Требования партии к работникам идеологического фронта в 1970-е гг. резко возросли, поэтому особенно важной была четкая координация между разными средствами пропаганды. Чем точнее использовалась специфика каждого из этих средств, тем эффективнее был результат. Вот почему вопрос о специфике советского телевидения приобретал все большее значение.

Заключение

Не только телевидение, но и все средства массовой информации обязаны были обеспечивать монополизм идеологии марксизма-ленинизма, провозглашавшей целью построение коммунизма. В силу этого распространение информации стало средством для пропаганды советской идеологии, и информация обладала ценностью только в случае, если имела пропагандистское назначение. Надлежало считать реальной действительность на телевизионном экране, даже если она мало напоминала действительность вне экрана. Информационные программы были исключительно идеологическими программами, которые направляли массовое сознание в нужное русло.

В Советском Союзе эволюция системы телевидения выражалась, в первую очередь, в возрастании социального контроля над ее производством. Данная тенденция увеличивала роль телевидения как инструмента социально-политического управления обществом. И по мере дальнейшего развития технических возможностей телевидения, расширения телевизионной сети, роста количества телевизоров в СССР значительно усилилось внимание к нему со стороны КПСС и Советского правительства как к важному средству в осуществлении идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы среди советских граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багиров Э. Г., Кацев И. Г. Телевидение: XX век: Политика. Искусство. Мораль. М.: Искусство, 1968. 306 с.
2. Богомолов Ю. А. Хроника пикирующего телевидения, 2000 — 2002: сб. М.: МИК, 2004. 368 с.
3. Борецкий Р. А. Телевизионная программа: (очерк теории пропаганды). М.: [б. и.], 1967. 213 с.

³³ Егоров В. В. Указ. соч. С. 41.

4. Вильчек В. М. Контуры: Наблюдения о природе телеискусства. Ташкент: Фан, 1967. 212 с.
5. Глуховская Л. Д. Театр для миллионов (Телевизионный спектакль). М.: Мысль, 1966. 88 с.
6. Патрушев В. Д. Как и с кем проводят свободное время горожане? // Социологические исследования. 1986. № 4. С. 55 — 62.
7. Петропавловская И. А. Летопись инженерной и научной деятельности почетного академика В. Г. Шухова. М.: Фестпартнер, 2014. 416 с.
8. Рабочее и свободное время (материалы исследования населения города): в 2 кн. / отв. ред. В. Д. Патрушев. М.: ИСИ, 1987. Кн. 1. 88 с.
9. Рохлин А. М., Шастин В. В. Телевидение как искусство. М.: Искусство, 1962. 80 с.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 24.06.2024.

Информация об авторе:

Владимир Николаевич Горлов, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета (119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1), доктор исторических наук, профессор, gorlov812@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bagirov EG, Katsev IG. Television: XX Century: Politics. Art. Morality. Moscow;1968. (In Russ.)
2. Bogomolov YuA. Chronicle of Diving Television, 2000 — 2002. Moscow;2004. (In Russ.)
3. Boretsky RA. Television Program: (an Essay on the Theory of Propaganda). Moscow;1967. (In Russ.)
4. Vilchek VM. Contours: Observations on the Nature of Television Art. Tashkent;1967. (In Russ.)
5. Glukhovskaya LD. Theater for Millions (Television Performance). Moscow;1966. (In Russ.)
6. Patrushev VD. How and With Whom do the Citizens Spend their Free Time? *Sociological Research*. 1986;(4):55—62. (In Russ.)
7. Petropavlovskaya IA. Chronicle of Engineering and Scientific Activity of Honorary Academician V. G. Shukhov. Moscow;2014. (In Russ.)
8. Working and Free Time (Materials of the Study of the City's Population). Moscow;1987;1. (In Russ.)
9. Rokhlin AM, Shastin VV. Television as Art. Moscow;1962. (In Russ.)

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 24.06.2024.

Information about the author:

Vladimir N. Gorlov, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies at the Moscow State Linguistic University (38/1 Ostozhenka Str., Moscow 119992, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, gorlov812@mail.ru

Conflict of interests: the author declare no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.34).084:353
EDN WXFATV

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОРДОВИИ В 1950 — 1980 гг.

Т. М. Гусева✉, Г. А. Куршева, Е. Н. Бикейкин, П. С. Учватов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия

✉tatiana.guseva@mail.ru

Аннотация

Введение. Вопросы состояния и развития инфраструктуры культурной сферы Мордовии второй половины XX в. являются недостаточно изученными. В связи с этим целью статьи выступает исследование количественных и качественных характеристик деятельности культурно-просветительских учреждений Мордовии в 1950 — 1980-е гг. На примере библиотек, клубов, Домов культуры рассмотрено состояние материально-технической базы, представлена организация культурно-массовой работы и деятельность художественной самодеятельности.

Материалы и методы. В основу работы легли архивные дела, научные издания, статистические материалы и сборники документов. Основополагающим принципом данного исследования является принцип историзма. Методологическую базу работы составляют общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Инфраструктура сферы культуры Мордовии в рассматриваемое время имела двойственный характер. С одной стороны, были определенные достижения в развитии сети культурно-просветительных учреждений и художественной самодеятельности. С другой — строительство учреждений культуры испытывало дефицит в финансировании, а также в объемах и сроках выполнения.

Заключение. Приведенные данные позволяют проследить тенденцию к увеличению количества учреждений сферы культуры, однако их было недостаточно для удовлетворения духовных запросов жителей региона.

Ключевые слова: культура, культурно-просветительные учреждения, клуб, дом культуры, Мордовская АССР

Для цитирования: Гусева Т. М., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Учватов П. С. Динамика культурно-просветительных учреждений Мордовии в 1950 — 1980 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. 99 — 110. EDN WXFATV

© Гусева Т. М., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Учватов П. С., 2024

Original article

DYNAMICS OF CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF MORDOVIA IN 1950 — 1980

T. M. Guseva✉, G. A. Kursheva, E. N. Bikeykin, P. S. Uchvatov

Research Institute of the Humanities by the Government

of the Republic of Mordovia,

Saransk, Russia

✉tatiana.guseva@mail.ru

Abstract

Introduction. The issues of the state and development of the infrastructure of the cultural sphere of Mordovia in the second half of the 20th century are insufficiently studied. In this regard, the purpose of the article is to study the quantitative and qualitative characteristics of the activities of cultural and educational institutions of Mordovia in the 1950s and 1980s. Using the example of libraries, clubs, cultural centers, the state of the material and technical base is considered, the organization of cultural and mass work and the activities of amateur performances are also presented.

Materials and methods. The work is based on archival files, scientific publications, statistical materials and collections of documents. The fundamental basis of this research is the principle of historicism. The methodological foundation of the work consists of general scientific and special historical methods.

Results and discussion. The infrastructure of the cultural sphere of Mordovia at the time under review had a dual character. On the one hand, there have been certain achievements in the development of a network of cultural and educational institutions and amateur performances. On the other hand, the construction of cultural institutions had shortcomings in financing, in terms of amounts and deadlines.

Conclusion. These materials allow us to trace the trend of an increase in the number of cultural institutions, but they were not enough to develop the spiritual life of the region inhabitants.

Keywords: culture, cultural and educational institutions, club, house of culture, Mordovian ASSR

For citation: Guseva TM, Kursheva GA, Bikeykin EN, Uchvatov PS. Dynamics of Cultural and Educational Institutions of Mordovia in 1950 — 1980. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):99—110. EDN WXFATV

Введение

Во второй половине XX в. значительное внимание уделялось расширению и укреплению материальной базы сети инфраструктуры культурной сферы. Это было связано не только с восстановлением довоенной системы учреждений культуры, но и с образованием в 1953 г. Министерства культуры МАССР и заметным ростом ассигнований на социально-культурные цели. Если в 1950 г. было выделено 16,4 млн руб., то в 1955 г. — 22,7 млн руб. [11, с. 440]. Особенно выросло финансирование строительства культурно-просветительных учреждений республики. Если за 1952 — 1956 гг. на эти цели государством было потрачено 125 тыс. руб., то за последующие 4 года только по линии министерства культуры было израсходовано 2,5 млн руб. [1, с. 25]. Это объясняется тем, что культурно-просветительные учреждения не только предлагали населению Мордовии обширный диапазон

развлекательно-досуговых мероприятий, но и позволяли интегрироваться в социальное, политическое и культурное пространство.

Материалы и методы

В ходе работы использовались архивные документы Центрального государственного архива Республики Мордовия (Ф. Р-1122. Министерство культуры Республики Мордовия) и объединенного архива Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, стенографические отчеты заседаний Верховного Совета Мордовской АССР, статистические сборники и научные издания. основополагающим принципом данного исследования является принцип историзма. В качестве универсальных методов используются анализ, сравнение, обобщение, позволившие выявить составные части явлений в их системной взаимосвязи. В качестве специальных методов задействованы историко-сравнительный, хронологический и метод статистического анализа.

Обзор литературы

Культурное строительство послесталинского, но доперестроечного периода исследовано довольно обширно, такими учеными, как М. П. Ким¹, Л. М. Зак², К. М. Долгов [2] и др. Вопросы развития культурно-просветительных учреждений России и, в частности, Мордовии в 1950 — 1980-е гг. являются недостаточно изученными. Интерес представляют работы В. Л. Житаева [3; 4; 6 и др.], А. Л. Киселева [7], В. Б. Бочкарева [1], рассматривавших состояние и деятельность культурно-просветительных учреждений Мордовии второй половины XX в.

Результаты исследования и их обсуждение

На 1 октября 1953 г. в Мордовской АССР действовало более 900 культурно-просветительных учреждений, из них 32 районных Дома культуры, 400 сельских клубов, 202 избы-читальни, 36 городских и районных, 246 сельских, 16 детских библиотек, 3 краеведческих музея и 1 культурно-просветительная школа³. К концу 1956 г. в Мордовии работали 709 клубных учреждений (из которых к министерству культуры относились 659), в том числе 683 — в сельской местности. Наибольшее число клубов приходилось на Ардатовский район — 34, Чамзинский — 31, Инсарский — 27, Козловский — 27, Атяшевский — 26, Большеберезниковский — 26, Ковылкинский — 26 и Zubovo-Полянский район — 25⁴.

С организацией Министерства культуры МАССР началась масштабная работа по укреплению материальной базы инфраструктуры культуры. Министерство продолжило возведение новых культурных учреждений, увеличивая капиталовложения.

Большую роль в развитии инфраструктуры культуры в 1950-е гг. играло так называемое инициативное строительство, в основе которого лежал почин самих тружеников села. Оно велось за счет средств колхозов и совхозов. Так, в 1954 —

¹ М. П. Ким опубликовал более 100 работ по истории советской культуры. Под его научным руководством в 1975 — 1981 гг. было осуществлено издание пятитомного труда «Культурная жизнь в СССР: 1917 — 1977. Хроника» (М., 1975 — 1982. Т. 1 — 5).

² Зак Л. М. История изучения советской культуры: учеб. пособие. М., 1981. 176 с.

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

⁴ Народное хозяйство Мордовской АССР: стат. сб. Саранск, 1958. С. 129 — 130.

1958 г. в селах республики на средства государства и колхозов были построены 209 Домов культуры, клубов и библиотек [7, с. 126]. В 1951 — 1955 гг. на средства колхозов возвели клубных учреждений на 6 182 зрительских места, в 1956 — 1958 гг. — на 15 995, в 1959 — 1960 гг. — на 10 640 мест. В целом за 10 лет было сдано в эксплуатацию клубных учреждений на 37 442 места⁵. В то же время за счет государственных ассигнований построили 9 кинотеатров (на 2 200 мест) и 4 клубных учреждения (на 1 790 мест) [7, с. 121].

Несмотря на расширение сети культурно-просветительных учреждений, инфраструктура культурной сферы отставала от требуемого культурно-образовательного уровня [9]. В отчетах VII сессии Верховного Совета Мордовской АССР (1958 г.) указывалось, что во многих районах республики в области культурного строительства слабо решались вопросы укрепления материальной базы. Местные Советы недостаточно задействовали в строительстве культурно-просветительных учреждений промышленные предприятия и колхозы⁶. В 1958 г. 87 сельских клубов размещались в зданиях правлений колхозов. Собственные строения имели лишь 142 клубных учреждения, что составляло не более 60 %⁷. В 1959 г. более половины из 661 клуба имело зрительные залы до 100 мест. Только в 7 районных Домах культуры и 9 сельских клубах залы были рассчитаны более чем на 300 мест. В 143 клубах предусматривались помещения для кружковой работы, в остальных подобные комнаты отсутствовали⁸. К концу 1950-х гг. материально-техническая база учреждений сферы культуры в республике изменилась к лучшему.

С 1958 по 1960 г. в Мордовии были построены 6 районных Домов культуры и 3 кинотеатра, начали работу 100 библиотек и клубов. В Саранске в два раза увеличилась учебная площадь республиканского музыкального училища, ввели в эксплуатацию общежитие Республиканской детской музыкальной школы-интерната для музыкально одаренных детей, в том числе из сельской местности⁹.

В 1960 г. в Мордовии функционировали 768 учреждений клубного типа, в том числе 730 — в сельской местности¹⁰. Однако, хотя к началу 1960 г. клубами располагали 950 населенных пунктов, 840 их вообще не имели. Так, в Рузаевском районе клубов не было в 77 поселениях, а в 16 они находились в запущенном состоянии или использовались под другие цели. Клубных помещений не было в таких крупных селах, как Мордовская Пишля, Перхляй, Левжа, Старый Усад и Сузгарь¹¹. В 1960 — 1963 гг. шел процесс укрупнения учреждений культуры, поэтому в отдельных малочисленных селах закрывались клубы и библиотеки или их преобра-

⁵ Мордовская АССР за годы Советской власти (в цифрах). 1917 — 1967. Саранск, 1967. С. 120.

⁶ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР четвертого созыва, седьмая сессия (28 ноября 1958 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1959. С. 105.

⁷ Там же. С. 22 — 23.

⁸ ОА МКНПиАД РМ (Объединенный архив Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁹ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР пятого созыва, пятая сессия (1 — 2 декабря 1960 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1961. С. 97 — 98.

¹⁰ Мордовская АССР за годы Советской власти... С. 165 — 167.

¹¹ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР шестого созыва, четвертая сессия (11 — 12 февраля 1965 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1965. С. 67.

зовывали в филиалы близлежащих [6, с. 39]. В государственном бюджете Мордовии на 1960 г. ассигнования на социально-культурные мероприятия были установлены в сумме 39,7 млн руб. (фактически израсходовали 41,1 млн руб.), в 1970 г. они выросли по сравнению с 1960 г. в 2 раза¹².

За 5 лет, с 1961 по 1965 г., государство на строительство культурно-просветительных учреждений израсходовало 300 тыс. руб., было введено в строй сельских клубов и Домов культуры с общим количеством посадочных мест 18 027. Кроме того, объекты культуры сооружались на средства колхозов, совхозов и общественных организаций [5, с. 19]. Только за два года за счет колхозов и совхозов было введено в эксплуатацию клубных учреждений на 8 440 посадочных мест. В 1965 г. из общего числа клубных учреждений 674 были государственными, 54 профсоюзными, 40 колхозными и 4 — прочих организаций [3, с. 140, 142].

Несмотря на достигнутые успехи относительно развития инфраструктуры культурной сферы, в сельской местности имелись проблемы. Так, к 1967 г. 13 клубов должны были распахнуть двери, но по различным причинам строительство либо не было начато, либо приостановлено, на 6 клубов не подготовили техническую документацию¹³. В феврале 1967 г. колхозы и совхозы выделили на строительство клубов в сельской местности 8 644,5 тыс. руб. [5, с. 21]. К августу того же года 30 клубных учреждений пребывали в фазе окончания строительных работ, а 14 сельских клубов на 2 450 посадочных мест и 3 библиотеки были введены в эксплуатацию [5, с. 21].

С одной стороны, сеть учреждений культуры расширялась, с другой — происходила ликвидация клубов и Домов культуры, занимавших аварийные и ветхие строения. Строительство клубных учреждений в Краснослободском, Zubovo-Полянском, Ковылкинском, Ардатовском и Лямбирском районах велось недоброкачественно с нарушением норм, технических условий и проектной документации. В Краснослободском районе из 6 пусковых клубов в 4 приостановили работы из-за отсутствия строительных материалов. Из запланированных на 1968 г. 100 клубов строились лишь 44. В марте 1968 г. власти одобрили возведение к 1970 г. в сельской местности не менее 150 клубов, 8 кинотеатров, 8 библиотек, 95 спортивных площадок и 24 парков¹⁴. В начале 1969 г. Правительство Мордовской АССР выделило еще 360 тыс. руб. на строительство в районах республики Домов культуры [5, с. 20]. С 1966 по 1970 г. за счет государственного бюджета отстроили клубных учреждений на 9 020 посадочных мест, сеть учреждений культуры увеличилась на 198 клубов и Домов культуры, 65 библиотек и 16 детских художественных и музыкальных школ [3, с. 140].

Для совершенствования работы сельских клубов 15 апреля 1965 г. было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «Об итогах Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности и мерах по дальнейшему улучшению клубной работы на селе», в котором предусматривалось

¹² Заседания Верховного Совета Мордовской АССР пятого созыва, третья сессия (16 — 17 декабря 1959 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1960. С. 150.

¹³ Культурное строительство в Мордовской АССР: сб. док. Ч. 2. (1941 — 1980 гг.) Саранск, 1988. С. 280.

¹⁴ Там же.

выделение каждому сельскому району автоклуба для обслуживания населенных пунктов, не имевших стационарных клубов, и производственных участков¹⁵. Сотрудники автоклубов читали лекции, выступали с концертами и демонстрировали кинофильмы. Так, в 1965 г. действовали 4 таких клуба, а в 1980 г. — 64. Число сельских клубов в восьмой пятилетке (1966 — 1970) намечалось довести до 639 [5, с. 20].

На расширение инфраструктуры культурной сферы в Мордовии отпускались значительные суммы. Если в годы седьмой пятилетки на эти цели было израсходовано 300 тыс. руб., то в восьмой — почти в 8 раз больше (2 363 тыс. руб.) [5, с. 19 — 20]. Одновременно с увеличением государственных ассигнований на развитие культуры многократно выросла и доля финансовых вложений производственных предприятий, общественных организаций, колхозов и совхозов. За счет различных финансовых активов в годы седьмой и восьмой пятилеток было построено клубных учреждений на более чем 50 тыс. посадочных мест, в том числе за счет бюджетных средств — на 11 390, средств колхозов и совхозов — на 40 830 мест; приобретены 12 автобусов, 800 фильмоскопов, 200 кинопроекторов, различные музыкальные инструменты, световая аппаратура и другое оборудование¹⁶.

В начале 1970-х гг. проводилось единовременное обследование клубных учреждений страны, в том числе Мордовии. Оно показало, что в республике на 1 612 населенных пунктов приходилось 795 клубных учреждений, из них 751 принадлежало системе Министерства культуры СССР (20 районных, 2 городских, 202 сельских Дома культуры и 527 сельских клубов), 29 — профсоюзным организациям, 11 — колхозам и 4 — другим ведомствам. В 820 населенных пунктах с числом жителей до 200 чел. насчитывалось 112 клубных учреждений, в 395 (до 300 чел.) — 101, в 243 (до 1 000 чел.) — 200, в 154 (до 3 тыс. чел.) — 148. В сельской местности обеспечение клубными учреждениями было следующим: 338 клубных учреждений обслуживали населенные пункты до 500 чел., 228 — до 1 тыс., 187 — до 3 тыс. и 13 — свыше 3 тыс. чел. [3, с. 142 — 143]. Тем не менее в регионе 100 клубных учреждений пребывали в аварийном состоянии, а около 1000 населенных пунктов совсем их не имели.

В Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 гг. указывалось: «Обратить особое внимание на совершенствование системы культурного обслуживания населения, завершить в основном создание Домов культуры в районных центрах и культурно-просветительных учреждений во всех крупных населенных пунктах»¹⁷. Благодаря выделенным средствам не только государства, но и профсоюзов, предприятий, колхозов и так далее в 1971 г. было введено в эксплуатацию 25 клубных учреждений на 4 400 посадочных мест, Домов культуры и сельских клубов на 14 400 мест. За пятилетку на культурное строительство было ассигновано государственных капитальных вложений на сумму 1,3 млн руб. и средств колхозов — 5,6 млн руб. Шел интенсивный процесс преобразования сельских клубов в Дома культуры. За 1971 — 1975 гг. были реорганизованы 200 учреждений [3, с. 140 — 141; 5, с. 42].

¹⁵ Свод Законов РСФСР. М., 1988. Т. 3. С. 451.

¹⁶ ОА МКНПиАД РМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 531. Л. 1 — 7.

¹⁷ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 278 — 279.

В десятой пятилетке (1976 — 1980 гг.) капитальные вложения в региональную культуру составили 7,5 млн руб., в том числе за счет средств государства — 2,1 млн руб., колхозов — 5,4 млн руб. Планировалось ввести в эксплуатацию клубов и Домов культуры на 14 380 посадочных мест, однако фактическая цифра составила 9 451 место, при этом более 60 % клубных учреждений (примерно 40) было построено за счет колхозов [5, с. 23]. Средства, выделенные на культурное строительство, не были освоены полностью. Главная причина — отсутствие заинтересованности многих строительных организаций в сооружении объектов культуры, которые часто становились долгостроями: например, Дом культуры в г. Инсаре возводился 10 лет [3, с. 141]. Дефицит строительных материалов, слабое руководство строительством со стороны партийных и советских органов сдерживали динамичное развитие. Кроме того, мешала непоследовательность действий центральных партийных и советских органов, которые неоднократно принимали решения по замораживанию объектов культуры.

Большую роль в развитии культурной сферы сыграло принятое 10 ноября 1977 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 981 «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения»¹⁸, где указывалось на потребность в строительстве и благоустройстве культурно-просветительных учреждений. В 1978 г. руководящие органы Мордовии поддержали инициативу общественности Ардатовского района о дальнейшем улучшении материальной базы сельских учреждений культуры. В республике с 1978 по 1980 г. завершилось строительство 28 клубов и Домов культуры на 5 600 посадочных мест и 10 библиотек на 180 тыс. экз. [3, с. 141].

Участие общественности Мордовии в укреплении материальной базы культуры отмечалось и в дальнейшем. В начале 1980-х гг. многие районы приняли обязательства по строительству и капитальному ремонту зданий культурно-просветительных учреждений, возведению стадионов, созданию музеев и развитию кружковой работы, а также по направлению на учебу молодежи за счет колхозных средств. Проводимая на местах работа несколько улучшила состояние материальной базы культуры, однако не решила всех стоявших перед нею проблем.

За лучшую постановку культурного обслуживания сельского населения в 1979 и 1980 гг. республика награждалась переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, что свидетельствовало о весомых результатах и высокой оценке вклада работников культурно-просветительных учреждений и организаций искусства в развитие духовной жизни жителей региона.

К началу 1980-х гг. в Мордовии имелись 3 Дома культуры в г. Саранске, 21 — в райцентрах и 410 — в сельских населенных пунктах, 334 сельских клуба и 64 автоклуба. Сельские клубы начали преобразовываться в Дома культуры. Если в 1965 г. сельских Домов культуры еще не существовало, то в 1980 г. их стало 410, а число клубов сократилось более чем в 2 раза (табл. 1).

¹⁸ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 981 «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» от 10 ноября 1977 г. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1577332/> (дата обращения: 21.10.2024).

Таблица 1. Клубные учреждения Министерства культуры Мордовской АССР
в 1965 — 1980 гг.Table 1. Club institutions of the Ministry of Culture of the Mordovian ASSR
in 1965 — 1980

Тип учреждений	1965	1968	1970	1975	1980
Дома культуры:					
городские	1	1	1	3	3
районные	31	21	21	21	21
сельские	—	72	175	395	410
Сельские клубы	638	602	556	349	334
Автоклубы	4	22	29	50	64
Всего	674	718	782	818	832

Составлена по: Житаев В. Л. Развитие культуры в Мордовии (1960 — 1970-е гг.). Саранск, 1985. С. 32.

Compiled by: Zhitaev V. L. The development of culture in Mordovia (1960 — 1970s). Saransk, 1985. P. 32.

Вместе с тем общая численность клубных учреждений не отражала качественную сторону их состояния: 254 размещались в приспособленных зданиях, 191 требовал капитального ремонта, 45 находились в аварийном состоянии. Сценическую площадку имели 693 учреждения, эстраду — 29, а танцевальный зал — только 12 Домов культуры [3, с. 142].

В 1980 г. на одно сельское клубное учреждение приходилось 600 чел., а в городе — 1 200 чел. К 1985 г. клубные учреждения имелись во всех населенных пунктах с численностью жителей более 500 чел. [3, с. 143].

Как видно из табл. 2, с 1955 по 1985 г. количество клубных учреждений в среднем увеличилось на 20 %, причем в городе на 46 %, а в сельской местности на 17 %. В 1985 г. в сельской местности находились 92 % клубных учреждений, а в городской 8 %.

Таблица 2. Динамика клубных учреждений в Мордовской АССР
в 1955 — 1985 гг.

Table 2. The dynamics of club institutions in the Mordovian ASSR in 1955 — 1985

Год	Количество клубных учреждений				
	всего	в городских поселениях		в сельской местности	
		ед.	%	ед.	%
1	2	3	4	5	6
1955	716	37	5,2	679	94,8
1960	768	38	4,9	730	95,1
1965	772	46	6,0	726	94,0
1970	845	47	5,6	798	94,4
1975	867	59	6,8	808	93,2

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6
1980	884	60	6,8	824	93,2
1985	892	69	7,7	823	92,3

Составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки. 1971 — 1975: стат. сб. Саранск, 1976. С. 191; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки. 1976 — 1980: стат. сб. Саранск, 1981. С. 231; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985: стат. сб. Саранск, 1986. С. 192; Мордовии 70 лет: юбил. стат. сб. Саранск, 1999. С. 79.

Compiled by: National economy of the Mordovian ASSR for the years of the ninth five-year period. 1971 — 1975: statistical collection of Saransk, 1976. P. 191; National economy of the Mordovian ASSR during the years of the tenth five-year plan. 1976 — 1980: statistical collection of Saransk, 1981. P. 231; National economy of the Mordovian ASSR during the years of the eleventh five-year plan. 1981 — 1985: statistical collection of Saransk, 1986. P. 192; Mordovia 70 years: jubilee statistical collection of Saransk, 1999. P. 79.

За годы одиннадцатой пятилетки (1981 — 1985 гг.) были введены в эксплуатацию 36 клубов и Домов культуры в среднем на 250 мест каждый, 24 из них имели библиотеки [6, с. 41].

Важной задачей оставалось улучшение проектирования клубных учреждений. При растущем уровне образования сельских жителей типичное здание сельского клуба с залом для демонстрации кинофильмов и выступления самодеятельных коллективов устарело. В клубах помимо обычных «атрибутов» должны были находиться библиотека, кружковые комнаты, спортивные или танцевальные залы. Доминирующим типом культурно-просветительных учреждений, преимущественно сосредоточенных в городах и крупных населенных пунктах республики, были Дома культуры, которые строились по специальным проектам с учетом требований организации массовой работы. В их деятельности в 1980-е гг. произошли существенные изменения, поскольку большинство учреждений культуры профсоюзов теперь имело необходимые условия для функционирования различных кружков, объединений, а также для проведения массовых мероприятий.

В рассматриваемый период во многих клубах, Домах культуры и библиотеках республики активно читали лекции и доклады, организовывали тематические вечера и диспуты, театрализованные праздники и представления, встречи с ветеранами войны и труда, силами художественной самодеятельности проводили спектакли и концерты. На достойном уровне культурно-просветительская работа была поставлена в Ефаевском и Селищинском Домах культуры Краснослободского района, Сиалеевско-Пятинском — Инсарского, Ладском — Ичалковского, Большекузьминском — Ардатовского района и в Плоскинском клубе Темниковского района. В клубах Ковылкинского, Темниковского и Большеигнатовского районов проходили знаменитые вечера — чествования передовиков производства, «От всей души», вечера — рапорты трудовых династий, праздники урожая, животноводческие «среды» и др.¹⁹

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2214. Л. 4.

Важным средством развития культурного потенциала села и провинциальных городов Мордовии являлась художественная самодеятельность. В 1970 г. в государственных клубных учреждениях действовали 2 254 кружка художественной самодеятельности, в которых участвовало более 30 тыс. чел. В 1980 г. их было уже 5 095, народным творчеством занималось свыше 70 тыс. чел. В 1960 — 1980-е гг. в республике работало много известных, интересных и самобытных коллективов: танцевально-хоровые ансамбли Рузаевского и Темниковского районов, инструментально-вокальные группы из Ковылкинского, Инсарского, Zubovo-Полянского и Чамзинского районов, Ардатовский народный театр и др. В их составе выступали рабочие, служащие, колхозники, учителя и школьники. Коллективы художественной самодеятельности сельских клубов и Домов культуры ежегодно давали более 14 тыс. концертов и спектаклей, которые посетило около 2 млн чел. [3, с. 146]. Исследования, проведенные в конце 1970-х гг., показали, что на селе интерес к различным культурным мероприятиям был выше, чем в городе. Так, среди сельских жителей регулярно посещали лекции в клубах 21,4 %, а среди городских — лишь около 5,0 %²⁰. Активное участие в самодеятельном творчестве многим жителям республики позволяло раскрыть их художественную одаренность.

Заключение

Изменившаяся общественно-политическая и социальная обстановка в республике, возрастающий из года в год общеобразовательный и культурный уровень населения требовали совершенствования инфраструктуры культурной сферы Мордовии для развития духовной жизни. Большое внимание уделялось организационному и материальному укреплению культурно-просветительных учреждений. Привлечение к финансированию помимо государственных вложений средств промышленных предприятий, колхозов и совхозов привело к постепенному увеличению количества учреждений культуры, особенно в сельской местности. Работа клубных учреждений стала более массовой и действенной, широкое распространение получила художественная самодеятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бочкарев В. П. Культура на марше: Учреждения культуры Мордовии за годы Советской власти. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 106 с.
2. Долгов К. М. Духовная культура развитого социализма. М.: Знание, 1979. 64 с.
3. Житаев В. Л. Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (II половина XIX — 80-е гг. XX в.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 152 с.
4. Житаев В. Л. Культурно-просветительская деятельность в мордовском крае: история и современность. Саранск, 2015. 109 с.
5. Житаев В. Л. Развитие культуры в Мордовии (1960 — 1970-е гг.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 139 с.
6. Житаев В. Л., Седина И. В. Культурное строительство на селе Мордовии. (1945 — 1995 гг.). Саранск, 2006. 140 с.
7. Киселев А. Л. Социалистическая культура Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 320 с.
8. Очерки истории Мордовской АССР: в 2 т. Саранск, 1961. Т. 2. 543 с.

²⁰ Селу — богатства культуры. Саранск, 1981. С. 12 — 13.

9. Шкердина Н. О., Мальгина А. А., Маринова С. Ш., Чекушкин А. Н. Основные тенденции социокультурного развития села в послевоенный период в Мордовии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 86 — 94. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf>

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 15.11.2024.

Информация об авторах:

Татьяна Михайловна Гусева, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Галина Александровна Куршева, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Евгений Николаевич Бикейкин, заместитель директора — ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Павел Сергеевич Учватов, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Вклад авторов:

Гусева Т. М. — идея, разработка концепции и методологии, анализ литературы и архивных источников, научное редактирование;

Куршева Г. А. — идея, разработка концепции и методологии, сбор материала и анализ литературы и архивных источников;

Бикейкин Е. Н. — сбор материала и анализ литературы и архивных источников, подготовка таблиц; обработка и анализ материала;

Учватов П. С. — сбор материала и анализ литературы и архивных источников, написание первоначального варианта статьи, редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bochkarev VP. Culture on the March: Cultural Institutions of Mordovia During the Years of Soviet Power. Saransk;1970. (In Russ.)
2. Dolgov KM. The Spiritual Culture of Developed Socialism. Moscow;1979. (In Russ.)
3. Zhitaev VL. Cultural and Educational Activities in Mordovia (II half of the XIX — 80s of the XX Century). Saransk;2006. (In Russ.)
4. Zhitaev VL. Cultural and Educational Activities in the Mordovian Region: History and Modernity. Saransk;2015. (In Russ.)
5. Zhitaev VL. The Development of Culture in Mordovia (1960 — 1970s). Saransk;1985. (In Russ.)

6. Zhitaev VL, Sedina IV. Cultural Construction in the Village of Mordovia (1945 — 1995). Saransk;2006. (In Russ.)
7. Kiselev AL. Socialist Culture of Mordovia. Saransk;1959. (In Russ.)
8. Essays on the History of the Mordovian ASSR. Saransk;1961. (In Russ.)
9. Shkerdina NO, Malgina AA, Marinova SS, Chekushkin AN. The Main Trends in the Socio-Cultural Development of the Village in the Post-War Period in Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;(3):86—94. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf> (In Russ.)

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 15.11.2024.

Information about the author:

Tatyana M. Guseva, Principal Researcher — Head of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Galina A. Kursheva, Director of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director — Academic Secretary of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Pavel S. Uchvatov, Leading Researcher of Department of History, Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3, L. Tolstoy Street, Saransk, 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Contribution of the authors:

Guseva T. M. — idea, development of concept and methodology, analysis of literature and archival sources, scientific editing;

Kursheva G. A. — idea, development of the concept and methodology, collection of material and analysis of literature and archival sources;

Bikeykin E. N. — collection of material and analysis of literature and archival sources, preparation of tables; processing and analysis of material;

Uchvatov P. S. — collecting material and analyzing literature, archival sources, writing the initial version of the article, editing the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 93/94
EDN WYKQGR

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Д. В. Маслов

Российский государственный архив литературы и искусства,
г. Москва, Россия

МИРЭА — Российский технологический университет,
г. Москва, Россия

Российский государственный архив социально-политической истории,
г. Москва, Россия
dmitrij.mas2011@yandex.ru

Аннотация

Введение. Целью статьи является краткое обобщение квинтэссенции современных дискуссий о личности и деятельности В. И. Ленина. Научная проблема статьи — несоответствие ряда подходов, применяемых к его изучению, требованиям научности.

Материалы и методы. Рассмотрены знаковые биографические работы о вожде российской революции, дающие представление о наиболее дискуссионных аспектах историографии темы. Методология исследования опиралась на принципы объективности и историзма, так часто игнорируемые в освещении ленинской темы. При работе над темой были использованы такие специальные методы исследования, как историко-генетический, хронологический, сравнительный и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом исследования являются не только выявление наиболее «узких» мест изучения биографии В. И. Ленина, но и предложения, направленные на обеспечение большей научной объективности освещения роли его личности в российской и мировой истории.

Заключение. Перспективы исследования связаны с все более полным включением образа В. И. Ленина в конкретно-исторический контекст.

Ключевые слова: Ленин, биография, историография, история, литература, понимание

Для цитирования: Маслов Д. В. Личность и деятельность В. И. Ленина как предмет научного изучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 111 — 119. EDN WYKQGR

© Маслов Д. В., 2024

Original article

PERSONALITY AND ACTIVITY OF V. I. LENIN AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC STUDY

D. V. Maslov

Russian State Archive of Literature and Art,
Moscow, Russia
MIREA — Russian University of Technology,
Moscow, Russia
Russian State Archive of Socio-Political History,
Moscow, Russia
dmitrij.mas2011@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is a brief summary of the modern discussions about the personality and activities of V. I. Lenin. The scientific problem of the article is the discrepancy between a number of approaches applied to its study and the requirements of science.

Materials and methods. The landmark biographical works about the leader of the Russian revolution are considered, giving an idea of the most controversial aspects of the historiography of the topic. The research methodology was based on the principles of objectivity and historicism, so often ignored in the coverage of Lenin's theme. When working on the topic, such special research methods as historical-genetic, chronological, comparative, etc. were used.

Results and discussion. The result of the research is not only the identification of the most “narrow” places of studying the biography of V. I. Lenin, but also proposals aimed at ensuring greater scientific objectivity in highlighting the role of his personality in Russian and world history.

Conclusion. The prospects of the research are associated with the increasingly complete inclusion of the image of V. I. Lenin in a certain historical context.

Keywords: Lenin, biography, historiography, history, literature, understanding

For citation: Maslov DV. Personality and Activity of V. I. Lenin as a Subject of Scientific Study. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):111—119. EDN WYKQGR

Введение

В современной науке и общественной мысли имеется настоятельная необходимость взглянуть на ленинскую тему с позиций более широкого подхода, подразумевая под этим стремление выйти за рамки конкретных сюжетов биографии вождя большевиков. Изучая отдельные аспекты ленинской биографии, мы в конечном счете пытаемся ответить на вопрос — что мы поняли в Ленине? Идея данной статьи была навеяна изучением ряда биографических работ о Ленине, изданных в основном в 2000-е гг., дискуссий о нем в средствах массовой информации. Изучение этих материалов не могло не породить ощущения, что Ленина мы как общество так и не поняли даже в главном — кто он был и на что положил свою жизнь. И это несмотря на обилие литературы о нем как в России, так и за рубежом.

Обзор литературы

Понятно, что отечественная литература советского времени была апологетической. Казалось бы, пришедшая в годы «перестройки» свобода позволит изучать Ленина объективно. Многие надежды возлагались на архивную революцию. Казалось, что наконец-то извлекут из спецхранов некие документы, которые расставят все точки над «и» в вопросе о том, кем же был Ленин. Документы действительно публиковались, но они не только не расставили все по своим местам, но внесли еще большую сумятицу в умы россиян.

В противовес советской апологетике мы столкнулись с явлением, выразившимся в попытках своего рода сведения исторических счетов с первым советским вождем. Работы Д. Волгогонова, А. Арутюнова, В. Солоухина, Е. Данилова и других [1; 5; 7; 13 и др.] тому яркое подтверждение.

Вполне естественной реакцией апологетов стали попытки таких авторов, как Ф. Волков, В. Чебыкин и др. [4; 14 и др.], защитить имя кумира от, как представлено в этих работах, необоснованных и антиисторических нападок. Периодически вспыхивающие и угасающие дискуссии о судьбе Мавзолея являются в итоге отражением отнюдь не перемен в историческом знании, а все той же смутой в головах, выплескивающейся на единственный сегодня связанный с Лениным реальный объект (памятники считать не будем). По большому счету речь идет не о теле, а о деле Ленина. Но для того чтобы судить именно о деле, необходимы в первую очередь научные биографии советского вождя, а не те крайности, о которых говорилось выше.

Нельзя сказать, что в этом плане на сегодня ничего не сделано. На мой взгляд, есть тексты, по которым Ленина изучать и понимать можно. В первую очередь я бы назвал трилогию патриарха ленинской темы В. Т. Логинова [9]. Она написана, безусловно, с симпатией к главному герою. Что едва ли можно считать недостатком, так как исследователь при всей обязанности быть объективным вовсе не лишен права выразить личную позицию. Тем более, что В. Т. Логинов вовсе не переписывает старые советские книжки о Ленине. Он не обходит и тех острых вопросов, которые в последнее время связываются с личностью вождя. Действия лидера большевиков рассмотрены в условиях исторического контекста, в который эти действия были вписаны, хотя биографией охвачены не все периоды жизни Ленина. К тому же редакторы переизданий труда В. Т. Логинова, сводя трехкнижие в один том, по причинам, видимо, далеким от науки, изъяли из текста ряд сюжетов, необходимых для понимания Ленина (не забыв, однако назвать издание «полной биографией»). Естественно, этот вопрос адресован не к автору.

В 2017 г. была издана работа не историка Л. Данилкина с названием, которое непросто запомнить и выговорить [6]. Несмотря на несерьезное название и тот факт, что автор книги не принадлежит к историкам-профессионалам, его труд представляется полезным именно для понимания Ленина с позиций не очень привычного для нашей литературы социально-географического и психологического подходов. Так о Ленине у нас еще не писали. В книге подкупает не только стиль, который может заинтересовать тех, кто не очень любит читать серьезные научные труды, но прежде всего попытка автора объективно, без эмоций и стремления к сенсационности разобраться в феномене Ленина.

Есть недавнее серьезное исследование Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, представляющее собой осмысление в широких хронологических рамках феномена памяти о Ленине и ее трансформации [2]. Можно упоминать и другие работы (на уровне отдельных статей или документальных публикаций перечень заслуживающих уважения работ о Ленине существенно расширится).

К сожалению, в числе новейших изданий есть и те, от которых можно было ожидать явно большего. Так, в 2020 г. В. А. Никонов опубликовал свою «версию» Ленина [10], которая по ряду ключевых позиций расходится с трудами, указанными выше. Большой объем, но при этом минимум новых документов, отсюда и преимущественно реферативный характер отличают данную работу. Практически ничего нового по фактам, не считая архива деда — В. М. Молотова. Есть вопросы к автору и по отдельным сюжетам. Так, в детских играх Володи Ульянова В. А. Никонов обнаруживает истоки его будущей революционности и жестокости (игра в «брыкаску»). Когда в советские времена и далеко не все пишущие о маленьком Ульянове находили истоки этой революционности в декламировании им в 7 лет радикальных стихов, это хотя бы можно было объяснить общими тенденциями в освещении образа будущего вождя. Но зачем в современных условиях обнаруживать едва ли не с пеленок ленинскую революционность, совсем непонятно. Революционером же Ленин стал, как следует из книги В. А. Никонова, прежде всего из мотива мести за казнь брата. Также в рассматриваемой монографии не нашлось места для объективных причин революции, повторяются уже известные перепевы на тему дореволюционной России, «которую мы потеряли». Главное в выводах автора — Ленин-разрушитель, хотя и великий в этой ипостаси. Непонятно, какую научную ценность имеет ссылка на некие соцопросы, согласно которым якобы $\frac{2}{3}$ респондентов высказались за вынос тела вождя из Мавзолея. Конечно, не обошлось и без традиционной темы «немецкого золота», добившего могучее Российское государство.

Теледискуссия того же В. А. Никонова с Г. А. Зюгановым, приуроченная к столетию смерти Ленина (январь 2024 г.), позволяет подвести черту под этим кратким обзором некоторых работ в том смысле, что в обществе сохраняются не только разночтение в трактовке отдельных сюжетов ленинской темы, но и принципиальные разногласия в понимании этой личности в ее целостности. Нельзя при этом сказать, что за прошедшие годы не произошло никакого сближения позиций исследователей ленинской темы. Так, историография в целом, как представляется, переболела гипертрофированным интересом к генеалогическим корням вождя, особенно к их еврейскому ответвлению. Мало кто из серьезных исследователей пытается сегодня в ленинской «крови» обнаружить следы российской революции. И все же принципиальные разногласия остаются, краткие свидетельства чему приведены выше. Соответственно особая роль в решении стоящих перед наукой задач должна принадлежать методологии исследования.

Материалы и методы

Объектом нашего исследования является образ В. И. Ленина в новейшей исторической литературе. Предметом исследования выступают выявляемые исследователями черты лидера партии как революционера, государственного деятеля и как человека. При достижении поставленной цели основным стал метод анализа ряда знаковых биографических работ о вожде российской революции, дающих представ-

ление о наиболее дискуссионных аспектах историографии темы. Методология исследования опиралась на принципы объективности и историзма, так часто игнорируемые в освещении ленинской темы. При работе над темой были использованы такие специальные методы исследования, как историко-генетический, хронологический, сравнительный, аксиологический и др. Избранные методы исследования позволили рассмотреть роль Ленина в конкретно-историческом контексте его деятельности и в рамках системы ценностей соответствующего периода.

Результаты исследования и их обсуждение

Можем ли мы хотя бы попытаться достичь большего исследовательского и общественного консенсуса по ленинской теме? Не преувеличивая значимости и практической силы предлагаемых далее подходов, выскажу все же некоторые мысли на этот счет, не претендуя на всеохватность.

Первое. Необходимо понять, что Ленин уже давно стал неотъемлемой частью нашей истории, истории всего человечества, и он нуждается во взвешенном, объективном понимании, а не в ругани или апологетике. Что он был, в конце концов, живым человеком (эту банальность тоже приходится доказывать).

Второе. Вопрос исторических источников. В годы «перестройки» резко активизировалась работа по выявлению в архивах неизвестных ленинских документов, в которых многие надеялись найти «философский камень» — всю «правду» о Ленине. Работа эта была, конечно, необходимой и полезной. Но парадокс заключается в том, что не реализован потенциал источников и давно известных. Даже в неоднократно переиздававшихся воспоминаниях о Ленине (особенно ценно, конечно, незаконченное десяти томное издание¹) можно при внимательном чтении между строк обнаружить не только то, что хотел сказать автор воспоминаний, но и то, что не входило в его планы оглашать.

Третье. До сих пор мы не разобрались основательно в одном из ключевых эпизодов биографии вождя — как он из Ульянова стал Лениным, говоря проще, революционером. В советской литературе революционность Ленина нередко подразумевалась как бы сама собой. Однако в современных работах положение не лучше. А ведь здесь есть интересная не только фактическая, но и психологическая проблема: как юноша из вполне благополучной семьи уходит в радикальную оппозицию режиму. И в этом плане представляется полезным, в частности, вернуться к новому прочтению романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», значение которого для своего политического становления, как хорошо известно, высоко оценивал сам В. И. Ленин. Что юноша извлек из этого романа, вернувшись к нему после первого, с его же слов, поверхностного, прочтения? Еще предстоит выполнить архисложную задачу — прочитать это произведение глазами тогдашнего Владимира Ульянова. Но как это сделать? Есть отдельные подсказки в воспоминаниях Н. Валентинова-Вольского [3], хотя это лишь отдельные наброски. Тем не менее есть заслуживающий внимания опыт психологического прочтения Ленина еще в советской художественной литературе (например, повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь» и, конечно, тетралогия о Ленине Мариэтты Шагинян).

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1989 — 1991.

Кроме того, нуждается в осмыслении сюжет, связанный с казнью старшего брата будущего лидера большевиков Александра. Исследователи так и не определились в этом вопросе, а ставшая мемом фраза «мы пойдем другим путем» уже не воспринимается всерьез. В новейшей литературе [11] продвигается версия о том, что дело «вторых первомагтовцев» — вообще грандиозная мистификация, подстроенная членами большой императорской семьи, якобы недовольной изменениями в законоположении об императорской фамилии, проведенными Александром III и лишившими многих Романовых даже гипотетических прав на престол. Но даже если так и было, и Александр Ульянов стал слепой игрушкой в руках неких кукловодов, Ленин едва ли мог узнать об этом и имел все основания считать старшего брата революционером.

Четвертое. Как ни странно, нам необходимо вновь сесть и за самого Ленина, его работы, и не только признанные программными, но и написанные по частным вопросам. Надо признать, что Ленина и в советское время читали мало, поверхностно, конъюнктурно. В постсоветские времена эта ситуация стала еще хуже. Важно и то, как читать Ленина. Его работы могут быть поняты только в контексте событий. Далее, следует принять как данность, что взгляды Ленина по одному вопросу могли неоднократно меняться. К этому надо относиться без тех эмоций, которыми нередко констатация данного факта сопровождается. Читая и вообще изучая Ленина, нам необходимо избавиться от представления о нем как о знавшем все наперед вожде и понять, что он был человеком, хотя и человеком, конечно, далеко не обычным. Ленин, безусловно, современен. Его методология анализа социальных явлений актуальна и в наше время. Осмысление им ряда современных ему сюжетов также актуально в наше время, поскольку истории свойственна повторяемость. Ленинская технология изучения общества, его умение «разматывать» самую сложную проблему достойны изучения и сегодня.

Как здесь не сказать в который уже раз, что необходим уход от цитатничества в изучении Ленина. Самый свежий пример — упомянутая выше дискуссия В. А. Никонова с Г. А. Зюгановым. В. А. Никонов практически по любому поводу вытаскивал из Ленина те или иные цитаты, легко иллюстрировавшие его (Никонова) якобы правоту и даже сопровождавшиеся закадровым голосом с картавинкой, очевидно, призванным усилить эффект присутствия едва ли не самого Ленина в студии на стороне, конечно, В. А. Никонова. На самом деле такой подход представляет перевернутый вариант изучения Ленина в советские времена и никак не может быть признан научным: на многие цитаты Ленина можно легко приводить его же контрцитаты с совершенно противоположным смыслом.

Пятое. Работы о Ленине не должны превращаться в изложение в скрытой форме истории России вообще. Этим грешат некоторые его современные биографии, в частности работа Элен Каррер д'Анкосс [8]. Исторический фон необходим, но он не должен заменять собой главного героя повествования, здесь нужен разумный компромисс, достижение которого — одна из составляющих мастерства пишущих на такую тему.

Шестое. Очевидно, имеет значение и объем будущей объективной и полной биографии Ленина. Явно такое издание не может уложиться в триста страниц, как, например, почему-то названная полной биография Ленина, написанная Б. Соколовым

и изданная в 2023 г. [12]. Гораздо больше на звание полной биографии может претендовать написанный В. Т. Логиновым труд, но в нем отсутствует период с 1917 по 1920 г., крайне важный для понимания личности Ленина.

Седьмое. Исследователя биографии Ленина должны интересовать не только факты этой биографии, но и «философия» Ленина. Имеются в виду не столько его труды по философским вопросам, сколько ключевые мировоззренческие установки. Неверно оценивать поступки и слова Ленина с позиций ценностей современности, что встречается сплошь и рядом. Даже Д. А. Волкогонов, не отрицающий величия Ленина, расходится с его почитателями именно в вопросе философии. По Д. А. Волкогонову, это философия насилия как главного средства построения нового общества. Злом творить добро — таков, по мнению ученого, лейтмотив жизни и деятельности Ленина. Из ущербности этого принципа Д. А. Волкогонов выводит главную причину краха большевистского проекта. Целеполагание Ленина в литературе дается нередко без всякой опоры на источники. Так, Д. А. Волкогонов утверждал, что для Ленина «единственной, монопольной проблемой была только власть. Все остальное было подчинено цели ее захвата» [5, кн. 1, с. 177]. Однако никакого обоснования он не приводит. В упомянутом труде В. Т. Логинова вопрос целеполагания также ставится, но решается в динамике исторической ситуации и с опорой на документы. Хотя и в этом случае остаются вопросы. Из чего должна выводиться цель политического деятеля такого масштаба? Из его текстов? Из равнодействующей поступков миллионов исполнителей его воли по всей стране?

Следовательно, одна из главных линий разлома в дискуссиях о В. И. Ленине проходит не столько относительно отдельных эпизодов биографии вождя, сколько о смысле его жизнедеятельности в целом. Но как уяснить «философию» Ленина — не ту, которую ему приписывают часто произвольно, а его собственную? Над этим еще предстоит основательно поразмышлять.

Восьмое. Линией разлома в дискуссиях о Ленине является и созданная с его участием система. Предстоит дать ответ на вопрос: правомерно ли возлагать на Ленина «грехи» последователей и, в первую очередь, Сталина? Как это делает, например, Д. А. Волкогонов. В какой мере действующий политик (в нашем случае Ленин) отвечает за все, происходящее в обществе в период его деятельности и особенно после? В этом случае мы вправе ожидать размышлений не только от историков-эмпириков, но и от методологов исторической науки и обществознания в целом.

Наконец, остановлюсь еще на одном сюжете, востребованном в связи с именем Ленина. Кто он — патриот или враг России? Противоположными суждениями на этот счет пропитаны многие дискуссии о Ленине сегодня. Принципиальный порок многих суждений на этот счет, в принципе, тот же, о котором говорилось выше — вырывание ленинских цитат из контекста событий, а также не учитывание того обстоятельства, что представления о таких понятиях, как «патриотизм», «любовь к родине», не оставались у нас неизменными на протяжении истории XX в. В связи с этим попытки примерить современные взгляды (кстати, не всегда однозначные) к реалиям столетней давности не представляются продуктивными.

Заключение

Несмотря на предложенные направления дальнейших размышлений над личностью В. И. Ленина, у нас есть определенный пессимизм в том смысле, что едва

ли (по крайней мере, в обозримом) будущем удастся сблизить те крайности в ее осещении, о которых говорилось выше. Судя по всему, нашему обществу еще долго предстоит иметь дело с как минимум двумя Лениными, огрубленно говоря, хорошим и плохим, добрым и злым, человечным и жестоким, гениальным и посредственным и т. п. Однако пока сохраняется надежда на то, что мы способны понять Ленина максимально близко к его реальному образу, сохраняются стимулы для творческого поиска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнов А. А. Досье Ленина без ретуши: [Документы. Факты. Свидетельства]. М.: Вече, 1999. 656 с.
2. Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М.: АИРО-XXI, 2021. 632 с.
3. Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. 560 с.
4. Волков Ф. Д. Великий Ленин и пигмеи истории. М.: [б. и.], 1996. 203 с.
5. Волкогонов Д. А. Ленин: политический портрет: в 2 кн. М.: Новости, 1994. Кн. 1. 480 с.; Кн. 2. 512 с.
6. Данилкин Л. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 912 с. (Жизнь замечательных людей)
7. Данилов Е. Ленин: тайны жизни и смерти. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 656 с.
8. Каррер д'Анкокс Э. Ленин / [пер. с фр. А. Н. Скобелкина]. 4-е изд. М.: Рос. полит. энцикл., 2017. 551 с. (История сталинизма)
9. Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М.: Родина, 2021. 928 с.
10. Никонов В. А. Ленин. Человек, который изменил всё. М.: Эксмо, 2020. 688 с.
11. Раул В. М. Пошатнувшийся трон. Правда о покушениях на Александра III. М.: Алгоритм, 2018. 224 с.
12. Соколов Б. В. Ленин. М.: АСТ, 2023. 320 с.
13. Солоухин В. А. При свете дня [О В. И. Ленине]. М.: [б. и.], 1992. 222 с.
14. Чебыкин В. А. Фальсификация ленинского образа. Астрахань: Волга, 1995. 160 с.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 03.10.2024.

Информация об авторе:

Дмитрий Владимирович Маслов, главный специалист Отдела публикации исторических документов Российского государственного архива литературы и искусства (125212, Россия, г. Москва, ул. Выборгская, 3, корп. 2); профессор кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА — Российского технологического университета (119454, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 78); главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (125009, Россия, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, 15), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7041-9515>, dmitrij.mas2011@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Arutyunov AA. Lenin's Dossier Without Retouching. Documents. Evidence. Testimonies. Moscow;1999. (In Russ.)
2. Bordyugov GA, Kotelenets EA. Lenin: Cult and Anti-Cult in the Spaces of Memory, History and Culture. Moscow;2021. (In Russ.)
3. Valentinov NV. The Unfinished Portrait. Moscow;1993. (In Russ.)
4. Volkov FD. The Great Lenin and the Pygmies of History. Moscow;1996. (In Russ.)
5. Volkogonov DA. Lenin: a Political Portrait. Moscow;1994. (In Russ.)
6. Danilkin L. Lenin: Pantocrator of Solar Dust Particles. Moscow;2017. (In Russ.)
7. Danilov E. Lenin: Secrets of Life and Death. Moscow;2007. (In Russ.)
8. Carrer D'ancoss E. Lenin. Moscow;2017. (In Russ.)
9. Loginov VT. V. I. Lenin. Full Biography. Moscow;2021. (In Russ.)
10. Nikonov VA. Lenin. The Man Who Changed Everything. Moscow;2020. (In Russ.)
11. Raul VM. The Shaken Throne. The Truth About the Attempts on Alexander III. Moscow;2018. (In Russ.)
12. Sokolov BV. Lenin. Moscow;2023. (In Russ.)
13. Soloukhin VA. In the Light of Day. Moscow;1992. (In Russ.)
14. Chebykin VA. Falsification of Lenin's Image. Astrakhan;1995. (In Russ.)

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 03.10.2024.

Information about the author:

Dmitriy V. Maslov, Chief Specialist of the Department of Publication of Historical Documents of the Russian State Archive of Literature and Art (3/2, Vyborgskaya Str., Moscow 125212, Russia); Professor of the Department of Humanities and Social Sciences of the MIREA — Russian Technological University (78, Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia); Chief Specialist of the Center for Documentary Publications of the Russian State Archive of Socio-Political History (15, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow 125009, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7041-9515>, dmitrij.mas2011@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 008:792:316.42
EDN XASUBA<https://vestnikniig.ru>*Научная статья***ТЕАТР В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
МОРДОВИИ (СЕРЕДИНА 1980-х — 1990-е гг.):
ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА****Г. А. Куршева**✉, **Е. Н. Бикейкин**, **С. В. Першин**, **П. С. Учватов**Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия

✉inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Аннотация

Введение. В исследовании представлены итоги работы по изучению состояния и проблем развития театральной культуры в Республике Мордовия в кризисные этапы истории страны — годы перестройки и постсоветский период. Раскрываются особенности государственного управления сферой культуры, рассматриваются организационные и экономико-правовые аспекты функционирования республиканских театров, прослеживаются изменения в репертуаре, отмечаются основные проблемы периода — недостаточность финансирования, ослабление зрительского интереса, художественные поиски национальной идентичности в сценическом репертуаре. Определяется роль театра в духовной жизни региона.

Материалы и методы. Основой источниковой базы исследования послужили документы Центрального государственного архива Республики Мордовия (фонды Совета Министров — Правительства МССР, Министерства культуры Республики Мордовия и Союза театральных деятелей Республики Мордовия). Также была изучена информация, представленная в интерактивных контентных региональных театров (сведения об истории, персоналиях, репертуаре). Основой методологии познания послужил системный комплексный подход. Использовались сравнительно-исторический, ретроспективный и статистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях реформирования советского общества в Мордовии не ослабевало давление политического контроля над культурой. Только в конце 1980-х гг. наметились тенденции к либерализации и деидеологизации, сменившиеся в начале 1990-х гг. дискриминационным отношением региональных властей к сфере культуры. Трансформации в системе управления противоречиво отразились в деятельности республиканских театров. С одной стороны, произошло качественное изменение содержания репертуара, связанное с отменой цензуры и самостоятельностью выбора постановок и его интерпретации. С другой — обозначились проблемы потери зрителя и недофинансирования. Несмотря на трудности постсоветского периода, в театральной жизни республики появились новые имена, знаковые постановки, обозначился интерес к раскрытию национальной темы; возникли новые театральные организации, как профессиональные, так и любительские; активизировалась гастрольная и фестивальная деятельность.

Заключение. Середина 1980-х — 1990-е гг. — сложный и противоречивый период в жизни республиканских театров, преодолев который, сценическое искусство региона обрело узнаваемый национальный колорит, расширило границы творчества.

Ключевые слова: театр, Республика Мордовия, культурная политика, репертуар, актеры

© Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Першин С. В., Учватов П. С., 2024

Для цитирования: Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Першин С. В., Учватов П. С. Театр в системе культуры и общественной жизни Мордовии (середина 1980-х — 1990-е гг.): тенденции и динамика // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. 120 — 133. EDN XASUBA

Original article

THEATER IN THE SYSTEM OF CULTURE AND PUBLIC LIFE OF MORDOVIA (MID 1980s — 1990s): TRENDS AND DYNAMICS

G. A. Kursheva✉, E. N. Bikeykin, S. V. Pershin, P. S. Uchvatov

Research Institute of Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Abstract

Introduction. The article presents the results of work on the study of the state and problems of the development of theatrical culture in the Republic of Mordovia during the crisis stages of the country's history — the years of perestroika and the post-Soviet period. The features of state management of the cultural sphere are revealed, organizational, economic and legal aspects of the functioning of republican theaters are considered, changes in the repertoire are traced, the main problems of the period are noted. They are: insufficient funding, weakening of audience interest, artistic searches for national identity in the stage repertoire. The role of the theater in the spiritual life of the region is determined.

Materials and methods. The basis of the research source base was the documents of the Central State Archive of the Republic of Mordovia (funds of the Council of Ministers — the Government of the MSSR, the Ministry of Culture of the Republic of Mordovia and the Union of Theatrical Figures of the Republic of Mordovia). The information presented in the interactive content of regional theaters (information about the history, personalities, repertoire) was also studied. The basis of the methodology of cognition was a systematic integrated approach. Comparative historical, retrospective and statistical research methods were used in the research presented.

Results and discussion. Under the conditions of the reform of Soviet society in Mordovia, the pressure of political control over culture did not weaken. It was only in the late 1980s that there were trends towards liberalization and de-ideologization, which were replaced in the early 1990s by the discriminatory attitude of regional authorities towards the cultural sphere. Transformations in the management system were inconsistently reflected in the activities of republican theaters. On the one hand, there has been a qualitative change in the content of the repertoire, associated with the abolition of censorship and the independence of the choice of productions and its interpretation. On the other hand, there were problems of loss of viewers and underfunding. Despite the difficulties of the post-Soviet period, new names, iconic productions appeared in the theatrical life of the republic, interest in revealing the national theme was expressed; new theatrical organizations, both professional and amateur ones, arose; touring and festival activities were in progress.

Conclusion. The mid-1980s — 1990s was a difficult and controversial period in the life of republican theaters, after which the scenic art of the region gained a recognizable national flavor and expanded the boundaries of its creativity.

Keywords: theater, Republic of Mordovia, cultural policy, repertoire, actors

For citation: Kursheva GA, Bikeikin EN, Pershin SV, Uchvatov PS. Theater in the System of Culture and Public Life of Mordovia (Mid 1980s — 1990s): Trends and Dynamics. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):120—133. EDN XASUBA

Введение

В различных отраслях гуманитарного знания особую актуальность сегодня приобрели исследования кризисных явлений в духовной жизни общества, происходящих в периоды мировоззренческих потрясений [2; 6; 12; 13; 14; 16]. Наибольший интерес представляют работы в области изучения историко-культурных аспектов развития культуры, отражающих идеологию государства в различные временные отрезки. Культурно-историческое развитие в рамках определенного периода ставит задачи творческого самовыражения, реализуемые в том числе через сценические перевоплощения. Театральное искусство во многом зеркально отражает сложившуюся общественную ситуацию. На региональном уровне, в Мордовии, в середине 1980-х — 1990-е гг. оно развивалось, не только руководствуясь происходившими политическими изменениями, но и, прежде всего, на основе начавшегося возрождения интереса к национальным мифологическим сюжетам, этническому мордовскому колориту, что стимулировало создание структуры, ответственной за национальный репертуар, увеличение количества и улучшение качества театральных постановок на эрзянском и мокшанском языках. В данной работе на примере развития театрального искусства Мордовии предпринята попытка проследить изменения в социокультурной политике страны в период радикальных идеологических трансформаций середины 1980-х — 1990-е гг., с учетом региональных условий.

Материалы и методы

Основой источниковой базы исследования стал комплекс материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия: документы региональных органов управления культурой и творческих организаций — Совета Министров — Правительства МССР, Министерства культуры Республики Мордовия, Союза театральных деятелей Республики Мордовия. На основе сведений, представленных в данных фондах, был проведен аудит культурной политики региональных властей в середине 1980-х — 1990-е гг. Кроме того, были задействованы данные интерактивного контента региональных театров, позволившие проследить историю их развития, а также ознакомиться с архивным репертуаром, информацией об актерах и театральных деятелях прошлого. Использование в качестве методологии познания системного комплексного подхода помогло создать целостную картину развития сценической культуры в регионе. Раскрытие ряда аспектов развития театрального дела в республике — трансформация культурной политики, метаморфозы в формировании репертуара перестроечного и постсоветского времени, динамика зрительского интереса в кризисные периоды развития страны — вызвало необходимость использования историко-сравнительного, ретроспективного и статистического методов исследования.

Обзор литературы

Несмотря на несомненную востребованность и актуальность, развитие театрального искусства остается недостаточно исследованной темой в современной

региональной историографии. Масштабные монографические исследования проблематики отсутствуют. Отдельные направления и аспекты государственной культурной политики в отношении театра представлены в работах современных исследователей истории региональной культуры Г. А. Куршевой, И. Н. Минеевой [9], С. Ю. Нуйкина [10], Г. В. Огриной [11], Л. В. Сульдиной [15] и др.

Основные тенденции развития мордовского профессионального драматического театра рассматривались в работе В. С. Брыжинского и В. Л. Пешоновой [5]. Театральное искусство Мордовии как явление в социокультурном пространстве региона проанализировал в своей статье И. В. Зубов [7]. Истории развития одного из старейших любительских театров Мордовии — Инсарского народного театра посвящена работа В. И. Канаевой¹.

Значительную роль в исследовании республиканского музыкального театра сыграли публикации Л. Б. Бояркиной [3] и В. С. Брыжинского [4]. Некоторые исторические аспекты развития одного из ярких направлений музыкально-театрального искусства — национального балета — рассматривались в статьях Ю. А. Кондратенко, Е. Н. Антипкиной, В. С. Святогоровой [1; 8]. Отдельным направлением являются биографические исследования творческой жизни театральных деятелей. Так, колоритные очерки, посвященные судьбам ведущих актеров и режиссеров драматических, музыкальных и кукольных театров Мордовии, представлены в работе Н. М. Мирской². Труды других авторов в большей степени представляли мордовский театр с искусствоведческих позиций.

Результаты исследования и их обсуждение

В годы перестройки все преобразования в республиканском сценическом искусстве, как и в предыдущие десятилетия, происходили в строгом соответствии с директивами и постановлениями центральных и местных властей. Руководство страны и республики четко и последовательно регулировало различные сферы жизни общества, в том числе досуг. В ведении Совета Министров МАССР, Обкома КПСС МАССР, Верховного Совета МАССР находились вопросы организации и проведения праздничных мероприятий, регулирования деятельности творческих союзов, вхождения в культурное пространство новых произведений и утверждения театрального репертуара, а также культурного взаимодействия между творческими труппами различных областей и республик страны и зарубежных стран и др. Заметное внимание уделялось пропаганде национального искусства. Между тем, несмотря на всеобъемлющий охват и тотальный контроль всех направлений деятельности театров республики, в развитии регионального сценического искусства второй половины 1980-х гг. наблюдались процессы стагнации, приведшие в конечном счете к системному кризису.

В первые годы перестройки программа мероприятий по реализации культурной политики в театральном деле базировалась на едином плане, одобренном коллегией министерства культуры. Во всех театральных учреждениях республики прошла работа по разъяснению решений апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г., на котором

¹ Канаева В. И. Высокое служенье малой сцене: очерки истории народ. любит. театра в Мордовии. Саранск, 2002. 174 с.

² Мирская Н. М. Мастера сцены Мордовии. Саранск, 2005. 176 с.

были озвучены обязательства по реализации экономического и социального развития страны в годы XII пятилетки; рекомендован к исполнению комплекс мероприятий, представленных в совместном постановлении Обкома КПСС МАССР, Совета Министров МАССР и Министерства культуры РСФСР «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению работы органов и учреждений культуры и искусства Мордовской АССР в свете решений XXVI съезда КПСС, июньского (1983 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС» (от 1985 г.), направленных на укрепление трудовой дисциплины, повышение качества обслуживания населения услугами организаций культуры, формирование и укрепление материально-технической базы отрасли, подготовку творческих кадров [11, с. 19].

Придерживаясь привычного государственно-монополистического курса, Министерство культуры МАССР выстраивало культурную политику в регионе без согласования с правлением регионального отделения Всероссийского театрального общества (ВТО, с 1986 г. — Союз театральных деятелей), что не улучшало взаимоотношения между театральными коллективами и властью [10, с. 160]. Подобный подход породил круг проблем, в числе которых неудовлетворительная производственная база театров (к середине 1980-х гг. Мордовский государственный театр драмы и Мордовский театр музыкальной комедии делили одно здание с общим зрительным залом на 550 мест)³, дефицит кадров, формализм, идеологический патронаж и партийный контроль за творческим процессом, слабый зрительский интерес, нерешенность жилищно-бытовых вопросов актеров (некоторые из них годами жили в гостиницах) и др., требовавших скорейшего решения⁴. И только к концу периода, когда в обществе определилось резкое неприятие советских идеологических доктрин и стали набирать силу идеи свободы, руководство республики все чаще стало прислушиваться к мнению творческой интеллигенции по вопросам реализации культурной политики, предоставляя деятелям культуры и искусства все больше самостоятельности, как творческой, так и институциональной.

По инициативе республиканского ВТО и профессиональных театров г. Саранска (при обязательном согласовании с министерством культуры) столичные творческие кадры выезжали в районные народные театры республики в целях развития и обогащения опыта любительских трупп. В гастрольных графиках были обозначены различные мероприятия, направленные на повышение квалификации районных театральных коллективов — творческие семинары, мастер-классы, лекции, совместные постановки и др. Однако на практике все они носили формальный характер. Формализм был присущ и отчетной документации. Нередко в Москву отправлялись завышенные статистические данные о посещаемости театров и сборе от спектаклей [10, с. 161].

В репертуар республиканских театров второй половины 1980-х гг. входили как пьесы, представленные на ведущих сценах страны и содержавшие пропаганду интернационального советского искусства («Рядовые» А. А. Дударева, «Повтори мою молодость» А. Иришина, «Старый дом» А. Н. Казанцева, «Русские люди» К. М. Си-

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 1057. Л. 195.

⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 71. Л. 15 — 16.

монова и др.⁵), так и постановки, отражающие локальную специфику, поднимающие темы национальных «корней», проблемы сохранения родного языка, истории, культуры («Литова» П. С. Кириллова, «Флаг адмирала» А. П. Штейна⁶). Пропагандировалась национальная драматургия («Лес шуметь не перестал» К. Г. Абрамова, «Пасынок судьбы» Я. В. Апушкина, «В пустом доме люди» А. И. Пудина, «Крестник Его Величества» А. П. Терёшкина⁷). Республиканский театр кукол готовил спектакли по мотивам мордовского фольклора («Волшебный сюлгам» П. П. Юртайкиной и А. С. Буртынского, «Сказ о Сурской долине» А. П. Терёшкина, «Виртян-богатырь» Е. Плехановой и др.). Однако регулярные критические замечания в адрес республиканских театров о недостаточном количестве постановок на национальных языках [10, с. 161] свидетельствуют о формальном подходе к изложению этнической тематики.

Во второй половине 1980-х гг. драматический театр (главный режиссер — заслуженный деятель искусств МАССР В. Ф. Королько) ставил классические и современные пьесы («Как важно быть серьезным» О. Уайльда, «Отелло» У. Шекспира, «Британик» Ж. Расина, «Ловушка для одинокого мужчины» Р. Тома, «Русские люди» К. М. Симонова, «Модели сезона» Г. С. Рябкина, «Истина» Ю. П. Чепурина, «Маленький спектакль на лоне природы» С. Л. Лобозерова, «Спецрейс» А. П. Терёшкина, «Старый дом» А. Н. Казанцева и др.). Коллектив обратился к проблеме «лишних людей» в советском обществе («Звезды на утреннем небе» А. Галина, «Женский стол в охотничьем зале» В. И. Мережко⁸).

В конце 1988 г. председатель мордовской организации Союза театральных деятелей РСФСР В. В. Долгов, возглавлявший ее с 1983 г., отмечал, что театральное дело существенно ослабило влияние. Отмечался резкий спад интереса местного зрителя к постановкам республиканских театров. В начале следующего десятилетия ситуация достигла критических значений — посещаемость театральных постановок составляла менее 50 % от предварительного плана, а иногда существенно ниже. Так, в отчетных документах Мордовского государственного театра драмы и Мордовского театра музыкальной комедии фигурировали цифры выполнения плана в диапазоне 27 — 48 %⁹. В целях сокращения бюджетных затрат на содержание убыточных предприятий республиканские власти рассматривали варианты о закрытии театров или переориентации их на иные виды деятельности. Впрочем, последний вариант изначально был формальным предложением, так как требовал вложения еще больших средств и привлечения кадров с современным мышлением, что республика с дотационным бюджетом не могла себе позволить.

1990-е гг., вошедшие в историю страны как период острого социально-экономического кризиса и трансформации политической системы государства, в театраль-

⁵ Государственный русский драматический театр Республики Мордовия. URL: <https://grdtrm.ru/about> (дата обращения: 09.10.2024).

⁶ ЦГА РМ. Ф. 6201-П. Оп. 1. Д. 72. Л. 4, 15 — 16.

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 1227. Л. 7; Театральная жизнь Мордовии: библиогр. указ. Саранск, 2019. С. 17.

⁸ Мордовия: энцикл.: в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 257; О театре // Государственный русский драматический театр Республики Мордовия: [сайт]. URL: <https://grdtrm.ru/about> (дата обращения: 11.09.2020).

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 1276. Л. 16.

ной жизни республики отметились рядом изменений. Самое значимое изменение в деятельности культурного сегмента — обретение свободы от догм государственной идеологии. Теперь театры самостоятельно выбирали репертуар и организационные формы творческой деятельности. Самостоятельность в выборе тематики репертуара и снятие жестких цензурных рамок позволили им республике вносить авторские коррективы в театральные постановки, нестандартно подходить к построению сценических композиций. В сложившихся новых условиях социально-политической действительности рубежа 1980 — 1990-х гг. республиканскими творческими коллективами создавались постановки, которые, без преувеличения, становились событиями в театральной жизни региона. Вместе с тем в период перестройки на волне хлынувшей творческой вседозволенности появились и низкопробные постановки.

Идеологическая свобода сопровождалась экономическими трудностями. В целях снижения финансовой нагрузки на и без того дефицитный бюджет республики театры, как все институты культуры, были переведены на самоокупаемость, вынужденно формируя в экономическом пространстве региона новую область — область художественного предпринимательства. Чтобы выстоять в непростых условиях рыночной конкуренции, внедрялись новые формы воплощения сценического мастерства (театры-студии, антрепризы), вводились новые профессии (менеджеры, продюсеры), велся поиск альтернативных источников финансирования (спонсорская поддержка, инвестиции частного капитала) и др. [7].

Изменения затронули не только структурную и содержательную деятельность театров, но и их названия. В 1989 г. Мордовский государственный театр драмы был переименован в Государственный русский драматический театр МАССР. Творческий коллектив, в большинстве своем перешедший из театра-предшественника, стремился сохранить лучшие традиции, сформированные в предыдущие десятилетия. Репертуар в основном состоял из отечественной и зарубежной классики («Чайка» и «Три сестры» А. П. Чехова, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и «Банкрот» А. Н. Островского, «Король Лир» У. Шекспира, «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, «Визит дамы» Ф. Дюрренматта, «Семья преступника» П. Джакометти, «Замок Броди» А. Д. Кронина, «Касатка» А. Н. Толстого, «Зойкина квартира» М. А. Булгакова, «Квадратура круга» В. П. Катаева, «Порог» А. А. Дударева и др.)¹⁰.

Начиная с 1990-х гг. афиши с постановками творческого коллектива драматического театра регулярно появлялись в соседних регионах. Сочетание хороших результатов в актерской и режиссерской работе позволило выйти на новый уровень мастерства — театр стал постоянным участником международных фестивалей и конкурсов: Международного фестиваля русских драматических театров (Йошкар-Ола, 1996, 1998, 2000), Международного театрального фестиваля (Тольятти, 2001)¹¹, где неизменно получал высокую оценку творчества от известных театральных критиков и зрителей.

Заметную роль в развитии Государственного русского драматического театра 1985 — 1990-х гг. играли ведущие мастера национальной сцены: заслуженный артист

¹⁰ Мордовия. Т. 1. С. 257; Театральная жизнь Мордовии. С. 29.

¹¹ Государственный русский драматический театр. Театр в лицах / Мин-во культуры Республики Мордовия. Б. м., б. г. С. 2.

РСФСР, МАССР, народный артист РМ В. П. Акашкин, заслуженная артистка РФ, МАССР, народная артистка РМ Л. М. Денисова, заслуженный артист РФ и МАССР В. Н. Ширманов, заслуженные артисты МАССР З. А. Кириллова, Л. Г. Куделькина, В. Л. Третьяк, заслуженная артистка Мордовии З. Е. Павлова, заслуженные артисты РМ Н. П. Большаков и И. Л. Дьячков и др. В то же время коллектив театра пополнился молодыми актерами, которые сегодня являются ведущими мастерами национальной сцены: А. И. Алексеенков, О. В. Вдовина, Н. В. Переpletчикова, С. Е. Вельмакина, А. В. Тимин, выпускник Московского высшего театрального училища имени М. С. Щепкина С. А. Адушкин и др. Над постановками работали ведущие режиссеры республики — заслуженный деятель искусств Мордовии В. Ф. Королько и С. И. Каминка. В 1997 г. на должность главного режиссера был назначен заслуженный деятель искусств Республики Мордовия А. Н. Ермолин¹².

Спектакль «Уроз ваймонди ужения» («Анахореты, или Угол для сирот») по произведению А. И. Пудина в постановке В. Г. Черменёва был поставлен в 1990 г. и ознаменовал собой расцвет национального театра. Наполненный национальным колоритом и звучанием спектакль стал первой постановкой профессионального театра Мордовии на мокшанском языке [4, с. 470 — 471]. Пьеса «Кда орта лангса суви пине» («Если у ворот воет собака», 1992) В. И. Мишаниной отразила в лице занятых в спектакле актеров (Т. В. Весеньева, Н. В. Храмов, В. Н. Гудожников) нелегкую жизнь героев в сложное для страны время. Интересный эксперимент воплотил удмуртский режиссер А. А. Блинов, поставивший спектакль по пьесе драматурга В. Н. Малягина «Пьяна леенть лангсо» («На Пьяне-реке») о давних событиях в истории мордовского народа — христианизации, осуществляемой в том числе насильственно. Постановка была посвящена проблеме преодоления исторических противоречий в судьбе мордвы.

Помимо современных авторов театр постоянно обращался к национальной классике. С использованием богатых фольклорных традиций была поставлена пьеса драматурга 1930-х гг. К. С. Петровой «Ташто койсэ» («По старинке», режиссер В. С. Брыжинский), возвращены на сцену пьесы Г. Я. Меркушкина «Сенем валда» («Голубое сияние», режиссер А. И. Пудин), «Поэтть тяштец» («Звезда поэта»), «Генерал Пуркаев» Г. Я. Меркушкина. Оригинальными были постановки «Васолдонь инже» («Гость издалека», 1994) К. Г. Абрамова, «Кудатя» («Домовой», 1995) Н. Б. Голенкова, «Куйгорож» (1994) В. И. Мишаниной, «Шава кудса ломать» («В пустом доме люди», 1990) А. И. Пудина и др. Большой интерес у зрителей и критики вызвала в 1991 г. пьеса «Жизнь Василия Фивейского» А. И. Пудина по повести Л. Н. Андреева, которая на фестивале финно-угорских театров в г. Ижевске (1992) была удостоена главных премий — за лучшую постановку, женскую (Т. В. Весеньева) и мужскую (Е. Н. Пулов) роли; на фестивале «Федерация — 92» (г. Чебоксары) отмечена дипломом второй степени¹³.

¹² Государственный русский драматический театр... С. 2; Мордовия. Т. 1. 256 — 257; Мордовия, XX век: культурная элита: энцикл. справ.: в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 1. 1. С. 16 — 17, 45 — 46, 163, 256 — 257, 308; Ч. 2. С. 222, 309.

¹³ Мордовский государственный национальный драматический театр: история: [сайт]. URL: <https://mordoviatheatre.ru/o-teatre/> (дата обращения: 29.09.2020).

В национальном театре также ставились классические и современные произведения, переведенные на мордовские языки («Эряк ды иля стувтне» — «Живи и помни» В. Г. Распутина, «Латось сыргась» — «Крыша поехала» по рассказам В. М. Шукшина и др.). Театр обращался и к мировой классике — по комедии «Лекарь поневоле» Ж.-Б. Мольера был показан спектакль «Шумбрат, Сганарель!». Известность получили постановки для детей на основе мордовского и русского фольклора: «Козни Ведявы» А. И. Пудина, «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» И. В. Карнаховой.

Многообразная работа национального театра осуществлялась силами известных театральных деятелей В. П. Акашкина, И. И. Алексеевой, Т. В. Весеньевой, В. Н. Гудожникова, В. В. Долгова, А. Н. Ермолина, Н. В. Храмова и др.¹⁴ В 1999 г. в театр пришли молодые актеры, окончившие отделение актерского искусства факультета национальной культуры Мордовского государственного университета: Л. В. Антипкина, Г. Н. Гришуткина, А. Б. Кипайкина, О. Н. Надорова и др.

Несмотря на объективные трудности, национальный драматический театр получил популярность у зрителей, встав в 1990-е гг. в ряд с ведущими театрами Мордовии. Некоторые постановки создавались режиссерами из других финно-угорских регионов России, а также из Москвы. На протяжении многих лет театр являлся постоянным участником фестивалей финно-угорских и приволжских театральных коллективов, в том числе Международного фестиваля театров финно-угорских народов «Майатул» (Удмуртия, Марий Эл). Успешно проходили гастроли театра по регионам проживания мордовской диаспоры в Поволжье и Приуралье [9, с. 83].

В 1992 г. театр музыкальной комедии был преобразован в Государственный музыкальный театр Мордовской ССР. С 1994 г. он носит имя выдающегося мордовского певца И. М. Яушева¹⁵. В репертуаре театра в основном были произведения русской и зарубежной классики (оперы «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Золотой петушок» и «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова, «Травиата», «Риголетто», «Аида» и «Отелло» Дж. Верди, «Севильский цирюльник» Дж. Россини, «Тоска» и «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини, «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Кармен» Ж. Бизе; балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик» П. И. Чайковского, «Шопениана» и «Жар-птица» М. М. Фокина, «Коппелия» и «Сильвия» Л. Делиба, «Жизель» и «Фауст» А. Адана; оперетты «Сильвия» и «Баядера» И. Кальмана, «Летучая мышь» и «Цыганский барон» И. Штрауса и др.).

На основе национальных произведений в 1990-е гг. на сцене театра было поставлено несколько опер. Так, в 1990 г. зрители увидели оперу-балет в трех действиях «Невеста Грома» по пьесе Ф. С. Атянина на музыку К. Д. Акимова и Р. Г. Губайдуллина (предыдущая постановка — музыкальная драма в 1967 г.). Опера-балет как один из ранних музыкальных жанров почти изжил себя, однако в конце XX в. случился небольшой ренессанс его формы, представляющей собой органичное смешение вокальной сольнo-хоровой составляющей со значимыми хореографическими эпизодами. В национальном аспекте этот жанр был возрожден в рамках

¹⁴ Мирская Н. М. Указ. соч. С. 17 — 20, 48, 53, 61, 132.

¹⁵ Известия Мордовии. 1994. 17 авг.

определенного мифологического сюжета силами режиссера В. В. Кучина, актеров Л. И. Кожевникова, М. Е. Максимова, В. П. Егорова, А. А. Стрюкова и Л. И. Грузнова [3, с. 81].

В том же году на сцене шла рок-шоу-опера в двух действиях «Что же счастье?» Г. Г. Сураева-Королёва (либретто Л. М. Талалаевского). В 1995 г. в репертуаре театра появилась еще одна значимая национальная опера — «Сияжар» М. Н. Фомина, созданная по одноименной эпической поэме В. К. Радаева. В 1998 г. произведение было отмечено Государственной премией Республики Мордовия. Построенная по всем законам жанра на основе классики мордовского эпоса опера удачно раскрыла грани национального характера через мордовскую мелодику, акцентировала внимание слушателя на масштабных смыслах борьбы народа за родную землю и свободу, продолжила традиции мордовских композиторов Л. П. Кирюкова, Г. И. Сураева-Королёва, Г. Г. Вдовина в написании музыкальных произведений на национально-мифологические темы. Над постановкой работали режиссер Г. М. Барышев, дирижер Н. Н. Клинов, хормейстер Г. Л. Новикова, балетмейстер Л. Н. Акишина, художник Ю. Н. Филатов, актеры С. И. Эскин (Сияжар), М. Е. Максимова (Нуя), а также С. Г. Будаева, С. А. Плодухин, С. Р. Семёнов, Л. В. Мишанская, Р. И. Князькина, О. А. Чернова, А. А. Челышев [3, с. 81].

Значительную роль в реорганизации театра в современную форму, а также в развитии сотрудничества с Государственным камерным хором и Республиканской хореографической школой сыграл сам М. Н. Фомин, занимавший в 1991 — 1996 гг. пост его директора [3, с. 81]. На сцене театра также шли музыкальные сказки «Серебряное озеро» Н. В. Кошелевой по пьесе А. Ф. Ежова и Н. Б. Голенкова (1989), «Жил-был Зайка» Е. В. Кузиной (1997). В 1995 г. главным режиссером театра стал В. В. Долгов, дебютировавший с постановки «Эзопа» Г. Фигейредо¹⁶. В труппе успешно выступали именитые артисты — заслуженная артистка РСФСР и МАССР Л. В. Мишанская, заслуженные артисты МАССР Р. И. Князькина, М. Е. Максимова, А. Г. Калинин, С. А. Плодухин, С. Р. Семёнов, С. И. Эскин. К 2001 г. в хоре театра насчитывалось 35 исполнителей, в оркестре — 37 музыкантов¹⁷.

В рассматриваемый период продолжал работу Государственный театр кукол. Основу молодой части его коллектива составили выпускники Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства и Саранского художественного училища: актеры Е. А. Бурланкова, Э. А. Варданян, Н. В. Королева, Р. А. Ляпин, Ю. А. Халиков, Г. В. Якушина и другие при поддержке ветеранов В. И. и Л. А. Сидориных. Репертуар театра в конце 1990-х гг. состоял исключительно из спектаклей для детей («Аленький цветочек» Л. Браусевича и И. Карнауховой, «Волк и козлята» Н. Йорданова, «Волшебная лампа Аладдина» Н. В. Гернет, «Еще раз о Красной шапочке» С. Ефремова и С. Когана, «Машенька и медведь» М. Р. Садовского)¹⁸. Ставились спектакли и по мотивам мордовских мифов и сказок, созданные в предшествующие десятилетия («Сияжар» И. А. Переслени, «Волшебный сюлгам» А. Буртынского и П. Юртайкиной, «Виртян-богатырь» Е. Плехановой).

¹⁶ Мирская Н. М. Указ. соч. С. 55; Мордовия. Т. 1. С. 289.

¹⁷ Мордовия. Т. 1. С. 256.

¹⁸ Там же. С. 258.

В 1992 г. в г. Саранске состоялось открытие муниципального театра кукол (в 1995 г. — переименованного в городской детский Центр театра и кино «Крошка»). В 1990-е гг. на его сцене были поставлены спектакли «Ищи ветра в поле» В. А. Лифшица, «Золотой скакун» А. Ахматова, «Ярмарка чудес» Н. Кассиани, «Соломенный бычок» К. Мешкова, «Три поросенка» С. В. Михалкова, «Бука» М. А. Супонина, «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» Н. В. Гернет, «Ну, волк, погоди!» А. И. Хайта и А. Е. Курляндского и многие другие. Над постановками работали режиссеры и актеры Л. В. Шахова, Ю. Базеев, Н. П. Бухтаев, С. Вишняков, С. Л. Хрупало, Г. В. Хрупало, Г. В. Якушина и др. Кроме того, детский центр «Крошка» не только ставил собственные спектакли, но и разрабатывал кинолектории на различные общественно значимые темы: «Малышок», «Час России», «Закон и ты», «В тридевятом царстве», «Светофор»; в его стенах работали кино клуб «Контакт» и дискуссионный клуб «После сеанса».

Наряду с профессиональными театрами в республике в конце XX в. продолжали функционировать многочисленные самодеятельные театральные коллективы. Тринадцати любительским театрам было присвоено звание народного [17]. Однако в 1990-е гг. в связи с экономическим кризисом работа многих коллективов была практически парализована.

Тем не менее частные инициативы получили дальнейшее развитие в театральном деле. В 1997 г. в г. Саранске стараниями энтузиастов появилась молодежная театральная студия — Маленький Художественный Альтернативный Театрик (МХАТик), создателем и художественным руководителем которого стал С. Ю. Сеичев.

Заключение

Мордовский театр в конце XX в. прошел непростой, самобытный путь. Развитию профессионального театрального искусства, несомненно, способствовала подготовка кадров учебными заведениями республики: музыкальными и хореографическими школами, Мордовским республиканским колледжем культуры и искусства, саранскими музыкальным и художественным училищами, Мордовским государственным педагогическим институтом и Институтом национальной культуры Мордовского государственного университета. Благодаря кадровому потенциалу и беззаветной преданности творческой интеллигенции своему делу мордовский театр не утратил традиции и динамично двигался вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антипкина Е. Н., Кондратенко Ю. А., Святогорова В. С. Формирование сценических традиций национального балета Мордовии на примере творчества композитора Н. В. Кошелевой // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 348 — 357.

2. Ахлымовская Л. А., Барыш А. Ю. Развитие театрального искусства во Владивостоке в контексте исторических преобразований между двумя войнами // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета: науч. электрон. журн. 2011. № 2 (7). URL: <https://www.dvfu.ru/vestnikis/archive-editions/2-7>

3. Бояркина Л. Б. Становление театральной музыки в Мордовии // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 77 — 84.

4. Брыжинский В. С. Музыкальный театр // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 480 — 493.

5. Брыжинский В. С., Пешонова В. Л. Мордовский профессиональный театр // Мордва: ист.-культур. очерки. Саранск, 1995. С. 393 — 432.
6. Дмитриевский В. Н. Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм // Художественная культура. 2019. № 4. С. 564 — 579.
7. Зубов И. В. Театральное искусство Мордовии второй половины XX в. в контексте социокультурного развития региона // Проблемы развития республиканского социума: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Саранск, 2006. Ч. 2. С. 323 — 325.
8. Кондратенко Ю. А. Основные тенденции развития балета Мордовии на современном этапе // Человек в мире этнической культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саранск, 2014. С. 99 — 102.
9. Куршева Г. А., Минеева И. Н. Художественная культура в Мордовии в 1990 — 2000 гг. // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 80 — 89. URL: <https://niign.ru/centrandperifirya/3-2015.pdf>
10. Нуйкин С. Ю. Власть и культура Мордовии в период перестройки (1985 — 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2018. 232 с.
11. Огрин Г. В. Мордовия в годы перестройки (1985 — 1991 гг.): власть и общество: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2013. 22 с.
12. Пивцайкина О. А. Развитие изобразительного искусства в Мордовии в период социальных перемен (90-е гг. XX века) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. под ред. Л. М. Артамоновой, В. И. Ионесова, М. В. Курмаева. Самара: СГИК, 2020. С. 81 — 85.
13. Резяпкина Л. Н., Шкердина Н. О. Районная пресса Мордовии в информационном пространстве регионального социума в условиях реформ Н. С. Хрущева // Память прошлого — сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки: материалы Всерос. науч. конф. Саранск, 2023. С. 298 — 305. URL: <https://www.niign.ru/knigi/sbornik-yurchenkovskix-chtenij.pdf>
14. Сульдина Л. В. Становление и развитие кинофикации городов Мордовии в первой половине XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 2 (18). С. 165 — 171. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-%E2%84%96-2-2011.pdf>
15. Сульдина Л. В. Эволюция культурного пространства городов Мордовии в XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007. 24 с.
16. Щукин Д. С. Идеология и практика культурно-просветительской работы на территории Мордовии в 1918 — 1927 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3 (19). С. 165 — 178. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2011.pdf>
17. Юшкин Ю. Ф. Автономия Мордовии и развитие национальной культуры // Становление государственности Мордовии: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Мордовии. Саранск, 2000. С. 49 — 57.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 21.11.2024.

Информация об авторах:

Галина Александровна Куршева, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Евгений Николаевич Бикейкин, заместитель директора — ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Сергей Викторович Першин, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, Pers99@inbox.ru

Павел Сергеевич Учватов, ведущий научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Вклад авторов:

Куршева Г. А. — разработка концепции, написание первоначального варианта статьи, научное редактирование текста;

Бикейкин Е. Н. — сбор материалов и анализ литературы и архивных источников, научное редактирование текста;

Першин С. В. — изучение, анализ и реконструкция репертуара республиканских театров периода середины 1980-х — 1990-х гг., научное редактирование текста;

Учватов П. С. — анализ и характеристика региональной культурной политики середины 1980-х — 1990-х гг., научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Antipkina EN, Kondratenko Yu A, Svyatogorova VS. Formation of the Scenic Traditions of the National Ballet of Mordovia on the Example of the Composer N. V. Kosheleva. *Finno-Ugric World*. 2024;(3):348—357. (In Russ.)
2. Akhlamovskaya LA, Barysh AYu. Development of Theatrical art in Vladivostok in the Context of Historical Transformations Between two Wars. *Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University*. 2011;(2). URL: <https://www.dvfu.ru/vestnikis/archive-editions/2-7> (In Russ.)
3. Boyarkina LB. The Formation of Theatrical Music in Mordovia. *Finno-Ugric world*. 2015;(2):77—84. (In Russ.)
4. Bryzhinsky VS. Musical Theater. Mordvins: Essays on the History, Ethnography and Culture of the Mordovians the People. Saransk;2012:480—493. (In Russ.)
5. Bryzhinsky VS, Peshonova VL. Mordovian Professional Theater. Saransk;1995:393—432. (In Russ.)
6. Dmitrievsky VN. The Epoch of Perestroika: the Formation of New Cultural Paradigms. *Art Culture*. 2019;(4):564—579. (In Russ.)
7. Zubov IV. Theatrical art of Mordovia of the Second half of the Twentieth Century in the Context of Socio-Cultural Development of the Region. *Problems of Development of the Republican Society*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saransk;2006;(2):323—325. (In Russ.)
8. Kondratenko YuA. Main trends in the Development of Ballet of Mordovia at the Present Stage. *Man in the World of Ethnic Culture*. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the International Participation. Saransk;2014:99—102. (In Russ.)
9. Kursheva GA, Mineeva IN. Art Culture in Mordovia in 1990 — 2000. *Center and Periphery*. 2015;(3):80—89. URL: <https://niign.ru/centrandperifirya/3-2015.pdf> (In Russ.)
10. Nuikin SYu. Power and Culture of Mordovia During the Period of Perestroika (1985 — 1991). Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Cheboksary;2018. (In Russ.)
11. Ogrina GV. Mordovia in the Years of Perestroika (1985 — 1991): Power and Society. Abstract dis. ... Cand. of Hist. Sci. Saransk;2013. (In Russ.)
12. Pivtsaikina OA. The Development of Fine art in Mordovia During the Period of Social Change (90s of the XX Century). *National Cultural Heritage of Russia: Regional Aspect*. Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Samara;2020:81—85. (In Russ.)

13. Rezyapkina LN, Shkerdina NO. The Regional Press of Mordovia in the Information Space of Regional Society in the Context of Khrushchev's Reforms. *Memory of the Past — Scenarios of the Future: Problems of Regional Humanities*. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Saransk;2023:298—305. URL: <https://www.niign.ru/knigi/sbornik-yurchenkovskix-chtenij.pdf> (In Russ.)

14. Suldina LV. The Formation and Development of the Cinema of the Cities of Mordovia in the First Half of the XX Century. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(2):165—171. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-%E2%84%96-2-2011.pdf> (In Russ.)

15. Suldina LV. The Evolution of the Cultural Space of the Cities of Mordovia in the XX Century. Abstract dis. ... Cand. of Hist. Sci. Saransk;2007. (In Russ.)

16. Shchukin DS. Ideology and Practice of Cultural and Educational Work in the Territory of Mordovia in 1918 — 1927. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(3):165—178. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2011.pdf> (In Russ.)

17. Yushkin YuF. Autonomy of Mordovia and the Development of National Culture. *Formation of Statehood of Mordovia*. Collection of Materials of Scientific and Practical Conference, Dedicated the 70th Anniversary of Mordovia. Saransk;2000:49—57. (In Russ.)

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 21.11.2024.

Information about the authors:

Galina A. Kursheva, Director of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director — Academic Secretary of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeikin1977@mail.ru

Sergey V. Pershin, Leading Researcher of Department of History of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, Pers99@inbox.ru

Pavel S. Uchvatov, Leading Researcher of Department of History, Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3, L. Tolstoy Street, Saransk, 430005, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Contribution of the authors:

Kursheva G. A. — concept development, writing the initial version of the article; scientific text editing;

Bikeikin E. N. — collection of materials and analysis of literature, archival sources; scientific text editing;

Pershin S. V. — study, analysis and reconstruction of the repertoire of republican theaters in the mid1980s — 1990s; scientific text editing;

Uchvatov P. S. — analysis and characterization of regional cultural policy in the mid1980s — 1990s; scientific text editing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 008:374(470.345)
EDN ХАТРРХ<https://vestnikniig.ru>*Научная статья*

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СМИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА (по итогам 2023 г.)

О. А. Пивцайкина✉, Л. В. Сульдина, Н. О. Шкердина, Д. С. Щукин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия,

г. Саранск, Россия

✉olga_poa@mail.ru

Аннотация

Введение. Современная история России характеризуется внедрением новых инструментов в реализацию социальной и экономической политики, одними из которых являются национальные проекты. Контроль государства за исполнением программ осуществляется посредством мониторинга их целевых показателей. Не менее важна оценка общественного восприятия планов власти, индикатором которой выступают в том числе публикации в СМИ и ответная реакция на них населения.

Материалы и методы. Базовыми материалами для исследования стали публикации высоко-рейтинговых региональных СМИ и страниц социальных сетей и мессенджеров, контент-анализ которых позволил определить степень их социальной значимости. Историко-системный анализ рассмотреть отражение в медиасфере механизмов внедрения и реализации национального проекта «Культура». Методы статистики разрешили оценить активность региональных СМИ при изложении политики региональных властей в области культуры, а также основные тенденции в медийности национального проекта «Культура»; корреляционный анализ взаимосвязей между содержательной частью сообщений о национальном проекте «Культура» и реакций пользователей сети Интернет выявил низкую заинтересованность населения в работе государственной власти.

Результаты исследования и их обсуждение. Продвижение мероприятий национального проекта «Культура» в республиканских СМИ велось в соответствии с развитием самих проектов. Основной новостной контент сосредоточился на проектах, отражающих положительные изменения в инфраструктуре. Ведущий метод подачи новостей нацпроекта — репринтное воспроизведение официальных пресс-релизов. Недостаточно налаженная обратная связь СМИ с аудиторией и формальный подход в изложении содержания мероприятий проекта выступают причинами слабой заинтересованности общественности в работе региональных властей по реализации культурной политики.

Заключение. На основе полученных результатов была представлена имеющаяся в регионе картина взаимодействия власти и общества, на примере освещения работы по реализации национального проекта «Культура». Также были предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию работы СМИ в освещении рассматриваемой государственной программы.

Ключевые слова: национальный проект, культура, Республика Мордовия, региональные СМИ, новостная информация, медиааудитория

Для цитирования: Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В., Шкердина Н. О., Щукин Д. С. Отражение региональной культурной политики в СМИ Республики Мордовия: диалог власти и общества (по итогам 2023 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 134 — 147. EDN ХАТРРХ

© Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В., Шкердина Н. О., Щукин Д. С., 2024

Original article

REFLECTION OF REGIONAL CULTURAL POLICY IN THE MEDIA OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY (Based on the Results of 2023)

O. A. Pivtsaykina✉, L. V. Suldina, N. O. Shkerdina, D. S. Shchukin

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
✉olga_poa@mail.ru

Abstract

Introduction. The modern history of Russia is characterized by the introduction of new tools in the implementation of social and economic policy, one of which is national projects. State control over the implementation of programs is carried out by monitoring their targets. No less important is the assessment of public perception of the government's plans, which is indicated, among other things, by publications in the media and the response of the population to them.

Materials and methods. The basic materials for the study were the publications of highly rated regional media and social media pages and messengers, the content analysis of which allowed us to determine the degree of their social significance. Historical and systemic analysis to consider the reflection in the media sphere of the mechanisms of implementation and implementation of the national project “Culture”. Statistical methods allowed us to assess the activity of regional media in the presentation of the policy of regional authorities in the field of culture, as well as the main trends in the media of the national project “Culture”; A correlation analysis of the interrelationships between the content of the messages about the national project “Culture” and the reactions of Internet users revealed a low interest of the population in the work of government.

Results and discussion. The promotion of the events of the national project “Culture” in the republican media was conducted in accordance with the development of the projects themselves. The main news content focused on projects reflecting positive changes in infrastructure. The leading method of presenting national project news is reprint reproduction of official press releases. Insufficiently established media feedback from the audience and a formal approach in presenting the content of the project's activities are the reasons for the weak public interest in the work of regional authorities to implement cultural policy.

Conclusion. Based on the results obtained, the picture of interaction between government and society in the region was presented, using the example of coverage of the work on the implementation of the national project “Culture”. Recommendations were also proposed for further improvement of the work of the media in covering the state program under consideration.

Keywords: national project, culture, Republic of Mordovia, regional media, news information, media audience

For citation: Pivtsaykina OA, Suldina LV, Shkerdina NO, Shchukin DS. Reflection of Regional Cultural Policy in the Media of the Republic of Mordovia: Dialogue between Government and Society (Based on the Results of 2023). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):134—147. EDN XATPPX

Введение

Национальный проект «Культура» является одной из значимых государственных программ, направленных на развитие социокультурной сферы регионов Российской Федерации. Его основная идея — «обеспечить максимальную доступность к культурным благам, что позволит гражданам как воспринимать культурные ценности, так и участвовать в их создании»¹. Его реализация началась в 2019 г. и была нацелена на укрепление гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов России. В рамках проекта главными сферами вложения средств выступают заявленные подпроекты «Культурная среда» (модернизация инфраструктуры культуры), «Цифровая культура» (цифровизация культурной сферы) и «Творческие люди» (поддержка творчества, креативных идей и стремления творческих личностей к самореализации). Одними из главных факторов, без которых успешная реализация проекта невозможна, служат информационное освещение и продвижение мероприятий в средствах массовой информации (СМИ), прежде всего региональных. Повышение медийности национального проекта «Культура» способствует решению большинства вопросов, возникающих на местах, обсуждению проблемных точек, возрастанию заинтересованности и активизации вовлеченности граждан в мероприятия, реализуемые в рамках проекта.

Обзор литературы

Оценка в СМИ реализации национальных проектов с 2000-х гг. стала объектом исследования отечественных ученых различных отраслей гуманитарного знания. В социологических работах анализируется обыденный образ властей, формируемый журналистами (А. В. Губницын, Д. В. Просьянюк) [1; 7]. Политологи и экономисты затрагивают вопросы формирования положительного имиджа властей, механизмы стабилизации политической системы посредством освещения деятельности государства по развитию национальных проектов (Т. Л. Каминская, Д. В. Петросян, К. В. Симонов, П. С. Селезнев, Л. М. Куприянова) [2]. В культурологии поднимаются вопросы осуществления диалога государства и общества, опосредованные СМИ (А. В. Ларина) [5].

Региональные исследования, проведенные в Республике Мордовия (Г. А. Куршева, И. В. Лаптева, А. В. Чернов, Е. Н. Бикейкин), были направлены на выявление ключевых тенденций развития проекта, а также корреляции между степенью освещенности мероприятий проекта в местных СМИ, реакцией граждан, прежде всего интернет-пользователей на их реализацию и установление прочной обратной связи по линии реализатор проекта — гражданин, пользующийся услугами учреждений культурной сферы либо непосредственный участник проекта [4]. Темой нашего исследования было определение факторов, оказывающих воздействие на оценку аудиторией деятельности властей по осуществлению культурной политики в связи с медийным освещением и продвижением национального проекта «Культура» по итогам 2023 г.

¹ Паспорт национального проекта «Культура» // Министерство культуры Российской Федерации: сайт. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 24.06.2024).

Материалы и методы

Анализ и оценка информационного сопровождения мероприятий национального проекта «Культура» осуществлялись на основе материалов новостных лент 8 ведущих масс-медиа региона — «Столица С», «Известия Мордовии», ГТРК Мордовия, Народное телевидение Мордовии, 10 Канал, «Мокшень правда», «Эрзянь правда» и «Вечерний Саранск». Параллельно проводился мониторинг социальных страниц и мессенджеров указанных СМИ. С опорой на метод контент-анализа был рассмотрен текстовый массив публикаций, видеорепортажей и продуктов коммуникативной корреспонденции, представленной в виде комментариев аудитории, оставленных под новостными постами. Историко-системный анализ позволил выявить выстроенную в региональных СМИ картину политики региональных властей в области культуры и определить ее эффективность. Также исследование опиралось на методы статистики — сведение и группирование материалов статистического наблюдения и корреляционный анализ. Первый использовался для оценки общего массива информационного поля, посвященного реализации национального проекта «Культура» в регионе, второй — для оценки эффективности информационного обеспечения проекта.

Результаты исследования и их обсуждение

Основными информационными ресурсами национального проекта «Культура» закономерно стали медиаплощадки, учредителями которых выступают государственные органы власти, — издание «Известия Мордовии» (78 новостей от общего информационного потока, раскрывающего тематику национального проекта «Культура»), газеты на национальных языках — «Эрзянь правда» (эрзянский язык) и «Мокшень правда» (мокшанский язык) (по 52), новостной телеканал ГТРК «Мордовия» (49); поддержку мероприятиям национального проекта «Культура», но несколько меньшую оказывали независимые республиканские СМИ — газета «Столица С» (39), «Народное Телевидение Мордовии» (НТМ; 36), еженедельник «Вечерний Саранск» (18) и новостной ресурс «10 канал ТелеСеть» (10 канал; 1 новость) (рис. 1).

В процессе мониторинга республиканских медиаресурсов в 2023 г. были выявлены 325 информационных сообщений, освещающих события национального проекта «Культура». Медиаконтент сосредоточился на событиях самой содержательной части национального проекта — региональном проекте «Культурная среда», представленном 294 информационными сообщениями. Региональный проект «Творческие люди» был раскрыт в 25 сообщениях республиканских СМИ. В новостных источниках региона проект «Цифровая культура» представлен 6 сообщениями (рис. 2).

Подавляющая часть информации о национальном проекте «Культура», транслируемой республиканскими СМИ, была представлена в виде пресс-релизов. За 2023 г. 315 опубликованных новостей — репринты официальных текстов пресс-релизов, размещенных на официальном портале органов государственной власти Республики Мордовия². Доля очерковых текстов, отражающих журналистский взгляд, была представлена 10 новостями (рис. 3).

² Для СМИ // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL: <https://e-mordovia.ru/for-smi/all-news/> (дата обращения: 24.06.2024).

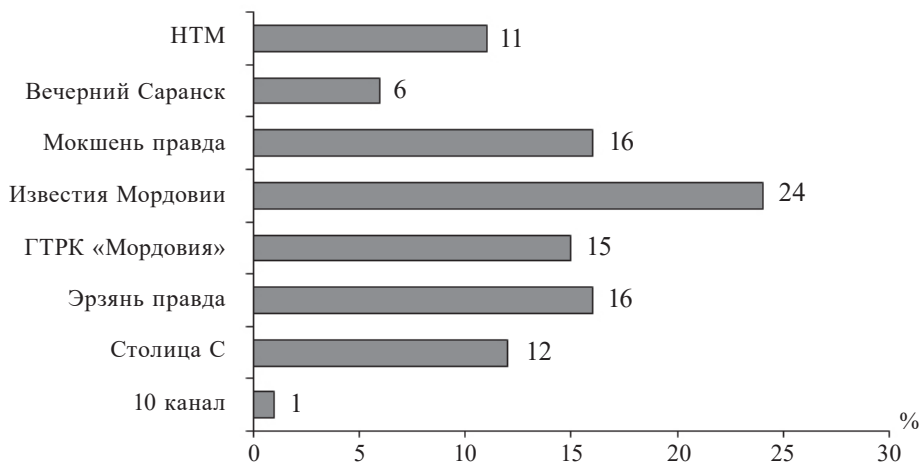

Рис. 1. Активность региональных СМИ по освещению событий и мероприятий, связанных с реализацией в Республике Мордовия национального проекта «Культура», в 2023 г.

Figure 1. Activity of local media in covering events and activities related to the implementation of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia in 2023

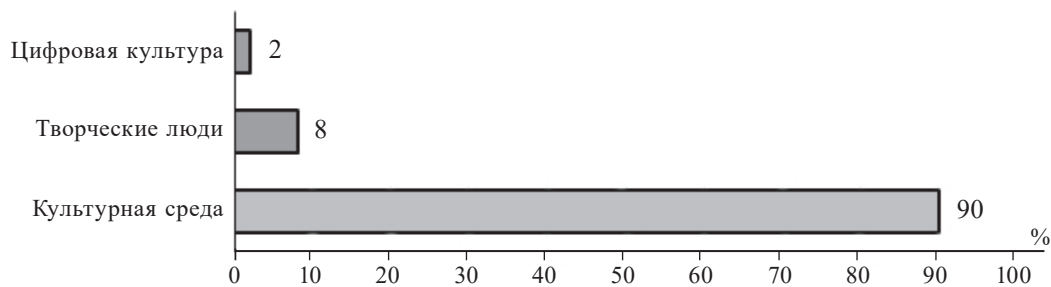

Рис. 2. Количество информационных сообщений, связанных с реализацией в Республике Мордовия национального проекта «Культура», получивших освещение в республиканских СМИ в 2023 г.

Figure 2. Number of information messages related to the implementation of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia, which received coverage in the republican media in 2023

Репринты были представлены лишь в электронных версиях медиа. На печатных страницах изданий, в телерепортажах и на социальных площадках СМИ пресс-релизы практически не публиковались. Исключение составляют сообщения еженедельника «Вечерний Саранск»: источник чаще представлял новости национального проекта в Telegram-канале и социальных сетях, реже — на официальном сайте. Наблюдающаяся тенденция к публикации репринтов пресс-релизов мероприятий национального проекта «Культура» отразилась на содержательной стороне сообщений: сведения не отличались высокой информативностью, подробностями о сроках реализации и общем объеме финансирования.

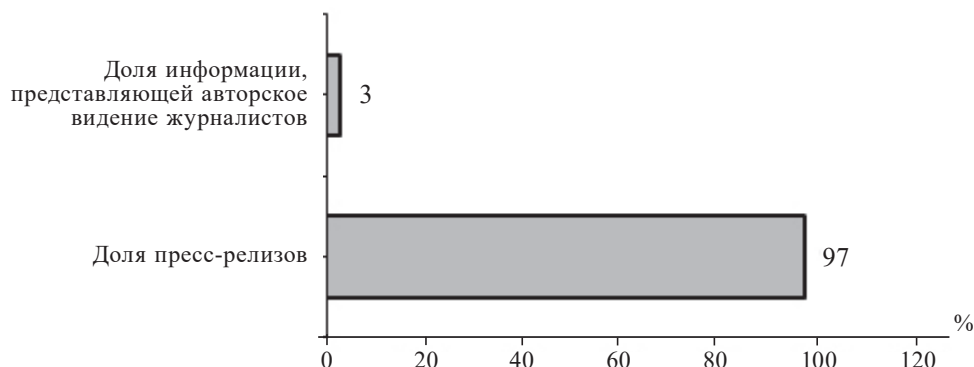

Рис. 3. Соотношение пресс-релизов и журналистского текста, представленных в республиканских СМИ по освещению событий и мероприятий, связанных с реализацией в Республике Мордовия национального проекта «Культура», в 2023 г.

Figure 3. Press releases and journalistic text presented in the republican media covering events and activities related to the implementation of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia in 2023

Таким образом, в результате обнаружилось, что информационные издания и теленовостные каналы используют пресс-релизы не как официальный источник информации, на который можно ссылаться, приводя точные формулировки и представляя нужные акценты, а представляют полный репринт их содержания. Фон информационной активности местных СМИ в отношении новостей нацпроекта поддерживается исключительно потоком публикации пресс-релизов, поэтому информационную работу СМИ можно назвать неэффективной. Подобный формальный подход в освещении новостей проекта приводит к низкой заинтересованности аудитории в изучении информации о результатах реализации национального проекта «Культура».

Важным элементом в выстраивании коммуникации с медиааудиторией, а также одним из залогов проявления заинтересованности к новостному контенту является обращение к «прецедентным текстам» [3; 6] — значимым в познавательном и эмоциональном отношениях и побуждающим к рефлексии. Материалам пресс-релизов свойственна «обезличенность» информации, ее отстраненность от потребителя новостного контента. Напротив, сообщения о событиях проекта, представленные в развернутых публикациях и видеосюжетах, содержат, как правило, журналистское видение.

Учитывая, что рамки пресс-релизов ограничены объемом и требованиями к содержанию (в частности, они не содержат оценочных данных или сведений аналитического характера), информационная ценность подобных сообщений крайне скудна: недостаточно сведений о планах и ходе выполнения этапов, отсутствует сопоставление результатов с другими регионами, не представлена инфографика по достигнутым вехам. Так, 78 сообщений от общего информационного потока вышли в формате заметок или новостной информации. Незначительное количество представленных за год сообщений было изложено в виде корреспонденций или информационно-аналитических репортажей — 6 (рис. 4). Лишь 1 сообщение было

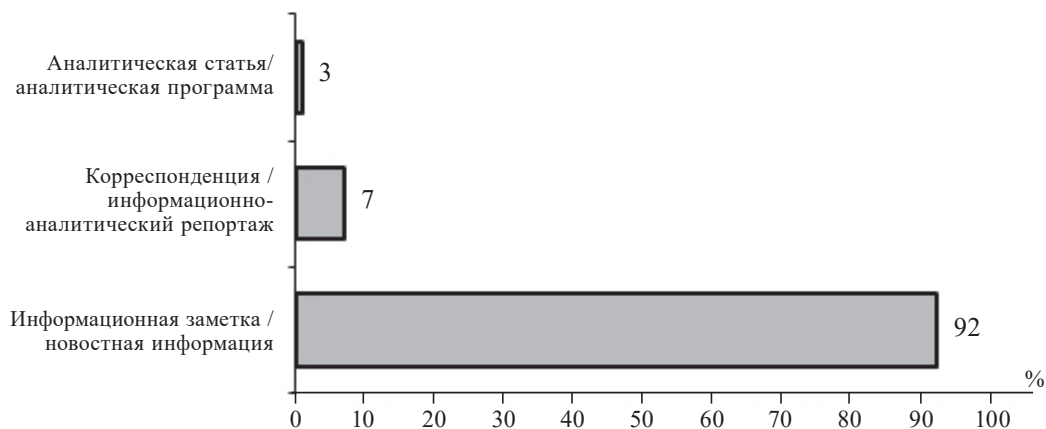

Рис. 4. Информационная ценность публикаций и новостных репортажей СМИ по освещению событий и мероприятий, связанных с реализацией в Республике Мордовия региональных проектов национального проекта «Культура», в 2023 г.

Figure 4. Information value of publications and news reports from the media covering events and activities related to the implementation of regional projects of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia in 2023

представлено в аналитической программе национального вещания «Сияжар» ГТРК «Мордовия».

Содержательный анализ медиатекстов о программах национального проекта «Культура» показывает, что подавляющее количество информации посвящено планированию, освоению бюджета, отчетам о результатах. Как недостаток следует отметить отсутствие качественного анализа работы, оценку благополучателей.

В результате можно констатировать отсутствие приближенности медиаконтента к актуальным потребностям населения республики. За 2023 г. более половины сообщений от общего новостного потока, представляющего сведения о национальном проекте «Культура», разъясняли детали отдельных направлений и стадий осуществления программы — 214 новостей; сведения, раскрывающие оценку влияния национальной программы на уровень жизни населения в республике, — 86; значительно реже публиковались сообщения с анализом хода реализации проектов — всего 25 информационных сообщений (рис. 5).

Оценка общественного резонанса на информационные сведения республиканских медиа велась посредством параллельного мониторинга СМИ и их электронных площадок, изучения контента социальных сетей и видеохостингов (ВКонтакте, Одноклассники, YouTube). Отметим, что пользовательский интерфейс и архитектура исследованных электронных страниц СМИ не предполагают обратной связи с потребителем новостного контента. Возможность оставить комментарии на сообщения, выложенные на официальном сайте медиа, была организована только на ресурсе новостного телеканала ГТРК «Мордовия». В отличие от официальных сайтов СМИ функционал пабликов социальных сетей и видеохостингов содержит обязательную опцию комментирования.

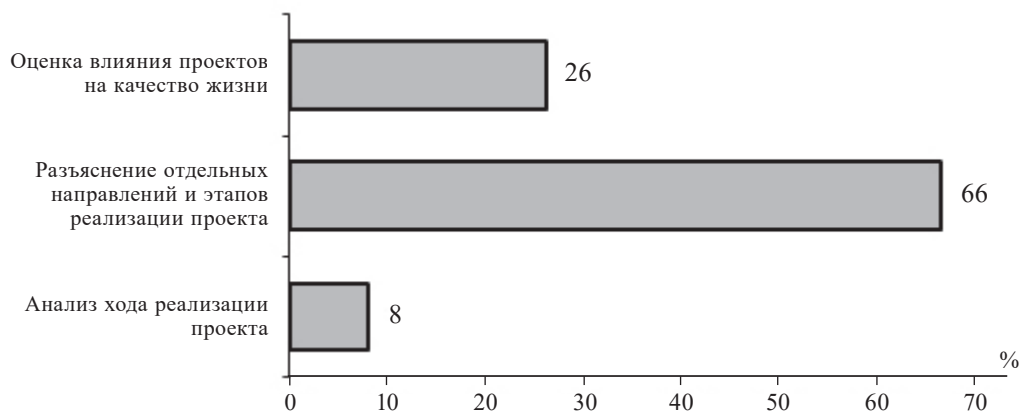

Рис. 5. Направление информационно-разъяснительной работы СМИ по освещению событий и мероприятий по реализации в Республике Мордовия региональных проектов национального проекта «Культура» в 2023 г.

Figure 5. Direction of outreach work of the media to cover events and activities for the implementation of regional projects of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia in 2023

Неоспоримым плюсом в информационной работе ряда источников — ГТРК «Мордовия», «Вечерний Саранск», «Эрзянь правда» и «Мокшень правда» — является публикация новостей проекта «Культура» в мессенджерах (Telegram), где предоставляется возможность выразить отношение к публикуемой информации, а также отследить количество просмотров. Однако вследствие слабого продвижения новостей, относящихся к национальному проекту «Культура» в социальных сетях и мессенджерах, отмечено незначительное число комментариев (таблица).

Таблица. Реакция пользователей на материалы республиканских СМИ, освещающих национальный проект «Культура», в 2023 г.

Table. User reaction to materials from republican media covering the national project “Culture” in 2023

Региональный проект	Количество сообщений, освещенных в СМИ	Количество откликов и комментариев*			
		Всего	В том числе по эмоциональной окраске содержания		
			Положительная	Нейтральная	Критическая (негативная)
Культурная среда	294	502	497	2	3
Цифровая культура	6	50	49	1	0
Творческие люди	25	32	30	2	0
Итого	325	584	576	5	3

* Итоговое значение получено из общего числа зафиксированных реакций аудитории на информационное сообщение — лайков и комментариев.

По данным таблицы можно судить, что информационные сообщения, относящиеся к национальному проекту «Культура», вызвали 584 отклика. Из них подав-

ляющее количество составили положительные реакции — 98,6 %, нейтральные — 0,9, критически окрашенные — 0,5 %.

Социальные сети и мессенджеры местных СМИ составляют особую группу информационных источников для оценки медийности проекта. Именно они содержат функционал обратной связи с потребителем медиаконтента. Однако в связи с незначительным количеством новостных публикаций о национальном проекте на социальных площадках СМИ довольно сложно определить настроения аудитории по отношению к сведениям о планировании и реализации отслеживаемых проектов.

Медиаконтент национального проекта «Культура», размещенный в мессенджерах и в социальных сетях, вызвал ряд комментариев. Сообщение в «Вечернем Саранске» о выездном обсуждении по реализации проекта «Строителям Сурского рубежа»³ от 12 мая 2023 г., опубликованное в Telegram-канале издания, отмечено скептическими комментариями подписчиков (воспроизводятся с орфографией и пунктуацией читателей):

«По данным директора музея за апрель 2022 год в Мордовии осталось около 70-ти ветеранов ВОВ.

Мне кажется, денежки, которые выделяются на строительство этого комплекса, лучше поделить между этими ветеранами — хоть, какой-то героический поступок это правительство Мордовии должно сделать перед оставшимися ветеранами... Это было бы Человечно...

Могут ошибаться...»;

«Сейчас для всех стран общей задачей должно стать построение новой модели сосуществования, правил, условий, взаимоотношений, сотрудничества. Недостаточно просто признать это, как Макрон: <https://ria.ru/20221109/evropa-1830257555.html>, надо что-то делать начать».

Сообщение «Столицы С» (https://vk.com/stolica_s) «Мордовские Дома культуры обретают новую жизнь»⁴ от 22 мая 2023 г., представленное на социальной площадке ВКонтакте, вызвало ироничный комментарий пользователя:

«Скоро будем там индийские фильмы смотреть».

Другая новость издания — «В Рузаевке при ремонте клуба Ухтомского украли 300 тысяч рублей»⁵ от 10 мая 2023 г. — отмечена саркастическими и импульсивными репликами пользователей:

«Это становится частью сметы»;

«Все хотят хлеб с маслом и с сыром»;

«Доплясалась Елена».

На новость 10 канала ТелеСеть (<https://vk.com/10tvrn>) «Говорящий Ушаков и летающий Девятаев — новое техническое оснащение краеведческого музея»⁶ от

³ Строителям Сурского рубежа // Вечерний Саранск Медиа: [Telegram-канал издания «Вечерний Саранск»] (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Мордовские Дома культуры обретают новую жизнь // Столица С: ВКонтакте (дата обращения: 30.05.2023).

⁵ В Рузаевке при ремонте клуба Ухтомского украли 300 тысяч рублей // Столица С: ВКонтакте (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Говорящий Ушаков и летающий Девятаев — новое техническое оснащение краеведческого музея // 10 канал: ВКонтакте (дата обращения: 01.10.2023).

20 сентября 2023 г. регионального проекта «Цифровая культура», размещенную на странице ВКонтакте, был оставлен комментарий пользователя:

«Рада за Вас! Ваш музей стал еще более привлекательным и аттрактивным»⁷.

Незначительное количество комментариев — следствие слабого продвижения новостей национального проекта «Культура» в социальных сетях и крайне редкое обращение журналистов к формату прецедентного текста изложения информации. Подчеркнем, что все приведенные выше комментарии были написаны к постам, активизирующим фоновые знания потребителей новостного контента, имеющие для них личностную ценность и тем самым нацеленные на поддержание контакта. К репринтам пресс-релизов комментарии отсутствовали.

Заключение

В результате проведенного мониторинга по оценке медийности национального проекта «Культура» в Республике Мордовия в 2023 г. были обозначены следующие закономерности в выстраивании диалога власти с населением по вопросам реализации социокультурной политики:

— информирование общественности о реализации программы представляло собой формализованный характер. Основной упор в продвижении ключевых тезисов государственной политики делался на количественных показателях, а в качестве основных каналов их освещения выступали официальные сайты местных СМИ;

— активно использовались альтернативные медиаформаты (в частности, Telegram-канал) для донесения информационной повестки власти по реализации национального проекта «Культура». При этом раскрытие информации осуществлялось аналогично — через публикацию официальных сообщений республиканских органов государственной власти, без учета особенностей медиапотребительской группы;

— подавляющий поток новостных сведений, раскрывающих тематику национального проекта «Культура», носил обезличенный характер, без привлечения потребителя к диалогу. Сведения о проекте в основном были представлены репринтами новостей, размещенных на госпорталах органов государственной власти.

Анализ общего потока информации по национальному проекту «Культура», позволил сделать ряд выводов о медиаполитике республиканских СМИ в отношении региональной программы за анализируемый период.

1. Региональные медиаресурсы, раскрывая деятельность органов власти в области реализации национального проекта «Культура», акцентировали внимание на положительных результатах. При этом в новостных потоках доминировали сведения о мероприятиях регионального проекта «Культурная среда», которые позволяют оценить результат по заметным изменениям в состоянии объектов культурной инфраструктуры. Работа в рамках региональных проектов «Творческие люди» и «Цифровая культура», имеющие, как правило, отсроченные итоги, осталась практически без внимания.

2. Информационное сопровождение национальных проектов велось в соответствии с развитием самих проектов — материалы публиковались по факту тех или

⁷ Ряд комментариев, высказанных подписчиками на страницах социальных сетей и в публикациях мессенджеров, был удален модераторами. Нами приводятся примеры высказываний, зафиксированных в момент их появления на просматриваемых ресурсах.

иных шагов их исполнения, раскрывая достигнутые результаты на различных этапах реализации.

3. Медиаработа, ведущаяся в рамках освещения событий проекта, отличается однонаправленной коммуникацией — от исполнительных органов власти к потребителю новостного контента — и отсутствием прямого вовлечения пользователей в обсуждение и соучастие в создании контента.

На основе выявленных тенденций и сделанных выводов можно сформулировать ряд предложений в целях совершенствования работы по информационному сопровождению национального проекта «Культура» и соответственно налаживанию эффективного взаимодействия власти с населением региона:

1) активизировать усилия по развитию обратной связи с населением, а именно: обеспечить возможность оставлять комментарии к постам на официальных сайтах, регулярно представлять сведения о проекте на социальных площадках информационных источников;

2) при выборе медиаплощадок для информационного сопровождения национального проекта «Культура» делать упор не только на официальные сайты СМИ, но и на социальные сети и мессенджеры в качестве информационного канала, которые становятся все более востребованными, в том числе у возрастной аудитории 60+;

3) отказаться от практики механического копирования официальных сведений с материнского портала госвластей, адаптируя новости под запросы и интересы каждой целевой аудитории определенной медиаплощадки (официальные сайты СМИ, паблик-чаты социальных групп и мессенджеров);

4) выстроить информационную работу исходя из специфики восприятия содержания нацпроектов целевой аудиторией — населением, на конкретных примерах акцентировать значимость достигнутых или ожидаемых результатов реализации проекта для конкретного человека посредством активизации фоновых знаний читателя и связанных с ними многочисленных культурных, исторических, духовных и эмоциональных ассоциаций.

В заключение отметим, что на примере анализа медийности национального проекта «Культура» были выявлены не только особенности информационного сопровождения национальных программ в регионе, но и определена специфика диалога власти и общества, опосредованного СМИ: информация, характеризующая деятельность республиканских госструктур в сфере реализации национального проекта «Культура», отражает конъюнктурные интересы власти и слабую заинтересованность в обратной связи с населением, ориентирована на демонстрацию достижений и замалчивание проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Губницын А. В. Реализация национальных проектов в оценке средств массовой информации (на материалах Архангельской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 3. С. 358 — 371.

2. Каминская Т. Л., Петросянц Д. В., Симонов К. В., Селезнев П. С., Куприянова Л. М. Национальные проекты России как имиджевая проблема управления // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 4. С. 17 — 34.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. Куршева Г. А., Лаптева И. В., Чернов А. В., Бикейкин Е. Н. Медийность мероприятий в области культуры и общественный резонанс (на материале Республики Мордовия) // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 226 — 243.
5. Ларина А. В. Особенности взаимодействия государства и СМИ в решении проблемы сохранения и популяризации объектов культурного и национального наследия России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 4, т. 1. С. 246 — 254.
6. Панюкова С. А. Особенности использования прецедентных текстов в научно-популярных видеоблогах (на примере платформы YouTube) // Медиачтения СКФУ: материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 23 — 25 мая 2019 г.) / отв. ред.: О. И. Лепилкина, А. М. Горбачев, Н. Н. Борисенко, Д. А. Шевцова. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 299 — 301.
7. Просянюк Д. В. Особенности формирования повестки дня региональными средствами массовой информации в условиях реализации национальных проектов // Экономика. Социология. Право. 2021. № 3 (22). С. 46 — 54.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 05.08.2024.

Информация об авторах:

Ольга Александровна Пивцайкина, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат культурологии, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7402-8358>, olga_poa@mail.ru

Людмила Викторовна Сульдина, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8940-0623>, suldinalv@mail.ru

Надежда Олеговна Шкердина, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7403-0451>, shnadejda@bk.ru

Дмитрий Сергеевич Щукин, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3782-8285>, dmschukin2014@yandex.ru

Вклад авторов:

Пивцайкина О. А. — мониторинг социальных сетей республиканских СМИ и корреляционный анализ особенностей продвижения новостной информации, связанной с национальным проектом «Культура», и ее восприятия аудиторией, разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию работы по освещению новостей проекта;

Сульдина Л. В. — критический анализ и оценка информационного сопровождения мероприятий национального проекта «Культура» в республиканских СМИ, сведение статистических данных и графическое представление результатов исследования;

Шкердина Н. О. — мониторинг социальных сетей республиканских СМИ и корреляционный анализ особенностей продвижения новостной информации, связанной с национальным проектом «Культура», и ее восприятия аудиторией, характеристика специфики информационного сопровождения мероприятий национального проекта «Культура» в региональных СМИ;

Щукин Д. С. — постановка цели исследования, определение проблематики и выработка методологии исследования, подведение итогов и выводы о медийности мероприятий национального проекта «Культура» в республике.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gubitsyn AV. The Implementation of National Projects in the Evaluation of Mass Media (Based on the materials of the Arkhangelsk Region). *Bulletin of St. Petersburg University*. 2007;(3):358—371. (In Russ.)
2. Kaminskaya TL, Petrosyants DV, Simonov KV, Seleznev PS, Kupriyanova LM. National Projects of Russia as an Image Management Problem. *Ekonomika.Nalogi.Pravo=Economics, Taxes, Law*. 2023;16(4):17—34. (In Russ.)
3. Karaulov YuN. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow;1987. (In Russ.)
4. Kursheva GA, Lapteva IV, Chernov AV, Bikeikin EN. Media Coverage of Events in the Field of Culture and Public Resonance (Based on the material of the Republic of Mordovia). *Regionology=Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(1):226—243. (In Russ.)
5. Larina AV. Features of Interaction Between the State and the Media in Solving the Problem of Preserving and Popularizing Objects of Cultural and National Heritage of Russia. *Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2015;(4):246—254. (In Russ.)
6. Panyukova SA. Features of the Use of Precedent Texts in Popular Science Video Blogs (on the example of the YouTube Platform). *NCFU Media Readings*. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference. Stavropol;2019:299—301. (In Russ.)
7. Prosyanyuk DV. Features of the Formation of the Agenda by Regional Mass Media in the Context of the Implementation of National Projects. *Economics. Sociology. Right*. 2021;(3):46—54. (In Russ.)

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 05.08.2024.

Information about the authors:

Olga A. Pivtsaykina, Senior Researcher at the Department of Theory and History of Culture of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Cultural Studies, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7402-8358>, olga_poa@mail.ru

Lyudmila V. Suldina, Senior Researcher at the Department of Theory and History of Culture of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8940-0623>, suldinalv@mail.ru

Nadezhda O. Shkerdina, Chief Researcher — Head of the Department of Regional Studies and Ethnology of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7403-0451>, shnadejda@bk.ru

Dmitry S. Shchukin, Senior Researcher at the Department of Theory and History of Culture of the Scientific Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3782-8285>, dmschukin2014@yandex.ru

Contribution of the authors:

Pivtsaikina O. A. — monitoring of social networks of the republican media and making correlation analysis of the features of the promotion of news information related to the national project “Culture” and its perception by the audience, development of proposals and recommendations for improving the coverage of the news of the project;

Suldina L. V. — critical analysis and evaluation of information support for the events of the national project “Culture” in the republican media, compilation of statistical data and graphical representation of the research results;

Shkerdina N. O. — monitoring of social networks of the republican media and making correlation analysis of the features of the promotion of news information related to the national project “Culture” and its perception by the audience, characteristics of the specifics of information support for the events of the national project “Culture” in regional media;

Shchukin D. S. — setting the research goal, defining the issues and developing a research methodology, summarizing and concluding the media coverage of the events of the national project “Culture” in the republic.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94:316:39(479.25)(470.345)
EDN XAXWKC<https://vestnikniign.ru>*Научная статья*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Л. Н. Курышова^{1, 2}✉, Е. С. Рункова¹¹ Научный центр социально-экономического мониторинга,
г. Саранск, Россия² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
✉ kuryshovaln@mail.ru

Аннотация

Введение. Для благополучного социально-экономического развития полиэтничного региона крайне важно изучать историко-культурные особенности населяющих его народов, их повседневные практики, специфику межэтнических отношений. В связи с этим вопросы социального самочувствия этнических диаспор в условиях многонациональной республики представляются актуальными в контексте активизации миграционных процессов в современной России.

Материалы и методы. В ходе написания статьи был обобщен и проанализирован материал научной литературы и открытых источников, в том числе по этнической истории региона. Использовались результаты исследований, проведенных коллективом Научного центра социально-экономического мониторинга.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье представлена оценка социального самочувствия представителей армянской диаспоры в Мордовии на современном этапе. Различные аспекты социального самочувствия показаны в динамике. Армяне Мордовии демонстрируют относительно высокий уровень сплоченности национальной диаспоры. Это может говорить и о том, что они не ощущают необходимости полной интеграции в российскую среду, и о поддержании тесных связей со своей диаспоральной группой, что важно для их благоприятного социального самочувствия.

Заключение. Социальное самочувствие представителей армянской диаспоры на современном этапе рассмотрено в ракурсе экономического, социокультурного и общественно-политического компонентов. Большинство представителей армянской диаспоры, активно вовлекаясь в экономическое пространство региона, позитивно оценивают свое материальное положение; сохраняя свои культуру и язык, внутреннюю сплоченность и взаимовыручку, вовлекаются в социально-культурную жизнь региона и доброжелательно взаимодействуют с принимающим сообществом; обладая низким протестным потенциалом, демонстрируют российскую идентичность; с оптимизмом смотрят в будущее и не собираются менять место проживания.

Ключевые слова: армяне, армянская диаспора, полиэтничный регион, социальное самочувствие, межнациональные взаимодействия, идентичность

Для цитирования: Курышова Л. Н., Рункова Е. С. Социальное самочувствие армянской диаспоры, проживающей в Республике Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 148 — 162. EDN XAXWKC

© Курышова Л. Н., Рункова Е. С., 2024

Original article

SOCIAL WELL-BEING OF THE ARMENIAN DIASPORA LIVING IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

L. N. Kuryshova^{1, 2}✉, E. S. Runkova¹

¹ Scientific Center for Socio-Economic Monitoring,
Saransk, Russia

² Ogarev National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

✉kuryshovaln@mail.ru

Annotation

Introduction. For the successful socio-economic development of a multiethnic region, it is extremely important to study the historical and cultural characteristics of the peoples inhabiting it, their daily practices, and the specifics of interethnic relations. In this regard, the issues of social well-being of ethnic diasporas in a multinational republic seem relevant in the context of the intensification of migration processes in modern Russia.

Materials and methods. During the writing of the article, the material of scientific literature and open sources, including on the ethnic history of the region, was summarized and analyzed. The results of research conducted by the staff of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring were used.

Results and discussion. The article presents an assessment of the social well-being of representatives of the Armenian Diaspora in Mordovia at the present stage. Various aspects of social well-being are shown in dynamics. The Armenians of Mordovia demonstrate a relatively high level of cohesion of the national diaspora. This may indicate that they do not feel the need to fully integrate into the Russian environment, and to maintain close ties with their diaspora group, which is important for their favorable social well-being.

Conclusion. The social well-being of the representatives of the Armenian Diaspora at the present stage is considered from the perspective of economic, socio-cultural and socio-political components. Most representatives of the Armenian Diaspora, actively involved in the economic space of the region, positively assess their financial situation; preserving their culture and language, internal cohesion and mutual assistance, get involved in the socio-cultural life of the region and interact kindly with the host community; having a low protest potential, demonstrate Russian identity; They are optimistic about the future and are not going to change their place of residence.

Keywords: Armenians, Armenian Diaspora, multiethnic region, social well-being, interethnic interactions, identity

For citation: Kuryshova LN, Runkova ES. Social Well-Being of the Armenian Diaspora Living in the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):148—162. EDN XAXWKC

Введение

Россия является полиэтничным обществом, в котором на протяжении длительного времени проживают сотни этнических групп. Актуальность темы развития этнических общностей в российской действительности обусловлена и этноконфессиональным составом населения, и возрождением национальных традиций и обычаев, и противоречивым историческим наследием, и усилением этнической мобильности. Обращение к вопросу изучения диаспоры связано с тем, что такая группа имеет специфические признаки, выходящие за рамки характеристик этнической общности. Диаспоры, выполняя определенные этносоциальные функции, представ-

ляют собой активную общественную силу, реальное влияние которой на жизнь принявшего диаспору государства увеличивается [28, с. 34].

Армянская диаспора является одной из крупнейших в мире, она самая многочисленная и влиятельная в России [3; 16; 18; 22 и др.]. Армяне проживают по всей территории страны, однако есть регионы, в которых они расселены более обширно, а армянские сообщества более многочисленны и институционализированы. Армянская диаспора в России не одинакова и не однозначна [25, с. 148].

Мордовия не относится к регионам, в которых доля армян в социальной структуре населения значительна, однако армянская диаспора самая крупная из проживающих на ее территории этнических сообществ, и ее численность увеличивается [2, с. 5]. Кроме того, регион является национальной республикой, история которой характеризуется длительным опытом мирного сосуществования представителей разных этносов и конфессий. Для благополучного развития полиэтничного региона крайне важно знать историко-культурные особенности населяющих его народов, их повседневные практики, специфику межэтнических отношений. В связи с этим вопросы социального самочувствия этнических диаспор в условиях многонациональной республики представляются актуальными.

Усложняющаяся социально-политическая обстановка и усиление миграционных потоков требуют нового осмысления проблемы взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, вопросов национальной напряженности и межнациональных отношений, исследование которых невозможно без анализа социального самочувствия как принимающей стороны, так и самой диаспоры.

Цель статьи — изучение межкультурного и общественно-политического взаимодействия армянской диаспоры в региональном социуме на современном этапе исторического развития через выявление ее социального самочувствия. Данный вопрос является актуальным для изучения этнокультурной и социально-политической специфики региона с целью выработки адекватной межнациональной политики.

Обзор литературы

Теме диаспор посвящено достаточное количество трудов зарубежных и отечественных ученых. В ключевых работах данного направления происходит осмысление понятия «диаспора» (в первую очередь, в рамках теории этноса [6; 11]), под диаспорой понимается социальный феномен, определяются ее признаки и функции [17; 20; 27].

Изучая содержание понятия «диаспора», необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, диаспора представляет собой этнокультурное сообщество. Во-вторых, члены диаспоры проживают за пределами исторической родины. В-третьих, диаспоры обладают развитыми институтами самовоспроизводства (национальные школы, религиозные организации и др.). Как отмечают Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова, «диаспора — это устойчивая к ассимиляции совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая институты самовоспроизводства» [28, с. 37]. В. И. Дятлов рассматривает диаспору «как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей» [12, с. 63].

Особое внимание уделяется изучению крупных диаспор (армянской, азербайджанской, грузинской, узбекской и таджикской), отличающихся выраженной консолидацией сугубо этнически ориентированного актива, социально-экономических и общественно-политических инициатив и своего общественного влияния [4, с. 35]. Армянской диаспоре как самой многочисленной и влиятельной в России посвящен ряд работ. Группа ученых под руководством Ю. В. Арутюняна осуществила масштабное исследование «Российские армяне», в рамках которого всесторонне изучены процессы развития армянской диаспоры в России [25].

Армянская диаспора представлена в работе о народах Мордовии «Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия», выполненной группой ученых под руководством В. А. Юрченкова и Л. И. Никоновой [19]. В работе рассмотрены проблемы этнической самоидентификации, адаптационные стратегии армян-переселенцев и др. [21].

Несмотря на выявленный интерес к изучению диаспор, проблеме их социального самочувствия посвящено мало исследований. При этом, как отмечено белорусским исследователем Н. С. Аветян, социальное самочувствие диаспоры является одним из показателей адаптированности и интегрированности мигрантов в социум [1, с. 39]. Из российских исследований можно отметить работу Г. И. Осадчей и Т. Н. Юдиной, где проанализировано социально-экономическое самочувствие армянской диаспоры в России [22].

Говоря о социальном самочувствии, стоит отметить основные характеристики данного понятия. Во-первых, в научном дискурсе превалирует мнение о комплексности категории «социальное самочувствие». По мнению коллектива авторов под руководством М. К. Горшкова, это совокупность жизненных факторов (субъективных и объективных), возможностей личности (физиологических и психологических), условий (позитивных и негативных) формирования жизненной стратегии [26, с. 15]. Н. С. Аветян трактует социальное самочувствие как проявление удовлетворенности жизнью, социального оптимизма (планы на будущее) и социальной защищенности [1, с. 39].

Во-вторых, в исследовательской среде подчеркивается, что в основе социального самочувствия лежит оценочная субъективность его параметров, чаще всего как состояние удовлетворенности (неудовлетворенности). При этом степень удовлетворенности условиями и качеством новой жизни может использоваться в качестве показателя оценки уровня социальной адаптации мигранта [17, с. 6].

В рамках изучения диаспор исследовательский интерес представляет концепция адаптационного социального самочувствия. Озвученный термин трактуется как динамичный интегральный показатель отношения населения к кардинальным социальным преобразованиям, происходящим в конкретный исторический период с точки зрения жизненной ситуации в прошлом и оценки ее в будущем [9]. Степень успешности прохождения социальной адаптации и интеграции оказывает значительное воздействие на социальное самочувствие, в свою очередь состояние (характер) самочувствия детерминирует процессы адаптации и интеграции [26, с. 15].

На основе изученной научной литературы можно сделать вывод о том, что армянская диаспора, проживающая в разных регионах страны в данный исторический период, является недостаточно изученной. Несмотря на то, что социальное

самочувствие служит важнейшим показателем адаптации и интеграции представителей диаспоры к принимающему сообществу, оно редко становится предметом исследований.

В статье социальное самочувствие рассмотрено как совокупность экономического, социокультурного и общественно-политического компонентов.

Материалы и методы

Объектом исследования выступила армянская диаспора, длительное время проживающая на территории Республики Мордовия.

Исследование выполнено с помощью общенаучных методов — анализа, синтеза и обобщения. В ходе работы применялись системный анализ, описательный и сравнительный методы. В статье представлены результаты опросов представителей армянской диаспоры (2023 г., $n = 285$; 2017 г., $n = 185$), проведенных Научным центром социально-экономического мониторинга (НЦСЭМ; при нашем участии). Рекрутинг респондентов осуществлялся с использованием региональных диаспоральных сетей, а также методом «снежного кома». Для сравнительного анализа были использованы результаты других исследований НЦСЭМ.

Результаты исследования и их обсуждение

Относительно армянской диаспоры отметим, что она является одной из наиболее крупных диаспор в Мордовии и расселена на территории республики длительное время. По данным опроса 2023 г., четверть опрошенных (26 %) родилась в Мордовии, столько же (25 %) проживают здесь от 21 до 40 лет, еще треть (35 %) — от 11 до 20 лет, и только 14 % переехали в регион менее 10 лет назад. По данным опроса, абсолютное большинство армян (93 %) имеют гражданство России, проживают в Мордовии с семьями (только около 6 % респондентов проживают в одиночку, без родственников).

Экономический компонент

Экономические факторы являются одними из ключевых в миграционных процессах, они влияют на принятие людьми решения о переезде с исторической родины в другое государство, на выбор той или иной территории для поселения. Материальный интерес служил основным стимулом для большинства армян при переезде в сложные для Армении годы после распада СССР [22, с. 604]. Переселенцы из республик бывшего СССР в основном были добровольными мигрантами, приехавшими в Мордовию с целью улучшить экономическое состояние семьи [19, с. 363]. Переезд был определен стремлением повысить заработок и уровень жизни, улучшить жилищные условия, а также семейными обстоятельствами [19, с. 361].

По данным нашего исследования 2023 г., в числе причин переселения армян в Мордовию преобладают основания экономического характера: устройство на работу, улучшение материального положения и жилищных условий (табл. 1). Достижение поставленных целей переезда говорит об успешности адаптации, недостижение может привести к снижению социального самочувствия и послужить поводом для новых миграционных настроений.

Материальное положение семьи, финансовые возможности для удовлетворения своих потребностей во многом определяют социальное самочувствие ее членов. По результатам опроса 2023 г., треть семей опрошенных армян являются высокообеспеченными, т. е. денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать (11 %) или

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Отметьте основные причины Вашего переезда в Мордовию?», 2023 г.

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question: "What are the main reasons for your move to Mordovia?", 2023

Вариант ответа	%
Устройство на работу	31
Улучшение материального положения	28
Улучшение жилищных условий	9
Переезд к родным, изменение семейного положения	26
По рекомендации тех, кто уже проживает в Мордовии	18
Получение профессионального образования	9
Этнические конфликты на месте прежнего проживания	6

без труда покупать товары длительного пользования (22 %). Половина армянских семей обеспечены всем необходимым (продукты питания, одежда, услуги ЖКХ) (52 %). Примерно каждого десятого опрошенного (9 %) можно отнести к зоне материального неблагополучия, где актуальным остается вопрос удовлетворения базовой потребности в пищевых продуктах.

По данным отечественных исследований, среди людей с высоким уровнем доходов армяне представлены гораздо шире, чем во всем российском населении [25, с. 135]. Действительно, субъективные оценки материального положения армян выше, чем населения Мордовии в целом: высокообеспеченными являются 13 % населения, обеспеченными — 57 %, малообеспеченными — 30 %¹.

Для армян характерны высокий процент владения собственным жильем (68 %) и желание обзавестись им (82 % среди тех, кто еще не владеет жильем), что обусловлено длительным проживанием в регионе и говорит о высокой степени их укорененности.

Одними из социально-экономических факторов, определяющих социальное самочувствие диаспоры, являются реализуемые ее представителями трудовые практики, уровень их вовлеченности в региональную систему трудовых отношений. Большинство армян Мордовии трудоустроены (в основном в сфере торговли и общественного питания, а также в строительстве): 48 % являются наемными работниками, 13 % занимаются предпринимательской деятельностью, что соотносится с данными других исследований [22, с. 607]. При этом среди армян доля предпринимателей выше, чем в среднем по Мордовии (3 %²) и России (8 %³).

Успешное включение членов диаспоры в региональные экономические процессы служит залогом их эффективной интеграции в местное сообщество. По данным нашего исследования, большинство из проживающих в Мордовии армян уверены, что они имеют равные шансы наряду с представителями других национальностей

¹ Исследование «Оценка уровня бедности в Республике Мордовия» (2023 г., n = 700).

² Исследование «Межнациональные, межконфессиональные отношения и миграционные процессы в Республике Мордовия» (2023 г., n = 700).

³ Предпринимательство в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 10.07.2024).

при трудоустройстве на работу (66 %) и при открытии своего дела (63 %). В то же время ситуация не столь однозначна: каждый пятый опрошенный указывает на отсутствие равных возможностей в трудовой сфере (соответственно 18 и 19 %). Кроме того, по мнению армян, занять высокий пост в органах власти им по сравнению с другими этносами сложнее (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, в Вашем городе (поселке, селе) у людей Вашей национальности по сравнению с другими национальностями равные или неравные шансы?», 2023 г., %

Table 2. Distribution of respondents' answers to the question "Do you think that in your city (village, village) people of your nationality have equal or unequal chances compared to other nationalities?", 2023, %

Вариант ответа	Равные	Неравные	Затрудняюсь ответить
Устроиться на хорошую работу	66	18	16
Открыть свое дело	63	19	18
Занять высокий пост в органах власти	38	23	39

Социальное самочувствие любого сообщества характеризуется через призму и специфику волнующих ее представителей проблем. Армян беспокоят рост цен (63 %), низкая оплата труда (49), невысокие пенсии (28), безработица (27 %). Эти сложности экономической направленности являются наиболее актуальными и для большинства жителей республики.

Социокультурный компонент

Содержание системы ценностных ориентаций национальной диаспоры определяет образ жизни ее представителей и косвенно характеризует социальное самочувствие сообщества [15, с. 86]. Ценностные ориентации на семью, работу, религию, друзей и знакомых представляют достаточно устойчивый элемент в структуре идентификации армян [24]. Ценностное ядро представителей армянской диаспоры образуют такие традиционные ценности, как здоровье (73 %) и семья (61 %). Необходимо отметить повышение значимости национальных традиций для армян (25 % в 2017 г., 38 % в 2023 г.) [2, с. 16 — 17].

Примечательно, что для армян материальный достаток представляет меньшую ценность (29 %), чем для всего населения региона (материально обеспеченная жизнь — 54 %⁴). Вероятно, что относительная стабильность материального положения не способствует жизненной фокусировке на данном аспекте.

Залогом сохранения этнической самобытности в инокультурной среде служит сбережение родного языка. Армяне социально активны, легко адаптируются в иноэтнической среде, их включенность в российскую среду трансформирует собственную этничность. Трансформация выражается в степени знания родного языка, использование армянского языка ограничивается устной речью [30, с. 233]. Это подтверждается и нашими исследованиями. С одной стороны, большая часть армян, живущих в Мордовии, свободно говорит на армянском языке (в 2017 г. — 90 %, в 2023 г. — 85 %), он используется в основном при общении с близкими людьми.

⁴ Исследование «Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия» (2023 г., n = 1 000).

Но в ближнем окружении родной язык употребляется наравне с русским. В общественном пространстве коммуникации происходят преимущественно на русском языке [2, с. 10]. Таким образом, среди армян распространен билингвизм и можно говорить об отсутствии языкового барьера в коммуникациях диаспоры и принимающего сообщества [5, с. 48].

Полиэтническая среда оказывает влияние на национальную культуру, в результате которого в системе чисто национальных праздников происходят инновации: обогащение местными обрядами, включение общенародных праздников [19, с. 445]. Половина представителей армянской диаспоры в той или иной степени вовлечена в культурно-массовую жизнь региона, участвуя в праздновании общенациональных праздников (День Победы, День защитника Отечества, Масленица, День России и др.) [2, с. 18]. Однако нельзя говорить о высокой активности армян, так как 39 % опрошенных в культурно-массовых мероприятиях участия не принимают.

Одним из ключевых в современной этнологической науке является вопрос об этнической, региональной и общенациональной идентичности. Более ранние исследования показывали преобладание этнической идентичности над гражданской и региональной, общероссийская гражданская идентичность в армянском сообществе только начинала формироваться. Чаще всего армяне говорили о принадлежности к армянской диаспоре мира, россиянами осознавали себя не все респонденты [31]. Позднее в диаспорных группах стала фиксироваться выраженность российского «гражданства», российское самосознание оказалось доминирующим примерно у половины армян [4, с. 39 — 40]. По данным наших исследований, российская идентичность в 2017 г. была выражена почти у половины опрошенных армян — 46 %, в 2023 г. жителями России назвали себя 65 %. Стала менее выражена региональная идентичность: в 2023 г. по сравнению с 2017 г. в 2 раза снизилась доля тех, кто считает себя жителем Мордовии (с 36 до 18 %). Этническая идентичность характерна только для каждого седьмого представителя армянской диаспоры (15 %).

Армяне нацелены на интеграцию и обладают гибридной этнической идентичностью [23], которая характерна для национальных меньшинств, мигрантов и мигрантских диаспор. Подобная идентичность появляется вследствие встраивания в социальную, культурную, языковую и территориальную общность [7, с. 18].

Общественно-политический компонент

Процессуальность социальной адаптации настраивает членов иноэтнических групп на участие в общественной жизни принимающего сообщества [17, с. 9]. По данным нашего исследования, половина опрошенных представителей армянской диаспоры проявляет гражданскую активность и участвует в различных общественных проектах и акциях: сбор денежных средств и вещей для людей, попавших в тяжелое положение (31 %), деятельность различных общественных организаций — благотворительных, правозащитных, экологических (8) и в проведении избирательных кампаний (8 %) и др.

Однако для армянской диаспоры не характерна массовая социальная активность, 38 % ее представителей не участвуют в мероприятиях гражданского характера и, как уже говорилось ранее, столько же не участвуют в местных культурно-массовых мероприятиях.

Несколько иначе обстоят дела по мероприятиям, проводимым самой диаспорой: большая часть армян участвует в них (всегда, часто — 34 % и иногда, редко — 47 %). Для армян характерен высокий уровень взаимовыручки, в случае возникновения сложной жизненной ситуации они обращаются к представителям своей диаспоры [2, с. 19]. Это важная характеристика армянского сообщества и является одним из отличительных признаков диаспоры. Участие в деятельности диаспоры выступает эффективным механизмом адаптации, ресурсом выживания и социального успеха. С другой стороны, это снижает стремление к интеграции [8, с. 118].

Здесь следует отметить важное обстоятельство: диаспоральные связи не зарождаются на территории принимающего сообщества, их границы выходят за ее пределы. Переселение армян в Мордовию обусловлено не только экономическими факторами, но и наличием этих связей: четверть армян (26 %), живущих сегодня в регионе, переехали сюда к своим родным, пятая часть (18 %) — по рекомендации тех, кто уже проживает в республике. Армяне Мордовии продолжают общаться с родственниками и друзьями, проживающими в Армении (56 % делают это часто, 26 % — редко).

Характер социальных настроений представителей диаспор определяется спецификой социального взаимодействия с представителями других этнических групп, в первую очередь с титульными нациями. Позитивные оценки межнациональных отношений отмечаются многолетними региональными социологическими исследованиями [13, с. 6 — 7]. Ни представители армянской диаспоры, ни члены принимающего сообщества не отмечают напряженность в межнациональных отношениях и указывают на их стабильный и добрососедский характер, нормальные и бесконфликтные взаимоотношения между людьми разных этносов (табл. 3).

Таблица 3. Характер межнациональных отношений, 2023 г.

Table 3. The nature of interethnic relations, 2023

Вопрос (армяне)	Вариант ответа	%	Вопрос (все население РМ)	Вариант ответа	%
Оцените характер межнациональных отношений в Вашем городе/селе	Межнациональные отношения стабильные, добрососедские	82	Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми разных национальностей в РМ?	Доброжелательные	28
	Внешне все спокойно, но межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне	14		Нормальные, бесконфликтные	61
	Имеется межнациональная напряженность, возможны межнациональные конфликты	0		Напряженные, конфликтные	3
	Имеют место межнациональные конфликты	1		Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	0
	Затрудняюсь ответить	3		Затрудняюсь ответить	8

* Исследование «Межнациональные, межконфессиональные отношения и миграционные процессы в Республике Мордовия» (2023 г., n = 700).

Принимающее сообщество демонстрирует высокий уровень толерантности по отношению к иностранным мигрантам [29, с. 191]. Социальные коммуникации в регионе характеризуются отсутствием негативных установок в отношении армянской диаспоры. Среди опрошенных в 2023 г. армян 93 % лично не сталкивались с негативным отношением к себе из-за своей национальности. Среди населения Мордовии 76 % хорошо относятся к армянам⁵. В социальном взаимодействии для абсолютного большинства армян (91 %) не имеет значения то, какой национальности собеседник. Позитивным фактом выступает декларируемая толерантность армян к смешанным в этническом отношении бракам: 40 % армян положительно отнесутся, если кто-то из их родственников вступит в брак с человеком другой национальности, 30 % — одобряют этот союз при условии соблюдения обычаев армянского народа.

Традиционно армяне-переселенцы отличались достаточно лояльными политическими взглядами. Как показало наше исследование, армянская диаспора обладает низким протестным потенциалом, большинство ее представителей (72 %) не готовы принять участие в каких-либо акциях протеста.

У большинства представителей армянской диаспоры фиксируется отсутствие установок на возврат в Армению [22, с. 613]. В ходе нашего исследования выявлено, что абсолютное большинство армян (92 %) не собираются уезжать из региона. Это говорит о том, что социально-экономические условия в республике благоприятны для проживания, достижения личных целей и удовлетворения потребностей, и позитивно характеризует социальное самочувствие армянской диаспоры. Подводя итог, стоит сказать, что социальные ожидания представителей армянской диаспоры отличаются позитивным настроем, 73 % опрошенных с оптимизмом смотрят в будущее и считают, что ситуация во всех сферах в скором времени изменится в лучшую сторону (табл. 4). Еще почти четверть армян (23 %) также уверены в улучшении жизни, но в более отдаленной перспективе.

Таблица 4. Оценка, в обобщенном виде отражающая личные ожидания, 2023 г., %

Table 4. An assessment summarizing personal expectations, 2023, %

Вариант ответа	Армяне	Все население РМ
Я сохраняю оптимизм и считаю, что ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему	73	35
В ближайшее время жизнь лучше не станет, но в перспективе изменится к лучшему	23	30
Я думаю, что впереди ждут еще более тяжелые времена, и «просвета» пока не видно	0	24
Ничего не изменится в обозримом будущем	4	11

Примечательно, но среди армянского сообщества практически не встречаются пессимистичные взгляды в будущее. При этом социальные ожидания населения Мордовии в целом менее оптимистичны.

⁵ Исследование «Межнациональные, межконфессиональные отношения и миграционные процессы в Республике Мордовия» (2023 г., n = 700).

Заключение

Армянская диаспора в Мордовии демонстрирует успешное вливание в экономические процессы региона: армяне в большинстве своем охвачены трудовой занятостью, активно занимаются предпринимательской деятельностью, занимая определенные рыночные ниши. Все это благоприятно отражается на материальном благополучии и социальном самочувствии армян.

При устойчивой включенности в экономическую жизнь региона армяне демонстрируют известную степень аполитичности, как правило, дистанцируясь от некоторых общественно-политических акций, проектов. Внутридиаспоральные мероприятия, напротив, вызывают большой интерес, что говорит о высокой сплоченности этнического сообщества.

Внутренняя сплоченность диаспоры, активная вовлеченность армян в ее жизнедеятельность, высокий уровень взаимовыручки говорят о наличии сплоченного и достаточно закрытого сообщества, которое не стимулирует потребность в полной интеграции в региональный социум. В то же время поддержание тесных связей со своим этносом, высокая внутренняя сплоченность диаспоры дает ее представителям ощущение нужности и необходимости, повышает уровень их социального самочувствия.

Армяне, проживая вне страны происхождения, сохраняют в большинстве своем в регионе пребывания родной язык (общаясь и на русском, и на армянском языке), культуру, поддерживают связи с национальной диаспорой и при этом показывают достаточно успешную адаптацию к жизни в новой среде. Схожие с россиянами ценностные маркеры, принадлежность к единому культурно-историческому пространству позволяют им органично ощущать себя в регионе пребывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аветян Н. С. Социальное самочувствие армянской диаспоры как основной показатель адаптированности и интегрированности мигрантов в белорусский социум // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права.* 2022. № 1 (59). С. 38 — 44.
2. Агишев Р. Р., Барина О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В., Рункова Е. С. Армяне Мордовии в условиях полиэтничности: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. № 1 (21). 23 с.
3. Армяне / отв. ред.: Л. М. Варданян, Г. Г. Саркисян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. 2-е изд. М.: Наука, 2023. 648 с. (Народы и культуры)
4. Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // *Социологические исследования.* 2013. № 7 (351). С. 34 — 44.
5. Барина О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В. Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа) // *Дискурс.* 2024. Т. 10, № 1. С. 42 — 55.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 440 с.
7. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // *Гуманитарий Юга России.* 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 15 — 26.
8. Галяпина В. Н., Тучина О. Р., Аполлонов И. А. Аккультурация армян в России: роль социальных идентичностей и диаспорной активности // *Central Asia and the Caucasus.* 2021. Т. 24, № 4. С. 117 — 125.

9. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: Общественные науки: электрон. науч. журн.* 2014. № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419>
10. Гужавина Т. А., Айрапетян Э. М. Адаптация мигрантов в принимающем социуме. Кейс армян в Вологодской области // *Научный результат. Социология и управление: сетевой науч. журн.* 2022. Т. 8, № 4. С. 89 — 101. URL: <https://rrsociology.ru/journal/archive/2022/>
11. Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этнические процессы: два подхода к изучению // *Социологические исследования.* 1992. № 1. С. 50 — 57.
12. Дятлов В. И. Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // *21-й ВЕК.* 2007. № 2 (6). С. 60 — 70.
13. Козин В. В., Калачина О. С. Динамика межнациональных отношений в Республике Мордовия: бюллетень Науч. центра социально-экон. мониторинга. Саранск, 2022. № 3 (15). URL: <https://elibrary.ru/wevqkk>
14. Кудрявцева И. К. Армяне в Удмуртии: практики сохранения этнической идентичности в многонациональном регионе // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья.* 2023. Т. 13, № 1. С. 68 — 76.
15. Курмышкина О. Н. Социальное самочувствие армянской, азербайджанской и узбекской диаспор Республики Мордовия // *Российский хороший журнал.* 2019. № 2 (2). С. 82 — 94.
16. Леонтьева О. Б., Мкртчян Л. Г. Армянская диаспора России: современные подходы к изучению // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* 2020. Т. 26, № 4. С. 8 — 14.
17. Лескова И. В., Осадчая Г. И., Петров В. Н. Мигранты армяне в российском социально-территориальном пространстве: теоретико-методологические основания эмпирического исследования // *Мир науки. Социология, филология, культурология.* 2021. Т. 12, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/24scsk221.html>
18. Минасян Э. О роли армянской диаспоры в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Армения: социально-экономические и культурные связи // *Человеческий капитал.* 2020. № 6 (138). С. 29 — 37.
19. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 608 с. URL: <https://www.niign.ru/knigi/narodyi-mordovii.pdf>
20. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX — XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2001. 329 с.
21. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск, 2011. 224 с. URL: <https://niign.ru/knigi/tradicionnaya-kultura-armyan.pdf>
22. Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие // *Уровень жизни населения регионов России.* 2023. Т. 19, № 4. С. 602 — 615.
23. Осадчая Г. И., Погосян Г. А., Лескова И. В., Юдина Т. Н., Киреев Е. Ю. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области // *Мир науки. Социология, филология, культурология.* 2021. Т. 12, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf>
24. Погосян Г. А., Погосян Р. М. Социокультурная идентичность современных армян // *Социологические исследования.* 2023. № 11. С. 121 — 126. URL: <https://ras.jes.su/socis/s013216250028538-4-1>
25. Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван: Гитутюн, 2016. 306 с.
26. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / [Г. Д. Гриценко и др.]; под ред. М. К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. 176 с.

27. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 195 с.
28. Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33 — 42.
29. Ушкин С. Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 191 — 201.
30. Царева Т. В. Армянское сообщество в Москве: история, взаимоотношения, культурные связи // Вестник Российской нации. 2015. № 4 (42). С. 227 — 238.
31. Шевцова А. А., Никонова Л. И. Этноконфессиональная и региональная самоидентификация армян Мордовии // Регионоведение. 2012. № 1. URL: <https://regionsar.ru/en/node/884>

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.

Информация об авторах:

Любовь Николаевна Курышова, директор Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а); доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, kuryshovaln@mail.ru

Елена Сергеевна Рункова, старший научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3529-5939>, runkova_es@mail.ru

Вклад авторов:

Курышова Л. Н. — разработка концепции, сбор материалов и анализ литературы, формулирование выводов, научное редактирование текста;

Рункова Е. С. — разработка концепции, сбор материалов, написание первоначального варианта статьи, анализ результатов исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Avetyan NS. Social Well-Being of the Armenian Diaspora as the Main Indicator of the Adaptation and Integration of Migrants into the Belarusian Society. *Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin. Series D. Economics, Sociology, Law.* 2022;(1):38—44. (In Russ.)
2. Agishev RR, Barinova ON, Kuzina ON, Manaeva IV, Runkova ES. Armenians of Mordovia in Conditions of Polyethnicity. *Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring.* Saransk;2024;(1). (In Russ.)
3. Armenians. Moscow;2023. (In Russ.)
4. Harutyunyan YuV. On Ethnic Diasporas in the Russian Environment. *Sociological Research.* 2013;(7):34—44. (In Russ.)
5. Barinova ON, Kuzina ON, Manaeva IV. Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis). *Discourse.* 2024;10(1):42—55. (In Russ.)
6. Bromley YuV. Essays on the Theory of Ethnos. Moscow;2009. (In Russ.)
7. Volkov YuG, Kurbatov VI. Hybrid Identity: Factors of Formation and Forms of Manifestation. *Humanities of the South of Russia.* 2022;11(2):15—26. (In Russ.)

8. Galyapina VN, Tuchina OR, Apollonov IA. Acculturation of Armenians in Russia: the Role of Social Identities and Diaspora Activity. *Central Asia and the Caucasus. Russian Edition*. 2021;24(4):117—125. (In Russ.)
9. Gritsenko GD. Social Well-Being and Social Adaptation: Correlation of Concepts. *Universum: Social Sciences*. 2014;(6). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (In Russ.)
10. Guzhavina TA, Hayrapetyan EM. Adaptation of Migrants in the Host Society. The Case of Armenians in the Vologda Oblast. *Scientific Result. Sociology and Management*. 2022;8(4):89—101. URL: <https://rrsociology.ru/journal/archive/2022/> (In Russ.)
11. Gumilev LN, Ivanov KP. Ethnic Processes: Two Approaches to the Study. *Sociological Research*. 1992;(1):50—57. (In Russ.)
12. Dyatlov VI. Armenians in Russia: Diaspora Relating Strategies of Integration. *21st Century*. 2007;(2):60—70. (In Russ.)
13. Kozin VV, Kalachina OS. Dynamics of Interethnic Relations in the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring*. Saransk;2022;3(15). URL:<https://elibrary.ru/wevqkk> (In Russ.)
14. Kudryavtseva IK. Armenians in Udmurtia: Practices of Preserving Ethnic Identity in Multinational Region. *Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Ural-Volga Region*. 2023;13(1):68—76. (In Russ.)
15. Kurmyshkina ON. Social Well-Being of the Armenian, Azerbaijani and Uzbek Diasporas of the Republic of Mordovia. *A Good Russian Magazine*. 2019;(2):82—94. (In Russ.)
16. Leontieva OB, Mkrtchyan LG. The Armenian Diaspora in Russia: Contemporary Approaches to Studying. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2020;26(4):8—14. (In Russ.)
17. Leskova IV, Osadchaya GI, Petrov VN. Armenian Migrants in the Russian Socio-Territorial Space: Theoretical and Methodological Foundations of an Empirical Study. *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2021;12(2). URL: <https://sfk-mn.ru/24scsk221.html> (In Russ.)
18. Minasyan E. On the Role of the Armenian Diaspora in Relations Between the Russian Federation and the Republic of Armenia: Socio-Economic and Cultural Relations. *Human Capital*. 2020;(6):30—37. (In Russ.)
19. The Peoples of Mordovia: a Historical and Ethnographic Study. Saransk;2012. URL: <https://www.niign.ru/knigi/narodyi-mordovii.pdf> (In Russ.)
20. National Diasporas in Russia and Abroad in the XIX — XX Centuries. Collection of Articles. Moscow;2001. (In Russ.)
21. Nikonova LI, Shevtsova AA. The Traditional Culture of Armenians in the Multicultural Space of the Republic of Mordovia. Saransk;2011. URL: <https://niign.ru/knigi/tradiczionnaya-kultura-armyan.pdf> (In Russ.)
22. Osadchaya GI, Yudina TN. Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socio-Economic Well-Being. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):602—615. (In Russ.)
23. Osadchaya GI, Pogosyan GA, Leskova IV, Yudina TN, Kireev EYu. Diaspora Phenomenon: Analysis of the Current State Through the Prism of Research in this Area. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2021;12(2). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (In Russ.)
24. Poghosyan GA, Poghosyan RM. Sociocultural Identity of Modern Armenians. *Sociological Research*. 2023;(11):121—126. URL: <https://ras.jes.su/socis/s013216250028538-4-1> (In Russ.)
25. Russian Armenians. Ethnosociological Research. Erevan;2016. (In Russ.)
26. Social Well-Being of the Population in the Context of Reforms: a Regional Aspect. Moscow; Saint Petersburg;2011. (In Russ.)
27. Toshchenko JT, Kharchenko SV. Social Mood. Moscow;1996. (In Russ.)
28. Toshchenko JT, Chapykova TI. Diaspora as an Object of Sociological Research. *Sociological Research*. 1996;(12):33—42. (In Russ.)

29. Ushkin SG. The Host Community and Foreign Migrants: Regional Adaptation Practices. *Management Consulting*. 2019;(12):191—201.

30. Tsareva TV. The Armenian Community in Moscow: History, Relationships, Cultural Ties. *Bulletin of Russian Nation*. 2015;(4):227—238. (In Russ.)

31. Shevtsova AA, Nikonova LI. Ethnoconfessional and Regional Self-Identification of the Armenians of Mordovia. *Regionology — Russian Journal of Regional Studies*. 2012;(1). URL: <https://region-sar.ru/en/node/884>

The article was submitted 14.08.2024, approved after reviewing 16.09.2024, accepted for publication 23.09.2024.

Information about the authors:

Lyubov N. Kuryshova, Director the Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a Chmelnistskogo Str., Saransk 430005, Russia); Associate Professor of Department of General History, Political Science and Area Studies of the National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolchevistskaja Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Sociological Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, kuryshovaln@mail.ru

Elena S. Runkova, Senior Researcher at the Department of Monitoring Legal Processes at the Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a Chmelnistskogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3529-5939>, runkova_es@mail.ru

Contribution of the authors:

Kuryshova L. N. — concept development, collection of materials and literature analysis, formulation of conclusions, scientific text editing;

Runkova E. S. — concept development, collection of materials, writing the initial version of the article, editing the article, analysis of the research results.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 975.174.2
EDN XEWANM

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

БАЛТИЙСКИЙ СЛЕД В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ МЕЩЁРЫ

А. П. Гаврилов^{1, 2}, А. С. Семёнов³✉

¹ Российская Академия естествознания,

г. Москва, Россия

² Музейный историко-культурный комплекс

Шиловского муниципального района Рязанской области,

рп Шилово, Россия

³ Проект «ДНК-история России»,

г. Москва, Россия

✉ semyonov1980@mail.ru

Аннотация

Введение. Изучение рязано-окской культуры осуществляется более 100 лет. Ее основной ареал — Средняя Ока, с тенденцией к доминированию в Волго-Окском междуречье с начальных веков нашей эры до середины VII столетия. Эта работа продолжает исследования авторов и ставит вопросы о возможных связях мордовского и русского мешчерского населения в пределах Республики Мордовия, Рязанской и Московской областей с населением Восточной Балтии.

Материалы и методы. Настоящая работа — одна из первых по изучению ДНК рязано-окцев и их потомков в контексте миграционных и этнических процессов. Авторский коллектив ставит перед собой задачу поиска механизма применения ДНК-исследований в археологии и корреляции этнических процессов указанного отрезка истории нашей страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ ДНК современного мордовского и русского мешчерского населения позволил выявить ветвь R1a-CTS3402-YP237, связывающую эту популяцию с ареалом племен Восточной Балтии начала нашей эры. Проведенная работа показала, что хотя между такими понятиями, как *галлогруппа-этнос*, *языковая группа* или *археологическая культура*, нет и не может быть знака равенства, выявление прямых отцовских линий позволяет коррелировать их в контексте археологического материала, а также устанавливать сегодня потомков носителей археологических культур. Это помогает по-новому взглянуть на миграционные процессы на территории центральной России и историю складывания ее народов.

Заключение. Первое исследование показывает возможность связей древнего населения Восточной Балтии с шокшанской группой мордовского населения и жителей Подмосковной и Рязанской Мещёры, включая группу куршаков. Можно предположить более значительную роль автохтонного населения Среднего Поочья I тыс. н. э. в сложении его современного населения.

Ключевые слова: ДНК, Y-гаплогруппа, культура рязано-окских могильников, Шилово, готы, древние захоронения, угро-финны, праславяне, балты, мешчѐра

Благодарности: проект «ДНК-история России» благодарит проект «Сердце Мещёры» и персонально А. Артюхина и Ю. Белоусова за решающий вклад в финансирование программы исследований, а также В. Савранского, К. и О. Неверовых, В. Крупнова, Н. Макогонову, К. Сметанина, М. Воинова, А. Молокову, С. Ковалеву, А. Симонову, М. Комову, А. Шереметьеву, О. Мокрушину, Е. Олейникову, Н. Липатникову, О. Тиняева, Г. Цветкова за содействие и поддержку в процессе осуществления исследования. Также благодарим всех представителей родов, прошедших ДНК-тесты и разрешивших опубликовать свои данные.

© Гаврилов А. П., Семёнов А. С., 2024

Для цитирования: Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Балтийский след в формировании населения Мещёры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 163 — 180. EDN XEWANM

Original article

THE BALTIC TRAIL IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF MESHCHERA

A. P. Gavrilo^{1, 2}, A. S. Semenov³✉

¹ Russian Academy of Natural Sciences,
Moscow, Russia

² Museum historical and cultural complex
of the Shilovsky municipal district of the Ryazan region,
Shilovo, Russia

³ Project “DNA History of Russia”
Moscow, Russia

✉semyonov1980@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of Ryazan-Oka culture has been going on for more than 100 years. Its main range is the Middle Oka, with a significant tendency to dominate in the Volga-Oka interfluvium since the early centuries AD. Until the middle of the VII century. This work continues the authors' research and raises questions about possible connections between the Mordovian and Russian Meshchera population within the Republic of Mordovia, Ryazan and Moscow regions with the population of the Eastern Baltic.

Materials and methods. This work is one of the first to study the DNA of the Ryazan-Oka people and their descendants in the context of migration and ethnic processes. The team of authors sets itself the task of finding a mechanism for using DNA research in archaeological culture and correlating ethnic processes in this period of the history of our country.

Research results and discussion. DNA analysis of the modern Mordovian and Russian Meshchera population made it possible to identify the branch R1a-CTS3402-YP237, connecting this population with the area of the Eastern Baltic tribes at the beginning of our era. The work carried out showed that although there is and cannot be an equal sign between such concepts as a haplogroup-ethnic group, a linguistic group or an archaeological culture, at the same time, identifying direct paternal lines makes it possible to correlate them in the context of archaeological material, as well as to identify the descendants of archaeological cultures today, which allows us to take a new look at migration processes in the territory of central Russia and the history of the formation of its peoples.

Conclusion. The first study conducted shows the possibility of connections between the ancient population of the Eastern Baltic and the Shokshan group of the Mordovian population and the inhabitants of the Moscow Region and Ryazan Meshchera, including the group of Kurshaks. This suggests a more significant role for the autochthonous population of the Middle Oka in the first millennium AD. in the composition of its modern population.

Keywords: DNA, Y-haplogroup, culture of Ryazan-Oka burial grounds, Shilovo, Goths, ancient burials, Finno-Ugric, Proto-Slavs, Balts, Meshchera

Acknowledgments: the “DNA History of Russia” project thanks the “Heart of Meshchera” project and personally A. Artyukhin and Y. Belousov for their crucial contribution to financing the research program, as well as V. Savransky, K. and O. Neverova, V. Krupnov, N. Makogonova, K. Smetanin, M. Voinov, A. Molokova, S. Kovaleva, A. Simonov, M. Komova, A. Sheremetyeva, O. Mokrushina, E. Oleinikova, N. Lipatnikova, O. Tinyaev, G. Tsvetkov for assistance and support during the research process. We also thank all representatives of the families who underwent DNA tests and allowed their data to be published.

For citation: Gavrilov AP, Semenov AS. The Baltic Trail in the Formation of the Population of Meshchera. Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2024;16(4):163—180. EDN XEWANM

Введение

На территории Волго-Окского междуречья несомненный интерес для изучения представляет археологическая культура рязано-окских могильников в период Великого переселения народов и раннего средневековья.

В первые века нашей эры по границе леса и степи в Восточной Европе сложился ряд археологических культур, с той или иной долей вероятности родственных культурам Балтии. В этих же условиях складывалась рязано-окская культура, что делает важным выявление «балтийского следа» на территории ее распространения. Такие попытки осуществлялись при изучении лексики и топонимики среднеокского бассейна. В данной статье предпринята попытка исследовать данный факт с точки зрения ДНК-методов. Особый интерес для сравнения представляет, по нашему мнению, мощинская культура Верхней Оки, находившаяся в непосредственном контакте с интересующей нас территорией.

Обзор литературы

Данная статья представляет собой продолжение нашей работы по ДНК-анализу захоронения могильника Ундрих из раскопок А. Н. Гаврилова 1983 г. Могильник Ундрих расположен у с. Борок на территории современного Шиловского района Рязанской области и входит в центральную «элитную» группу памятников рязано-окской культуры с IV по VII в. н. э. [5]. Основные данные по мощинской культуре на Оке систематизированы в статье В. И. Кулакова [8]. Новым фактом в пользу начала исследования стала гипотеза северо-западных параллелей антропологии вождя из захоронения Ундрих-90, выявленных на базе сходства с ярославскими кривичами [11]. Основой сравнительных баз материалов стали исследования по современникам с корнями из с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия, Шиловского района Рязанской области (вблизи от рязано-окского «центра власти» и источника палеообразцов ДНК рязано-окской культуры), Спас-Клепиковского района Рязанской области и Шатурского района Московской области (земли исторической Мещёры), Судогодского района Владимирской области.

Материалы и методы

В силу комплексного подхода используются археологические данные и собранные нами данные ДНК древних захоронений и современников. На базе ДНК-исследований рязано-окцев и их потомков изучаются этнические и миграционные процессы в их среде.

Результаты исследования и их обсуждение

Рязано-окская культура возникла под влиянием миграции на территорию Почья сарматского населения, представленного андреевско-писеральскими могильниками. Захороненные в рязано-окских могильниках индивидуумы являлись членами крупной дружинной корпорации раннего средневековья на разных этапах ее развития, созданной переселенцами и автохтонами, входившими в сарматский культурный круг. Память о сарматских протогосударственных образованиях и подобных им структурах, вероятно, сохранялась у различных народов центра и

востока Европы (о таких квазигосударственных образованиях идет речь в трудах М. М. Казанского [7 и др.]).

Нельзя забывать, что городецкое автохтонное население Среднего Поочья занимало ту же территорию, что и предшествовавшее им фатьяновско-балановское население эпохи бронзы, прошедшее сквозь Рязанщину в районы Сурско-Свияжского междуречья, где, по существу, происходило формирование андреевско-писеральской культуры.

В формировании рязано-окской культуры приняли участие две волны мигрантов из Восточной Европы, пришедших после готского импульса [3]. Наиболее показательно это в материалах рязано-окской культуры на примерах черняховских вещей [2], а также вещей круга варварских эмалей [1]. Этот импульс нашел продолжение в смещении переселенцев на восток.

Принято считать, что из региона Балтии мигрировали создатели и представители мощинской культуры Поочья [8], не исключено, что и более поздние носители крестовидных фибул также принадлежали к балтийскому или готскому миру [10]. Миграции — разные, поскольку передвижение носителей крестовидных фибул шло позже и носило элитный характер.

Область распространения крестовидных фибул маркирует рязано-окскую культуру. При этом ДНК-данные носителей фибул из ям 31, 33 и 90 могильника Ундрих свидетельствуют о том, что они принадлежат к одному разветвленному роду или клану. Это позволяет предположить, что в рязано-окской среде данное украшение было кастовым — элиты общества.

В последнее время ареал находок крестовидных фибул просматривается и западнее — в Подмосковье, Твери, Мологе (некоторые фибулы имели меньший размер и могли использоваться как женские украшения). Не так давно нам стало известно о находке под Подольском (рис. 1). Ростов Великий и Старая Русса указаны как

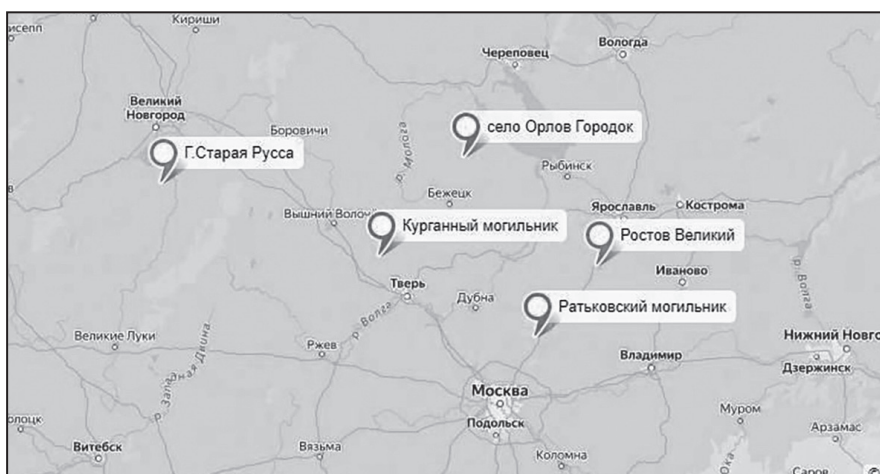

Рис. 1. Находки крестовидных фибул и их дериватов рязанского типа к западу от основной области распространения

Figure 1. Finds of cross-shaped fibulae and their derivatives of the Ryazan type to the west of the main distribution area

центры власти, о которых имеются старинные легенды (о периоде до 850-х гг.) и где нами ожидаются находки фибул.

Эти наблюдения важны тем, что показывают соприкосновение и, возможно, союз между рязано-окцами и племенами кривичей, а также указывают на вероятное участие рязано-окцев в сложении более поздних кривичей. Взаимовлияние между рязано-окцами и восточными кривичами подтверждается и археологически. Например, они описаны в работе С. В. Воронятова [4].

По мнению В. В. Седова, племена с берегов Балтики могли сыграть существенную роль в формировании рязано-окской традиции, в том числе из-за того, что рязано-окская культура инкорпорировала в себя финальный этап приокской мощинской культуры [12], хотя есть и другие версии.

Контактной зоной балтославянского и финно-угорского мира, вероятно, выступала Подмосковная и Рязанская Мещёра. Согласно нашей статье со ссылкой на А. Н. Фролова [13], жители с. Пустоши Судогодского уезда (ныне в районе станции Черусти, Шатурский район) еще в начале XX в. говорили, что последние «искренне русские» (читай — славяне) в этих краях именно они — судогодцы, а дальше к югу живет одна «литва». Данное слово далеко не всегда означало в указанном регионе этнических балтов и их потомков. Для Судогодского и Муромского уездов сохранились прямые свидетельства, что в ряде случаев «литва» и «мордва» выступали как синонимы [5; 6; 15]. Именно в Рязанской и Подмосковной Мещёре известно сообщество куршаков, имеющее отдельную самоидентификацию с неясным происхождением. Происхождение их от балтийского племени *куршей* наукой не отрицается. В Восточном Подмосковье известно наименование куршаков *мордвой*.

Заслуживает внимания наличие, вероятно балтского по форме, топонима *Гжель* в западной мещёрской зоне, а также топонимов на *-ур* (имеющих аналоги в Прибалтике) в Восточном Подмосковье, неподалеку от знаменитого мещёрского Пустошинского могильника. Также не исключено, что сама древняя форма топонима *Мещёра* (*Miscaris*), зафиксированная у Иордана, восходит к литовскому *Miskai* («лес») с суффиксом *-ar* (этимологически близкому *-ур*). Известна древняя форма названия современного поселка Мишеронский — *Мишур*, что может быть аналогом *Miscaris*. Корень *Miskai* состоит в дальнем родстве с русским словом *межа*, и тем самым отстаиваемая подмосковными краеведческими сообществами версия о балтославянском происхождении топонима *Мещёра* может позиционироваться как научная гипотеза. Село Гжель находится в 150 — 200 км от мест проживания голяди и упомянутой в летописях «Литвы на Протве».

Для обсуждения вопроса о балтийских связях рязано-окцев вначале рассмотрим комплекс захоронений Ундрих. Нами выделен властный клан — Ундрих-31, Ундрих-33, Ундрих-90, причем все трое были носители гаплогруппы N1a, и как для Ундрих-90, так и для Ундрих-33 были характерны крестовидные фибулы. Гаплотипы Ундрих-31 и Ундрих-33 имеют значительную вероятность быть отнесенными к южнобалтийской ветви VL29. Использование современного программного комплекса <http://predictor.ddns.net/> для Ундрих-90 выдает редкую ветвь ветвь Y18421 — Y19110, которая характерна для Центра и Северо-Запада РФ, а также Финляндии, Швеции, Белоруссии, Литвы. Заслуживает внимания упоминание о наличии данной

ветви у татар. Эпицентр распространения указанной ветви также смещен к Прибалтике и Северо-Западу РФ, что не меняет картину.

Антропологический анализ Ундрих-90 [10] показал близость к более поздним ярославским кривичам — предкам нынешних обитателей Центра России (рис. 2). Анализ митохондриальной ДНК показал наличие гаплогруппы K1c1 при линейке мутаций 73G, 146C, 152C, 263G, 533G, 750G, 1189C, 1438G, 1811G, 2706G, 3480G, 4769G, 7028T, 8473C, 9055A, 9093G, 9698C, 10398G, 10550G, 11299C, 11377A, 11467G, 11719A, 12308G, 12372A, 14167T, 14766T, 14798C, 15326G, 16172C, 16224C, 16311C, 16519C. Митохондриальная группа K1c встречается в различных древних захоронениях Европы. Знаковыми параллелями являются находки K1c в фатьяновской культуре (Тимофеевка, Ивановская область, середина III тыс. до н. э.), и в бронзовом

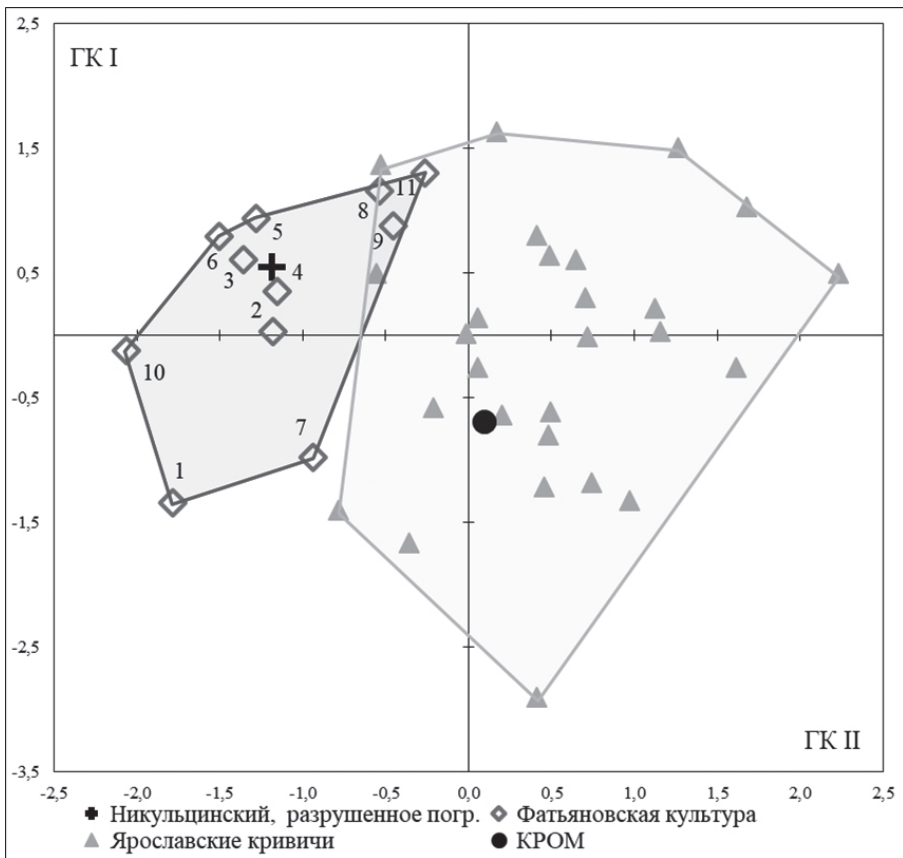

Рис. 2. Ундрих-90 на фоне других древних популяций Центра России (источник: Солодовников К. Н., Семёнов А. С. Краниологическая находка на площади Никольдинского могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы в Ярославской области // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 3. С. 95 — 112)

Figure 2. Undrich-90 against the background of other ancient populations of the Center of Russia (source: Solodovnikov K. N., Semenov A. S. A craniological find on the area of the Nikultinsky burial ground of the Fatyanovo culture of the Bronze Age in the Yaroslavl region // Theory and practice of archaeological research. 2023. Vol. 35, № 3. P. 95 — 112)

веке Эстонии (Joelachtme, Harju, 1200 — 1100 гг. до н. э.), Швеции эпохи викингов (захоронение Karda, X — XI вв. н. э.), вельбарской культуре (захоронение Masłomęcz, 200 — 400 н. э., польское Полесье). В захоронении Masłomęcz имеется и носитель гаплогруппы N1a-L1026, что позволяет проводить параллели между индивидуумами Masłomęcz и индивидуумом могильника Ундрих-90. Схожесть и возможная связность на то время Полесского (где расположен Masłomęcz, недалеко от ареала ятвягов) и Мещёрского ландшафтов позволяют выдвинуть гипотезы о миграциях в обоих направлениях.

По мнению ряда исследователей, наиболее прямыми продолжателями рязано-окцев, выступают носители Шокшинского могильника. Проживающие неподалеку от памятника шокшане — носители особой шокшинской идентичности внутри эрзянского народа. Хотя ведутся научные споры, являются ли шокша отдельным мордовским субэтносом, отметим, что в интервьюированных семьях, поддержавших данное исследование, шокшинская идентичность фиксируется как отдельная. Также можно провести некоторые аналогии между самоидентификацией шокши и самоидентификацией куршаков, живущих западнее, близ пос. Тума Рязанской области. Интересно, что Рязанщина характеризуется высокой степенью самоидентификации микросообществ: некоторые жители с. Мелехово Чучковского района называют себя Мельховой — группой, отличной от других русских и мордвы. Там же, под Мелехово, сохранился топоним *Пичкеморье*, связанный по преданию с древним «Бабым царством», где жили девы-воительницы: «Пичкеморье это место такой, раньше может страна целая была. Да где-то как на Мунор, в ту сторону. У нас туда бабы раньше ходили за лекарствами.

Три брата были разбойника Терех, Мелех и Иняка, от них пошли три села.

Есть Русские и есть Мордва, а мы Мельхова особый народ»¹.

В районе Мелехово — Терехово — Инякино присутствует множество предположительно балтских топонимов (*Мильчус*, *Свинчус*, *Лубонос*, *Мунор*, *Тынор*), а сами именованья *Мельхова*, *Мелехово* видятся однокоренными с *Мильчус*. С учетом близости рязано-окских могильников версия о взаимосвязи предков Мельховы и Балтийского региона представляется обоснованной. В нашей работе представлены ДНК-данные одного представителя мельховского сообщества.

Высокая степень обособленной самоидентификации характерна и для *цуканов*, или *церьукан*, Шиловского района — их цокающий говор в наши дни уже отделен от северорусского и считается реликтовым говором русской мещёры. Такой же говор есть в с. Юшта, откуда тоже имеются ДНК-данные. Причем последние показали наличие ветвей, роднящих местное население с Балтийским регионом.

Особо следует сказать о Шокшинском могильнике. На территории Волго-Окского междуречья раскопаны 97 могильников, исследовано около 6 тыс. погребальных комплексов, датирующихся I — XV вв. и относящихся к народам, в определенный период своей истории говорившим на финно-угорских языках. Пятая часть погребений приходится на Шокшинский могильник, где за 15 лет археологических работ раскопаны 1 143 захоронения. Шокшинский могильник (он же По-

¹ Информатор: Пивоварова Анна Дмитриевна, 1920 г. р., с. Мелехово Чучковского района Рязанской области, запись 2001 г.

лярная Звезда, Куликовский) расположен на мысу правого берега Шокши (правый приток Мокши) в Теньгушевском районе Республики Мордовия. Он был открыт в 1960-е гг. Тогда же в течение трех лет экспедиция Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва под руководством А. В. Циркина выполнила раскопки первых 243 погребений. Основная часть материалов, введенных в научный оборот, — результат полевых изысканий Шокшинского могильника экспедицией Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) под руководством Виктора Николаевича Шитова. В 1983 — 1995 гг. были раскопаны 900 погребений на площади 3 472 м² [14 и др.].

По этой причине до сих пор нет однозначной историко-культурной оценки памятника, который одни ученые на раннем этапе (V — VII вв.) относили к рязано-окским древностям, на позднем (VIII — XI вв.) — к мордовским (А. В. Циркин), другие — к муромо-мордовским (Л. А. Голубева). В. Н. Шитов и вслед за ним современные археологи (И. В. Белоцерковская, И. Р. Ахмедов) считают его рязано-окским могильником. Место могильника не определено и в кругу древностей Правобережья Волги, как в контексте финно-угорского мира в целом, так и в вопросах соотношения с муромской и мордовской культурами. В силу того, что часть украшений женского костюма (нагрудные бляхи, сьюлгамы, гривны, шумящие привески, браслеты и др.) характерна для большинства народов Поволжья (мордвы, муромы, мери, марийцев), материалы Шокшинского могильника могут стать опорными для всех финно-угорских древностей и значительно укрепят существующие системы хронологий.

Вполне очевидно, что по преемственности ряда женских украшений — нагрудных блях с крышечкой, ажурных застежек и тех же крестовидных фибул VII — VIII вв. — мурома и население, оставившее Шокшинский могильник, происходят от отдельных рязано-окских анклавов, переселившихся в VI — VII вв. в новые места. Впрочем границы даже первоначального расселения рязано-окской экспансии первых веков нашей эры достигли Суздальского Ополя. А связь рязано-окских и марийских древностей превращает регион муромы во внутреннее пространство влияния рязано-окской культуры. Данные по шокшинским родам также присутствуют в нашей работе.

Не исключено что в контексте рязано-окских и муромских связей населения могильника возникает вопрос о его возможной преемственности с более древней мощинской культурой, которая стала одним из основных субстратов культуры рязано-окских могильников. Этот вопрос важен и для понимания истории более западных по отношению к Мордовии земель, а именно Подмосковной Мещёры и Москворечья, поскольку местная дяковская культура («культура московорецких городищ») на позднем этапе характеризуется доминированием влияния балтских языков, что нашло отражение и в топонимике. Не исключено, что массовое переселение народов Юго-Восточной Прибалтики происходило и во времена распада готской империи Германариха и формирования на западе от рязано-окской территории кривичской культуры длинных курганов (антропология Ундрих-90 взаимосвязи подтверждает).

Выделенные гипотезы о взаимосвязях допускают комплекс работ по проверке через изучение ДНК. Для изучения более тесных взаимосвязей использовались

ДНК-данные, полученные от семей шокшинского происхождения, а также от жителей Рязанской и Подмосковной Мещёры, любезно предоставивших свои ДНК-данные для исследования. Все собранные нами данные именованные, с привязкой к наиболее ранним известным документальным корням. Оценки ветвей проводились с использованием программы *neugen.org* и базы проекта «ДНК-история России».

Поскольку для древних захоронений Балтии была характерна кремация, и получение крупных выборок проблематично, в качестве референсного материала был взят усеченный гаплогруппа Do-367 из элитного захоронения V — VI вв. Dollkeim-Коврово (ныне — Калининградская область). Работа предиктора *neugen.org* показала гаплогруппу R1a, причем при указании базового снипа Z283 наиболее вероятным выступает CTS1211. При выборе базового снипа CTS1211 наиболее вероятными становятся субклад CTS3402 и его подветвь YP295 с родительской ветвью YP237 (табл. 1).

Таблица 1. Носители Y-гаплогруппы R1a из Dollkeim-Коврово и из могильника Ундрих

Table 1. Carriers of Y-haplogroup R1a from Dollkeim-Kovrovo and from the Undrich burial ground

Могильник, погребение	DYS393	DYS390	DYS439	DYS389i	DYS389ii	DYS458	DYS460	DYS456	DYS576	DYS570	Наиболее вероятный субклад
Do-367	13	25				15	11	15	18	18	R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237) [12]
Ундрих ПГ 50				13		16	10		20		R1a-CTS3402-Y2613 [12]

В ходе изучения большого количества семей из Рязанской области и Мордовии (табл. 2, 3, 4) мы выбрали для сравнения тех носителей тех ветвей R1a, которые не входят в список ветвей, получивших максимальное распространение в ходе «древнерусского» (X — XII вв.) расселения славян (R1a-M458, R1a-Z92-YP569, R1a-Y2902). Маркеры ветви Y2613 встретились в рязано-окской культуре в явном виде, а другие ветви из нижеперечисленных также могли распространяться по территории Рязанщины и Мордовии до основной волны расселения славян в древнерусскую эпоху. Наличие этих линий у татар и шокши говорит в пользу данного предположения, поскольку древнее население Мещёры и Поочья влилось в состав всех трех групп (русские, шокша и эрзяне, кадомские татары). В выборку были включены и гаплогруппы семей Ухаботовых и Епифановых, происходящих из с. Курша. Первые с 1934 г., после раскулачивания, поселились в Подмосковной Мещёре (пос. Мишеронский). Вторые происходят из д. Малахово. Также включена выборка семей с Y-гаплогруппой N1a, для которой с высокой вероятностью предсказываются субклады N1a-VL29 (южнобалтийский) и N1a-Y18421, причем первый предсказывается и для элитных захоронений комплекса Ундрих. Для самих Спас-Клепиков не так давно было обнаружено древнее название Явинтис.

Таблица 2. Семьи с вероятным рязано-окским и мешёрским происхождением (гаплогруппа R1a)
Table 2. Families with probable Ryzan-Oka and Meshchera origin (haplogroup R1a)

Семья	Оценка гаплогруппы и ветвь	Корни семьи (Шилловский район, Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																	
			393	390	19	391	385 a	385 b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	576	438	635
Белянушкины	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237	Потомки шокшан, г. Саранск	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	23	14	20	33	16	18	11	24
Кабаевы	R1a-CTS1211-YP340	Село Шокоша, Теньгушевский район, Мордовия	14	25	15	10	11	14	11	13	11	31	24	14	20	32	17	17	11	23
Косицаны	R1a-CTS1211-YP340	Район Шилово — Инякино — Тырново	13	25	15	10	11	15	12	13	16	29	24	14	20	30	17	16	10	23
Липаткины	R1a-CTS1211-YP340	Поселок городского типа Шилово	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30		14			18	18	11	23
Махмутовы	R1a-CTS1211-CTS3402-YP2613	Кадомские татары	13	25	16	10	11	14	10	13	11	31	24	14	20	32	16	20	12	23
Захаркины*	R1a-CTS1211-CTS3402-YP2613	Село Борок	13	24	16	10	10	14	11	13	11	30	24	14	19	32	15	19	11	23
Хавронины	R1a-Z92-YP270	Село Лубонос	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	24	14	20	34	16	18	11	23
Пушкины	R1a-Z92-YP270	Село Тырново	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	24	14	19	32	16	18	11	23
Ухаботовы	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237-L366	Потомки куршаков, с. Курша, Клепиковский район, Рязанская область	13	24	15	11	11	14	14	13	10	32	23	15	20	31	15	17	11	23
Елифановы	R1a-M458-L1029	Потомки куршаков, д. Малахово, Клепиковский район, Рязанская область	13	25	17	10	11	13	12	13	11	29	24	14	20	33	18	20	13	23
Гришанковы	R1a-Z280-CTS1211-YP1034	Потомки куршаков, д. Култуки, Клепиковский район, Рязанская область	13	24	15	10	11	14	10	14	11	30	25	14	20	32	16	19	11	23

* В табл. 2 и 4 даны гаплогруппы двух разных представителей рода Захаркиных.

Примечание.

В контексте сравнения с древнебалтским захоронением важны гаплотипы гаплогруппы R1a. Описанные гаплотипы кластеризуются в 4 семьи.

Кабаевы-Косицыны-Липаткины (R1a-CTS1211-YP340): данная ветвь может считаться коренной для описанного региона, поскольку встречается и у русских и у шокши. Аналоги известны в Восточной Европе — Белоруссия, Польша, Германия, что не противоречит версии о миграции с Балтики в раннем средневековье.

Хавронины-Пушкины (R1a-Z92-YP270): две данные семьи, скорее всего, родственные на уровне средневековья (3 маркера различаются), относятся к ветви R1a-Z92-YP270, имеющей своих представителей как на Балтике, так и в Поочье. К окским представителям ветви относятся предки известного ученого, доктора исторических наук В. И. Кулакова (родом из Козельского уезда). Вероятнее всего, что Хавронины-Пушкины принадлежат к тому же переселенческому потоку из Южной Прибалтики, что привел к формированию подмосковной голяди (о которой написано в статье В. И. Кулакова «Козельск») и, что вероятно, части населения, оставившего Пустошинский могильник на востоке Подмосквья.

Махмутовы-Захаркины (R1a-CTS1211-CTS3402-Y2613): данная ветвь, безусловно, является коренной для Мещёры, в ходе исследования среди ее представителей встретились как коренные русские жители Шиловского района, так и представители кадомских татар. При этом маркеры, выделяющие данную ветвь, были зафиксированы и в могильнике Ундрих (погребение 50). Как и у ветви Кабаевых-Косицыных, ближайшие соседи проживают в Восточной Европе.

Белянушкины-Ухаботовы (R1a-CTS1211-CTS3402-YP237): данная ветвь носит название балтийской, и гаплотип этой семьи демонстрирует наибольшую близость к гаплотипу индивидуума из могильника Dollkeim-Коврово. Вероятнее всего, именно данная семья с большей достоверностью восходит к западным балтам в силу отнесения субклада к той же ветви YP237, что и воин V — VI вв. из могильника Dollkeim-Коврово. *Очень важно, что в этой ветви одновременно представлены потомки шокши и куршаков.*

Семья **Епифановых** относится к R1a-L1029, характерной для всех восточнославянских народов. Однако гаплотип Епифановых весьма удален от «усредненного варианта» и сближается с локальными вариантами Ярославской области, местами жизни кривичей и мери.

В выборке «длинных» гаплотипов к потомкам рязано-окцев с наибольшей вероятностью может быть отнесена только семья Захаркиных. Все остальные семьи демонстрируют ветви, типичные для потомков «древнерусского» расселения. Гаплотип Даныщиковых, несмотря на отнесение к R1a-Z29-YP569, показывает нетипичное начало 14-24-16, наводящее на мысль об обособленности данного рода от основной массы родов YP569, имеющих префикс 13-25-15. Возможно, речь идет о ранней миграции.

Вышеописанные ветви R1a были не так давно найдены в средневековых захоронениях. Два ископаемых образца из субклада YP270 были выявлены в ходе масштабного исследования «Population genomics of the Viking world». Один — в польском захоронении X в. близ г. Бодзя, другой — на острове Готланд. Известны еще два образца, принадлежащих к вышестоящему к YP237 по филогении субкладу YP234, которые также были выявлены в том регионе. Оба — воины с балтийского острова Сааремаа, жившие в VIII — IX вв., земле с основным языком финно-угорским.

Таблица 3. Семьи с вероятным рязано-окским происхождением (гаплогруппа N1a)

Table 3. Families with probable Ruzan-Oka origin (haplogroup N1a)

Семья	Оценка гаплогруппы и ветвь	Корни семей (Шиловский район Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																		
			393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	576	438	635	
Ильяхины	N1a-L1026	Село Борок	14	23	14	10	12	13	13	11	14	14	30	25	14	19	29	14	17	10	22
Балонины	N1a-L1026	Село Борок	14	23	14	10	12	13	13	11	14	14	30	24	14	19	30	14	17	10	23
Семеновы	N1a-L1026	Деревня Каменицы Сулогодский район, Владимирская область	14	23	14	10	12	13	13	10	13	14	29	25	14	19	30	14	16	10	22
Прохновы	N1a-L1026	Село Давыдово Клепиковский район, Рязанская область (близ Тумы)	14	23	14	10	12	13	13	11	13	14	29	23	14	19	29	14	16	12	23
Кротовы	N1a-L1026	Село Кривандино, Шатурский район, Московская область, более ранние — д. Петряиха	14	23	14	11	11	13	13	11	14	14	30	26	14	19	29	14	19	10	22
Ундрих-31	N1a-VL29		13				11			10	14				14			14			
Ундрих-90*	N1a-VL29		14	23	14	11	11	13	13	10	13	14	29	25	14	19	30	14	16	10	23

* В таблицу включены данные уточнения 2024 г., организованного проектом «ДНК-история России» по договору с ООО «ДНК-Наследие» № ДНК-Ла/02-22 от 1 февраля 2022 г., ТЗ № 9 от 11 сентября 2024 г.

Таблица 4. Семьи с вероятным рязано-окским и мещёрским происхождением (гаплогруппа R1a, длинные гаплотипы, FTDNA)
 Table 4. Families with probable Ruzan-Oka and Meshchera origin (haplogroup R1a, long haplotypes, FTDNA)

Семья, корни (Шилловский район, Рязанская область)	Наименование и аллель STR-локусов															
	393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	458	437	448			
Захаркины, с. Борок, R1a-CTS3402-Y2613	13	24	16	10	10	14	10	13	11	30	16	14	19			
Даньшиковы, с. Юшта, R1a-Z92-YP569	14	24	16	10	12	16	10	13	11	30	15	14	21			
Do-367, R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237)	13	25									15					
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402								13			16					

Семья, корни (Шилловский район, Рязанская область)	Наименование и аллель STR-локусов															
	449	460	H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1a	F387S1b		
Захаркины, с. Борок, R1a-CTS3402-Y2613	32	10	12	15	19	18	11	22	12	23	17	45	37	37		
Даньшиковы, с. Юшта, R1a-Z92-YP569	31	11	11	19	18	19	11	23	12	23	17	42	33	38		
Do-367, R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237)	11			15	18	18										
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402	10				20											

Полученная выборка результатов наряду с результатом краниологического изменения параметров индивидуума из захоронения Ундрих-90, отсылающего к более поздним ярославским кривичам, заставляет по-новому взглянуть и на ДНК-данные XIII в. из захоронения в г. Ярославле (табл. 5), которое датируется 1238 г. и в котором, по мнению исследователей, находились люди, погибшие в городе монголов [9].

Таблица 5. Данные по захоронению 1238 г. в г. Ярославле

Table 5. Data on the burial of 1238 in Yaroslavl

Номер индивида	Возраст, лет	Определенный субклад	Аналоги
1	30 — 35	R1a-Z92-YP270	Семьи Пушкиных-Хаврониных
2	25 — 29	R1a-M458-L1029	Епифановы (куршаки)
8	17 — 19	R1a-CTS3402-Y2613	Русские Мещёры (Захаркины), кадомские татары (Махмутовы). Вероятно, присутствие и в культуре рязано-окских могильников (Ундрих, погребение 50)
14	Ребенок	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237 (и дочерний YP238)	Белянушкины (шокша), Ухаботовы (куршаки)

Данные из захоронения г. Ярославля 1238 г. показывают, что отдельные индивидуумы могут иметь корни, связанные с обособленными группами. Среди предков индивидуумов из г. Ярославля могут находиться и те, кто входил в мерянский племенной союз, так как среди предков мери могли быть и носители культуры рязано-окских могильников, а следовательно, и ее балтского субстрата. Иордан в «Гетике» упоминает не только *Mordens*, но и *Merens* в качестве отдельного племени.

Заслуживают особенного рассмотрения также роды носителей гаплогруппы I2a (табл. 6). Обычно она ассоциируется со славянской миграцией XI — XII вв., и частое обнаружение ее во Владимирской и Рязанской Мещёре приписывалось этой миграции.

В нашей базе есть данные по родам Барсковых и Чугуновых. Однако выявление ее у вероятного представителя «Мельховы», а также обнаружение ее представителей у «русской мещёры» (анонимны) позволяет ставить вопрос о привнесении ее более ранней миграцией. Поскольку гаплотип рода Кондрашовых демонстрирует близость к другим гаплотипам региона, а также к обособленным гаплотипам Польши и Померании, то связь предков «Мельховы» с Балтийским регионом кажется более вероятной. Учитывая обилие обособленного топонимического гнезда, мы склонны поддержать гипотезу об обособленности сообщества «Мельховы».

Таблица 6. Семьи с вероятным мешёрским происхождением (галлогруппа I2a)
Table 6. Families with probable Meschera origin (haplogroup I2a)

Семья	Оценка галлогруппы и ветвь	Корни семьи (Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																	
			393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	576	438	635
Кондрашовы	I2a-CTS10228	Село Мелехово, Чучковский район, потомки «Мельховы»	13	24	16	10	14	14	13	14	11	32	25	15	20	31	15	17	10	22
Чугуновы	I2a-CTS10228	Село Чермные, Кадомский район	13	24	16	10	14	15	13	13	11	31	26	14	20	31	15	18	10	23
Барсковы*	I2a-CTS10228	Филиппка, крестьянин д. Степачево, Судогодский Стан, родился около 1580 г.	13	24	16	10	14	15	13	13	11	31	25	15	20	30	15	18	10	22

* Семья, в которую входили мишеронские и судогодские мастера-стеклоделы («фараоны»), а также художник, писатель, исследователь Валентин Дмитриевич Барсков и краевед, писатель, ученый Дмитрий Павлович Барсков.

Заключение

Таким образом, первые данные, собранные по представителям шокши и жителей Рязанской Мещёры показывают, что, вероятнее всего, среди современных жителей данного региона есть родовые линии, которые могут быть связаны с Балтийским регионом. Также данные показывают, что отдельные линии жителей могут восходить к рязано-окцам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 128 — 152.
2. Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / отв. ред.: Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М., 2012. С. 27 — 37. (Труды Гос. Ист. музея; вып. 191)
3. Воронцов А. М., Столяров Е. В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 51 — 74.
4. Воронятов С. В. Рязано-окский комплекс культуры длинных курганов // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: сб. ст. памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 126 — 132.
5. Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Генетические исследования материалов из раскопок рязано-окских могильника Ундрих 1983 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 139 — 165. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st10.pdf>
6. Гаврилов А. П., Семенов А. С. Ундрих: рязано-окский импульс формирования Руси. СПб.: Алетей, 2023. 198 с.
7. Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17 — 130.
8. Кулаков В. И. Козельский микрорегион в 1 — 7 вв. н. э. Ранняя миграция западных балтов // *Slavia Antiqua*. 2002. Т. XLIII. S. 9 — 33.
9. Мустафин Х. Х., Энгватова А. В., Альборова И. Э., Тарасова А. А. Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 18. С. 107 — 119.
10. Семёнов А. С., Гаврилов А. П., Кулаков В. И. Происхождение рязано-окских крестообразных фибул и генезис местной воинской элиты // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 12. С. 227 — 243.
11. Солодовников К. Н., Семёнов А. С. Краниологическая находка на площади Никульцинского могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы в Ярославской области // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 3. С. 95 — 112.
12. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / авт. тома: Л. А. Голубева, В. А. Могильников, В. В. Седов, Р. Л. Розенфельдт; отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР)
13. Фролов А. Н. О следах древнего финно-угорского языка в говоре жителей деревни Кладьково Воскресенского района Московской области // Мещёра-край: альманах по истории и культуре Мещёрского края / гл. ред. С. С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. Вып. 3. С. 34 — 52.
14. Шокшинский могильник: Материалы раскопок 1983 — 1993, 1995 гг.: в 2 т. / сост.: О. В. Зеленцова [и др.]; науч. ред.: Н. А. Макаров [и др.]. Саранск: НИИГН, 2023. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 480 с. (Археология мордовского края). URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/arxeologiya-mordovskogo-kрая>
15. Gavrilov A. P., Semenov A. S. Culture of Ryazan-Oka Burial Grounds. Results of the study of the Undrich Complex // *European Researcher. Series A*. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 16 — 41.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

Информация об авторах:

Александр Петрович Гаврилов, профессор по секции «Исторические науки» Российской Академии Естествознания (107078, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, 21/1); заведующий отделом Музейного историко-культурного комплекса Шиловского муниципального района Рязанской области, museum01@mail.ru

Александр Сергеевич Семёнов, проект «ДНК-история России» (119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 43), кандидат физико-математических наук, semyonov1980@mail.ru

Вклад авторов:

Гаврилов А. П. — разработка концепции, археологические данные, выводы;
Семёнов А. С. — организация анализа образцов, статистическая обработка данных, выводы и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akhmedov IR, Belotserkovskaya IV. Finds of the circle of “Eastern European” enamels and some issues of the formation of the cultural complex of the Ryazan-Oka Finns. *Brief reports of the Institute of Archaeology*. 2019;(254):128—152. (In Russ.)
2. Belotserkovskaya IV. On the objects of Chernyakhov culture in the women’s inventory of the Ryazan-Oka burial grounds. *Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina*. Moscow;2012;(191):27—37. (In Russ.)
3. Vorontsov AM, Stolyarov EV. The war of the I century on the border of the forest zone: the Oka-Don watershed. *Stratum plus*. 2019;(4):51—74. (In Russ.)
4. Voronyatov SV. Ryazan-Oka culture complex of long barrows. *Ladoga in the context of the history and archeology of northern Eurasia*. Collection of articles in memory of Dmitry Alekseevich Machinsky. St. Petersburg;2014:126—132. (In Russ.)
5. Gavrilov AP, Semenov AS. Genetic studies of materials from the excavations of the Ryazan-Oka burial ground Undrich 1983. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):139—165. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st10.pdf> (In Russ.)
6. Gavrilov AP, Semenov AS. Undrich: Ryazan-Oka Impulse of the Formation of Russia. St. Petersburg;2023. (In Russ.)
7. Kazansky MM. Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Way” for Migrants. *Stratum plus*. 2010;(4):17—130. (In Russ.)
8. Kulakov VI. Kozelsky Micro-Region in the I — VII Centuries AD. Early Migration of the Western Balts. *Slavia Antiqua*. 2002;43:9—33. (In Russ.)
9. Mustafin HH, Engovatova AV, Alborova IE, Tarasova AA. Paleogenetic Examination of Remains from One Mass Grave in 1238 in Yaroslavl. *Archaeology of the Moscow Region. Materials of Scientific Research Seminar*. Moscow;2022;18:107—119. (In Russ.)
10. Semenov AS, Gavrilov AP, Kulakov VI. The Emergence of the Ryazan-Oka Cruciform and the Genesis of Local Military Elite. *Genesis: Historical Research*. 2022;(12):227—243. (In Russ.)
11. Solodovnikov KN, Semenov AS. A Craniological Find on the Area of the Nikultsinsky Burial Ground of the Fatyanovo Culture of the Bronze Age in the Yaroslavl Region. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(3):95—112. (In Russ.)

12. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Moscow;1987. (In Russ.)
13. Frolov AN. On the Traces of the Ancient Finno-Ugric Language in the Dialect of the Inhabitants of the Village of Kladkovo in the Voskresensky District of the Moscow Region. *Meshchera-Krai*. Moscow;2013;3:34—52. (In Russ.)
14. Shokshinsky Burial Ground: Materials of excavations 1983 — 1993, 1995. Saransk;2023. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/arxeologiya-mordovsko-go-kraya> (In Russ.)
15. Gavrilov AP, Semenov AS. Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds. The Results of the Study of the Undrich Complex. *European Researcher. Series A*. 2022;13(1):16—41. (In Russ.)

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 03.07.2024.

Information about the authors:

Alexander P. Gavrilov, Professor in the Section “Historical Sciences” Russian Academy of Natural Sciences (21/1 Sadovaya-Spasskaya Str., Moscow 107078, Russia); Head of Department of the Museum Historical and Cultural Complex of the Shilovsky Municipal District of the Ryazan Region, museum01@mail.ru

Alexander S. Semenov, project “DNA History of Russia” (43 Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia), Candidate of Physical and Mathematical Sciences, semyonov1980@mail.ru

Contribution of the authors:

Gavrilov A. P. — concept development, archaeological data, conclusions;
Semenov A. S. — organization of sample analysis, statistical data processing, conclusions and scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 821.511.152
EDN XNQWMJ

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

ПУШКИНСКОЕ СЛОВО НА МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ, ПЕРЕВОДЧИКИ, ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДОВ

А. М. Каторова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
amkatorova@mail.ru

Аннотация

Введение. На этапе становления национальной литературы мордовские писатели постигали азы художественного творчества через переводы произведений А. С. Пушкина и других знаменитых русских писателей на родной язык. В последующие годы интерес к переводам проявлялся с разной степенью интенсивности. В статье на основе анализа разнородных источников рассмотрена история переводов, выявлено наличие их вариантов, указаны авторы.

Материалы и методы исследования. Материалом изучения являются произведения А. С. Пушкина, переведенные на мокшанский и эрзянский языки, опубликованные в течение XX — XXI вв. Методами исследования выступают контент-анализ, историко-литературный, сравнительно-исторический и статистический.

Результаты исследования и их обсуждения. Исследование произведений А. С. Пушкина, переведенных на мордовские языки, изданных отдельными книгами, включенных в учебную литературу и напечатанных в периодических изданиях, свидетельствует, что первые опыты датируются 1925 и 1928 гг., выполнены на мокшанском языке и принадлежат одному из основоположников мордовской литературы З. Ф. Дорофееву. Первый перевод на эрзянский язык (без указания автора) представлен в книге для чтения, изданной в 1934 г. под редакцией Ф. Ф. Советкина. Публикация переводов, размещенных в литературно-художественных журналах, датируется 1935 (на мокшанском языке) и 1936 гг. (на эрзянском). Самое большое количество вариантов переводов тех или иных произведений писателя на эрзянский язык составляет 4, на мокшанский — 3.

Заключение. Переводы произведений А. С. Пушкина на мордовские языки имеют длительную историю, начали осуществляться с 1925 г. и продолжаются до настоящего времени. Первые опыты переложения на родные языки были опубликованы в учебной литературе, с 1935 г. стали выходить в свет в литературно-художественных журналах. Чаще всего переводились те произведения, которые входили в школьные программы по литературе. Активизация переводческой деятельности наблюдается в годы празднования юбилеев писателя.

© Каторова А. М., 2024

Ключевые слова: А. С. Пушкин, перевод, переводческая деятельность, варианты переводов, стихотворение, повесть, мокшанский язык, эрзянский язык, учебное пособие, журналы

Для цитирования: Каторова А. М. Пушкинское слово на мордовских языках: история публикаций, переводчики, варианты переводов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 181 — 200. EDN XNQWMJ

Original article

PUSHKIN'S WORD IN THE MORDOVIAN LANGUAGES: PUBLICATION HISTORY, TRANSLATORS, TRANSLATION OPTIONS

A. M. Katorova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
amkatorova@mail.ru

Abstract

Introduction. At the stage of the formation of national literature, Mordovian writers learned the basics of artistic creativity through translations of the works of A. S. Pushkin and other famous Russian writers into their native language. In the following years, interest in translations manifested itself with varying degrees of intensity. Based on the analysis of heterogeneous sources, the article examines the history of translations, reveals the presence of their variants, and identifies the authors.

Materials and methods. The material of the study is the works of A. S. Pushkin, translated into Moksha and Erzya languages, published during the XX — XXI centuries. The research methods are content analysis, historical and literary, comparative historical and statistical approaches.

Results and discussion. The study of the works of A. S. Pushkin, translated into Mordovian languages, published in separate books, included in educational literature and printed in periodicals, indicates that the first experiments date back to 1925 and 1928, were performed in the Moksha language and belong to one of the founders of Mordovian literature Z. F. Dorofeev. The first translation into the Erzya language (without specifying the author) is presented in a book for reading, published in 1934 under the editorship of F. F. Sovetkin. The publication of translations published in literary and artistic journals dates back to 1935 (in Moksha) and 1936. (in Erzya). The largest number of translations of certain works of the writer into the Erzya language is four into the Moksha language — three.

Conclusion. Translations of A. S. Pushkin's works into the Mordovian languages have a long history, they began in 1925 and continue to the present day. The first experiments of translation into native languages were published in the educational literature, since 1935 they began to be published in literary and art magazines. Most often, those works that were included in school literature programs were translated. The intensification of translation activities is observed during the years of celebrating the anniversaries of the writer.

Keywords: A. S. Pushkin, translation activity, translation options, poem, novel, Moksha language, Erzya language, textbook, magazines

For citation: Katorova AM. Pushkin's Word in the Mordovian Languages: Publication History, Translators, Translation Options. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):181—200. EDN XNQWMJ

Введение

В 2024 г. наша страна отметила 225-летие со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Пушкина, оказавшего большое влияние на развитие всех национальных литератур. На его поэзии воспитывались и учились искус-

ству стихотворца многие поколения мордовских художников слова, прежде всего через переводы произведений на родной язык. Этот процесс начался в 1920-е гг. при создании учебных пособий для обучения чтению детей и взрослых. В 1930-е гг. работа по переводам активизировалась в связи с необходимостью повышения мастерства писателей. Впоследствии интерес к переводам возникал, как правило, в связи с празднованием юбилеев писателя. В региональном литературоведении обозначенная в названии статьи проблема относится к числу малоизученных. Наше исследование, в котором анализируется история переводов пушкинских произведений на мокшанский и эрзянский языки, перечисляются имена переводчиков и устанавливается количество вариантов переводов, призвано устранить указанный пробел.

Материалы и методы

Материал изучения — произведения А. С. Пушкина, переведенные на мокшанский и эрзянский языки, вышедшие отдельными книгами, а также опубликованные в национальных литературно-художественных журналах, газетах, учебных пособиях и сборниках. Основными методами исследования являются контент-анализ (выявление количественных показателей и их статистическая обработка, обуславливающие строгую систематизацию материала), историко-литературный (анализ количества переводов в их историческом развитии), сравнительно-исторический (определение уровня активности переводческой деятельности на разных этапах развития мордовской литературы).

Обзор литературы

К изучению творчества А. С. Пушкина во взаимосвязи с мордовской литературой одним из первых обращался Г. И. Горбунов. В статье «А. С. Пушкин ды мокшэрзянь литературась» («А. С. Пушкин и мордовская литература») [2] он констатировал признание мокшанскими и эрзянскими писателями русского классика своим главным учителем, а также перечислил семь его произведений, переведенных в 1930-е гг. на мордовские языки. Кроме того, упомянул изданный в 1949 г. сборник переводов «Кочказь произведеният» («Избранные сочинения»), высоко оценил перевод П. Кириллова поэмы «Медный всадник» (обозначив в качестве аргумента лишь сходство интонаций), П. Гайни — стихотворения «Зимний вечер», П. Любаева — «Няне», сопроводив последний воспоминаниями автора. В завершение ученый указал наиболее удачные (по его мнению) стихи мордовских писателей (А. Моро, Е. Пятаева, И. Кривошеева, И. Пиняева), посвященные Пушкину. Из этого следует, что данная работа далека от темы нашего исследования.

Сходные размышления характерны для одноименной статьи «Пушкин и мордовская литература» Ф. Макарова. Как и Г. И. Горбунов, он привел высказывания писателей о роли пушкинского наследия в становлении их профессионального мастерства и перечислил сборники произведений, в которых наиболее заметно влияние русского поэта. Макаровым о переводах наследия классика на мордовские языки сказано мало, отмечено лишь, что они содействовали «более глубокому и всестороннему изучению творчества Пушкина», так как требовали «точной передачи мыслей и чувств поэта» [5, с. 269 — 270].

Несколько работ, связанных с осмыслением региональными учеными переводов произведений А. С. Пушкина на мордовские языки, опубликовано в 1999 г. Так, в статье «Творчество А. С. Пушкина в переводах мордовских писателей» И. Я. Колга-

нова кратко охарактеризован перевод стихотворения «Зимний вечер», выполненный З. Ф. Дорофеевым, и сделан вывод об использованном им принципе «творческого» или «смыслового» переложения русской поэзии на мокшанский язык [3, с. 62]. Кроме того, в работе упомянуты изданные к 150-летию со дня рождения Пушкина сборники его избранных произведений на мокшанском и эрзянском языках и приведены два примера (удачного и неудачного) переводов М. А. Бебана [3, с. 63]. Н. П. Самаркина проанализировала перевод стихотворения «Пророк» на эрзя-мордовский язык, сделанный П. К. Любаевым, и аргументировала «активное использование переводчиком различных видов художественных эквивалентов» [6, с. 76]. А. П. Феоктистов на основе изучения нескольких переводов, выполненных З. Ф. Дорофеевым, М. А. Бебаном и С. А. Самошкиным, показал трудности приспособления размеров силлаботонической системы стихосложения к мокшанскому языку, особенно ямба и амфибрахия. Он подчеркнул, что для языка, в котором ударение падает главным образом на первый слог, более приемлема силлабическая система стихосложения [7, с. 81]. М. И. Ломшин рассмотрел приемы работы со студентами, предполагающие сравнительный анализ оригиналов пушкинских произведений с их переводами на эрзянский язык в исполнении П. С. Кириллова и П. У. Гайни [4, с. 213].

Представленный обзор литературы показывает, что история переводов произведений А. С. Пушкина на мордовские языки, переводчики и варианты переводов до настоящего времени не являлись предметом специального изучения.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью установления дат выхода в свет переводов поэзии и прозы А. С. Пушкина на мордовских языках нами изучены все имеющиеся в доступе книги, литературно-художественные журналы и учебная литература по родной литературе для национальных школ (книги для чтения, хрестоматии), содержащие переводные тексты. Дошедшие до наших дней учебные пособия дают основание утверждать, что первые переводы пушкинских произведений были осуществлены авторами учебной литературы (книг для чтения, хрестоматий по родной литературе для начальной, семилетней и средней школы). Первым примером служит стихотворение «Ловонь тавол» («Снежная буря»)¹, представляющее собой выполненный З. Ф. Дорофеевым вольный перевод «Зимнего вечера». На это указывает не только содержание стиха, но и приведенное в оглавлении уточнение «По Пушкину». Однако еще в 1925 г. в книгу «Од веле»² («Новая деревня») вошло написанное Дорофеевым по мотивам пушкинского «Зимнего утра» стихотворение с тем же названием «Тялонь шобдава». В нем первые две строфы переводные, две последующие трансформированные, вобравшие в себя более понятные для мордовских детей детали деревенского быта. В сохранившихся учебных пособиях на эрзянском языке первый перевод датируется 1934 г. («Поп ды роботникезэ Балда» — «Поп и его работник Балда»)³. Характер перевода, близкий к вольному, свидетельствует о том, что он выполнен авторами книги под редакцией Ф. Ф. Советкина. Отметим, что переводчики не указаны в большинстве первых учебных пособий, поэтому составление по ним отдельной таблицы

¹ Дорофеев З. Ф. Од веле. Васенце пъяльксь. М., 1928. С. 65.

² Дорофеев З. Ф. Од веле. Идень тонафнема валкста мелэ омбоце книгась. М., 1925. С. 50.

³ Советкин Ф. Ф., Арапов И. Р., Варламов С. З. Ловнома книга. Аламодо сёрмас содыщянь. М.; Л., 1934. С. 29 — 35.

считаем нецелесообразным. Выявленная информация о переводчиках пушкинских произведений, вошедших в учебные пособия, приведена в последней части настоящей статьи (табл. 4). В целом же констатируем, что опыт введения в учебники переводных произведений Пушкина продолжался до 1964 г., который впоследствии в связи с активным развитием мордовской литературы и наличием достаточного количества текстов, обладающих необходимыми художественно-эстетическими ценностями и воспитательным потенциалом, завершился. Вместе с тем в пособиях для внеклассного чтения редкие переводы (например, стихотворения «Зимний вечер») присутствовали в изданиях и более позднего периода (1987 и 1995 гг.)⁴.

Поскольку наибольшей информативностью в аспекте нашего исследования обладают отдельные книги переводов пушкинских произведений на мордовские языки, обратимся к их анализу. Такой подход обусловлен и тем обстоятельством, что в настоящее время они стали библиографической редкостью, сохранились лишь в единичных экземплярах в столичных библиотеках. Для наглядности представим названия книг с указанием имен переводчиков в виде табл. 1.

Таблица 1. Переводы произведений А. С. Пушкина на мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, выпущенные отдельными книгами

Table 1. Translations of A. S. Pushkin's works into Mordovian (Moksha and Erzya) languages, published in separate books

На мокшанском языке		На эрзянском языке	
Название / переводчик(и)	Выходные данные	Название / переводчик(и)	Выходные данные
1	2	3	4
«Дубровская» («Дубровский») / М. Бебан	Саранск: Мордгиз, 1935	«Дубровской» («Дубровский») / Е. Пятаев	Саранск: Мордгиз, 1936
«Капитанонь стирь» («Капитанская дочка») / Н. Шестов	Саранск: Мордгиз, 1936	«Капитанонь тейтерь» («Капитанская дочка») / А. Лукьянов	Саранск: Мордгиз, 1936
«Белкинонь повестенза» («Повести Белкина») / А. Майоров	Саранск: Мордгиз, 1937	«Пижень ласте: Петербургонь повесть» («Медный всадник: Петербургская повесть») / А. Тягушев	Саранск: Мордгиз, 1937
«Ёфкс калонь кундсить и калнять колга» («Сказка о рыбаке и рыбке») / П. Левчаев	М.; Л.: Детиздат, 1937	«Ёвкс калонь кундыцядо ды калнэде» («Сказка о рыбаке и рыбке») / В. Рябов	М.; Л.: Детиздат, 1937
«Кочкаф сочинения» («Избранные сочинения») / М. Бебан, С. Самошкин, В. Чукаров, Ф. Атянин, И. Девин, А. Майоров	Саранск: Мордгиз, 1949	«Кочказь произведеният» («Избранные сочинения») / А. Мартынов, П. Любаев, П. Кириллов, П. Гайни, И. Шумилкин, А. Куторкин, Н. Эркай, А. Щеглов, Э. Пятай, А. Лукьянов	Саранск: Мордгиз, 1949

⁴ Солнышко: кн. для внеклассного чтения во 2 — 4 классах / М. А. Гудошников, Т. Ф. Куркина, В. П. Храмова. Саранск, 1987. С. 107 — 108; Чипайне: 2 — 4 классонь тонавтницятненень аволь классо ловномань пособия / В. П. Храмова, В. С. Ширманкина. Саранск, 1995. С. 31 — 32.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
«Ёфкст» («Сказки») / М. Бебан	Саранск: Мордгиз, 1951	«Ёвкст» («Сказки») / П. Гайни, П. Кириллов, А. Щеглов, А. Мартынов	Саранск: Мордгиз, 1951
«Барышня-крестьянка» («Барышня-крестьянка») / А. Майоров	Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1953	«Барышня-крестьянка» / С. Архипов	Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1953

Представленный материал дает основание констатировать, что отдельных книг, содержащих переводы произведений Пушкина, издано по 7 на мокшанском и эрзянском языках, 6 из которых с идентичными названиями. Разные книги переводов вышли в свет в 1937 г.: на мокшанском языке — «Белкинонь повестенза», на эрзянском — «Пижень ласте: Петербургонь повесть». Среди переводчиков, указанных во всех перечисленных книгах, преобладают писатели и журналисты. В двух случаях, несмотря на сходство названий («Ёфкст» / «Ёвкст») и («Кочкаф сочиненият» / «Кочказь произведеният»), в содержании сборников наблюдаются различия в количестве и в вошедших в них наименованиях произведений. Так, в книге сказок на мокшанском языке представлено 3 произведения, на эрзянском — 4. Эрзянский вариант сборника, кроме произведений «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и о работнике его Балде», содержит «Сказку о золотом петушке». Отличаются они и количеством переводчиков: на мокшанском языке все три перевода выполнены М. А. Бебаном, на эрзянском изложены четырьмя авторами (П. Гайни, П. Кириллов, А. Щеглов, А. Мартынов).

Более существенные различия, проявившиеся в композиции и в подборе текстов, характерны для «Избранных сочинений». Сопоставим их (табл. 2).

Таблица 2. Содержание сборников А. С. Пушкина «Избранные сочинения»
на мордовских (мокшанском и эрзянском) языках

Table 2. The contents of A. S. Pushkin's collections "Selected Works"
in the Mordovian (Moksha and Erzya) languages

На мокшанском языке	На эрзянском языке
Название / переводчик(и)	Название / переводчик(и)
1	2
Стихотворения	
<i>Совпадающие</i>	
«Мон стяфтонь памятник...» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / М. Бебан	«Мон памятник стявтынъ эстенъ а кедьсэ...» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / А. Мартынов
«Чаадаевти» («К Чаадаеву») / М. Бебан	«Чаадаевнень» («К Чаадаеву») / П. Кириллов
«Веле» («Деревня») / С. Самошкин	«Веле» («Деревня») / П. Кириллов
«Шайтатт» («Бесы») / В. Чукаров	«Бест» («Бесы») / П. Гайни
«Рафжа кранчти лии кранчсь» («Ворон к ворону летит...») / В. Чукаров	«Кренчесь кренчентень...» («Ворон к ворону летит...») / П. Кириллов
«Талисман» / С. Самошкин	«Талисман» / А. Мартынов
«Чофкс» («Соловей») / М. Бебан	«Цёков» («Соловей») / И. Шумилкин

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2
«Тялонь ки» («Зимняя дорога») / М. Бебан	«Телень ки» («Зимняя дорога») / П. Гайни
<i>Совпадающие, но представленные под разными названиями</i>	
«Сюкпря, од пляма!» («Здравствуй, племя младое...»; в оригинале — «Вновь я посетил») / М. Бебан	«Таго пачкодинь се таркантень» («Вновь я посетил») / П. Любаев
<i>Разные</i>	
«Моряти» («К морю») / С. Самошкин	«Олячи» («Вольность») / П. Кириллов
«Мора смузю Олегть колга» («Песнь о вещем Олеге») / Ф. Атянин	«Эрямонь крандаз» («Телега жизни») / П. Кириллов
«Тят мора монь пингстон, стирня...» («Не пой, красавица, при мне...») / В. Чукаров	«Сибирев» («Во глубине сибирских руд...») / П. Кириллов
«Кавказ» / С. Самошкин	«Эхо» / П. Кириллов
«Анчар» / Ф. Атянин	«Пророк» / П. Любаев
	«Нянянень» («Няне») / П. Любаев
	«Элегия» / П. Любаев
	«Телень чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни
	«Вакхической моро» («Вакхическая песня») / П. Гайни
	«Узник» / П. Гайни
	«Дон» / П. Любаев
	«Пель» («Туча») / А. Мартынов
	«Конь» / И. Шумилкин
	«Арион» / П. Кириллов
	«Цеця» («Цветок») / А. Мартынов
<i>Поэмы</i>	
	«Медной ласте ломань» («Медный всадник») / П. Кириллов
<i>Сказки</i>	
«Ёфкс Салтан оязорть, сонь цёранц пяк пара и вию богатырь Гвидон Салтанович князь колга и мазыдонга мазы царевнать локстить колга» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди») / М. Бебан	«Ёвкс Салтан инязордонть, сонзз вадря ды виев богатырь церадонзо Гвидон Салтанович князьденть ды мазыйде-мазый царевна лебедьтенть» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди») / коллектив
«Ёфкс золотань атекшкять колга» («Сказка о золотом петушке») / М. Бебан	«Ёвкс сырнень атякшкеде» («Сказка о золотом петушке») / П. Кириллов
«Ёфкс калонь кунцить и калнять колга» («Сказка о рыбаке и рыбке») / М. Бебан	«Ёвкс калонь кунциядо ды калнэде» («Сказка о рыбаке и рыбке») / А. Щеглов
«Ёфкс попть и сонь работниконц Балдать колга» («Сказка о попе и о работнике его Балде») / М. Бебан	«Ёвкс попто ды сонзз работникте Балдадо» («Сказка о попе и о работнике его Балде») / П. Кириллов
«Ёфкс кулоф царевнать и сисем богатырьхнень колга» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях») / М. Бебан	

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
<i>Драматические произведения</i>	
«Скупой рыцарь» / М. Бебан	«Скупой рыцарь» / А. Мартынов
«Кевонь инжи» («Каменный гость») / М. Бебан	«Кевень инже» («Каменный гость») / А. Куторкин
«Моцарт и Сальери» / М. Бебан	«Моцарт ды Сальери» («Моцарт и Сальери») / Н. Эркай
«Ведява» («Русалка») / И. Девин	«Ведьава» («Русалка») / А. Куторкин
<i>Прозаические произведения</i>	
«Дубровский» («Дубровский») / М. Бебан	«Дубровской» («Дубровский») / Э. Пятай
<i>Разные</i>	
«Белкинонь повестенза» («Повести Белкина») / А. Майоров	«Капитанонь тейтерь» («Капитанская дочка») / А. Лукьянов
<i>Песни западных славян*</i>	
«Милош воеводась» («Воевода Милош») / М. Бебан	
«Великай зеницать ваксса тюремась» («Битва у Зеницы-Великой») / М. Бебан	
«Бонапарт и черногорецне» («Бонапарт и черногорцы») / М. Бебан	
«Гайдук Хризич» / М. Бебан	
«Влах Венецияса» («Влах в Венеции») / М. Бебан	
«Мор Равжа Георгийть колга» («Песня о Георгии Чёрном») / М. Бебан	
«Калмамань мор» («Похоронная песня») / М. Бебан	
«Марка Якубович» («Марко Якубович») / М. Бебан	
«Вурдалак» / М. Бебан	
«Корольсь найсь он» («Видение короля») / М. Бебан	
«Янко Марнавич» / М. Бебан	
«Феодор и Алёна» («Феодор и Елена») / М. Бебан	
«Сестрась и братне» («Сестра и братья») / М. Бебан	
«Яныш-Королевич» / М. Бебан	

Составлена по: Пушкин А. С. Кочкаф сочиненият / [ред. кол.: И. Девин, М. Бебан (отв. ред.)]. Саранск, 1949. 399 с.; Пушкин А. С. Кочказь произведеният / [ред. кол.: П. С. Кириллов (гл. ред.), А. К. Мартынов, А. С. Щеглов]. Саранск, 1949. 442 с.

* Песни западных славян — цикл из 16 стихотворений, включающий в себя выполненные А. С. Пушкиным переводы, в том числе на основе переложения прозаических текстов.

Compiled by: Pushkin A. S. Kochkaf works / [ed. Col.: I. Devin, M. Beban (rev. ed.)]. Saransk, 1949. 399 p.; Pushkin A. S. Kochkaz works / [ed. Col.: P. S. Kirillov (main ed.), A. K. Martynov, A. S. Shcheglov]. Saransk, 1949. 442 p.

* Songs of the Western Slavs — a cycle of 16 poems, including translations by A. S. Pushkin, including on the basis of transcriptions of prose texts.

Материалы табл. 2 показывают, что в сборниках А. С. Пушкина «Избранные сочинения» одинаковых стихотворений, переведенных на мордовские языки, всего 9, при этом 1 дано на мокшанском языке под другим названием. Количество переводов сказок отличается на единицу (на мокшанском дополнительно включена «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»). Полностью совпадает содержание раздела «драматические произведения», который на мокшанском языке представлен под названием «ёмла трагедият» («маленькие трагедии»). Такое обозначение требовало, на наш взгляд, комментария, так как традиционно к маленьким трагедиям Пушкина литературоведы причисляют четыре пьесы («Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы»). «Русалка» в этот перечень не входит. Это неоконченная драма, изданная В. А. Жуковским в 1837 г. после смерти поэта [1, с. 3]. Различия в списке прозаических произведений проявились в том, что на мокшанском языке представлены «Повести Белкина», а на эрзянском — «Капитанская дочка». Сборник на мокшанском языке отличается и наличием отдельного раздела «Песни западных славян», которые, за исключением двух, не являются оригинальными авторскими произведениями поэта. Это переложение одиннадцати «песен, написанных прозой, из книги „Гузла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине“ (1827) — литературной мистификации Проспера Мериме», и переводы трех стихотворений «из собрания сербских песен Вука Караджича»⁵.

Подводя итог сказанному, отметим, что в книге на мокшанском языке представлено 39 пушкинских произведений, на эрзянском — 35. При этом около половины (18) составляют переводы одних и тех же текстов на оба мордовских языка. Большинство переводов на мокшанский язык (28 из 39) выполнено М. Бебаном, остальные 11 — С. Самошкиным, В. Чукаровым, Ф. Атяниным, И. Девиным и А. Майоровым. Количественное соотношение переводчиков на эрзянский язык несколько иное. Их 10, среди них лидирует П. Кириллов — 11 переводов, далее П. Гайни, П. Любаев и А. Мартынов — по 5; А. Куторкин и И. Шумилкин — по 2; А. Лукьянов, Э. Пятай, А. Щеглов и Н. Эркай — по 1 переводу. У произведения «Сказка о царе Салтане...» перевод записан как коллективный⁶.

Переводные произведения А. С. Пушкина печатались в национальных литературно-художественных и общественно-политических журналах для взрослых читателей («Валда ян» — «Светлый путь», издавался с 1928 г., с 1932 г. — «Колхозонь эряф» — «Колхозная жизнь», с 1956 г. — «Мокша»; «Сятко» — «Искра», первый номер датирован январем 1929 г., с 1956 по 1964 г. — «Сурань толт» — «Сурские огни») и для детей («Якстерь галстук» — «Красный галстук»; «Пионерэнь вайгель» — «Голос пионера»), а также в литературно-художественном альманахе «Изнямо» («Победа»), в газетах «Мокшень правда» («Мокшанская правда») и «Эрзянь правда» («Эрзянская правда») (табл. 3).

Изучение публикаций в национальных журналах и газетах показывает, что первый перевод произведения А. С. Пушкина на мокшанский язык («Дубровский»

⁵ «О произведении „Песни западных славян“, см.: Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1823 — 1836. М., 1959. С. 389 — 392.

⁶ В книге «Ёвкст», изданной в 1951 г. в г. Саранске, переводчиками «Сказки о царе Салтане...» указаны П. Гайни, П. Кириллов, А. Щеглов и А. Мартынов.

Таблица 3. Переводы произведений А. С. Пушкина,
опубликованные в литературно-художественных журналах и газетах
на мордовских (мокшанском и эрзянском) языках

Table 3. Translations of A. S. Pushkin
is works published in literary and artistic magazines and newspapers
in Mordovian (Moksha and Erzya) languages

На мокшанском языке		На эрзянском языке	
Название / переводчик(и)	Выходные данные	Название / переводчик(и)	Выходные данные
1	2	3	4
<i>1935 год</i>			
«Дубровский» («Дубровский») / М. Бебан	Колхозонь эряф. 1935. № 2. С. 71 — 91; № 3. С. 32 — 54		
<i>1936 год</i>			
«Ёфкс Салтан оцязорт, сонь славнай и вию цёранц, богатырь Гвидон Салтанавичть колга и пяк цебярь царевнать локситить колга» («Сказка о царе Салтане...») / С. Атянин	Колхозонь эряф. 1936. № 2. С. 77 — 86; № 3. С. 30 — 39	«Кода тундонь лембе шкасто...» («Как весенней теплою порою...») (Сказка о медведихе)* / В. Рябов	Сятко. 1936. № 1. С. 12 — 13
«Йофкс Салтан оцязорть, сон славнай и вию цёранц богатырь Гвидон Салтановичть колга и пяк цебярь царевнать Локситить колга» («Сказка о царе Салтане...») / С. Атянин	Якстерь галстук. 1936. № 9/10. С. 9 — 12	«Пижень ластесь: Петербургонь повесть» («Медный всадник: Петербургская повесть») / А. Тягушев	Сятко. 1936. № 3. С. 11 — 21
«Руслан и Людмила» / С. Атянин	Там же. С. 14 — 15	«Ваиця» («Утопленник») / П. Гайни	Там же. С. 22
«Йофкс калонь кундайт и калнять колга» («Сказка о рыбаке и рыбке») / С. Атянин	Там же. С. 16 — 24	«Сыргозема» («Пробуждение») / И. Кривошеев	Там же. С. 23
		«Телень чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни	Там же
		«Телень ки» («Зимняя дорога») / П. Гайни	Там же. С. 24
		«Шайтянт» («Бесы») / П. Гайни	Там же. С. 24 — 25
<i>1937 год</i>			
«Моцарт и Сальери»** / переводчик не указан	Колхозонь эряф. 1937. № 1. С. 25 — 29	«Памятник»** / переводчик не указан	Сятко. 1937. № 1. С. 61
«Кевень инжи» («Каменный гость») / переводчик не указан	Там же. С. 30 — 43	«Белкинэнь повестензэ» («Повести Белкина»): «Ледема» («Выстрел»), «Канды лов» («Метель»),	Там же. С. 62 — 82

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4
«Чаадаевти» («К Чаадаеву») / переводчик не указан	Там же. С. 44	«Станционной смотритель» («Станционный смотритель») / переводчик не указан	
«Тялонь ки» («Зимняя дорога») / переводчик не указан	Там же. С. 45	«Памятник» / Ф. Потешкин, В. Рябов, А. Тягушев	Пионерэнь вайгель. 1937. № 1/2. С. 7
«Уфай» («Метель») / А. Майоров	Там же. С. 46 — 53	«Сибирев» («Во глубине сибирских руд ...») / П. Эрке	Там же. С. 11
«Ёфкс золодонь атёкшкяць колга» («Сказка о золотом петушке») / переводчик не указан	Там же. С. 54 — 56	«Узник» / В. Рябов	Там же. С. 15
«Ёфкс калонь кунцить и калнять колга» («Сказка о рыбаке и рыбке») / переводчик не указан	Там же. С. 57 — 61	«Дубровской» («Дубровский»; отрывки) / Э. Пятай	Там же. С. 16 — 19
		«Кода тундонь лембе шкасто...» («Как весенней теплою порою...») / переводчик не указан	Там же. С. 20 — 22
<i>1940 год</i>			
«Йофкс калонь кунцить и калнять колга» («Сказка о рыбаке и рыбке») / М. Бебан	Колхозонь эряф. 1940. № 6. С. 47 — 51	«Ёвкс калонь кундыцядо ды калнэде» («Сказка о рыбаке и рыбке») / И. Кривошеев	Сятко. 1940. № 12. С. 25 — 32
«Ёфкс попь и сонь работниконц Балдать колга» («Сказка о попе и работнике его Балде») / М. Бебан	Колхозонь эряф. 1940. № 9. С. 26 — 30	«Телень чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни	Пионерэнь вайгель. 1940. № 3. С. 10
<i>1941 год</i>			
«Дон» / переводчик не указан	Колхозонь эряф. 1941. № 1. С. 36		
«Няязти» («Няне») / переводчик не указан	Там же.		
«Кда васькафттанза эряфсь...» («Если жизнь тебя обманет...») / Ф. Дурнов	Колхозонь эряф. 1941. № 3. С. 62		
<i>1949 год</i>			
		«Телень чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни	Изнямо. 1949. № 7 — 8. С. 3
		«Телень ки» («Зимняя дорога») / П. Гайни	Там же. С. 4
		«Узник» / П. Гайни	Там же. С. 4 — 5
		«...Таго пачкодинь» («...Вновь я посетил») / П. Любаев	Там же. С. 5 — 6
		«Пророк» / П. Любаев	Там же. С. 6 — 7
		«Дон» / П. Любаев	Там же. С. 7

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4
		«Нянянень» («Няне») / П. Любаев	Там же.
		«Элегия» / П. Любаев	Там же. С. 7 — 8
		«Вакхической моро» («Вакхическая песня») / П. Гайни	Там же. С. 8
<i>1962 год</i>			
«Памятник» / М. Бебан	Мокша. 1962. № 1. С. 67 — 68	«Кавказ» / переводчик не указан	Эрзянь правда. 1962. 9 февр. С. 3
«Тялонь ки» («Зимняя дорога») / М. Бебан	Там же. С. 68	«Сибирев» («Во глубине сибирских руд...») / переводчик не указан	Там же.
		«Телень ки» («Зимняя доро- га») / переводчик не указан	Там же.
<i>1969 год</i>			
«Памятник» / М. Бебан	Мокша. 1969. № 3. На фрон- тисписе		
<i>1974 год</i>			
«Тялонь шобдава» («Зим- нее утро») / М. Бебан	Мокша. 1974. № 3. С. 5	«Мон памятник стявтынь...» («Я памятник воздвиг себе нерукотворный ...») / А. Мартынов	Сятко. 1974. № 3. С. 13
«Вчѣк, пинге, ялгай, вчѣк! Най анай седись ваймамс...» («Пора, мой друг, пора! По- коя сердце просит...») / М. Бебан	Там же.	«Пель» («Туча» / А. Мартынов	Там же.
«Сибири сѣрма» («Во глу- бине сибирских руд...») / М. Бебан	Там же.	«Телень чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни	Там же. С. 13 — 14
«Арион» / М. Бебан	Там же. С. 6	«Узник» / П. Гайни	Там же. С. 14
«Народ пяхксе ульцява ѣтнян...» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») / М. Бебан	Там же. С. 6	«Телень ки» («Зимняя доро- га») / П. Гайни	Там же.
«Полтавский бойсь: „Полта- ва“ поэмаста пакш» («Пол- тавская битва: отрывок из поэмы „Полтава“») / Ф. Атянин	Там же. С. 6 — 7	«Бест» («Бесы») / П. Гайни	Там же. С. 14 — 15
«Веле» («Деревня») / С. Кня- нкин	Там же. С. 7 — 8	«Олячи» («Вольность»): ода / П. Кириллов	Там же. С. 15 — 16
«Моряти» («К морю») / А. Малькин	Там же. С. 8	«Веле» («Деревня») / П. Кириллов	Там же. С. 16 — 17
«Аф воляса ломань» («Узник») / А. Тяпаев	Там же. С. 9	«Сибирев» («Во глубине сибирских руд ...») / П. Кириллов	Там же. С. 17
«Талисман» / С. Самошкин	Там же.	«Чаадаевнень» («К Чаадае- ву») / П. Кириллов	Там же.

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4
«Чаадаевти» («К Чаадаеву») / А. Малькин	Там же.	«Моцарт ды Сальери» («Моцарт и Сальери): драма / Н. Эркай	Там же. С. 17 — 23
«Кавказсь» («Кавказ») / А. Тяпаев	Там же. С. 9 — 10	«Памятник» / А. Мартынов	Эрзянь правда. 1974. 6 июня
		«Пророк» / П. Любаев	Там же.
<i>1979 год</i>			
		«Сибирев» («Во глубине сибирских руд...») / П. Кириллов	Эрзянь правда. 1979. 5 июня. С. 3
		«Вальма» («Окно») / А. Мартынов	Сятко. 1979. № 3. С. 3
		«Сияжды паксясонть ловось...» («В поле чистом серебрится...») / А. Мартынов	Там же.
		«Кода капшазь чаво паксява подковазь айгором арды!...» («Как быстро в поле, вдруг открыто!...») / А. Мартынов	Там же.
		«Оятненень» («Друзьям») / А. Мартынов	Там же.
<i>1989 год</i>			
«Памятник» / И. Девин	Мокша. 1989. № 3. С. 3		
«Талисман» / И. Девин	Там же.		
«Эх, мярьк, кели Равга, Волга ляйге...» («Как по Волге реке, по широкой...») / И. Девин	Там же.		
<i>1993 год</i>			
		«Анчар» / П. Любаев	Эрзянь правда. 1993. 5 июня. С. 3
<i>1997 год</i>			
«Кизонь шобдава» («Зимнее утро») / З. Дорофеев	Мокша. 1997. № 8. С. 104 — 105		
«Памятник» («Памятник») / И. Девин	Там же. С. 106		
«Полтавский бойсь: „Полтава“ поэмаста» («Полтавская битва: из поэмы „Полтава“») / Ф. Атянин	Там же. С. 107		
«Талисман» / И. Девин	Там же. С. 108		
«Тялонь ки» («Зимняя дорога») / М. Бебан	Там же.		

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4
<i>1999 год</i>			
«Памятник» / И. Девин	Мокшень правда. 1999. 4 февр. С. 5		
«Талисман» / И. Девин	Там же.		
«Узник» / Г. Пьянзин	Мокшень правда. 1999. 20 марта. С. 4		
«Кизонь шобдава» («Зимнее утро») / З. Дорофеев	Там же.		
<i>2008 год</i>			
«Россиять лангс васькафнихненди» («Кле- ветникам России») / Р. Орлова	Мокша. 2008. № 6. С. 67		
<i>2014 год</i>			
		«Пророк» / П. Любаев	Сятко. 2014. № 6. С. 39 — 40
		«Сибирев» («В Сибирь») / П. Кириллов	Там же. С. 40 — 41
		«Тельнь чокшне» («Зимний вечер») / П. Гайни	Там же. С. 41 — 42
		«Цеця» («Цветок») / А. Мартынов	Там же. С. 42
		«К ***» («К *** (Я помню чудное мгновенье...)») / Л. Рябова	Там же. С. 42 — 43
<i>2015 год</i>			
«Мон кельгихтень: и кельго- мазе, пади!..» («Я вас любил: любовь еще, быть может...») / П. Алешина	Мокша. 2015. № 11. С. 42		
<i>2016 год</i>			
«Ёфкс золотонь атёкшкяь колга» («Сказка о золотом петушке») / М. Бебан	Мокша. 2016. № 6. С. 6 — 12		
<i>2017 год</i>			
«Мон аф кядь виень стяф- тонь памятник эстейне...» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / Р. Орлова	Мокша. 2017. № 6. С. 3	«Цёков» («Соловей») / И. Шумилкин	Народное образо- вание Республики Мордовия. 2017. № 3. С. 112
«Мон стяфтонь памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / М. Бебан	Народное образо- вание Республики Мордовия. 2017. № 3. С. 112 — 113	«Пель» «Туча» / А. Марты- нов	Там же.
«Тялонь ки» («Зимняя дорога») / М. Бебан	Там же. С. 112 — 113	«Сибирев» («Во глубине сибирских руд ...») / П. Кириллов	Там же.

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4
2018 год			
«Морять ваксса» («К морю») / А. Тяпаев	Мокша. 2018. № 6. С. 73 — 74		
2019 год			
«Татьянань сёрмац Онегинонди» («Письмо Татьяны к Онегину») / Р. Орлова	Мокша. 2019. № 6. С. 98 — 100	«Атине ды сырнень калнэ» («Сказка о рыбаке и рыбке») / Э. Вежай	Сятко. 2019. № 6. С. 32 — 38
«К ***» («К *** (Я помню чудное мгновенье...)») / Р. Орлова	Там же. С. 100 — 101		
«„Морять трваса пиже тума“: „Руслан и Людмила“ поэмаста пакш» («„У лукоморья дуб зеленый“: отрывок из поэмы „Руслан и Людмила“») / Р. Орлова	Там же. С. 101 — 102		
«Мон стяфтонь памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / И. Девин	Якстерь тяште-ня. 2019. № 6. С. 4		
«„Морять трваса пиже тума“: „Руслан и Людмила“ поэмаста пакш» («„У лукоморья дуб зеленый“: отрывок из поэмы „Руслан и Людмила“») / Р. Орлова	Там же. С. 5		
2020 год			
«Мон кельгихтень: и кельгомазе, пади!..» («Я вас любил: любовь еще, быть может...») / П. Алешина	Мокшень правда. 2020. 3 сент. С. 7		
2021 год			
«Сёксеса ваймонц таркесь менельсь...» («Уж небо осенью дышало...») / Р. Орлова	Мокша. 2021. № 11. С. 28	«Ледстнемакев» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») / Т. Мокшанова	Чилисема. 2021. № 7. С. 3
«Сёксе» («Осень») / Р. Орлова	Там же.	«Онегиннэнь Татьянань сёрмазо» («Письмо Татьяны к Онегину») / В. Алексеева	Сятко. 2021. № 8. С. 26 — 28
2022 год			
«Тялонь илядь» («Зимний вечер») / В. Мишанина	Мокша. 2022. № 1. С. 4		
«К *** (Мон мяляфтса пинть эса валдоть...)» («К *** (Я помню чудное мгновенье...)») / Р. Орлова	Мокша. 2022. № 8. С. 80		
2023 год			
«Талисман» / И. Девин	Мокша. 2023. № 6. С. 69		

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4
«Эх, мярьк, кели Равга, Волга лййге...» («Как по Волге реке, по широкой...») / И. Девин	Там же. С. 70		
2024 год			
«Тялонь шобдава» («Зимнее утро») / М. Бебан	Мокша. 2024. № 6. С. 4	«Телень валске» («Зимнее утро») / Л. Рябова	Сятко. 2024. № 6. С. 87 — 88
«Сибири сёрма» («В Сибирь») / М. Бебан	Там же. С. 5	«Эвсть» («Бесы») / Л. Рябова	Там же. С. 88 — 89
Вчэк пинге, ялгай, вчэк...» («Пора, мой друг, пора!») / М. Бебан	Там же.	«Бути пингесь манянтанзат...» («Если жизнь тебя обманет») / Л. Рябова	Там же. С. 90
«Веле» («Деревня») / С. Княжкин	Там же. С. 6 — 7	«Коське, а качадыця цеця...» («Засохший, не пахнущий цветок...», в оригинале «Цветок») / М. Еремина	Там же. С. 90 — 91
«Чаадаевти» («К Чаадаеву») / А. Малькин	Там же. С. 7 — 8	«Сравтневезь даволонь меельце пельпанкске» («Последняя туча рассеянной бури...») / М. Еремина	Там же. С. 91
«Талисман» / С. Самошкин	Там же. С. 8 — 9	«Ожокось ней сась, килей пулось певерди...» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...») / М. Еремина	Там же.
«Аф воляса ломань» («Узник») / А. Тяпаев	Там же. С. 9	«Талай сёксень читнень сёвнокшныть яла весе» («Дни поздней осени бранят обыкновенно...») / М. Еремина	Там же. С. 91 — 92
«Кавказь» («Кавказ») / А. Тяпаев	Там же. С. 9 — 10	«Нусмакалиця шка! Сельмень кенярдовтома!» («Унылая пора! Очей очарованье») / М. Еремина	Там же. С. 92
«Мон кельгихтень: и кельгомазе, пади!..» («Я вас любил: любовь еще, быть может...») / П. Алешина	Там же. С. 10	«И. И. Пущиннэнь» («И. И. Пущину») / М. Слугина	Там же. С. 92

* Сказка о медведихе — неавторское название сказки [Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 3.]

** Переводы произведений А. С. Пушкина предваряет биографический очерк В. Вересаева «Пушкин в жизни» («Пушкинонь эряфоц» — на мокшанском языке; «Пушкинэнь эрямозо» — на эрзянском языке).

в переводе М. А. Бебана)⁷ опубликован в 1935 г., тогда же это произведение было издано отдельной книгой. Переводы на эрзянском языке начали печататься в жур-

⁷ Пушкин А. С. Дубровский // Колхозонь эряф. 1935. № 2. С. 71 — 91; № 3. С. 32 — 54.

налах и выходить отдельными книгами с 1936 г. (поэма «Пижень ластесь»⁸ — «Медный всадник», переложенная вольным стилем А. Тягушевым). В двух номерах за указанный год вышли в свет 7 произведений. Различаются и даты публикаций переводов в журналах для детей: на мокшанском языке они начинаются с 1936 г.⁹, на эрзянском — с 1937 г.¹⁰ Отличительная особенность заключается в том, что в первых номерах журналов «Мокша» и «Сятко» за 1937 г. большая часть объема занята переводом очерка В. Вересаева «Пушкин в жизни» («Пушкинонь эряфоц» — на мокшанском языке; «Пушкинэнь эрямозо» — на эрзянском языке), а также размещением в них переводов разных произведений поэта.

Солидная подборка переводов стихотворений А. С. Пушкина опубликована в журналах за 1974 г. (№ 3)¹¹, посвященных его 175-летнему юбилею. В последующие годы время от времени в национальных газетах и журналах перепечатывались ранее изданные переводы, приуроченные, как правило, к юбилеям классика русской литературы или переводчиков из числа мордовских писателей. Переводы пушкинских произведений, выполненные современными авторами, начали появляться на мокшанском языке с 2008 г. (Р. Орлова, П. Алёшина)¹², на эрзянском — с 2014 г. (Л. Рябова, В. Алексеева, Т. Мокшанова, М. Ерёмина, М. Слугина). Ими осуществлены переводы и тех произведений, к которым ранее обращались другие авторы (т. е. созданы варианты), и новых. К числу последних относятся «Россиять лангс васькафнихненди» («Клеветникам России»), «Мон кельгихтень: и кельгомазе, пади!..» («Я вас любил: любовь еще, быть может...»), «К ***», «Онегиннэнь Татьянань сёрмазо» и «Татьянань сёрмац Онегинонди» («Письмо Татьяны к Онегину»), «Бути пингесь манятанзат...» («Если жизнь тебя обманет»), «Коське, а качадыця цеця...» («Цветок»), «Сравтневезь даволонь меельце пельпанкске» («Последняя туча рассеянной бури...»), «Ожокось ней сась, килейпулось певерди...» («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...»), «Нусмакалиця шка! Сельмень кенярдовтома!» («Унылая пора! Очей очарованье»), «И. И. Пущиннэнь» («И. И. Пущину») и др. В журналах № 6 за 2024 г. наблюдается разный подход к выбору текстов: в «Мокше» — это перепечатка ранее опубликованных переводов, в «Сятко» — вновь созданные.

В завершение приведем выявленные нами варианты переводов произведений А. С. Пушкина, и, как в предыдущем случае, представим их в виде таблицы (табл. 4).

Материалы таблицы дают основание констатировать, что большинство произведений А. С. Пушкина, изучавшихся в школе, имеет варианты переводов на мордовские языки. Наибольшим количеством вариантов (4) обладает переведенная на эрзянский язык «Сказка о рыбаке и рыбке». На мокшанском языке максимальное количество вариантов переводов ограничивается числом 3, к которым относятся: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Зимняя дорога», «Кавказ» и «Сказка о рыбаке и рыбке». В итоге варианты переводов на мокшанский язык имеют на сегодняшний день 14 пушкинских произведений, на эрзянский — 13.

⁸ Пушкин А. С. Пижень ластесь // Сятко. 1936. № 3. С. 11 — 21.

⁹ Якстерь галстук. 1936. № 9-10. С. 9 — 24.

¹⁰ Пионерэнь вайгель. 1937. № 1/2. С. 7 — 22.

¹¹ Мокша. 1974. № 3. С. 5 — 10; Сятко. 1974. № 3. С. 3 — 23.

¹² Мокша. 2008. № 6. С. 67; 2015. № 11. С. 42; 2017. № 6. С. 3.

Таблица 4. Варианты переводов произведений А. С. Пушкина
на мордовские (мокшанский и эрзянский) языкиTable 4. Variants of translations of A. S. Pushkin's works
into Mordovian (Moksha and Erzya) languages

На мокшанском языке		На эрзянском языке	
Название	Переводчики*	Название	Переводчики
<i>Стихотворения</i>			
«Я памятник себе воздвиг нерукотвор- ный...»	М. Бебан; И. Девин; Р. Орлова	«Я памятник себе воздвиг нерукотвор- ный...»	Ф. Потешкин, В. Рябов и А. Тягушев**; А. Мартынов; Т. Мок- шанова
«Зимняя дорога»	А. Майоров; Р. Федь- кин**; М. Бебан	«Зимняя дорога»	Н. Нарваткин**; П. Гайни
«Зимний вечер»	М. Бебан; В. Мишанина	«Зимний вечер»	М. Талабаев; А. Горбу- нов**; П. Гайни
«Узник»	Г. Пьянзин**; А. Тяпаев	«Узник»	В. Рябов; П. Гайни
<i>Разные на мокшанском и эрзянском языках</i>			
«Кавказ»	Р. Федькин**; С. Самош- кин; А. Тяпаев	«Бесы»	И. Кривошеев и А. Тя- гушев**; П. Гайни; Л. Рябова
«Зимнее утро»	З. Дорофеев; М. Бебан	«Щеця» («Цветок»)	А. Мартынов; М. Ере- мина
«К Чаадаеву»	М. Бебан; А. Малькин	«Дон»	И. Кривошеев и А. Тя- гушев**; П. Любаев
«Деревня»	С. Самошкин**, С. Ки- някин	«Конь»	П. Гайни**, И. Шумил- кин
«Талисман»	С. Самошкин; И. Девин		
<i>Сказки</i>			
«Сказка о рыбаке и рыбке»	П. Левчаев и С. Атя- нин**; М. Бебан; С. Атянин	«Сказка о рыбаке и рыбке»	В. П. Рябов; И. Криво- шеев; А. Щеглов; Э. Ве- жай
«Сказка о царе Салтане...»	Р. Федькин**; С. Атянин и П. Левчаев	«Сказка о царе Салтане...»	Ф. Ильфек; П. Гайни; П. Кириллов; А. Щеглов и А. Мартынов
<i>Разные на мокшанском и эрзянском языке</i>			
«Руслан и Людмила»	С. Атянин; Р. Орлова	«Сказка о попе и ра- ботнике его Балде»	С. Платонов; П. Кирил- лов
<i>Поэмы</i>			
		«Медный всадник»	А. Тягушев; П. Кирил- лов**
<i>Прозаические произведения</i>			
«Повести Белкина»	А. Майоров; М. Бебан	«Повести Белкина»	А. Тягушев; И. Шумил- кин**
«Капитанская дочка»	Н. Шестов; К. Саморо- дов**		

* В графах «Переводчики» запятой отделены друг от друга фамилии соавторов переводов, точкой с запятой — разных авторов.

** Обозначены фамилии переводчиков, указанные в учебной литературе.

Переводы произведений А. С. Пушкина на мокшанский язык выполнялись П. Алешиной, Ф. Атяниным, М. Бебаном, И. Девиным, З. Дорофеевым, Ф. Дурновым, С. Кинякиным, П. Левчаевым, А. Майоровым, А. Малькиным, Р. Орловой, Г. Пьянзиным, С. Самошкиным, А. Тяпаевым, В. Чукаровым, Н. Шестовым; на эрзянский — В. Алексеевой, С. Архиповым, П. Гайни, М. Ереминой, П. Кирилловым, И. Кривошеевым, А. Куторкиным, А. Лукьяновым, П. Любаевым, А. Мартыновым, Т. Мокшановой, Ф. Потешкиным, Е. Пятаевым, В. Рябовым, Л. Рябовой, М. Слугиной, А. Тягушевым, И. Шумилкиным, А. Щегловым и Н. Эркаем.

Заключение

Проведенное исследование переводов произведений А. С. Пушкина на мордовские (мокшанский и эрзянский) языки обусловило следующие выводы:

— переводы начали осуществляться с 1925 г. в связи с необходимостью подготовки и издания книг для чтения на мордовских языках, автором двух первых был З. Ф. Дорофеев;

— особенно активно переводческой деятельностью занимались основоположники мордовской литературы, решая одновременно две задачи: обучаясь искусству сложения стихов и пропагандируя творчество великого русского поэта;

— отдельных книг, содержащих переводы пушкинских произведений, издано по 7 на мокшанском и эрзянском языках, которые сохранились в единичных экземплярах в ведущих библиотеках республики;

— переводные произведения в учебную литературу для начальных и средних школ входили с начала ее создания по 1964 г., впоследствии встречались лишь в книгах для внеклассного чтения;

— в национальных литературно-художественных журналах традиция публикации художественных переводов поэзии и прозы Пушкина, начавшаяся с 1935 г., продолжается до настоящего времени, активизируясь в годы празднования юбилеев поэта;

— количество произведений, имеющих варианты переводов, невелико, ограничивается 14 на мокшанском языке и 13 — на эрзянском.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова Н. А. Лирическая драма А. С. Пушкина о русалке: источники, творческая эволюция, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2005. 17 с.

2. Горбунов Г. И. А. С. Пушкин ды мокшэрзянь литературась // Сятко. 1974. № 3. С. 4 — 12.

3. Колганов И. Я. Творчество А. С. Пушкина в переводах мордовских писателей // Пушкин и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Макушкина. Саранск: МГПИ, 1999. С. 61 — 63.

4. Ломшин М. И. А. С. Пушкин и мордовская литература // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. С. 211 — 214.

5. Макаров Ф. Пушкин и мордовская литература // Литературная Мордовия. 1950. № 3 (7). С. 261 — 270.

6. Самаркина Н. П. Художественный эквивалент в стихотворных переводах А. С. Пушкина на эрзянский язык // Пушкин и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Макушкина. Саранск: МГПИ, 1999. С. 71 — 76.

7. Феоктистов А. П. А. С. Пушкин и становление классической метрики в мордовской поэзии // Пушкин и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Макушкина. Саранск: МГПИ, 1999. С. 78 — 82.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

Информация об авторе:

Александра Михайловна Каторова, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, amkatorova@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Borisova NA. A. Pushkin's Lyrical Drama About the Mermaid: Sources, Creative Evolution, Poetics: Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Veliky Novgorod;2005. (In Russ.)
2. Gorbunov GI. A. S. Pushkin dy Moksherzyan Literaturas. *Syatko*. 1974;(3):4—12. (In Russ.)
3. Kolganov IYa. The work of A. S. Pushkin in the Translations of Mordovian Writers. *Pushkin and Modernity*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conferences. Saransk;1999:61—63. (In Russ.)
4. Lomshin MI. A. S. Pushkin and Mordovian Literature. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018;(59-1):211—214. (In Russ.)
5. Makarov F. Pushkin and Mordovian Literature. *Literary Mordovia*. 1950;(3):261—270. (In Russ.)
6. Samarkina NP. The Artistic Equivalent in A. S. Pushkin's Poetic Translations into the Erzya Language. *Pushkin and Modernity*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conferences. Saransk;1999:71—76. (In Russ.)
7. Feoktistov AP. A. S. Pushkin and the Formation of Classical Metrics in Russian Poetry. *Pushkin and Modernity*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conferences. Saransk;1999:78—82. (In Russ.)

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 07.10.2024.

Information about the author:

Alexandra M. Katorova, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, amkatorova@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 82-94
EDN YKCP LB

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ДЁМИНА

Н. В. Левин, В. И. Антонова✉, Ю. А. Мамаева
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия
✉belkich@rambler.ru

Аннотация

Введение. Роль и значение работ доктора филологических наук, профессора В. И. Дёмина в научной и литературной деятельности Мордовии невозможно переоценить из-за широты охватываемых им проблем, разнообразия форм и методов исследования. В статье дан проблемно-тематический, структурно-содержательный анализ творчества выдающегося ученого и писателя.

Материалы и методы. В ходе работы были задействованы как общенаучные (анализ, синтез, типология), так и литературоведческие методы исследования (социокультурный, культурно-исторический, описательный, сравнительно-исторический, биографический, целостного анализа произведения). Статья базируется на анализе монографии «Эрзянь журналистиканть эрмопингезэ» («История эрзянской журналистики»), а также литературоведческих статей ученого, опубликованных в национальном издании «Сятко» («Искра»).

Результаты исследования и их обсуждение. В. И. Дёмин писал в разных жанровых формах литературной и художественно-публицистической критики. Это, прежде всего, книги об истории развития мордовской литературы и журналистики, статьи о национальных проблемах, рецензии-отзывы, литературные портреты и обзоры, рецензии-пересказы, литературные письма, литературно-критические диалоги и др., а также художественно-публицистические исследования в формах эссе, очерков и зарисовок.

Заключение. Многочисленные работы В. И. Дёмина, характеризующиеся полифоничностью тем и проблем, свидетельствуют о многогранном, всеохватном таланте автора как писателя, критика и журналиста. Вызывает интерес умение ученого синтезировать элементы различных жанровых форм в одном произведении, использовать как «чистые» жанры, так и их модификационные варианты. Трансформация жанровых «сплавов» наблюдается в творческой лаборатории В. И. Дёмина при использовании им методов эклектичности и коннотативности, гибридности и синтеза.

Ключевые слова: В. И. Дёмин, эрзя, история, журналистика, литература, жанр, метод, очерк, рецензия, национальные проблемы, творчество, модификации, самосознание

Для цитирования: Левин Н. В., Антонова В. И., Мамаева Ю. А. Структурно-содержательное своеобразие творческого наследия В. И. Дёмина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 201 — 212. EDN YKCP LB

© Левин Н. В., Антонова В. И., Мамаева Ю. А., 2024

Original article

STRUCTURAL AND SUBSTANTIVE ORIGINALITY OF V. I. DEMIN'S CREATIVE HERITAGE

N. V. Levin, V. I. Antonova✉, Yu. A. Mamaeva
Ogarev National Research Mordovia State University
Saransk, Russia,
✉belkich@rambler.ru

Abstract

Introduction. The role and importance of the works of Doctor of Philology, Professor V. I. Demin in the scientific and literary activities of Mordovia cannot be overestimated due to the breadth of the problems covered by him, the variety of forms and methods of research. The article provides a problem-thematic, structural and substantive analysis of the work of an outstanding scientist and writer.

Materials and methods. In the course of the work, both general scientific (analysis, synthesis, typology) and literary research methods (socio-cultural, cultural-historical, descriptive, comparative-historical, biographical, holistic analysis of the work) were involved. The article is based on the analysis of the monograph “Erzyan journalism eryamopingese” (“History of Erzyan journalism”), as well as literary articles by the scientist published in the national publication “Syatko” (“Iskra”).

Results and discussion. V. I. Demin wrote in various genre forms of literary and artistic and journalistic criticism. These are, first of all, books on the history of the development of Mordovian literature and journalism, articles on national problems, reviews, literary portraits and reviews, retellings, literary letters, literary and critical dialogues, etc., as well as artistic and journalistic research in the forms of essays and sketches.

Conclusion. Numerous works by V. I. Demin, characterized by polyphony of themes and problems, testify to the multifaceted, all-encompassing talent of the author as a writer, critic and journalist. The scientist's ability to synthesize elements of various genre forms in one work, to use both “pure” genres and their modification variants, is of interest. The transformation of genre “alloys” is observed in the creative laboratory of V. I. Demin using the methods of eclecticism and connotativity, hybridity and synthesis.

Keywords: V. I. Demin, erzya, history, journalism, literature, genre, method, essay, review, national problems, creativity, modifications, self-awareness

For citation: Levin NV, Antonova VI, Mamaeva YuA. Structural and Substantive Originality of V. I. Demin's Creative Heritage. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(4):201—212. EDN YKCPBL

Введение

Национально-культурное развитие народа предполагает, прежде всего, сохранение глобальных составляющих идентичности этноса — культуры в целом, литературы и языка в частности. Компоненты «язык» и «литература» являются отражателями национального самосознания, исторической памяти народа. В мордовской литературе, являющейся базовым фундаментом культурного кода нации, находят свое выражение язык, традиции, нравственные устои, чувства и характер народа. Сегодня резко возрастает значимость литературы как инструмента формирования процессов гармонизации межнациональных отношений. Совершенно справедлив

тезис о том, что мордовская литература вступила в третье тысячелетие с достаточным запасом прочности, сосредоточивая внимание на пропаганде гуманистических начал, утверждая веру в добро и справедливость [4]. Это положение находит подтверждение в работах многих ученых, литературоведов, которые исследуют проблемы истории мордовской литературы и литературы других финно-угорских народов. Для нас особый интерес представляют исследования В. И. Дёмина, в частности, монография «Эрзянь журналистиканть эрямопингезэ» («История эрзянской журналистики»), его многочисленные статьи о социокультурных проблемах и вопросах этноса, рецензии-отзывы, литературные портреты и обзоры, рецензии-пересказы, литературные письма, литературно-критические диалоги, а также художественно-публицистические исследования в формах эссе, очерков и зарисовок, изданные в последние годы жизни ученого в национальном журнале «Сятко» («Искра»).

Материалы и методы

В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, типология), так и литературоведческие методы исследования (социокультурный, культурно-исторический, описательный, сравнительно-исторический, биографический, целостного анализа произведения).

Обзор литературы

В национальном литературоведении анализ творчества В. И. Дёмина не был объектом специального исследования. Вопросы творческой индивидуальности ученого находили осмысление в отдельных журнальных и газетных статьях¹ [3]. О. И. Налдеева, анализируя структуру современного поэтического пространства Мордовии, говорит о неоченимом вкладе В. И. Дёмина в теорию развития мордовской поэзии, относя к основным литературно-критическим работам ученого «Многоцветие смеха: Комическое в мордовской литературе» (1998), «Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции)» (2001), «Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ...» («Я пою в России на своем эрзянском...», 2008), «Сёрмадан эйтэнк, тиринь ломанть, вечкезь...» («Пишу о вас, сородичи мои, с любовью...», 2010), «Сюконян тенк...» («Кланяюсь вам...», 2005). Автор подчеркивает, что исследователь, давая творческие портреты эрзянских писателей и поэтов (А. Доронин, А. Арапов, М. Еремина, Р. Кемайкина, Т. Разгуляева, Л. Рябова, О. Сусорева, Н. Ишуткин и др.), раскрывает причины их обращения к той или иной форме и связывает с традицией жанра, его историей и поэтикой. «Пристальное внимание уделяется модификационным структурам и выбору определенной модели в зависимости от содержательной установки произведения, образов и мотивов, которые играют в стихотворении сюжетобразующую роль» [5, с. 34]. В журнале «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» в разделе «Наши проекты» в 2022 г. вышла энциклопедическая статья «Дёмин Василий Иванович» А. М. Каторовой, где

¹ Ахмадуллин А. Г. Многоцветие смеха // Известия Мордовии. 1999. 28 янв.; Шукшин И. Эрзянь цёрась арась наукань докторкс: В. И. Дёмин // Мокшень правда. 1999. 11 февр.; Зиновьев Н. В. Газетасто наукань тэкшонтень // Эрзянь правда. 2002. 16 апр.; Ишуткин Н. И. «Смешные» проблемы серьезной книги // Известия Мордовии. 2002. 25 июля; Антонова В. И. Памяти профессора В. И. Дёмина. Он спешил жить и делать добро // Финно-угорский мир. 2011. Т. 13, № 1. С. 90 — 92.

автор представила литературоведческую деятельность ученого². На наш взгляд, работы В. И. Дёмина нуждаются в скрупулезном изучении, поскольку в них наблюдаются неповторимое движение творческой мысли, оригинальная технология подачи материала, отражающая как внутрилитературные процессы, так и общие тенденции, стратегию развития национальной литературы в целом.

Результаты исследования и их обсуждение

Предметом нашего исследования является творческое своеобразие наследия В. И. Дёмина, человека незаурядного таланта, огромной творческой энергии, посвятившего свою недолгую, но плодотворную жизнь изучению эрзянской культуры. В. И. Дёмин известен как литературовед, критик, журналист, писатель и поэт. Наследие ученого настолько обширно и многогранно, что сложно осветить все аспекты его жизнедеятельности. Монография «Эрзянь журналистиканть эрямопингезэ» («История эрзянской журналистики») стала одной из главных литературоведческих работ исследователя. Несмотря на то что монография названа «историей эрзянской журналистики», в ней прослеживается эволюция всей мордовской литературы, что вполне объяснимо. Первые художественные произведения на эрзя-мордовском языке начали появляться в газетах, выступивших организаторами литературно-художественных сил.

В книге представлена история эрзянской печати и литературы от истоков до середины 1950-х гг. Структурная особенность изложения монографии заключается в том, что теоретический материал органично переплетается с эмпирикой — очерками, зарисовками, эссеистическими размышлениями и литературными портретами.

В. И. Дёмин детально исследовал форму, язык и стиль художественно-публицистических работ писателей Мордовии. С помощью историко-хронологического принципа ученый, поэтапно рассмотрев их творчество, сумел создать панорамную картину истории мордовской литературы и журналистики (идейное, художественно-публицистическое своеобразие произведений, их жанровый репертуар, актуальные темы и проблемы).

В первом разделе монографии «Видевкт» («Семена») В. И. Дёмин представил основоположников мордовской литературы. Ссылаясь на труды А. П. Феоктистова, он подчеркнул: «1917 иентень эрзянь ды мокшонь кельтнесэ нолдазельть пельсядошка лемень книгат ды брошюрат. Теде башка, минек кельтнесэ материалтнэ мусть тарка кемень книгасо, конат XIX — XX пингетнесэ нолдазельть рузонь ды Чивалгома ёнксонь Европань кельтнесэ» [2, с. 4] («Уже в 1917 г. на языках эрзи и мокши издано было пятьдесят различных книг. Материалы на мордовских языках значились в десяти изданиях, выпущенных в XIX — XX веках на русском и западноевропейских языках»)³. По мнению ученого, культура эрзян и мокшан эволюционировала «в ногу» со временем, «тематически и структурно откликаясь на все исторические события», например, в революционный период в сборниках, в газетах публиковались песни, прозаические тексты, стихи революционной тематики.

² Каторова А. М. Дёмин Василий Иванович // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2. С. 200 — 202.

³ Здесь и далее перевод авторов — Н. Л., В. А., Ю. М.

Анализируя историческую динамику национальной литературы, В. И. Дёмин большое значение придавал Казанской инородческой учительской семинарии для поволжских и уральских народов (1872), отмечая ее образовательную и просветительскую роль, так как в ней помимо религиозных основ изучалась и русская литература. Не обошел вниманием ученый и деятельность Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия, по инициативе которого на эрзянский и мокшанский языки были переведены книги «Священная история Ветхого и Нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка» (1880), «История» (1880; 1883), «Евангелие» (1882; 1890; 1910), «Крещение Руси при святом Владимире» (1888). Кроме того, в 1884 г. Братство св. Гурия издало первый эрзянский букварь, а в 1892 г. — мокшанский.

Мордовский литературовед не отходил от творческого принципа — рассматривать все изложенные факты с опорой на повествование о конкретных деятелях мордовской культуры, стоящих у истоков эрзянской словесности. Подчеркивая историческую значимость художников слова в социокультурном процессе этноса, автор представил «героев» как типичных представителей общественной жизни, проживающих в конкретную эпоху, в конкретных культурно-исторических условиях. Например, говоря о А. Ф. Юртове как о просветителе, критик отметил взаимообусловленность биографических характеристик с известными работами ученого. С помощью описательно-биографического метода В. И. Дёмин представил портрет составителя эрзянского букваря: «...Чачсь А. Ф. Юртов 1854-це иень даволковонь 8-це чистэ Татарстан Республикань Альметьевской райононь Калейкина велесэ. Тетязо-авазо сокицяльть-видицяльть, семияст покшоль. Авксентий цёркаесь превеель, чарькодицяль, пек бажась содамочинь валдонть. Покш назойчинзэ кувалма кучозель тонавтнеме Казанев церковасо лемдезь татаронь школав. Тесэ сонзэ редизе сонсь Н. И. Ильминский. Мейле сынст — тонавтыцянтъ ды тонавтницянтъ — ламо иес сьулминзе кеме оякочи» [2, с. 10] («Родился А. Ф. Юртов 8 февраля 1854 г. в с. Калейкино Альметьевского района Республики Татарстан в крестьянской семье. Это был смышленный, умный ребенок, который всегда тянулся к знаниям, потому решили родители отправить Авксентия учиться в церковную школу в Казань. Там его заметил просветитель Н. И. Ильминский. Спустя время, между учителем и учеником завязалась крепкая дружба...»). В семинарии А. Ф. Юртов переводил на родной язык церковные книги, исследовал фольклор и эрзянскую одежду. Главным источником информации для него, отметил В. И. Дёмин, был «народ, традиции, национальные песни, сказки, поговорки, былины». По окончании в 1876 г. Казанской учительской семинарии по ходатайству ее директора А. Ф. Юртов был приглашен для преподавания в мордовскую начальную школу при семинарии, где проработал 7 лет.

Ученый подчеркнул большое значение просветительства А. Ф. Юртова как автора книг «Образцы мордовской народной словесности. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии», «Образцы мордовской народной словесности. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом», в которых отражено все богатство мордовского фольклора.

В. И. Дёмин искренне восхищался представителями так называемой крестьянской литературы, которые стояли у истоков эрзянской литературы. Так, рассуждая

о творческом наследии одного из них — Игнатия Зорина — отметил: «Ломантне, конат ладсесть-ёвтнесть эйсэст, — те аволь сказительть; се шкань сказительтнень эйтэ сынъ явовсть ловномо-сёрмадомо маштомасо ды литературань шкинемань чарькодемасо. Сынъ сайнесть мифологиянь моронь ды ёвксонь сюжетт, конатнень полавтнесть эсь арсемаст коряс, совавтнесть эйзэст эрямонь-аштемань тевть» [2, с. 14]. («Люди, которые слагали эти произведения — это не сказители; от сказителей того времени они отличались умением читать и писать, понимать особенности литературного творчества. Они брали сюжеты мифологических песен и сказок, которые трансформировали, опираясь на свои задумки, обогащали их житейскими моментами и темами»).

Аналитически рассуждал В. И. Дёмин о «Мордовском этнографическом сборнике» (1910) А. А. Шахматова. Работа академика, отметил он, состоящая из 850 страниц, включает произведения на эрзянском, русском языках и на латыни. Выделяя в приведенных А. А. Шахматовым эрзянских текстах юмористические и сатирические нотки, исследователь пояснил: «...Сынъ малавикст аволь ансяк кемевиксчисэст, эрямонь невтемасонтъкак, ды, васняк, сеть произведениятнесэ, конатнесе седе покш тарканть сайт сатирань приёмтнэ ды ёнкстнэ» [2, с. 20] («...Эти тексты, в которых ключевую роль играют приемы и направления сатиры, похожи не только по своей силе, но и по тому, как в них отражена жизнь»). Придавая большое значение фольклору, В. И. Дёмин скрупулезно проанализировал главу сборника «Об обычаях и традициях этноса». Своеобразен подход ученого к анализу главы «Сказки», в которой он свои обобщения и выводы сочетал с конкретными цитатами из текстов. Рассматривая рассказы «Ёвтнема Федор атядо» («Рассказ о старике Федоре»), «Кавто атя ютксо кортамо» («Разговор между двумя стариками»), «Нузякс эрзядо ёвтнема» («Рассказ о ленивом эрзе») Р. Учаева, В. И. Дёмин охарактеризовал типичного героя следующим образом: «Геройтнень обуцяст панжовить сатирань ды юморонь сюпавчисэ. Авторось невти тенек аволь кежей, ёроков, важов ды теке шкане уцяскавтомо ломань, кона машты раксеме кода эсензэ, истя и лиянь асатыкстнэнь лангсоак» [2, с. 26] («Характеры героев раскрываются с помощью сатиры и юмора. Автор показывает нам незлого, хитрого, трудолюбивого человека, который, тем не менее, умеет смеяться над недостатками как своими, так и других людей»). Анализируя творчество Р. Учаева, В. И. Дёмин сделал вывод: «...Раськень поэтиканы койтне ванстошь, ёвтницясь соватни эйзэст кельвалонь эсензэ сюпавчинть, мелявты арсемань домкачиде, сюжетэнь прядомадо ды мельс туевемадо» [2, с. 28] («...Сохранены традиции национальной поэтики, и вместе с тем, в произведениях рассказчик внедрил свое языковое богатство, свои особенности, переживания за глубину мысли, за развитие и развязку сюжета, за восприятие текста читателями»).

О творчестве Т. Завражного и С. Ларионова — авторов «Мордовской истории» (1907) — ученый писал: «А. Шахматов, кона вадрясто содылизе эрзянь келенть ды минек раськенть эрямопингензэ, Т. Завраженоень ды С. Ларионовонь „историянтъ“ лисемадо мейле мерсь: сон, марят, сёрмадозь эрзянь паро кельсэ, мезес сыремти педепес ловноманзо мель; мартонзо содавиксэкс теевемстэ кармат чарькодеме: автортнэ сёрмадсть эйсэнзэ аволь ансяк эсь превстэ, сынст ульнесь пек паро нежедьксэст — эсь раськень моротне ды преданиятне» [2, с. 29]. («А. Шахматов, который хорошо знал эрзянский язык и историю нашего народа, после выхода „истории“ За-

вражного и Ларионова отметил: она написана грамотным эрзянским языком, что порождает желание прочитать ее до конца; авторы писали не только от себя, у них была очень хорошая опора — песни и предания своего народа»). Здесь же автор привел мнение современных исследователей А. В. Алёшкина и А. И. Брыжинского о значимости «Мордовской истории»: «Те минек литературасонть эрзянь-мокшонь народонь эпосонь теemanь васенце терявтома. Сонзэ эйтэ ушодовсь тиринь раськенть эрямопингезэ XX пингень эпикань поэзиясонть ванкшномасть» [2, с. 29]. («Это в нашей литературе первая попытка создания эрзянского и мокшанского эпоса. С нее началось рассмотрение истории наших народов в эпической поэзии XX века»).

Второй раздел монографии «Лисевкст ды касовкст» («Отростки и плоды») является историческим экскурсом в прошлое мордовской журналистики, «первые росточки», а затем «плоды» которой «вырастают», по словам автора, после Октябрьской революции. Первая газета «Мужик» вышла в Саранске в 1906 г. О его издатель, тридцатисемилетнем эрзянине В. Бажанове, ученый писал: «Истят ломантне, алкуксккак, нать, чачнить а седе икеле, а седе мейле — свал шкастонзо, ды Пазось а ваны сень лангс, кодамо сон раськень, лезэ ансяк седе покш кандозо. В. Бажанов кандсь лезэ пингензэ перть» [2, с. 32] («О таких людях, правду говорят, что, наверное, такие люди, действительно, наверное, рождаются не рано и не поздно — всегда вовремя, и Бог не смотрит на то, какой они национальности, главное, чтобы больше пользы приносили. В. Бажанов приносил такую пользу всю свою жизнь»). Используя художественно-публицистические возможности очерка [1, с. 127 — 140], В. И. Дёмин дает биографический и творческий портрет издателя — автора фельетонов, рассказов и очерков: «Произведениятнесэ велень эрямось панжозь весеме ёндо, авторось невтизе прязно те эрямонть вадрясто содыцяк ды эйтэнзэ ёроковсто ёвтницяк. Сон машты сюжетэнь теемеяк, эрявикс валонь муемеяк, геройтнень мелест-арсемаст ды ёжомарямоств невтемеяк, сеедьстэ совавтни произведениянь викшнексэнть эрзянь вал, мезесь виевгавты сонзэ национальной ёнксонть» [2, с. 34]. («В произведениях сельская жизнь раскрыта с самых разных сторон, автор показал себя хорошим знатоком этой жизни и хорошим рассказчиком. Он умеет строить сюжет, находить нужные слова, показывать мысли и переживания героев, часто вводит в текст эрзянские слова, что усиливает национальную специфику»). Свою точку зрения В. И. Дёмин подтвердил цитатой из статьи «Русское слово у колыбели мордовской литературы», напечатанной в книге «Проблемы современной мордовской литературы» (1980): «В. Бажановонь художествань шкинманзо тонавнемстэ сат мельс: сон ве рисьмень сеть пелькстнэстэ, конат сьолмизь рузонь ине литературанть эрзянь-мокшонь сёрмасо чачиця культуранть марто» («Когда изучаешь художественное творчество В. Бажанова, приходишь к мысли: он часть той цепочки, которая соединяет великую русскую литературу с эрзянской и мокшанской письменной культурой»). Революционное издание «Мужик» вскоре закрыли, редактора отправили в ссылку, лишь в 1912 г. В. Бажанов вновь начинает издавать непартийную газету «Саранские вести», которая выпустила только 14 номеров. Придавая большое значение деятельности В. Бажанова, В. И. Дёмин дал положительный отзыв на его творчество: «Сень, кода ламо тейсь В. Бажанов Мордовиянь журналистиканть ды литературанть туртов, стака онкстамсак. Эрямонзо перть сон сёрмадсь ды печатась художествань ды публицистикань 54 произведеният. Виде, эйтэст седе

ламотне савить революциядо икелень шкантень. Сынст ванкшномсто чарькодъсак, мекс советтэнь властенъ иетнестэ знярошка талантось пужсь, теке паксянь цеця, конань киртызь лопанзо. Се, мезде сон сёрмадсь, пек пштиль. Лиякс сёрмадомо эзь машто. Ды, натъ, мелезяк арасель. Се, мезе кенерсь тееме ды сёрмадомо, саты ле-мензэ Мордовиянь эрямопингес сырнень буквасо сёрмадоманть туртов» [2, с. 37] («Сколько сделал для мордовской журналистики и литературы В. Бажанов невозможно измерить и оценить. За всю свою жизнь он написал 54 художественных и публицистических произведения. Да, большинство из них относятся к дореволюционному периоду. Анализируя их, понимаешь, почему в советские годы угас, словно полевой цветок, которому обожгли листья, такой значительный талант. То, о чем он писал, было актуальным, острым. По-другому писать он не умел, не хотел. Того, что он успел сделать, хватит сполна для того, чтобы его имя было выведено золотыми буквами в истории Мордовии»).

Скрупулезному фактологическому анализу в монографии подверглись газеты послереволюционного периода («Саранская жизнь», «Известия Саранского уездного исполнительного комитета», «Темниковские известия», «Известия Рузаевского Совета рабочих и крестьянских депутатов», «Трудовая коммуна» и др.). Например, анализируя содержательное, проблемно-тематическое наполнение газеты «Чинь стямо» («Рассвет»), критик констатирует, что она многоаспектно освещала жизнь эрзян (обычай, традиции, культуру). Издание, как и многие другие, хотя и просуществовало недолго, но сыграло, по мнению автора, значительную роль в формировании национального менталитета эрзян.

10 декабря 1921 г. на Всероссийском съезде эрзянских и мокшанских коммунистов в Самаре было решено издавать в Москве национальную газету «Якстере теште» («Красная звезда»). Ее издателем стал Д. С. Желтов, которому ученый также посвятил отдельный очерк. Перед нами он предстал как одаренный, мыслящий редактор, публицист и писатель. На страницах газеты в свет вышло 300 стихотворений, 60 рассказов, 15 пьес, 30 фельетонов и 10 критических статей, впервые опубликованы переведенные на эрзянский язык известные песни того времени «Интернационал» и «Смело, товарищи, в ногу!». В. И. Дёмин о творчестве молодых поэтов, печатавшихся в «Красной звезде», писал: «Эсест произведениятнесэ эрзянь од сёрмадейтне верьга вайгельга ёвтась од эрямонь кувалма мельспаросот, кемсть: сон кази тенст валдо уцяска» [2, с. 72] («В своих произведениях эрзянские молодые писатели и поэты громко выражали свои радостные чувства в связи с приходом новой жизни, они верили, что новые социальные преобразования принесут им светлое будущее»). Кроме жизнеутверждающих тем (например, «Моро од эряmodo» («Песнь о новой жизни») И. Прокина, «Авань морыне» («Песенка матери») М. Кочетковой и др.), в поэзии находили отражение и трагические события Гражданской войны, непростые будни трудовой жизни рабочих и крестьян.

В. И. Дёмин придавал особое значение произведениям с элементами сатиры и юмора, отмечая, что юмор помогает выявлять и искоренять недостатки в обществе, мешающие строить новый мир: «Художествань ракамостонть, теке пек мариця барометрасто, вадрясто неявить-чарькодевить эрямонь весе лиякстоматне. Ды сехте виевстэ сон гайги историянтъ молеманзо коламо шкастонть. Те аволь ансяк асатыкстнэнь сяддыця, вадрянтъ ладиця-кемекстыця вийгак. Самай истямокс ульнесь Октя-

брядо мейлень художественной ракамось» [2, с. 76] («Художественный юмор, как мощный барометр, выявлял все жизненные перемены. И наиболее громко он „звенел“ в переломные исторические моменты. Это была сила, не только высмеивающая недостатки, но и укрепляющая хорошее и доброе. Именно таким был художественный юмор в послеоктябрьском периоде»). Критик вычленил наиболее известные сатирические произведения, написанные А. Бухаревым, Ф. Бездолным, Я. Григошиным, А. Дуняшиным, Ф. Ильиным, И. Прокиным, В. Сафроновым, Ф. Чесноковым.

Расширяя диапазон монографического исследования, В. И. Дёмин, аналитически комментируя, дал оценку произведениям мордовских прозаиков (С. Салдин, Ф. Ильин, В. Радаев, П. Долгов, П. Шишкин, А. Дуняшин, Ф. Чесноков, Н. Цыганов, Т. Раптанов, Н. Филиппов, А. Куторкин и др.).

Несмотря на то что в период Великой Отечественной войны многие газеты и журналы были закрыты, мордовская литература и журналистика продолжали свое развитие. В то тяжелое время газеты стали не просто летописью боевых событий, но и действенным оружием художественного слова в воспитании боевого духа советского народа, бойца-патриота. С большим чувством патриотизма ученый писал о творчестве А. Моро, С. Вечканова, А. Щеглова, А. Мартынова, Н. Эркайя, И. Девина, А. Малькина, М. Бебана, В. Радина-Аловского, И Прокина, Я. Пинясова, М. Сайгина и многих других.

Большое место в монографии занимает история образования и развития эрзянского журнала «Сятко» («Искра»), постоянным автором которого десятки лет, вплоть до последних дней жизни, был В. И. Дёмин. Первый номер журнала, констатирует он, вышел в Самаре в 1929 г. Изначально в журнале преобладали публикации на общественно-политическую, сельскохозяйственную тематику: «Сон кеместэ сюлмавозель эрямонь весе ёнкстнэнь марто, ламо сёрмадсь эйстэст. Те толковавсь истямо тувтал-сояк: сестэ „Сяткось“, кода сёрмалевсь лангсонзо, ульнесь ансяк обществань-политикань журналокс. Теске невтневсть нолдыцяно: ВКП(б)-нь Средне-Волжской крайкомось ды крайисполкомось» [2, с. 172] («Журнал был крепко связан со всеми сторонами общественно-политической жизни, всесторонне отображал их. Это объясняется тем, что „Сятко“, как было написано на обложке, был общественно-политическим журналом, издателями являлись крайком и крайисполком Средне-Волжской ВКП(б)»). Постепенно журнал трансформировался в литературно-художественный альманах «Изнямо» («Победа»); в 1956 г., отметил ученый, он стал выходить как издание «Сурань толт» («Сурские огни»). Лишь в 1956 г. журнал снова стал называться «Сятко».

На полосах издания середины прошлого века В. И. Дёмин выделил следующие рубрики: «Советской строительствась» («Советское строительство»), «Партиянь, комсомолонь ды пионерэнь тевть» («Дела партии, комсомола и пионеров»), «Тонавт-нема тевть» («Образование»), «Омбо масторонь кулят» («Новости из других стран»), «Мезень кувалт сёрмадыть велесэ» («О чем пишут в деревнях»), «Эрзянь кель-валось» («Эрзянское языкознание»).

Анализируя структурно-тематическое наполнение полос журнального издания, ученый пояснил, что многие произведения, изданные десятки лет назад, актуальны, интересны современному читателю. При этом он привел примеры стихов и рассказов из рубрики «Мезень кувалт сермадсть велесэ» («О чем писали в деревнях»), дающих читателям представление о том, как раньше строился быт, отношения между эрзянами, каковыми были их обычаи, традиции, фольклор и проблемы.

В. И. Дёмин иллюстрирует тип данного журнала как значимый сегмент в создании художественной литературы на родном языке, рассчитанной на массового мордовского читателя, отмечает, что с момента образования журнала до нас дошли лучшие произведения эрзянских писателей и поэтов, составившие золотой фонд мордовской литературы. Среди них «Эрмезь» Я. Кулдуркаева, «Валске Сура лангсо» («Утро на Суре»), «Литова» П. Кириллова, «Галё», «Литува» А. Рогожина, «Моро Ратордо» («Песня о Раторе») Н. Эркая, «Ламзурь», «Раужо палмань» («Черный столб») А. Куторкина, «Ташто койсэ» («По старинке») К. Петровой, «Татю», «Чихан пандо ало» («Под Чихан горой») Т. Раптанова, «Лавгинов», «Прокопыч» В. Коломазова и многие другие. Ученый подчеркнул особую роль журнала, связанную с выявлением, подбором и воспитанием творчески одаренных молодых людей, в последующем ставших знаменитыми национальными писателями.

Таким образом, исследовав монографию В. И. Демина «Эрзянь журналистиканть эрямопингезэ», приходим к выводу, что это панорамное научное произведение, в котором автор использует широкий арсенал литературоведческих методов, жанрообразовательных вариаций, аналитически воспроизводит историческую картину становления мордовской литературы и журналистики; аргументирует ее богатым эмпирическим материалом — очерковыми, зарисовочными фрагментами творческих биографий литературных и публицистических деятелей, обозначивших эволюционные вехи мордовской культуры.

Продолжая в современный период творчество предшественников, ученый актуализировал новые темы и проблемы, помещая в журнале «Сятко» сотни своих стихов, критических статей, рецензий, обзоров, очерков и т. д. Например, в 2003 г. вышло в свет 11 материалов эрзянского мастера слова. Среди них — литературно-критическая статья «Печатесь ды шкась: саевкст ды стакачить» («Пресса и время: лишения и трудности», № 2), в которой анализируется современное состояние мордовской периодической печати; литературный портрет — очерк «...Мон моран морот сорныця вайгельсэ...: А. В. Араповдо» («...Я песни свои пою дрожащим голосом...: о А. В. Арапове», № 4), творчество которого В. И. Дёмин высоко ценил.

В 2004 г. опубликовано 12 работ ученого в разных жанровых формах и модификациях. Это, прежде всего, литературно-критическая статья-рецензия о художественной публицистике известного мастера слова Н. Эркая — «Никул Эркаянь публицистиказо» («Публицистика Н. Эркая», № 9). В. И. Дёмин, говоря о своеобразии наследия писателя, выделил творческую методику, проблему содержания и формы его художественно-публицистических произведений. В статье «Эрзянь очеркесь: исяк ды течи» («Эрзянский очерк: вчера и сегодня», № 11) поднимаются проблемы жанровой определенности очерка, типизации и обобщения формы, становления и динамики очерковых произведений на эрзянском языке; кроме того, акцентируется внимание на структурно-содержательных, модификационных характеристиках современного очерка.

В 2010 г. вышли эссеистические письма В. И. Демина: «Мон чачинь эрзянь велесэ...» («Я родился в эрзянском селе», № 1); «Эряви маштомс келенть ёжонзо марямо, мазычинзэ нееме...» («Нужно уметь чувствовать родной язык, видеть его красоту», № 4), проникнутые патриотичностью и гражданственностью, безмерной любовью к своему народу, малой родине, эрзянскому языку и литературе. Им свойственна глубокая лиричность, философичность рассуждений.

В 2014 г. В. И. Дёмин в жанре литературного портрета, повествуя о профессоре Е. И. Чернове («Профессор», № 9), дал личностную и творческую характеристику учителю, коллеге и другу, сфокусировал внимание на интроспективных свойствах характера героя и на значительном вкладе Евгения Игнатьевича в мордовское литературоведение.

В 2018 г. В. И. Дёмина не стало. В 2019 г. были напечатаны его ранее не публиковавшиеся работы: стихи «Ульнесь ялгам» («О моем друге»), «Зярдю монень удомась а педи...» («Когда мне не спится...»), «Варьгат» («Варежки»), «Пелесь, каня, ушков — теке лов?» («Облако, плывет куда — словно снег?») — № 1; очерк «Очеркист, кодат масторсонок аламольть» («Очеркист, каких мало на свете») — № 2, посвященный 100-летию со дня рождения И. З. Антонова; литературный портрет «„Кода паро, зярдю чись пиди...“: Артур Моронь уцяскадонзо ды творчествадонзо» («„Как хорошо, когда солнце улыбается...“: о судьбе и творчестве Артура Моро») — № 6; очерк «Вай, сон ён ульнесь. Вай, сон ванькс ульнесь!..» («Ой, он лучшим был. Ой, он светлым был!..») — № 10, посвященный 125-летию мастера слова Я. Я. Кулдуркаева.

В рамках одной статьи невозможно охватить весь структурно-содержательный диапазон творческого наследия В. И. Дёмина. Как истинный ценитель мордовской культуры, он многое успел сделать для своего народа, его языка и литературы, в целом духовного процветания и идейно-нравственного благополучия родного края.

Заключение

Идейно-тематический, структурно-содержательный анализ монографии по истории эрзянской журналистики, многочисленных публицистических и художественно-публицистических работ В. И. Дёмина показал, что творческий диапазон ученого чрезвычайно широк и разнообразен. Он писал о патриотизме, национальных и социокультурных проблемах, роли и значении писательского труда в жизни этноса, о эрзянском языке и литературе, любви к ним. Работы свидетельствуют о многогранном таланте автора как писателя, критика и журналиста. Умение синтезировать элементы различных жанровых форм в одном произведении, использовать как «чистые» жанры, так и их модификационные варианты является основной составляющей своеобразного творческого подхода ученого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1 Антонова В. И. Региональная пресса в системе российской журналистики: типология и жанрообразование. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 160 с.
- 2 Дёмин В. И. Эрзянь журналистиканть эрямопингезз: кавто пельксетэ [История мордовской журналистики: в двух частях]. Саранск: Лит. фонд России, 2013. 404 с.
- 3 Левин Н. В., Антонова В. И. Творческая индивидуальность В. И. Дёмина в социокультурной парадигме современной национальной словестности Мордовии // Казанская наука. 2024. № 10. С. 199 — 202.
- 4 Налдеева О. И. Жанровая система поэзии Мордовии: генезис, эволюция, поэтика. Саранск: МГПИ, 2012. 135 с.
- 5 Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск: МГПИ, 2013. 283 с.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 06.11.2024.

Информация об авторах:

Николай Викторович Левин, аспирант кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68), levin.kolya19971997@mail.ru

Вера Ивановна Антонова, профессор кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68), доктор филологических наук, belkich@rambler.ru

Мамаева Юлия Александровна, магистрант кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68), mamaevaa24@gmail.com

Вклад авторов:

Левин Н. В. — сбор данных, анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Мамаева Ю. А. — сбор данных, анализ литературы;

Антонова В. И. — разработка концепции, критический анализ, научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Antonova VI. Regional Press in the System of Russian Journalism: Typology and Genre Formation. Saransk;2006.
2. Demin VI. Erzyan Journalism Eryamopingese. Saransk;2013.
3. Levin NV, Antonova VI. The Creative Individuality of V. I. Demin in the Socio-Cultural Paradigm of the Modern National Vocabulary of Mordovia. *Kazanskaya Nauka*. 2024;10:199—202.
4. Naldeeva OI. Genre System of Poetry of Mordovia: Genesis, Evolution, Poetics. Saransk;2012.
5. Naldeeva OI. Modern Mordovian Poetry: Main Trends and Artistic Guidelines. Saransk;2013.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 06.11.2024.

Information about the authors:

Nikolay V. Levin, Postgraduate Student of the Department of Journalism of Ogarev National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia), levin.kolya19971997@mail.ru

Vera I. Antonova, Professor of the Department of Journalism of Ogarev National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia), belkich@rambler.ru

Yulia A. Mamaeva, Undergraduate Student of the Department of Journalism of Ogarev National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia), mamaevaa24@gmail.com

Contribution of the authors:

Levin N. V. — concept development, data collection and literature analysis, writing the initial version of the article;

Mamaeva Yu. A. — concept development, literature analysis;

Antonova V. I. — critical analysis, scientific text editing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 821.511.152
EDN YMWXZP

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

МОТИВНО-ОБРАЗНЫЙ КЛАСТЕР «ВРЕМЕНА ГОДА» В ЭРЗЯНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИРИКЕ

С. В. Шеянова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru

Аннотация

Введение. В отечественном литературоведении актуальными признаются вопросы природной образности, пейзажного кода как метафорической доминанты поэтической речи, ключевого символического компонента текста, импликации мироощущения лирического героя, манифестации авторских мотивно-тематических предпочтений. Особую значимость приобретает исследование отдельного сегмента природно-образной выразительности — «времена года» — эстетических принципов реализации кластера в произведениях эрзянских поэтесс, поскольку образы времен года в них отличаются способностью не только визуализировать пространственно-временные модусы, передавать разнообразие эмоционально-смысловые доминанты, ассоциации, но и отражать психологические контексты субъективной картины мира, индивидуально-авторское мироощущение, а также семантической многоплановостью, кодированной символикой. Цель статьи — выявить специфику репрезентации «сезонных» картин в стихотворениях эрзянских поэтесс, раскрыть их семантические функции.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили стихотворения Л. Рябовой, А. Подгорновой и М. Слугиной. В работе использованы традиционные методы литературоведения (структурно-семантический, историко-функциональный, целостного анализа художественного текста), а также интерпретационный и гендерный подходы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование мотивно-образного кластера «времена года» углубляет представления о поэтике современной эрзянской литературы, расширяет подходы к изучению национального женского творчества. В произведениях авторов-женщин традиционная поэтизация времен года, использование «сезонных» пейзажей, описаний как средства репрезентации пространственно-временного континуума и эмоционального состояния лирического героя усложняется онтологической экзистенцией, визуально-созерцательные картины времен года обогащаются символическими (архетипическими) ассоциациями, экзистенциальными смыслами (быстротечность жизни, невозможность повернуть время вспять, непредсказуемость человеческой судьбы), получают индивидуальную семантизацию.

Заключение. В эрзянской женской лирике времена года реализуются на нескольких уровнях — способствуют эмоционально-образному творческому самовыражению, воссоздают хронотоп, определенный сезон с характерными красками, звуками, запахами, коррелирующий или контрастирующий с состоянием лирической героини, становятся средством психологизации, интимизации ее диалога с природой, миром, концентрируют в себе глубокие онтологические смыслы, экзистенциальные интенции, наделяются разнообразными символично-ассоциативными функциями, содержательно-оценочными и эмоциональными коннотациями.

Ключевые слова: эрзянская поэзия, женская лирика, А. Подгорнова, Л. Рябова, М. Слугина, образы времен года, мотив, лирическая героиня

© Шеянова С. В., 2024

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>

Для цитирования: Шеянова С. В. Мотивно-образный кластер «времена года» в эрзянской женской лирике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 213 — 225. EDN YMWXZP

Original article

THE MOTIVE-SHAPED CLUSTER “SEASONS” IN THE ERZYA WOMEN’S LYRICS

S. V. Sheyanova

Ogarev National Research Mordovia
State University,
Saransk, Russia
sheyanovas@mail.ru

Abstract

Introduction. In Russian literary criticism, the issues of natural imagery, landscape code as the metaphorical dominant of poetic speech, the key symbolic component of the text, the implication of the lyrical hero’s worldview, the manifestation of the author’s motivational and thematic preferences are considered relevant. Of particular importance is the study of a separate segment of natural figurative expressiveness — “the seasons”, the aesthetic principles of the cluster implementation in the works of Erzya poetesses, since the images of the seasons in them differ in the ability not only to visualize spatial and temporal modes, convey a variety of emotional and semantic dominants, associations, but also reflect the psychological contexts of the subjective picture of the world, an individual author’s worldview, as well as semantic diversity, encoded by symbols. The purpose of the article is to identify the specifics of the representation of “seasonal” paintings in the poems of Erzya poetesses, to reveal their semantic functions.

Materials and methods. The research material was poems by L. Ryabova, A. Podgornova and M. Slugina. The work uses traditional methods of literary criticism (structural-semantic, historical-functional, holistic analysis of a literary text), as well as interpretative and gender approaches.

Results and discussion. The study of the motive-shaped cluster “seasons” deepens the understanding of the poetics of modern Erzya literature, expands approaches to the study of national women’s creativity. In the works of female authors, the traditional poetization of the seasons, the use of “seasonal” landscapes, descriptions as a means of representing the space-time continuum and the emotional state of the lyrical hero is complicated by ontological existence, visually contemplative paintings of the seasons are enriched with symbolic (archetypal) associations, existential meanings (the transience of life, the inability to turn back time, the unpredictability of human fate), receive individual semantics.

Conclusion. In Erzya women’s lyrics, the seasons are seen on several levels — they contribute to emotional and imaginative creative self-expression, recreate a chronotope, a certain season with typical colors, sounds, smells, correlating or contrasting with the state of the lyrical heroine, become a means of psychologization, intimatization of her dialogue with nature, the world, concentrate deep ontological meanings, existential intentions. They are endowed with a variety of symbolic and associative functions, content-evaluative and emotional connotations.

Keywords: Erzya poetry, female lyrics, A. Podgornova, L. Ryabova, M. Slugina, images of the seasons, motive, lyrical heroine

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>

For citation: Sheyanova SV. The Motive-Shaped Cluster “Seasons” in Erzya Women’s Lyrics. Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2024;16(4):213—225. EDN YMWXZP

Введение

В современном литературоведении актуальной исследовательской стратегией признается разноаспектное изучение женского литературного дискурса, специфики репрезентации женской ментальности, форм, средств, приемов творческого самовыражения женщины. Определение индивидуально-художественного мироощущения, содержательно-смыслового, хронотопического, выразительного своеобразия произведений авторов-женщин весьма продуктивно, на наш взгляд, в аспекте природной образности, эстетических возможностей такого сегмента поэтической выразительности как «времена года», «традиционных мифологем, широко представленных в художественном сознании различных эпох и народов» [12, с. 317], воспринимаемых «одним из ключевых символично-образных пластов, без которых немислима художественная изобразительность» [3, с. 99], поскольку «во времена года изначально заложен архетипичный универсальный смысл, которого в принципе не может миновать ни один писатель» [4, с. 160]. В языческом сознании ежегодно повторяющаяся смена времен года соотносилась с идеей циклического времени, универсалией является отождествление времен года с временем суток и с этапами человеческой жизни.

Образы времен года широко и многообразно представлены в отечественной литературе, что обусловлено, на наш взгляд, ярко выраженными природно-погодными контрастами, климатическими особенностями российской действительности, крепкой поэтической традицией, а также творческим мироощущением авторов, испытывающих потребность посредством природно-образных символических ассоциаций раскрыть важнейшие онтологические, философские, аксиологические вопросы, перевести лирический монолог в коммуникацию с читателем, заставить его рефлексировать — сопереживать, восхищаться и т. д. Этот сегмент обладает большими выразительными возможностями на разных уровнях поэтической структуры — участвует в построении сюжетов, конструирует пространственно-временной хронотоп, воссоздает визуальные, акустические, цветовые реалии, отражает лирико-психологические соответствия / контрасты, разнообразие человеческих интенций, многообразии субъективных миров.

В мордовской литературе времена года следует считать традиционным мотивно-образным кластером, о чем свидетельствуют произведения поэтов разных эпох — М. Безбородова, Я. Григошина, Никула Эркая, Артура Моро, А. Мартынова, П. Любаева, И. Калининна, С. Кинякина, Н. Ишуткина, А. Арапова, Р. Орловой, Л. Дергачевой и др. На примере поэтической рефлексии «сезонных» тем и образов данными мастерами слова можно проследить, как содержательно меняется мотивно-образная система национальной поэзии от пафосного созерцания окружающей среды к актуализации психологического контекста, осмыслению человека как «микромира» до восприятия архетипических смысловых констант, уникальных символических ассоциаций, манифестации сложных онтологических вопросов. В лирике каждого поэта времена года получают особую семантическую наполненность, что во многом

обусловлено обстоятельствами его жизни, мировосприятием, творческой концептуальностью, а также внутрилитературными тенденциями. Например, у М. Безбородова («Тунда» / «Весна») они играют на созерцательное, чувственное восприятие мира природы, поэтизированной, поражающей своим естеством среды, развивают эстетические чувства, умение видеть красоту родной земли. В текстах поэтов 1960 — 1980-х гг. наблюдаются «открытые» визуальные сюжеты, максимально реалистичные, не отягощенные мифологическим блеском, авторы сконцентрированы на внешнем восприятии окружающего мира, коррелирующего с состоянием лирического субъекта. Поэзия начала XXI столетия, тяготеющая к постмодернистскому формату выражения интенций, лишена патетики, природная образность в ней отличается многомерной семантической функциональностью, символической кодировкой, призвана отразить экзистенциальный мирообраз — эпоха, терзаемая противоречиями, хаос в обществе, неопределенность будущего.

В мордовском литературоведении нет специальных исследований, посвященных изучению семантики времен года в поэтическом дискурсе авторов-женщин. Между тем решение данной задачи представляется весьма важным и научно значимым, поскольку углубляет представления о развитии женского поэтического дискурса, расширяет вводимый в аналитическое поле художественный материал, позволяет выявить вектор творческого поиска поэтесс, стратегию эволюционирования литературной системы в целом. Актуальность статьи обусловлена недостаточностью изучения специфики репрезентации и функциональной семантики образов времен года в творчестве эрзянских поэтесс, необходимостью введения в научный контекст их произведений. Статья актуализирует ряд сопутствующих исследовательских проблем (специфика постмодернизма в мордовской литературе, смысловое приращение традиционных символических кодов, рецепция архетипических образов, экзистенциальность творческого мировосприятия), дополняет теоретическую базу финно-угорского литературоведения.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили произведения Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» / «Кто ты?»), А. Подгорновой («Марямга» / «Вслух», «Кроме рифм», «Мель» / «Мысль»), М. Слугиной («Тюст» / «Оттенки»). В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: метод целостного анализа художественного текста, структурно-семантический, историко-функциональный; интерпретационный и гендерный подходы.

Обзор литературы

В современном финно-угорском литературоведении проблемы женского творчества, специфики репрезентации гендерной картины мира, влияние женской реальности на структурно-содержательные параметры текста, арсенал изобразительности «женского» письма находят разноаспектное освещение в работах А. А. Арзамова [2; 3], А. В. Камитовой [6], Р. А. Кудрявцевой [10], А. В. Малевой [11] и др. Актуальность гендерного подхода обусловлена не только активизацией женского творчества на рубеже XX — XXI вв., но и исследовательским инструментарием, поскольку он «позволяет, отстранившись от традиционных литературоведческих трактовок, исследовать произведения в аспекте особенностей мужского / женского художественного сознания с учетом его трансформации в контексте культурно-

исторической эпохи, что особенно актуально в переосмыслении теоретически значимой проблемы — изображения человека» [11, с. 3].

В мордовском литературоведении женское творчество как «сложное социокультурное явление», «национально-эстетический феномен, отражающий особенности этнического сознания, определенный сегмент национальной картины мира» [14, с. 124] не оказывается на периферии научного интереса исследователей, что подтверждается диссертационными работами [5], монографиями [1], отдельными статьями [7; 8; 13; 14] и др., в которых женский художественный дискурс рассматривается в аспекте отражения многообразия человеческих взаимоотношений и интенций, осмысления онтологических категорий, метафизических понятий, проблемно-тематических модусов, мотивно-образных кластеров, инструментария изобразительной образности. Однако своеобразие реализации в творческом сознании авторов-женщин пейзажно-природного кластера и сезонных пространственно-временных категорий, функциональная семантика образов времен года, оригинальность их интерпретации и символическая кодировка в лирических опытах эрзянских поэтесс до настоящего времени не являлись объектом специального исследования, что определяет актуальность и своевременность настоящей статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

На рубеже XX — XXI вв. в мордовской литературе происходят изменения, трансформации, обусловленные социокультурными обстоятельствами, внутрилитературными тенденциями, прослеживающиеся на разных уровнях художественного целого — нарративном, композиционном, мотивно-образном, проявляющиеся в аксиологическом осмыслении человека и мира, актуализации философских, метафизических проблем, констатации ценностных категорий, расширении типов героев, углублении эстетических средств репрезентации мирообраза и анализа эмоционально-психологического состояния персонажа. Важно то, что меняется и субъект творчества — на смену доминирующему в советскую эпоху мужскому дискурсу приходит женское творчество, характеризующееся специфическим подходом к рефлексии мира и личности, оригинальными средствами отражения женской ментальности. Об этом свидетельствует творчество эрзянских поэтесс Л. Дергачевой, Л. Рябовой, А. Подгорновой, М. Слугиной, Т. Мокшановой, С. Фадеевкиной и др., в произведениях которых наблюдается своеобразная интерпретация сезонного сегмента природно-пейзажного кода, «сопряженного с особым комплексом изобразительных средств, призванных воплотить тот или иной тип эстетического переживания» [15, с. 169].

В художественном мире А. Подгорновой сезонные образы раскрывают мироощущение лирической героини, наделяются символической знаковостью, разнообразной содержательной коннотацией. В стихотворении с интертекстуальным названием «Что мне об осени сказать? Ведь все описано...»¹ (прецедентный текст: «О любви не говори — / О ней все сказано») «сухими листьями хрустящая», «тоску надламывающая», «дождем обкалывающая» осень психологически близка героине, поэтому она приглашает ее «квартировать в грудину тесную», «переселиться в нее

¹ Подгорнова А. Мель. Саранск, 2021. С. 40.

на пару месяцев». Строкой «Здесь столько сброшено надежд и чувств засушено» акцентировано экзистенциальное состояние героини, пережившей глубокое разочарование, личную драму. Своими эмоциями она готова поделиться лишь с осенью, которая предстает в разных ипостасях: в сентябре она так красива, что «терпеть природе тягостно», в октябре манит «в янтарь — из золота», в ноябре олицетворяет «черноземную печаль, тоску зеленую». Время года наделяется символической семантикой — воспринимается близкой подругой героини, с которой она коммуницирует, что психологически мотивированно ее потребностью в общении («вдвоем не скучно тосковать»). Диалогизированный монолог героини эмоционален, что передается посредством как лексических средств, так и синтаксических конструкций (восклицания, вопросы, незавершенная мысль). Обращения к осени «золотка», «моя холодная», «моя прелестная», «моя отдушина» свидетельствуют об искренности, открытости героини, ее полной уверенности в том, что нашла родственную душу.

Положительная коннотация природного мира наблюдается и в стихотворении А. Подгорновой «Сексень чинезэ — ютазь кизэнь...» («У осени запах — прошедшего лета...»)², в котором созерцательная поэтизация «золотой» осени перерастает в размышления онтологического плана, что акцентируется вопросом: *Ломанентень эряви мезе?* («Что нужно человеку?»)³. В поисках ответа лирическая героиня приходит к выводу о том, что в современном обществе приоритетом является финансовое благополучие, в череде бесконечных дел человек забывает о духовных составляющих: *Пазось яки минек икельга — / А капиатано суюконямо* («Бог ходит перед нами — / Не торопимся поклониться»). Нивелирование духовных и нравственных ценностей неизбежно приводит к глобальным противоречиям, конфликтам в социуме, что невозможно в естественной среде. Философская мысль о своевременности времен года, гармоничной смене сезонов, обусловленных волей высших сил, духовности человеческой природы, ответственности каждого за свою судьбу наполняет стихотворения А. Подгорновой «Течи паро ежом...» («Сегодня мне хорошо...»)⁴, «Вай, кодамо течи ожо чись!» («Какой сегодня желтый день!»)⁵. В последнем архетипические образы Времени, Земли (*Кедте кундазь мартон моли Шкась, / Весе Модась ахоли минек / «Под руку со мной идет Время, / Вся Земля машет нам»*) акцентируют аксиологическое мироощущение героини, восприятие ею жизненных ценностей, а также психологическое состояние — способность возрождаться, наполняться душевной энергией, надеждой.

В стихотворении Л. Рябовой «Ожо нурсемасо нурси сексесь...» («На желтых качелях качается осень...»)⁶ образ времени года репрезентируется посредством желтого цветового маркера: *ожо нурсемасо* («на желтых качелях»), *ожо рисьметь* («желтые ленточки»), *ожо пикст* («желтые веревки»), *валдо-ожо локсей* («светло-желтый лебедь»), *ожо кикст* («желтые полосы»), выполняющего созерцательно-изобразительную роль, передающего яркость, насыщенность, игривость ранней

² Подгорнова А. Марямга. Саранск, 2013. С. 10.

³ Здесь и далее перевод автора — С. Ш.

⁴ Подгорнова А. Марямга. С. 16.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Рябова Л. Кие тон? Саранск, 2017. С. 53.

осени, одновременно рождающего в сознании реципиента размышления о необратимости сезонных циклов, минорные ассоциации (скоро наступит межсезонье, яркие цвета выцветут, станут блеклыми, серыми), мотивы отрешенности, опустошенности. Таким образом поэтически воссоздается архетипическая модель мироздания: цветущая природа скидывает одежду, впадает в грусть, обнажается в ожидании первого снега.

Сюжетообразующая роль времени года прослеживается в стихотворении Л. Рябовой «Прок покш толбандя палы сексесь...» («Словно костер горит осень...»)⁷, в котором сезонный образ становится средством раскрытия любовного конфликта, передачи депрессивного настроения лирической героини, ассоциируется с невозвратностью ушедшей любви. Героиня «сжигает» в осени болезненные воспоминания о человеке, который не смог оценить и принять ее чувства. Природа не только сопереживает, но и пытается помочь ей (*ваксозон лембе вармась лотксесь / Ды вадяшась монь сёлмосонзо / «рядом останавливался теплый ветер / И гладил меня крыльями своими»*), однако состояние героини экзистенциально, решить проблему невозможно (*Пултавлинь... ансяк тон а палат, / Кадовить чапокс седеезэнь / «Сожгла бы... но не горишь ты, / Остался рубцом на сердце»*). Таким образом автором манифестируется фатально-роковое восприятие неразделенной любви как человеческой драмы, развивающейся на фоне осени.

В стихотворении Л. Рябовой «Тундо, оям!» («Весна, подруга!»)⁸ весна предвкушается, угадывается на определенном расстоянии, что поэтически обыгрывается посредством вопросов: *Тон марясак шалтонть? Тон редясак валдонть?* («Ты слышишь гул? Ты различаешь свет?»). Разрушение зимнего хронотопа передано строкой *Модась сези кельмевтиця тертнень* («Земля разрывает холодные прутья»), предвесенний пейзаж разворачивается посредством образа «синего неба», «взволнованных птиц». В авторском сознании весна наделяется традиционной символической семантикой как источника внутренней энергии, времени психологического обновления, вдохновения, поиска, продуктивных свершений. Во второй части стихотворения созерцательность сменяется активностью лирической героини, призывающей свою подругу к революционным действиям — разрушить традиции отцов, «одеть крылья» и «отправиться летать». На ее экзистенциальных весах желание перемен, смелость, находчивость, перевешивают страх «отсутствия пути».

В поэзии Л. Рябовой архетипические образы времен года перемежаются с субъективным психологическим состоянием, мироощущением. Так, в стихотворении «Мон сан» («Я приду»)⁹ представлено лично окрашенное восприятие весны, в природную картину имплицировано лирическое «я», вследствие чего созерцательность пейзажа растворяется в человеческих переживаниях, раздумьях. Героиня уверена, что весна с «зелеными ветрами», «синими дождями» растопит сердце ее возлюбленного, он простит ее и примет, «даже если не ждет» (*бути тон а карматкак учомо*). Весна наполняется христианским мотивом прощения, исцеления от зла, обиды, что приводит к смысловому обогащению образа.

⁷ Рябова Л. Кие тон? Саранск, 2017. С. 86.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Рябова Л. Указ. соч. С. 88.

В стихотворении А. Подгорновой «Сентиментальное»¹⁰ образ весны приращается оригинальной символической семантикой: воспринимается «анархией», ассоциируется с современной действительностью, проявлениями которой в авторской картине мира становятся антиномичные образы «цветущего сада», «на ветках развешанных песен птиц», «дымящегося вулкана», «лавы — красной, горячей, мощной». Это время года нравится героине, поскольку она может «мечтать, фантазировать», «окупаться в сны», «с кем-то просто послушать джаз», «виртуозно, талантливо помолчать». Финальные строки «Весна — пора дележа ощущений, ночей, и, быть может, душ, / Если знать, где они лежат» наполняют произведение философским смыслом о многообразии субъективных проявлений, человеческих интенций.

В постмодернистской картине мира А. Подгорновой весна наделяется и негативной коннотацией. В стихотворении «Тундо» («Весна»)¹¹ автор находит для ее определения только отрицательные маркеры: она как «кол в сердце» (*седейсэнтъ прок кол*), «хватается за горло» (*кирьгас кунды*), «выжимает души» (*сон ойметнень пурды*), «упрекнешь — начнет мстить» (*покордасак — кежень пандомо мурды*), «сжигает первой молнией» (*васень ендолсо пулты*). Весна не просто раздражает героиню, ее неприятие сезона экзистенциально, о чем свидетельствует фраза «болеет, но никак не умрет» (*сэреди ды кодаяк а кулы*). Даже в последней строке весна не реабилитируется, что манифестируется лексически: «цветком горькой яблони опять набухла» (*сэней умарень цецякс таго пургондсь*). В стихотворении «Весна ты»¹² лирическая героиня пытается найти контакт с весной «бесноватой», «разбуженной будто до времени», она открыта для общения («щедрая на откровения»). Анонсируемый в первых строках диалог переходит в монолог героини, поскольку весна воткнула ей в душу «свой волшебный пруточек» «в знак разговения». Коммуникацию наладить не удалось: героиня стала весне «бременем», та «вытрясла ей душу», диссонанс во взаимоотношениях акцентирует финальная строка «Я тепла твоего не вынесла». Таким образом, в творчестве А. Подгорновой наблюдается трансформация семантики традиционного мотивно-образного кода «весна» как символа возрождения, душевного преобразования, он наделяется негативной модальностью, отражает дисгармонию человеческих взаимоотношений.

В «весенних» стихотворениях М. Слугиной «Течи — телень меельце чи...» («Сегодня — последний день зимы...»), «Кутмордызе тундось моданть...» («Обняла весна землю...»), «"Модной" тундо» («"Модная" весна»), «Течи вальма панжса келес...» («Сегодня открою окно настезь...»), «Тундо» («Весна»)¹³ время года колористически акцентировано, детализировано. Развертывание живописного кода проходит без непосредственного участия лирического «я», поэтому человеческая экзистенция в них уступает место созерцательности. Развитие сюжета в текстах архетипично: весна несет тепло, возрождение, обновление окружающей среды, ликование, поэтому ее восприятие восторженно, возвышенно. Она проявляется не только на визуальном, но и на звуковом (жойк, жойни, элякали), цветовом (ашо, пиже, домка

¹⁰ Подгорнова А. Кроме рифм. Саранск, 2016. С. 77.

¹¹ Подгорнова А. Мель. С. 75.

¹² Подгорнова А. Марямга. С. 126.

¹³ Слугина М. Тюст. Саранск, 2021. С. 33, 35, 36, 38, 39.

сэнь, тюжт-мери), тактильном (ахоли, кутькавты, кутмори, матравты) уровнях, что создает эффект целостности картины, осложняет семантику образа.

По утверждению исследователей, «летний пейзаж эстетически наименее освоенный в отечественной поэзии» [15, с. 181]. Однако в произведениях эрзянских поэтесс, наоборот, наблюдается пристрастие к образам лета. В стихотворении А. Подгорновой «Пужозь цецянь пусмо казсь тень кизэсь...» («Лето подарило мне букет увядших цветов...»)¹⁴ лето антропоморфизируется, наделяется гендерными чертами мужчины-гостя, с которым у героини сложились противоречивые отношения. Гость долго не задерживается, неожиданно «сбегает» из ее жизни, обдав «холодным туманом», оставив на память лишь «капельки росы», однако она вдохновлена тем, кто был к ней холоден, «омыл лицо соленой водой» (*шилзе чамам салов ведьсэ*), желает «во сне пойти ему в гости» (*онстон молян тензэ инжекс*). Образ букета из увядших цветов не только композиционно обрамляет текст, выполняет сюжетную нагрузку, но и имплицитно экзистенциальные смыслы и интенции — жертвенность, разочарование, разрушение надежд, неопределенность, ощущение узвимости бытия.

В стихотворении Л. Рябовой «Ялганень» («Подруге»)¹⁵ визуальные и звуковые изобразительные компоненты, репрезентирующие летний вечер (*кизэнь чокшинесь арты мөнельчиренть* / «летний вечер украшает горизонт», *цековтне чоледить* / «соловьи поют», *тикше потсто пижэ ватракишт ваньть* / «из травы выглядывают зеленые лягушки»), обрастают онтологическими размышлениями о времени и жизни (*ды тапари шкась эрямонь киренть* / «и мотает время нить жизни»), человеческой судьбе, взаимоотношениях, счастье и его проявлениях. Гармония естественной среды аккомпанирует безмятежному настроению лирической героини, испытывающей глубокие эмоции от общения со своей подругой. Лето у Л. Рябовой получает положительную содержательную коннотацию, ассоциируется с дружбой, счастьем, детством, родительским домом, способствует реконструкции воспоминаний о родных людях (бабушке — в стихотворении «Кандыть монень якстердиця кстыить...» / «Принесла мне красную землянику...»)¹⁶.

В стихотворении М. Слугиной «Кизэнь чокшне» («Летний вечер»)¹⁷ сезонный образ структурирует пространственно-временной континуум текста, отражает «деревенский» хронотоп, многообразный в своем проявлении (лай собак, ругающая мужа соседка, звук мотора трактора, стадо коров, кружка парного молока, завалинки родного дома и др.). Бытовые детали поэтизируются, вписываются в контекст авторской мирореальности. Героиня взволнованно вспоминает о том времени, «куда никогда уже не вернуться» (*зрядояк а велявтомс тезэнь*). Летний вечер в деревне перерастает в образ детства, сопряженного с безмятежностью, защищенностью от негативного внешнего воздействия.

А. М. Каторова отмечает, что «образ зимы в отечественной поэзии наделен широким спектром разнообразных смыслов. Встречаются диаметрально противо-

¹⁴ Подгорнова А. Марямга. С. 4.

¹⁵ Рябова Л. Указ. соч. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 50.

¹⁷ Слугина М. Указ. соч. С. 32.

положные семантические оттенки — от красоты и морозной свежести (подобные примеры можно встретить у А. Пушкина, Б. Пастернака, А. Фета и др.) до мотивов умирания и безжизненности (в лирике А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Ахматовой и др.)» [8, с. 79]. В творчестве эрзянских поэтов зима интерпретируется в основном как положительный образ, при этом он не отличается частотностью. Например, в сборнике Л. Рябовой «Кто ты?» мы не обнаружили «зимних» стихотворений, в трех книгах А. Подгорновой — лишь одно, у М. Слугиной в количественном отношении они также уступают другим сезонным картинам.

Главный «персонаж» «зимних» текстов — снег. В стихотворении А. Подгорновой «Чевте ловось яла прась ды прась...» («Мягкий снег падал и падал...») ¹⁸ посредством него передаются экзистенциальные интенции — скоротечность времени (*эзь маряво, кода ютась шкась* / «незаметно пролетело время»), желание человека управлять им (*апак капша сырған теленть каршо* / «не спеша пойду навстречу зиме»). В данном тексте наблюдается обогащение символического смысла образа снега оригинальной авторской его интерпретацией как ребенка, за счет чего наделяемого положительной модальностью: *Ловось свал прок эйде — мазый, од, / Седей токи кельме чевтечизэ* («Снег всегда как ребенок — красивый, молодой, / Сердце трогает его холодная мягкость»). Следует сказать, что данное произведение еще лишено постмодернистского взгляда автора, что определяет характер лирической сентенции, восприятие природной событийности.

Стихотворение М. Слугиной «Эх, тон, теле, мазый теле!» («Эх, зима, красивая зима») ¹⁹ лишено субъектного участия, вследствие чего не затрагиваются психологически напряженные темы человеческих взаимоотношений, в центре внимания — естественные метаморфозы природы. Зимняя реальность представлена «теплым, легким снегом, нежно обнимающим деревья, покрывающим кусты, дома» (*ловось-как лембе, шождыне, ...Чевтьстэ кутморды чувотнень, / Вельти куракиштнень, кудотнень*), тишиной, умиротворением в природе. Архетипическая манера изображения рождает в поэтическом сознании автора глубокие онтологические смыслы: «зимой Земля отдыхает» (*Модась содазо оймамо*), чтобы набраться сил и возродиться весной, это время подобно тому, «когда Бог избавляет душу от боли» (*Кода Пазонтъ кедьсэ ойме, / Седейризксэсь тесэ ойми...*). Обращение к аутентичным образам, антропоморфизация окружающей среды привносит в текст мифопоэтическое усложнение, имплицитно мыслит о первозданности Природы, Земли.

Таким образом, времена года — один из самых значимых образно-выразительных ресурсов, востребованных инструментов художественной изобразительности в практике эрзянских поэтов, посредством которых изображаются как самостоятельная стихийность природы, так и соотношение природного и социального, а также глубины человеческой психики.

Заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в творчестве эрзянских поэтов сезонные образы репрезентированы посредством разнообразных изобразительных «аккордов» — визуальных, звуковых, цветовых, осяза-

¹⁸ Подгорнова А. Марямга. С. 6.

¹⁹ Слугина М. Указ. соч. С. 59.

тельных, тактильных. Поэтической рефлексии подвергаются все времена года, наиболее частотны осень, весна и лето. Они обрастают разнообразной символической семантикой — от архетипических смыслов до индивидуально-авторской интерпретации. Образы весны, лета, осени, зимы наделяются амбивалентными эмоционально-содержательными коннотациями, способствуют авторской рецепции человеческих интенций.

В лирике А. Подгорновой наблюдается динамика творческой рефлексии природных явлений и сезонных образов от визуальной созерцательности до экспликации психологических коллизий, диссонанса в человеческих взаимоотношениях, ментальных особенностей современности. В центре моделируемого ею сезонного хронотопа всегда находится лирическое «Я», что обуславливает сильную человеческую экзистенцию, акцент на психологическом состоянии, субъективном мировосприятии. Времена года у поэтессы наделяются ярко выраженной индивидуализированной семантикой, оригинальной символической знаково­стью, нетрадиционными коннотациями, способствуют манифестации экзистенциальных констант, импликации постмодернистского мироощущения автора.

В произведениях Л. Рябовой времена года имеют четко очерченные сезонные контуры, соотносятся с жизненной стратегией, внутренним состоянием лирической героини, при этом очевидна авторская установка на усложнение психологического дискурса текста за счет импликации онтологических смыслов о быстротечности времени, человеческой судьбе, любви, счастье, мифологизированной модели репрезентации пейзажного хронотопа, «включения» христианских мотивов, отдельных топосов (детство, родительский дом), конструирования категории памяти.

В сезонных стихотворениях М. Слугиной доминирует созерцательная изобразительность, автору важно передать визуальные маркеры времени года, раскрыть его яркий, полифоничный образ, тончайшие материи состояния природы, концептуализировать разнообразные хронотопы (детство, мир деревни, сад, лес). «Сезонный» пейзаж у автора редко коррелирует с субъективным «я», однако соотношение авторского сознания с архетипическими представлениями способствует решению художественной задачи визуально-чувственного репрезентирования многообразия проявлений природы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении своеобразия реализации и функциональной семантики сезонных образов в творчестве других национальных поэтесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX — XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 184 с.

2. Арзамазов А. А. Женские стратегии письма в удмуртской литературе: поэзия Анастасии Шумиловой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 7 — 16.

3. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии второй половины 1970-х — начала 2010-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2016. 567 с.

4. Доманский Ю. В. Архетипические мотивы времен года в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Кормановские чтения. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 158 — 165.

5. Дьячкова Е. Н. Образная система и жанровое своеобразие художественного творчества Раи Орловой: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2018. 220 с.

6. Камитова А. В. Особенности зооморфной образности в творческой практике удмуртских поэтесс // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2015. № 6. С. 114 — 123.

7. Каторова А. М. Специфика художественно-эстетического мышления Людмилы Рябовой (на примере анализа сборника «Кие тон?» («Кто ты?»)) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 213—223. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf>

8. Каторова А. М. Женская лирика с необычным характером. О поэтическом творчестве Алины Подгорновой // Центр и периферия. 2017. №1. С. 96 — 114. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2017-1.pdf>

9. Кротова Д. В. Символика времен года в лирике В. Шаламова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2 (87). С. 79 — 82.

10. Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н. Символика языческого мира в современной марийской женской поэзии (на примере лирического цикла З. Дудиной «Я в тихую рощу приду») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 — 3 (63). С. 31 — 37.

11. Малева А. В. Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2014. 24 с.

12. Маслова А. Г. Времена года в поэзии Г. Р. Державина // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2, № 3. С. 317 — 324.

13. Налдеева О. И., Азыркина Е. И., Дьячкова Е. Н. Художественные особенности любовной лирики Р. К. Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 1. С. 217 — 221.

14. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник урovedения. 2022. Т. 12, № 1. С. 123 — 132.

15. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 07.05.2024.

Информация об авторе:

Светлана Васильевна Шеянова, профессор кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Antonov JG., Levina NN., Sheyanova SV. Mordovian Literature at the Turn of the XX — XXI Centuries: the Search for National Identity. Saransk;2018. (In Russ.)

2. Arzamazov AA. Women's Writing Strategies in Udmurt Literature: Poetry of Anastasia Shumilova. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(1):7—16. (In Russ.)

3. Arzamazov AA. Evolution of the Figurative System and Lingvo-Semantic Transformations in the Udmurt Poetry of the Second Half of the 1970 — Early 2010 Years: Dis. ... Dr. Philol. Sci. Izhevsk; 2016. (In Russ.)
4. Domansky YV. Archetypal Motifs of the Seasons in F. M. Dostoevsky's Novel «Poor People». *Korman Readings*. Izhevsk;1998:158—165. (In Russ.)
5. D'jachkova EN. The Figurative System and Genre originality of the Artistic Work of Raya Orlova: Dis. ...Cand. Philol. Sci. Saransk;2018. (In Russ.)
6. Kamitova AV. Features of Zoomorphic Imagery in the Creative Practice of Udmurt Poetesses. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015;6:114—123. (In Russ.)
7. Katorova AM. Specificity of Artistic and Aesthetic Thinking of Lyudmila Ryabova (on the example of the analysis of the collection «Kie ton?» («Who are you?»)). *Bulletin of the Research Institute of the by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;3(55):213—223. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf> (In Russ.)
8. Katorova AM. Women's Lyrics With an Unusual Character. About the Poetic Work of Alina Podgornova. *Center and Periphery*. 2017;1:96—114. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2017-1.pdf> (In Russ.)
9. Krotova DV. Symbolics of the Seasons in V. Shalamov's Lyrics. *Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences*. 2020;2(87):79—82. (In Russ.)
10. Kudryavtseva RA., Belyaeva TN. Symbolism of the Pagan World in the Contemporary Mari Women's Poetry (by the example of Z. Dudina's Lyrical Cycle «I will Come to the Quiet Grove»). *Philology. Theory & Practice*. 2016;9-3(63):31—37. (In Russ.)
11. Maleva AV. The Lyrical Heroine of Modern Komi Women's Poetry: Features of the Semantics and Poetics of the Image. *Syktyvkar*;2014. (In Russ.)
12. Maslova AG. Seasons in the Poetry of G. R. Derzhavin. *Teacher of the XXI Century*. 2010;2(3):317—324. (In Russ.)
13. Naldeeveva OI, Asyrkina EI, D'yachkova EN. Artistic Features of R. K. Orlova's Love Lyrics. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(1): 217—221. (In Russ.)
14. Sheyanova SV., Yusupova NM., Gabidullina FI. The Specifics of the Poetic System of Alina Podgornova (Collection «Mel» («The Thought»)). *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):123—132. (In Russ.)
15. Jepshtejn MN. Nature, World, Secret of the Universe: a System of Landscape Images in Russian Poetry. Moscow;1990. (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2024, approved after reviewing 26.04.2024, accepted for publication 07.05.2024.

Information about the author:

Svetlana V. Sheyanova, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology at the N. P. Ogarin National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ
EVENTS. FACTS. COMMENTARY

EDN YRPMVH

<https://vestnikniign.ru>*Обзорная статья***КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»****К. В. Смородин¹, И. В. Лаптева^{2,3}✉, Т. М. Дадаева³, Т. Н. Червячкова⁴**¹ Молодежный литературно-художественный журнал «Странник»,
г. Саранск, Россия² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия³ Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия⁴ Мордовский республиканский объединенный
краеведческий музей им. И. Д. Воронина,
г. Саранск, Россия

✉laptevaiv@yandex.ru

*Review article***ROUND TABLE “RUSSIAN LANGUAGE
IN THE MULTICULTURAL SPACE”****K. V. Smorodin¹, I. V. Lapteva^{2,3}✉, T. M. Dadaeva³, T. N. Chervyachkova⁴**¹ Youth literary and artistic magazine “Strannik”,
Saransk, Russia² Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia³ Ogarev National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia⁴ Mordovian Republican United Museum of Local Lore named after I. D. Voronin,
Saransk, Russia

✉laptevaiv@yandex.ru

*Чем богаче язык выражениями и оборотами,
тем лучше для искусного писателя...*

А. С. Пушкин. Письмо к издателю

Ежегодно при поддержке Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации проходит проект «Волга — река мира». В XXII международной этнокультурной экспедиции-фестивале «Волга — река мира. Диалог культур волжских народов» на теплоходе «Валерий Чкалов», следующем через семь приволжских городов (Болгары, Елабуга, Казань, Нижнекамск, Самара, Свияжск, Тетюши, Ульяновск), приняли участие 70 человек из 16 субъектов России (в том числе представители Крыма и новых регионов). С 4 по 9 июня 2023 г. участники экспедиции были задействованы в работе более десяти разноформатных мероприятий: разговоров о важном, презентаций проектов, круглых столов, дискуссионных площадок, мастер-классов. В числе актуальных тем, обсуждаемых представителями российских регионов, — итоги прошедшей переписи населения, сохранение исторической памяти и противодействие ее фальсификации, развитие и популяризация родных языков и культуры, создание национального корпуса мордовских языков, проведение национально-фольклорных праздников разных народов и др.¹

Понимание того, как важно российскому многонациональному народу в непростое время внешнего противостояния быть единым, развивать диалог между регионами на понятном всем языке, укрепляя духовное единство народов России, способствовало включению в экспедиционную программу под девизом «Единство народов — основа России» множества проблемных вопросов для дискуссий. Одно из значимых мест в их числе заняли тема **Пушкинский день России и День русского языка**. В рамках обозначенной темы состоялся круглый стол «Русский язык в поликультурном пространстве». Ниже представлены тезисы выступлений некоторых участников, призывающих сохранять русскоязычную культуру в «пушкинском» понимании и продвигать ее в глобальном мире.

* * *

К. В. Смородин

Вернемся к чтению классики, друзья!

Душа народа находится в языке, и разговорный язык является одним из главных признаков «душевного» состояния народа. К сожалению, нередко мы наблюдаем проникновение в русский язык ненормативной лексики: в сети Интернет, на печатных

¹ XXII Международная этнокультурная экспедиция «Волга — река мира. Диалог культур волжских народов» // Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия: офиц. сайт. URL: <http://www.niign.ru/novosti/volga-reka-mira.-dialog-kultur-volzhsikh-narodov> (дата обращения: 10.01.2024).

страницах и телеэкране; распространение разных сленгов (от уголовных до узкокомпьютерных сообществ); уменьшение словарного запаса литературного языка; «обмеление» деревенских говоров наряду с вымиранием деревни и др.

Хорошо это или плохо? Язык живой, и он не может не отражать реалий нашего времени, но некоторые «нормы» вносятся в язык насильно, что, на мой взгляд, по признакам сходно тяжелой иммунной болезнью, которая подтачивает «организм» народа. Еще одной бедой, о которой следует говорить, является привычка молодежной аудитории потреблять через компьютер упрощенную информацию, в результате чего наблюдается потеря способности понять сложную мысль и выразить ее. Решить обозначенные проблемы можно с помощью проверенного временем лекарства — чтения доброкачественной литературы: например, чтения сочинений гениального А. С. Пушкина, классика мировой и русской литературы, благодаря которому русский язык стал действительно великим национальным языком.

В этом контексте вспомним цитату другого русского гения М. В. Ломоносова о великом сокровище, которым мы обладаем: «Язык российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали... Карл Пятый, римский император, говорил, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков»².

И. В. Лаптева

Многоязычие Пушкина в становлении русского литературного языка

В унисон с высказыванием М. В. Ломоносова относительно многоязычия можно отметить, что поликультурные знания содействуют полноценному межкультурному и межэтническому общению, «сохраняя историческое прошлое, самобытные традиции каждого отдельного народа и общечеловеческие ценности»³. Знание нескольких иностранных или родных языков расширяет перспективы, способствуя личностному развитию и укреплению памяти, расширению коммуникативного потенциала. Многие школы России и Мордовии, которые в обязательном порядке с сентября 2015 г.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии. 1739 — 1758 гг. М.; Л., 1952. С. 391.

³ Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Многоязычие как залог успешного взаимодействия культур в глобальном мире // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 16. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/czentr-i-periferiya-3-2019-ispr.pdf>

ввели в учебные планы второй иностранный язык⁴, не отказались от него до настоящего времени, поскольку как в прошлом, так и в настоящем во всем мире является стандартом изучение родного и (минимум) двух иностранных языков, и межкультурные компетенции приобретают всё большее и большее значение.

Сколькими языками, например, пользовался А. С. Пушкин? В жизни великий русский поэт пытался в разной степени познакомиться с шестнадцатью языками, но свободно владел двумя, читал уверенно на шести языках (включая близкородственные). С раннего детства он писал, читал и говорил на самом популярном в то время (французском) языке; читал и понимал язык богослужения (церковнославянский); из лица немного знал латинский язык; читая У. Шекспира, самостоятельно изучил английский; умел читать кое-что из классики по-немецки, по-итальянски и по-испански. Пушкин пытался переводить с древних (древнерусский, старофранцузский) языков; читал, переводил и записывал песни на родственных славянских (украинский, польский, сербский) языках; без особого успеха пытался вести записи древнегреческих, арабских и турецких слов.

Известный факт: литературная речь и разговорная речь русского языка до Александра Сергеевича были изолированы друг от друга, и «несомненный эталон художественности»⁵ системно связал их, заложив в разностилеву литературную речь дворянскую культуру, народно-поэтическое творчество, европеизмы и язык народа.

Основатель культурологической научной школы профессор Н. И. Воронина подчеркивает, что мир А. С. Пушкина в простейших вариантах оказывается сегодня «в высшей степени универсальным многообразием и одновременно предстает как концептуальный центр философии жизни — „наше всё“»⁶.

Действительно, основатель национального литературного языка наполнял смыслом и определенной моралью каждое произведение, старался писать по-простому, точно и кратко, стимулируя собственным примером не только к изучению нескольких языков и других наук, но и к патриотическому мировосприятию: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»⁷. В воспитательных и образовательных целях он пристально следил за детской литературой, искренне радуясь гибкости и живости слова, приветствуя развитие и варьирование индивидуально-творческого стиля в пределах литературной нормы, в том числе «на основе принципов игры, пародии, карикатуры, маски»⁸.

⁴ Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Введение второго иностранного языка в образовательных учреждениях РМ: проблемы и перспективы // Иностранные языки в диалоге культур: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Саранск, 2018. С. 385 — 392.

⁵ Воробьева Е. П. Мастер, Пушкин и Пустота // Культура и текст. 2005. № 8. С. 187.

⁶ Воронина Н. И. Саранская «пушкиниана»: от XIX к XXI в // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 60. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-4.pdf>

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. М.; Л., 1951. С. 58.

⁸ Осьмухина О. Ю. Специфика построения авторских масок в творчестве А. С. Пушкина: традиции «Арзамаса» // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: сб. науч. ст. Арзамас; Н. Новгород, 2015. С. 144.

*Т. М. Дадаева***Русский язык: реальность и новые вызовы**

Язык является атрибутом идентичности, маркером принадлежности к той или иной культуре и этнической группе. Современный русский язык в числе всех языков мира занимает лидирующие позиции. В 15 из 23 крупнейших международных организаций под эгидой ООН, объединяющих более 100 государств (ООН, Всемирная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии, Всемирная торговая организация и др.), русский язык выступает официальным или рабочим. В контексте дипломатических, экономических и культурных связей русский язык занимает четвертое место⁹.

На родном языке А. С. Пушкина сегодня говорят 255 млн чел.¹⁰, что является 8-м результатом в мире. Хотя 10 лет назад русский язык занимал 6-е место, уступая английскому, китайскому (включая говорящих на диалектах, отличных от путунхуа), хинди, урду, испанскому и арабскому. Сейчас он пропустил вперед и французский с бенгали. По данным исследования (изучались такие области функционирования русского языка, как государственная коммуникация, СМИ, образование, наука, Интернет), проведенного Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина, русский язык стал вторым по количеству сайтов в сети (его доля составляет 8,6 %, англоязычный сегмент занимает 60,3 % сети). По данным измерения Индекса устойчивости русского языка, который включает три сферы использования — государственно-общественную, образования и научной коммуникации, в странах постсоветского пространства (бывшего СССР) на первом месте — Белоруссия, далее — Киргизия и Казахстан¹¹.

К сожалению, в новых геополитических условиях мы наблюдаем практики отмены всего русского, в том числе русского языка. Закон «Об образовании» 2017 г., подписанный Президентом Украины П. А. Порошенко, ввел запрет на обучение в государственных учебных заведениях на любом языке кроме украинского с пятого класса. В ноябре 2022 г. депутаты городского совета г. Киева приняли решение об исключении русского языка из учебных программ детских садов и школ, а новой инициативой стал запрет на межличностную коммуникацию на русском языке, введенный 27 января 2023 г. в Киевско-Могилянской академии. С 1 сентября 2023 г. на украинский язык должны были перейти школы с обучением на языках национальных меньшинств стран Евросоюза, что вызвало негативную реакцию в Венгрии, Румынии, Болгарии и других восточноевропейских государствах, представители которых образуют многочисленные диаспоры на Украине¹². Подобные решения не соответствуют принципам и нормам Международного пакта о

⁹ Новоселова Е. Русский язык стал вторым по количеству сайтов в Сети // Российская газета. 2020. 11 дек. С. 7.

¹⁰ Вятчанин Н. Русский язык средство против вражды // Парламентская газета. 2023. 24 нояб. С. 13.

¹¹ Новоселова Е. Указ. соч.

¹² В Киеве предложили запретить общение на русском языке во всех вузах // РБК: офиц. сайт. 2023. 1 февр. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63d9c72b9a7947ba441ca3a0> (дата обращения: 07.03.2024).

гражданских и политических правах, Конвенции ООН о правах ребенка и другим международным соглашениям и являются «актом этноцида» русского народа на Украине.

По данным опроса студенческой молодежи (700 учащихся вузов и ссузов Республики Мордовия, май-июнь 2023 г.), 42 % респондентов испытывают чувство общности с людьми, разговаривающими с ними на одном языке.

Из важных признаков настоящего россиянина опрошенные выделили следующее: уважать политический строй и законы (50 %), знать российскую историю (50), прожить в России большую часть жизни (42), чувствовать себя россиянином (41), говорить по-русски (41 %). Данные опроса показывают важность и нужность русского языка для современной учащейся молодежи.

Каналами распространения русского языка в мире являются действие федеральной программы «Экспорт образования», создание центров открытого образования на русском языке и обучение русскому языку за рубежом. Сегодня Россия входит в десятку ведущих стран по численности иностранных студентов. Министерство просвещения России планирует создать центры открытого образования на русском языке в более чем 50 странах мира. Большое значение также придается деятельности славянских университетов, которые работают на основании межправительственных соглашений между Россией, Арменией, Киргизией, Белоруссией и Таджикистаном и в которых сейчас обучается около 20 тыс. студентов, а также филиалов российских вузов в иностранных государствах. На сегодняшний день 82 % таких филиалов расположено в странах СНГ, но запрос идет и из дальнего зарубежья. Свой вклад вносят в общее дело Русские дома за рубежом и центры русского языка при местных университетах в более чем 80 странах мира¹³, в программы которых входит изучение русской классики.

Т. Н. Червячкова

Музейная «Пушкиниана»

Следует отметить безусловную роль образовательного пространства как важного фактора формирования и самореализации человеческой личности, особенно в пору детства, отрочества и юности. Язык — основной канал ее социализации, приобщения к культурно-историческому опыту конкретного народа и человечества в целом. В современном образовании в поликультурном регионе русский язык позиционируется и как изучаемый предмет, и как средство обучения всем остальным учебным дисциплинам.

В то же время одним из значимых социальных институтов, способствующих культурному развитию и личностной социализации, является музей, который исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие, предлагая разнообразный опыт в целях образования, организации досуга, рефлексии и обмена знаниями.

¹³ Вятчанин Н. Указ. соч.

Сейчас много говорится о клиповом мышлении современных детей и подростков, которое превращает окружающий мир в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов, событий, эмоций. Включение в образовательный процесс музейных экскурсий и обращение к музейным экспонатам, несомненно, поможет юным посетителям распознать общее в частном и частное в общих серийных предметах.

Экспозиции Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина могут использоваться для уроков истории, русского языка, литературы, окружающего мира. Музейные занятия формируют общекультурные компетенции, так как основаны на междисциплинарности (исторический, краеведческий, литературный материал). Примером такого уникального краеведческого экспоната является представленный в постоянной экспозиции музея бюст А. С. Пушкина (конец XIX в., г. Санкт-Петербург, бронза, литье, КП 2559).

Известный жителям г. Саранска Парк культуры и отдыха имени А. С. Пушкина, основанный в 1864 г., который горожане называли «Липки» (за липовые аллеи), в XIX в. для граждан особого значения не имел и был практически не благоустроен. Он оказался в центре внимания лишь в 1899 г. в связи с подготовкой к празднованию 100-летнего пушкинского юбилея¹⁴.

История празднества такова: группа саранских интеллигентов (врачи Г. Петерсон и Н. Соколов, учителя Е. и Л. Токаревы, Е. Фалилиева, А. Масловская и др.) обратились к властям города с идеей присвоить имя А. С. Пушкина городскому саду и установить в нем бюст поэта. Была разработана программа празднества¹⁵. Памятник отлили в петербургской мастерской Г. И. Меттельбергера с оригинала бюста известного русского художника и скульптора, представителя русского классицизма, профессора Российской Императорской Академии художеств И. П. Витали. Передача бюста саду была оформлена как подарок председателя Саранской уездной земской управы Владимира Карловича Лилиенфельда. Однако установка памятников и бюстов разрешалась только с высочайшего изволения государя-императора. Такое прошение было направлено, но приближался 100-летний юбилей, а ответа не было. На страх и риск городских властей 27 мая 1899 г. в городском саду был торжественно открыт бронзовый скульптурный портрет А. С. Пушкина. Впрочем, данное действие преступлением не сочли. Как оказалось, ходатайство затерялось, но было найдено в царской канцелярии, и 2 января 1904 г. Николай II, лично рассмотрев проект, дал добро на установку памятника А. С. Пушкину в Саранске¹⁶. Бюст простоял на центральной площадке Пушкинского сада до середины 1930-х гг., а затем был передан в краеведческий музей, и с тех пор располагается в его постоянной экспозиции, являясь гордостью коллекции.

Это и история города Саранска и его жителей, и пример формирования (как принято сейчас называть) общественного городского пространства, основанного на

¹⁴ Фотолетопись Парка культуры и отдыха им. А. С. Пушкина (По материалам МРОКМ имени И. Д. Воронина) // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 2. С. 101. URL: <http://centrniign.ru/gallery/C-2-2024-st10.pdf>

¹⁵ Бахмутов С. Б., Лаптунов В. И. Разорванное ожерелье. Саранск, 2017. С. 125.

¹⁶ Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961. С. 132.

историко-культурных традициях и уважении к ним, и пример созидательной деятельности на благо общества (добровольчество). Все это — лишь в одном экспонате, представленном в экспозиции музея и связывающем невидимыми нитями общекультурные человеческие ценности посетителей музея (жителей и гостей региона) со светилом русской поэзии, основоположником русского литературного языка — Александром Сергеевичем Пушкиным.

Таким образом, систематическая и целенаправленная работа по приобщению детей с раннего возраста к посещению музеев воспитывает интерес к музеям как к средству расширения кругозора, культурно-познавательного досуга и образовательной среды.

* * *

Отрадно, что в период многочисленных попыток «отменить русскую культуру» россияне стараются донести до современников ценность русского языка и глобально популяризируют русский мир благодаря федеральным конкурсам от грантодающих фондов (Российский фонд культуры, Президентский фонд культурных инициатив, Русский мир и др.), гордятся его словарным богатством и смысловой полифонией русского языка и озабочены его экологией, изучают классическую литературу в школах и вузах России и зарубежья, культурно просвещаются на музейных выставках, экскурсиях и занятиях, испытывают чувство общности, говоря с людьми на одном языке, с гордостью демонстрируют, говоря словами А. С. Пушкина, что «...язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими».

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 26.04.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Информация об авторах:

Константин Владимирович Смородин, главный редактор Молодежного журнала «Странник» (430005 Россия, г. Саранск, ул. Советская, 22), Народный писатель Республики Мордовия, lit-strannik@rambler.ru

Ирина Валерьевна Лаптева, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), доктор философских наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, laptevaiv@yandex.ru

Татьяна Михайловна Дадаева, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, dadaeva13@mail.ru

Татьяна Николаевна Червячкова, заместитель директора по научной работе Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (430005, г. Саранск, ул. Саранская, 2), muzei.voronina.zam@e-mordovia.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konstantin V. Smorodin, Editor-in-chief of the youth Magazine “Strannik” (22 Sovetskaya Str., Saransk 430005 Russia), People’s Writer of the Republic of Mordovia, lit-strannik@rambler.ru

Irina V. Lapteva, Chief Researcher — Head of the Department of Theory and History of Culture of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Professor of the Department of German Philology at the Ogarev National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philosophy, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, laptevaiv@yandex.ru

Tatyana M. Dadaeva, Professor of the Department of Sociology and Social Work at the Ogarev National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Sociology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, dadaeva13@mail.ru

Tatyana N. Chervyachkova, Deputy Director for Scientific Work of the Museum of Local lore named after I. D. Voronin (2 Saranskaya Str., Saransk 430005, Russia), muzei.voronina.zam@e-mordovia.ru

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

EDN SLRFCJ

<https://vestnikniign.ru>

Научный отчет

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ.
1914 — 1918 гг.»**

П. С. Учватов, Н. Н. Зоркова ✉

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
✉ zorkova_nn@mail.ru

Scientific report

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“THE GREAT WAR AND THE RUSSIAN PROVINCE.
1914 — 1918”**

P. S. Uchvatov, N. N. Zorkova ✉

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
✉ zorkova_nn@mail.ru

1 июля 2024 г. в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.». Организаторами конференции выступили Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия (РО РВИО в РМ), Правительство Республики Мордовия, Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Конференция была посвящена 110-летию начала Первой мировой войны — масштабной трагедии, которая привела к распаду нескольких империй и гибели миллионов людей. Война во многом определила дальнейший ход истории Европы и сыграла немаловажную роль в обострении революционной ситуации в России.

На пленарном заседании присутствовали члены РО РВИО в Республике Мордовия, представители общественных организаций и средств массовой информации, сотрудники и аспиранты НИИГН, преподаватели вузов, архивисты, сотрудники учреждений культуры из республик Мордовия и Марий Эл, Пензенской и Ульяновской областей. Заседание открыла директор НИИГН, председатель РО РВИО в РМ Г. А. Куршева. Она пожелала участникам конференции продуктивной работы, от-

© Учватов П. С., Зоркова Н. Н., 2024

метив значимость научного исследования проблем, связанных с участием России в Первой мировой войне и в силу ряда причин до сих пор слабо изученных. Затем с приветственными словами к присутствовавшим обратились председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, заместитель директора НИИГН по межэтническим отношениям доктор филологических наук профессор Ю. А. Мишанин, председатель Общественной палаты Республики Мордовия И. В. Капитонов, сопредседатель регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт „За Россию“» в Республике Мордовия, сопредседатель Общественной палаты РМ О. А. Каштанов. Модератором выступила главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, член РО РВИО в РМ доктор философских наук доцент И. В. Лаптева.

Участники конференции обсудили актуальные вопросы истории Первой мировой войны, ее влияния на российскую провинцию, участия жителей регионов в войне, проблемы формирования образа войны, психологии солдата и места подвига в боевых условиях.

Доклад «Традиции воинского служения Отечеству уроженцев мордовского края» представил член РО РВИО в РМ, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор исторических наук профессор О. И. Марискин (г. Саранск). Член РО РВИО в РМ, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН кандидат исторических наук Е. О. Наумов (г. Саранск) рассказал о яркой жизни и деятельности офицера Русской императорской армии, левого эсера и командира отрядов Красной гвардии Михаила Артемьевича Муравьева. Член РО РВИО в РМ, проректор по научно-богословской работе Саранской духовной семинарии кандидат философских наук доцент Д. А. Сысуйев (г. Саранск) выступил с докладом «Великая война 1914 — 1918 гг. через призму семейной памяти». Руководитель Института истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал» доктор исторических наук С. А. Прокопенко (г. Ульяновск) предложил вниманию слушателей доклад «Материалы хозяйственных обследований сел Алатырского и Карсунского уездов Симбирской губернии на рубеже 1916 — 1917 гг.». Профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского государственного университета доктор исторических наук, кандидат юридических наук В. В. Романов (г. Ульяновск), заместитель директора Государственного архива Ульяновской области кандидат исторических наук Г. В. Романова (г. Ульяновск) и сотрудник Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина кандидат исторических наук А. В. Романова (г. Москва) представили доклад, посвященный развитию Симбирской губернии в условиях Первой мировой войны, в котором также исследовали региональные причины и предпосылки кризиса 1917 г. Председатель РО РВИО в РМ, доктор исторических наук профессор Г. А. Куршева (г. Саранск) сообщила в своем докладе о том, как история «Великой войны» разрабатывается в проектах НИИГН.

При подведении итогов была отмечена необходимость дальнейшего изучения рассмотренных участниками научного форума актуальных вопросов, выработаны практические рекомендации по продвижению культуры патриотизма на основе

уроков Первой мировой войны. Конференция показала, что в исторической науке интерес к проблеме изучения событий Первой мировой войны не ослабевает, а региональные исследования помогают разносторонне изучить многие спорные моменты в истории этой войны.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; принята к публикации 26.07.2024.

The article was submitted 24.07.2024; accepted for publication 26.07.2024.

Информация об авторах:

Павел Сергеевич Учватов, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Нина Николаевна Зоркова, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2220-3995>, zorkova_nn@mail.ru

Information about the authors:

Pavel S. Uchvatov, Leading Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Nina N. Zorkova, Senior Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2220-3995>, zorkova_nn@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Научный отчет

МЕТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Т. Н. Охотина

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
Himera72@mail.ru

Scientific report

DREAMS IN THE MATERIAL CULTURE OF THE MORDOVIAN PEOPLE

T. N. Okhotina

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
Himera72@mail.ru

В мае — июне 2024 г. в рамках проекта «Иероглифы мордвы. Символы древней письменности в орнаментах и родовых знаках, языковые особенности формирования образов в литературном слове и устно-поэтическом наследии» (ПФКИ-24-1-009406 от 23.01.2024 г.) сотрудниками Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия была проведена фольклорно-этнографическая экспедиция «Кодификационно-семиотическая система мордовского народа: прошлая и настоящая жизнь знака, семантика символов декоративно-прикладного искусства» (рук. И. В. Зубов). Обследовано более 40 населенных пунктов Атяшевского, Большеберезниковского, Дубенского, Кочкуровского и Рузаевского муниципальных районов Республики Мордовия. В ходе экспедиции были зафиксированы меты на могильных крестах, на предметах крестьянского быта, хранящихся в музеях сельских поселений или у жителей сел. Выявлено и зафиксировано около 1000 семейно-родовых знаков, что свидетельствует об их широком применении в жизни мордвы в прошлом. При опросе информаторов выяснилось, что они о родовых знаках знают в основном из рассказов своих родителей или бабушек и бабушек. Их ставили на полевых загонах, бревнах в стенах изб, утвари, могильных крестах и на ушах домашних животных.

Информаторы вспоминали, что раньше, когда раздавали землю по паям, ее отмечали в основном родовым знаком — метой. Знаки ставили на колышках, раз-

© Охотина Т. Н., 2024

деляющих землю¹. Иногда надел земли отмечали выпаживанием борозд плугом². В 30-е гг. XX в. с началом коллективизации и ликвидацией крестьянской собственности на землю межевые знаки стали быстро исчезать. Лишь в некоторых селах ими пользовались до 1985 г.³ Кроме того, во время сенокоса владельцы покосной земли, чтобы определить границы своих участков и наделов длительное время напротив своих наделных полос вырезали на земле меты (тешксы (э.)) с целью предупреждения споров о их принадлежности⁴.

На исследуемой территории до 70 — 80-х гг. XX в. сохранялась практика нанесения знаков во время отвода делянок, рубки леса, когда домохозяин ставил свою метку на отведенные ему деревья⁵. Меты наносили топором или углем. Например, М. М. Кабанова из с. Старые Турдаки Кочкуровского района помнит как в лесу на деревьях и бревнах знаки рисовали углем⁶.

В 1970-х гг. родовые знаки ставили и на мешках, в которых получали зерно. Так, М. А. Бочканова из с. Качелай Кочкуровского района знает знак своего рода (Иконниковых Ивана Петровича, 1897 г. р., и Прасковьи Антоновны, 1896 г. р.) в виде перевернутой пятерки, так как в детстве видела его на мешках с зерном дома в с. Кочкурово⁷.

Широко бытовала традиция отмечать метами дома и дворовые постройки. К сожалению, их нам не удалось найти, поскольку домов, построенных до 50 — 60-х гг. XX в., в селах практически не осталось. Например, М. В. Чимаева, жительница с. Дубенки Дубенского района, помнит, что на старом доме знак был. В 1950-х гг. дом перестроили, знак же не сохранился⁸. О месте расположения родовых знаков на домах мы можем судить только из рассказов информаторов. Так, О. А. Свойкина из с. Тарасово Атяшевского района вспоминала, что, когда сносили старый дом,

¹ ПМА: Федякина (Никитина) Антонина Ивановна, 1939 года рождения, с. Гузынцы Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Ларькин Иван Федорович, 1962 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Арапова Валентина Михайловна, 1950 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Волгушева Татьяна Петровна, 1953 года рождения, с. Залесье (Антоновка) Дубенского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Живаева Мария Николаевна, 1935 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

² ПМА: Николаев Николай Никифорович, 1949 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Чичайкин Александр Михайлович, 1972 года рождения, с. Поводимово Дубенского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³ ПМА: Николаев Николай Никифорович, 1949 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

⁴ Рогачёв В. И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск, 2003. С. 55.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ ПМА: Кабанова Мария Михайловна, 1963 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

⁷ ПМА: Бочканова Мария Андреевна, 1960 года рождения, с. Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

⁸ ПМА: Чимаева Марина Викторовна, 1969 года рождения, с. Дубенки Дубенского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

она видела знаки на столбах и стропилах⁹; Е. И. Кулдыркаев из с. Лобаски Атяшевского района видел знаки на наличниках и конике (по центру)¹⁰. По словам М. А. Видякиной из с. Дягилевка Большеберезниковского района, знаки ставили на крыльце¹¹, А. И. Федякина из с. Гузынцы того же района отмечает: знак находился на видном месте, чтобы определить, кому принадлежит дом. В с. Косогоры и Шугурово Большеберезниковского района их наносили на наличники сбоку — у входа в дом на бревне на уровне глаз¹². В с. Бузаево Большеберезниковского района, по воспоминаниям Е. В. Автайкиной в 1960-е гг. знак делали в сенях, сверху, сбоку от двери, на втором бревне¹³. Е. Ф. Акулькина из с. Сабаево Кочкуровского района со слов мамы — Степаниды Андреевны Кильдюшкиной 1916 года рождения — знает, что тешксы ставили с внешней стороны двери на косяке, чтобы злые духи не могли проникнуть в дом¹⁴. На некоторых домах знак располагался примерно на том месте, где теперь находится номер дома¹⁵.

Длительное время у эрзи и мокши исследуемых районов бытовала традиция нанесения тешксов на ворота и калитки. Так, в с. Бузаево Большеберезниковского района знаки ставили на воротах, но конкретных мест не было — чаще на столбе, чтобы лучше было видно¹⁶. В с. Шугурово того же района — на воротах у калитки, на видном месте¹⁷; в с. Косогоры — сверху калитки. Причем, если знак ставили на воротах, то на доме не ставили¹⁸. Кроме ворот и дома знаки наносили и на хозяйственные постройки. Так, О. Н. Терешкина (Слугина) из с. Киржеманы Атяшевского района со слов бабушки — Марии Ильиничны Слугиной 1926 года рождения — знает, что у них во дворе знаки были при входе в хлев (с уличной стороны) над дверью¹⁹.

Собранные в ходе экспедиции меты в основном представлены знаками на могильных крестах. Всего было зафиксировано более 900 мет. В Атяшевском районе

⁹ ПМА: Свойкина Ольга Антоновна, 1948 года рождения, с. Тарасово Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁰ ПМА: Кулдыркаев Евгений Иванович, 1956 года рождения, с. Лобаски Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹¹ ПМА: Видякина Мария Александровна, 1962 года рождения, с. Дягилевка Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹² ПМА: Арапова Валентина Михайловна, 1950 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹³ ПМА: Автайкина Екатерина Вячеславовна, 1949 года рождения, с. Бузаево Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁴ ПМА: Акулькина Елена Фроловна. 1950 года рождения, с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁵ Рогачёв В. И. Указ. соч. С. 52.

¹⁶ ПМА: Автайкина Екатерина Вячеславовна, 1949 года рождения, с. Бузаево Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁷ ПМА: Ларькин Иван Федорович, 1962 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Арапова Валентина Михайловна, 1950 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁸ ПМА: Кротова Людмила Ивановна, 1948 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

¹⁹ ПМА: Терешкина (Слугина) Ольга Николаевна, 1972 года рождения, с. Киржеманы Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

количество выявленных знаков составило: с. Алово — более 50 знаков, с. Батушево — около 20, с. Дюрки — 3, с. Киржеманы — 5, с. Лобаски — 46, с. Сабанчево — 6 знаков; Большеберезниковском: с. Бузаево — 26, с. Гузынцы — 22, с. Дягилевка — 41, с. Косогоры — 7, с. Паракино — 55, с. Симкино — 50, с. Судосево — 9, с. Черная Промза — 34, с. Шугурово — 73, с. Пермиси — 0; Дубенском: с. Антоновка — 6, с. Ардатово — 17, с. Дубенки — 50, с. Кабаево — 35, с. Кочкурово — 73, с. Морга — 9, с. Поводимово — 38, с. Чиндяново — 28, с. Сайнино — 4; Кочкуровском: с. Качелай — 7, с. Кочкурово — 33, с. Мордовское Давыдово — 1, с. Мурань — 4, с. Новая Пырма — 20, с. Новотягловка — 4, с. Подлесная Тавла — 8, с. Сабаево — 15, с. Семилей — 16, с. Старые Турдаки — 28; Рузаевском: с. Перхляй — 7, в с. Левжа, Мордовская Пишля, Сузгарье, Трускляй знаки на могильных крестах не выявлены. Следует отметить, что разброс количества обнаруженных знаков по селам объясняется не только распространенностью этой традиции, но и тем, что многие памятники не сохранились или были заменены на новые. Например, на кладбище с. Сузгарье Рузаевского района, Качелай Кочкуровского района и т. д. старых крестов практически не осталось.

Информатор из с. Сабанчеево Атяшевского района Е. Е. Палькин вспоминает, что раньше кресты изготавливались из дуба²⁰. Г. Л. Авдейкин из с. Бузаево Большеберезниковского района сам делал знаки на могильном кресте. Он рассказал, что знак выбивал стамеской, когда крест уже был установлен, под нижней перекладиной, отступив 20 — 30 см вниз²¹. В с. Дубенки на могиле 2004 г. был обнаружен знак, нанесенный при помощи сварочного аппарата, на железном кресте.

Меты вырезались на кресте независимо от пола. Чаще всего они находятся на лицевой стороне креста, снизу, под нижней перекладиной, но иногда их делали и выше. Редко встречается знак между нижней и средней перекладиной креста (с. Алово Атяшевского района — 2 знака). Среди других сел выделяется с. Новая Пырма Кочкуровского района, где из 20 обнаруженных знаков 9 были нанесены на обратной стороне креста сверху над верхней перекладиной, 3 — на обратной стороне креста снизу, 2 — на обратной стороне под верхней перекладиной, 2 — на лицевой стороне, 2 — над верхней перекладиной креста; обычное положение знака зафиксировано только на 4 крестах. В с. Семилей того же района на одном кресте знак находился на лицевой стороне под верхней перекладиной, такое же расположение знака зафиксировано в с. Паракино на двух крестах. В с. Кабаево Дубенского района знаки были не только на крестах, но и на характерных для этого села столбах, которые ставили сельчанам другого вероисповедания. В двух случаях на одном кресте было обнаружено два знака — с. Судосево Большеберезниковского района и с. Семилей Кочкуровского района.

Широкое бытование традиция нанесения семейных тешксов на могильные памятники имела до середины 80-х гг. XX в. В настоящее время семейные знаки на могильные кресты наносят лишь в единичных случаях и в некоторых селах.

²⁰ ПМА: Палькин Ефим Ефимович, 1960 года рождения, с. Сабанчеево Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²¹ ПМА: Авдейкин Геннадий Леонтьевич, 1958 года рождения, с. Бузаево Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

Нами были зафиксированы знаки на захоронениях 1990 — 2000-х гг. Например, в с. Алово Атяшевского района найдены знаки на захоронениях 1994 и 2007 гг.; в с. Лобаски того же района — 1993 и 1996 гг.; в с. Бузаево Большеберезниковского района — 1996 и 2000 гг.; с. Гузынцы — 1995 и 2005 гг., с. Дягилевка — 1999, 2000, 2002, 2003 гг.; с. Симкино — 2001 г., с. Черная Промза — 2003 и 2010 гг.; в с. Ардатово Дубенского района — 2000 и 2004 гг., с. Дубенки — 2004 г., в с. Кочкурово того же района — 15 знаков на могильных крестах захоронений 2000-х гг., последнее датируется 2018 г., с. Поводимово — 1998 г.; в с. Старые Турдаки Кочкуровского района — 1995 г.

В нескольких случаях нам встретились новые надгробные памятники, которыми заменили старые кресты, при этом перенесли и изображение знаков (с. Симкино и Шугурово Большеберезниковского района, с. Кабаево Дубенского района, с. Сабаево Кочкуровского района).

По словам жителей исследуемых сел, знаки ставили, чтобы знать, кто где похоронен и куда хоронить следующего умершего из своего рода²². В пользу этого объяснения говорит и тот факт, что вплоть до начала XX в. на могильных крестах надписи не делались, а вырезались лишь родовые знаки. С повышением грамотности населения на могильных крестах стали писать имена и фамилии умерших, годы жизни и смерти, но и традиция нанесения фамильных мет продолжала сохраняться еще долгое время (на крест одновременно делали надпись и ставили знак). В настоящее время знаки уже не ставят.

Знаки, меты ставили практически на всех предметах быта. Название знака кудонь текшт (э) — одно и то же на могильных крестах и на бытовых предметах²³. Так, О. Н. Терешкина рассказывает, что, по словам бабушки, знаки ставили на глиняных чашках, деревянных ложках, вальках, цепях, пестах маслобойки, на деревянных вилах (знак наносили у основания развилки)²⁴. М. А. Видякина из с. Дягилевка Большеберезниковского района видела знаки на парях²⁵, Л. И. Кротова из с. Косогоры Большеберезниковского района — на ковше, на горловине глиняного кувшина для сметаны, по ее словам, им пользовались еще в 2007 г.²⁶ Кроме утвари, знак ставили на орудиях труда — сохе, плуге, косе, прялках, так как они «ходили» по селу, надо было их различать. Плотники при изготовлении саней, колес также ставили свои клейма. И. Ф. Ларькин из с. Шугурова Большеберезниковского района рассказал, что их родовой знак остался на лопате, вилах и косе, принадлежавших его отцу Ф. Д. Ларькину (1933 г. р.). Тешкс выпиливался на железной части рашпилем. Знак в виде U принадлежал еще его деду, а при переходе

²² ПМА: Федякина (Никитина) Антонина Ивановна, 1939 года рождения, с. Гузынцы Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²³ ПМА: Силантьева Вера Васильевна, 1953 года рождения, с. Бузаево Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²⁴ ПМА: Терешкина (Слугина) Ольга Николаевна, 1972 года рождения, с. Киржеманы Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²⁵ ПМА: Видякина Мария Александровна, 1962 года рождения, с. Дягилевка Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²⁶ ПМА: Кротова Людмила Ивановна, 1948 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

к сыну, снизу справа, добавился хвостик²⁷. В. М. Арапова из того же села сообщила, что еще в начале XX в. у жены ее дяди А. Араповой был ткацкий станок, на котором был знак в виде буквы X, ставили его и на лавках с оборотной стороны. По ее мнению, предметы помечали для того, чтобы не потерять²⁸. В. Б. Паршина из с. Мурань Кочкуровского района помнит, как ее бабушка О. Е. Лазуткина (1903 г. р.) ставила знак их рода (типа римских цифр) на предметах домашнего обихода — платках, чашках, ложках и чугунах²⁹. По словам жителей с. Старые Турдаки Кочкуровского района, знаки ставили на ложках (пока не появились алюминиевые), лошадиной сбруе, песте, вилах, парях и др.³⁰

Знаки на предметах, используемых в быту, сегодня можно встретить в местных музеях. Так, в Краеведческом музее пос. Атяшево Атяшевского района были обнаружены следующие предметы со знаками: моталка из с. Мордовские Сыреси; пест, принадлежавший М. Д. Понетайкину (1949 г. р.) из с. Алово. В музее с. Чиндяново Дубенского района — большое корыто со знаком Девляшкиных (две параллельные косые полосы). В музее МУК «Культурно-досуговый центр» Новопырменского сельского поселения Кочкуровского района — прялка, принадлежавшая П. И. Бояркиной (1921 г. р.); ложка, подаренная М. И. Жидкиной; серп — А. К. Ерюшкина (1927 г. р.). В этнографическом музее «Этно-кудо», расположенном в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района — парь, предоставленный В. Чичамкиной (1971 г. р.) из с. Сабаево; кочедык, принадлежавший С. Ф. Денисову (1938 г. р.) из с. Напольная Тавла. В музее сельского клуба с. Сабаево — ступа со знаком V. В музее Старотурдаковского дома культуры — ткацкий станок, приобретенный у П. А. Чичкиной; пест и парь, предоставленные Б. А. Юровым. В музее Трускляйской средней общеобразовательной школы — мялка «лапама» из Русского Баймакова, предположительно, принадлежавшая Ухонову; деталь со знаком «AB» от ткацкого станка из с. Новый Усад. В музее Левженской средней общеобразовательной школы — прялка, принадлежавшая А. П. Сураевой (1906 г. р.), кочедык.

Как реликвии различные бытовые предметы с родовыми знаками хранятся в некоторых семьях. Например, у О. А. Свойкиной из с. Тарасово Атяшевского района хранится валик; в семье Е. И. Кулдыркаева из с. Лобаски того же района — мельничный камень, принадлежащий его дедушке В. В. Ганькову, на котором изображен семейный знак — полукруг горизонтальный с расходящимися вверх лучами; в семье Никитиных из с. Бузаево Большеберезниковского района — топор, знак на котором расположен на железе чуть выше лезвия; в семье А. Б. Ечмаева из с. Дубенки Дубенского района хранится ковш, принадлежавший его прадеду И. К. Ечмаеву; в семье Т. П. Волгушевой из с. Залесье — прялка; в семье Н. В. Еремкиной

²⁷ ПМА: Ларькин Иван Федорович, 1962 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²⁸ ПМА: Арапова Валентина Михайловна, 1950 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

²⁹ ПМА: Паршина Валентина Борисовна, 1969 года рождения, с. Мурань. Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³⁰ ПМА: Сенотова Александра Александровна, 1963 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Живаева Мария Николаевна, 1935 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

из с. Чиндяново Дубенского района — молитвенник; в семье А. М. Чичайкина из с. Поводимово Дубенского района — вилы; в семье М. М. Фадеевой из г. Саранска — веретено, которое передается по материнской линии уже несколько поколений. Она получила его от бабушки Н. П. Дорожкиной (1939 г. р.) из с. Сузгарь Рузаевского района, а та, в свою очередь, от своей прабабушки и т. д.

Скотину, чтобы она не потерялась, также метили знаками. Обычно они наносились на уши домашних животных — овец и лошадей. Традиционно это происходило в четверг перед Пасхой. Однако они далеко не всегда повторяли семейный знак. Так, если в с. Старые Турдаки Кочкуровского района³¹ и Косогоры Большеберезниковского района информаторы говорили, что животных помечали родовыми знаками³², то в с. Шугурово Большеберезниковского района они могли быть разными³³.

Зафиксированные в ходе экспедиции знаки довольно разнообразны. Среди них можно выделить прямые и диагональные кресты, ромбы, ромбики с точками и отростками, круги, треугольники, квадраты, зигзаги, волнистые линии, дуги, параллельные линии и круги с диагональными и прямыми крестами и т. д. Некоторые представляют собой схематичные изображения орудий труда (серп, коса, молот, топор, грабли, плуг, соха и др.), предметов домашней утвари и обихода (веретено, пряльце, бердо, кочедык, ковш, чаша, ухват и т. д.).

К сожалению, от информаторов не удалось получить сведения о наименовании или значении той или иной меты. Некоторые фамильные знаки могут указывать на род хозяйственной, профессиональной деятельности их носителей или на фамилию. Так, у плотника и столяра А. М. Кулдыркаева (1870 г. р.) (Ортя) знак схематично изображал молоток с наложенным на него циркулем, сверху молотка располагалось изображение голубя³⁴, Е. Ф. Акулькина из с. Сабаево Кочкуровского района рассказала, что у ее деда И. Бегачева, который был пчеловодом, знак был в виде пчелы³⁵. У А. Г. Сенотова из с. Старые Турдаки Кочкуровского района знак представлял собой треугольник, обозначающий мотыгу. По словам А. А. Сенотовой, он занимался земледелием³⁶.

Таким образом, родовые, семейные знаки у мордвы исследуемых районов имели широкое распространение как в быту, так и в хозяйственной жизни. В течение многих веков люди прибегали к ним для обозначения и сохранения родоплеменной,

³¹ ПМА: Сенотова Александра Александровна, 1963 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.; Живаева Мария Николаевна, 1935 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³² ПМА: Кротова Людмила Ивановна, 1948 года рождения, с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³³ ПМА: Арапова Валентина Михайловна, 1950 года рождения, с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³⁴ ПМА: Кулдыркаев Евгений Иванович, 1956 года рождения, с. Лобаски Атяшевского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³⁵ ПМА: Акулькина Елена Фроловна, 1950 года рождения, с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

³⁶ ПМА: Сенотова Александра Александровна, 1963 года рождения, с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2024 г.

а несколько позже — семейной собственности. Сегодня меты практически не используются. Их можно встретить только на могильных крестах или на предметах утвари в местных музеях. Население исследуемых сел в основном знает о знаках своей семьи из рассказов родителей. В некоторых семьях отдельные предметы труда и быта с тешксами хранятся как семейная реликвия. По нашим наблюдениям, бытование семейных мет дольше сохранялось в селах, расположенных вдали от крупных городов и железнодорожных узлов (Саранск, Рузаевка). К сожалению, к настоящему времени значение этих символов утрачено.

Собранные экспедицией материалы и дальнейшее их изучение помогут дополнить и лучше понять историю и культуру мордовского народа.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 09.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторе:

Татьяна Николаевна Охотина, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), Himera72@mail.ru

Information about the author:

Tatiana N. Okhotina, Senior Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Himera72@mail.ru

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 г.**
**ALPHABETICAL INDEX OF MATERIALS,
PUBLISHED IN 2024**

Научные статьи

Экономические науки

Артемов А. А., Лаптев И. П. Агрэкономическая эффективность дифференцированного применения минеральных удобрений в полевом севообороте — № 2

Бурланков С. П., Селиванов Д. Н., Бурланков П. С., Комаров В. А. Формирование моделей устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций — № 3

Володин В. М., Надькина А. А. Формирование адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК — № 1

Жалнова М. Н., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Сравнительный анализ развития малого предпринимательства в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19 — № 2

Кудряшов В. С., Малевская-Малевич Е. Д. Анализ концептуальных и принципиальных основ модели циркулярной экономической системы — № 1

Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Государственная поддержка как фактор обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства региона — № 1

Паринова О. В., Градусова В. Н. Оценка вклада основного капитала в формирование национального богатства Российской Федерации — № 3

Исторические науки и археология

Аверин М. Б. Святейший синод, Совет министров и проблемы совершенствования законодательного процесса в Российской империи (1906 — 1914 гг.) — № 1

Акилбаев А. В. Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника Кузинские Хутора — № 1

Асабин И. Ю. Индустриальный скачок: крупная промышленность МАССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. — № 3

Асабин И. Ю. Развитие промышленности в автономных республиках Волго-Вятского района в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970) — № 1

Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Вхождение в 1937 год: начало «Большого террора» в Кировской области и борьба с троцкизмом — № 3

Борисов Б. А., Носатов Ю. Н. Правоохранительная деятельность дворянских выборных в России в первой половине XIX в. в освещении дореволюционной историографии — № 3

Видяйкин С. В., Кемаев Е. Н., Пронин А. С. Итоги мониторинга памятников археологии Ковылкинского района Республики Мордовия в 2022 г. — № 2

Воейков Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации — № 2

Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Балтийский след в формировании населения Мещёры — № 4

Гинзбург Б. Л., Орлов В. В., Подрепный Е. И. Исторический опыт развития металлургического производства на заводе «Красное Сормово» в предвоенные годы (1937 — июнь 1941 г.) — № 3

Горлов В. Н. Советское телевидение в 1950 — 1970-х гг.: идеологический аспект — № 4

Горохов С. В. Проблемы интерпретации результатов дендрохронологических исследований памятников периода освоения Среднего Прииртышья Российским государством (конец XVI — XVIII вв.) — № 3

Гусева Т. М., Артамонова Л. М. Иннокентиевское просветительское братство Пензенской губернии: деятельность по формированию культурных практик — № 2

Гусева Т. М., Задкова Т. Ю., Першин С. В., Михайлова Е. М. Становление советского здравоохранения (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии) — № 4

Гусева Т. М., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Учватов П. С. Динамика культурно-просветительных учреждений Мордовии в 1950 — 1980 гг. — № 4

Денискин Е. И. Сталинский план преобразования природы в Мордовии — № 1

Зверков Е. А. Советский милиционер в социокультурном пространстве: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья) — № 4

Иванов А. А., Федяева Т. П. Источники по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — 1921 гг. — № 4

Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Развитие многоотраслевого сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. (на примере колхоза «Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР) — № 2

Исхаков Р. Р., Багаутдинова Х. З. Особенности хозяйственно-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. (на примере деревни Шингальчи) — № 3

Исянгулов Ш. Н. Младенческая смертность в деревне в 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР) — № 1

Каймашникова Е. Б. Б. Е. Вотчал: страницы биографии выдающегося отечественного врача-терапевта — № 3

Кармуков Р. Р. Агитационно-пропагандистская работа органов власти Дагестанской АССР среди населения, пострадавшего от землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. — № 2

Каторов А. В. Отражение взаимоотношений общества и власти в газете «Мордовия» в 1991 г. — № 1

Киприянова Н. В. Политический портрет графа Алексея Алексеевича Уварова — № 3

Козлов Д. А. Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (по материалам Барбашинского могильника) — № 2

Королева Л. А., Учватов П. С. «Весь аппарат занят бумажной перепиской»: борьба с бюрократизмом в региональных органах власти в 1953 — 1964 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) — № 1

Кулакова Н. И., Черник М. В. Особенности организации учебно-воспитательной работы в образцовых школах Астраханской губернии в 1880 — 1917 гг. — № 1

Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Першин С. В., Учватов П. С. Театр в системе культуры и общественной жизни Мордовии (середина 1980-х — 1990-е гг.): тенденции и динамика — № 4

Курьшова Л. Н., Рункова Е. С. Социальное самочувствие армянской диаспоры, проживающей в Республике Мордовия — № 4

Лазарева Л. Н. «Ленинские» лекала «сталинского» этапа догоняющей модернизации — № 4

Леонтьев А. П., Андреев В. В. Из истории газеты «Хыпар»: 1906 — 1907 гг. — № 3

Лушин А. И., Щербина Е. Ю. Организация образовательной и научно-исследовательской деятельности в Ленинградской высшей партийной школе в 1965 — 1975 гг. — № 1

Маслов Д. В. Личность и деятельность В. И. Ленина как предмет научного изучения — № 4

Митин С. В. Вклад сельского хозяйства Мордовии в коренной перелом в Великой Отечественной войне (вторая половина 1942 — 1943 гг.) — № 1

Мокишина Е. Н., Святкин М. И. Отражение поселенческо-жилищного комплекса мордвы в дореволюционной периодической печати — № 1

Мухамедов Р. А., Сосновский Е. М. Трудовой подвиг молодежи Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. — № 2

Петренко Н. Н. Динамика этноконфессионального состава населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX в. — № 1

Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В., Шкердина Н. О., Щукин Д. С. Отражение региональной культурной политики в СМИ Республики Мордовия: диалог власти и общества (по итогам 2023 г.) — № 4

Пономарева В. В. Выпускницы Смольного института 1836 г.: социально-экономическая характеристика (по архивным данным) — № 3

Рафикова Г. Э. Биография попечителя Оренбургского учебного округа Н. А. Бобровникова в документах Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета — № 1

Стариков С. В. Общественно-политические взгляды русского писателя А. А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека») — № 3

Суханова Н. И. Ленинская идея самоуправляющегося государства трудящихся: теория и практика — № 4

Тихомиров Н. В. «Все столовые — под стеклянный колпак!»: смотр общественного питания 1930 г. в Ярославском округе (по материалам газеты «Северный рабочий») — № 2

Тумаков Д. В. Сотрудничество милиции и общественности в борьбе с преступностью в период позднего социализма (по материалам Ярославской области) — № 1

Учватов П. С., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М. Повседневная работа правительств автономных республик Поволжья в 1937 — 1953 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) — № 4

Филонов А. А. Лесничий Мартин Аполлинарьевич Контский (1856 — 1937) — № 3

Хайруллина О. Ф., Черных Е. М. Составные нагрудные украшения в женском уборе III — V вв. н. э. Среднего Прикамья (по материалам погребения 98В Дубровского могильника) — № 2

Филологические науки

Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И. «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилёва — № 3

Глазкова Е. В. Термины исторических наук в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского — № 2

Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д. Объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка — № 2

Каторова А. М. Пушкинское слово на мордовских языках: история публикаций, переводчики, варианты переводов — № 4

Клементьева Е. Ф., Веретенникова Ю. А. Сравнительная характеристика номинативных предложений в русском и эрзянском языках — № 3

Левин Н. В., Антонова В. И., Мамаева Ю. А. Структурно-содержательное своеобразие творческого наследия В. И. Дёмина — № 4

Шеянова С. В. Анималистические образы в прозе мордовского писателя А. Доронина — № 2

Шеянова С. В. Мотивно-образный кластер «времена года» в эрзянской женской лирике — № 4

Юрчёнкова Н. Г. Гипербола как средство выразительности речи в похоронно-поминальных причитаниях мордвы — № 3

Наши проекты

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква К — № 1

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква К — № 2

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква Л — № 3

События. Факты. Комментарии

Зеленцова О. В., Ставицкий В. В. V семинар «Древности поволжских финнов в эпоху Средневековья» — № 1

Охотина Т. Н. Меты в материальной культуре мордовского народа — № 4

Сморodin К. В., Лаптева И. В., Дадаева Т. М., Червячкова Т. Н. Круглый стол «Русский язык в поликультурном пространстве» — № 4

Струкова Е. Н., Кучанов И. С. Рязановские чтения в Исторической библиотеке — № 3

Учватов П. С., Зоркова Н. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг.» — № 4

Рецензии

Кабытов П. С., Тюрин В. А. Социокультурный подход в изучении высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. — № 1

Лаптева И. В., Борисова О. Г. Народные летописцы Победы — № 2

Першин С. В., Першина Т. А. «Модерновый взгляд» на правительства поволжских автономий — № 2

Наши юбиляры

Корнишина Г. А. «В творчестве народа его история, быт, нравы, мысли и чувства, его поэтичность и музыкальность». К 115-летию со дня рождения фольклориста, этнографа, краеведа Михаила Ивановича Чувашева — № 3

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила направления статей в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Редакция научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки.

Для публикации принимаются оригинальные, не опубликованные ранее авторские статьи по следующим научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.3. Археология (исторические науки),

5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Публикация статей бесплатная.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат». При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

I. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

II. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

III. Все статьи публикуются на русском языке.

IV. Объем текста статьи должен составлять до одного печатного листа (24 страницы), включая рисунки, таблицы и графики.

V. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Подписи выполняются 12 кеглем на русском и английском языках. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg.

Текст таблиц набирается 12 кеглем на русском и английском языках. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

VI. Структура статьи:

1) Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

Индекс УДК помещают в начале статьи на отдельной строке слева.

2) Заглавие статьи.

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора. Заглавие выполняют прописными буквами и размещают по центру страницы. В конце заглавия статьи точку не ставят.

3) Инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку).

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у статьи несколько авторов, сведения о месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у авторов одно место работы (учебы), то эти сведения приводят один раз.

Информацию размещают по центру страницы.

4) Аннотация.

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Ее формируют по ГОСТ Р 7.0.7—2021.

В аннотации должны быть четко обозначены следующие составные части, выделенные следующими подзаголовками:

— Введение (Introduction): ставятся научная проблема и цель статьи.

— Материалы и методы (Materials and methods): представляются сведения об объекте и последовательности выполнения исследования.

— Результаты исследования и их обсуждение (Results and discussion): приводятся конкретные авторские результаты исследования и их практическая значимость.

— Заключение (Conclusion): указываются перспективы исследования.

Рекомендуемый объем аннотации — не более 250 слов.

Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

5) Ключевые слова.

Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Ключевые слова отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят. Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» («Keywords:»).

6) Финансирование.

Приводятся сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Сведения приводят, предваряя словом «Финансирование:» («Funding:»).

7) Благодарности.

Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи. Сведения приводят, предваряя словом «Благодарности:» («Acknowledgments:»).

8) Информация о конфликте интересов.

В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов.

Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Конфликт интересов: автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов» («*Conflict of interests: the author (authors) declares (declare) no conflict of interests*»).

Данные п. 2 — 8 представляются в переводе на английский язык и размещаются после русского варианта.

VII. Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение

В этом разделе осуществляется постановка научной проблемы, указываются ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. При его написании автор прежде всего должен заявить общую тему исследования, обозначить проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) Обзор литературы

В обзоре характеризуются основные современные исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; указываются нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы

В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование и т. д.).

4) Результаты исследования и их обсуждение

В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого — доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективности. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Необходимо обосновать, почему для анализа были выбраны именно эти данные. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и другие оформляются на русском и английском языках.

5) Заключение

Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде приводятся главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить попытки прогноза развития рассмотренных вопросов.

Все разделы требуется выделять соответствующими подзаголовками.

VIII. Оформление источников и ссылок.

1. В списке источников рекомендуется указывать не менее 10 позиций — только рецензируемые источники (монографии, статьи из научных журналов, диссертации, авторефераты, материалы конференций, тезисы докладов), используемые в тексте статьи. Если цитируемая статья имеет DOI или EDN, необходимо указывать это после описания цитируемой статьи.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018.

В журнале принят следующий стиль цитирования: отсылка в тексте в квадратных скобках, полное библиографическое описание источника в списке литературы в алфавитном порядке. При цитировании или воспроизведении статистического материала необходимо в квадратных скобках после источника указать через запятую номер конкретной страницы, например: [1, с. 15].

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки.

Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языке («REFERENCES»).

IX. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора.

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Информация об авторе (авторах)*» («*Information about the author (authors)*»).

X. Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, разработка концепции, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Вклад авторов:*» («*Contribution of the authors:*»).

XI. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

XII. Статьи, не соответствующие п. IV — X, не рассматриваются.

XIII. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование. Срок действия рецензии — 1 год. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

XIV. При подаче статьи в редакцию автором оформляются лицензионный договор и согласие о размещении личных данных.

*Полную версию правил (с примерами) см. на сайте:
<https://vestnikniign.ru>*

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Том 16, № 4. 2024

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. Ю. Ивлевой*

Подписано в печать 12.12.2024 г. Дата выхода в свет 25.12.2024 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 149.
Цена свободная

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru

Адрес издателя:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:

ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.
e-mail: ruztipograf@ya.ru